

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

Вадим Михайлович Массон (октябрь 1972 г., Алтын-депе)

Vadim M. Masson (October 1972, Altyn Depe)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
STATE HERMITAGE MUSEUM
INSTITUTE OF THE HISTORY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

To the Centennial of the Russian Academic Archaeology

**ANTIQUITIES OF EAST EUROPE, SOUTH ASIA AND SOUTH SIBERIA
IN THE CONTEXT OF CONNECTIONS AND INTERACTIONS
WITHIN THE EURASIAN CULTURAL SPACE
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Proceedings of the International Conference,
November 18–22, 2019, St. Petersburg*

Volume I

St. Petersburg
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

К 100-летию отечественной академической археологии

**ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ЮЖНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
В ЕВРАЗИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

*Материалы Международной конференции,
18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург*

Том I

Санкт-Петербург
2019

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr. Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тугаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства
(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.**

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

**Древняя Центральная Азия в контексте
евразийского культурного пространства (новые данные и концепции)**
*К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона*

**Ancient Central Asia in the Eurasian cultural context
(new data and concepts)**
Dedicated to the 90th birth anniversary of Vadim M. Masson

СЕКЦИЯ I

Проблемы хронологии и культурогенеза древних земледельческих обществ Евразии (неолит — ранний железный век)

SECTION I

Problems of chronology and cultural genesis of ancient sedentary societies of Eurasia (from the Neolithic period through the Early Iron Age)

В. М. МАССОН И ЛЕНИНГРАДСКАЯ/САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Л. Б. Кирчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-7-10

***Ключевые слова:** Вадим Михайлович Массон, ленинградская/санкт-петербургская школа изучения древностей Центральной Азии, древние цивилизации, экономика и социальный строй древних обществ, археологические исследования Средней Азии, научно-организационная, международная и педагогическая деятельность.*

Вадим Михайлович Массон — крупнейший исследователь, опиравшийся в своей работе на традиции двух научных школ изучения древней истории и археологии — ташкентской и ленинградской/санкт-петербургской. Блестящий сын знаменитого отца, Михаила Евгеньевича Массона, одного из основателей древней и средневековой археологии Средней Азии (Кирчо 2012б), В. М. Массон получил разностороннюю историко-археологическую подготовку на отделении археологии исторического факультета Среднеазиатского университета и в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Продолжив обучение в аспирантуре ЛОИИМК АН СССР под руководством крупнейшего востоковеда М. М. Дъяконова, В. М. Массон в 1951–1953 гг. открыл и исследовал культуру раннего железного века в Юго-Западном Туркменистане.

После защиты кандидатской диссертации В. М. Массон становится сотрудником Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК² и, возглавив Каракумский отряд (позднее преобразованный в экспедицию), в 1954–1956 гг. ведет изучение памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа (Аучин-депе, Тахирбай 3, Яз-депе) в древней Маргиане. Масштабные археологические исследования были продолжены в 1955–1963 гг. на неолитическом Джейтуне, энеолитических поселениях Геокюрского оазиса и Кара-депе, где впервые в среднеазиатской археологии была применена методика раскопок широкими площадями. В результате в начале 1960-х гг. В. М. Массоном была воссоздана целостная картина становления и развития древнеземледельческих культур юга Средней Азии, формирующихся на основе производящей экономики переднеазиатского типа, их взаимодействия с раннеземледельческими памятниками месопотамского и иранского круга. А выделение основных этапов развития памятников и культур Средней Азии VI — середины I тыс. до н. э. является базой периодизации эпохи древности региона и по сей день. Защита докторской диссертации, научное

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Основные работы, посвященные научной биографии В. М. Массона см.: Алёшкин 2015; Берёзкин, Плоских 2002; Бочкарёв, Кирчо 2014; Кирчо 2006; 2012а), а списки научных трудов, к сожалению, пока неполные, см.: Вадим Михайлович Массон... 1999; 2002.

лидерство, огромная преподавательская и организационная работа естественно привели В. М. Массона в 1968 г. к руководству Отделом Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР.

Новый этап в научной биографии В. М. Массона связан с исследованиями проблемы урбанизации и исторического развития экономики древних обществ (Берёзкин 2014). С 1965 г. разворачиваются многолетние раскопки одного из крупнейших памятников эпохи энеолита — бронзы Средней Азии — протогородского Алтын-депе. Второй экспедиционный проект (1972–1986 гг.) — изучение Зар-тепе и других памятников в Южном Узбекистане — был связан с проблемой кушанской цивилизации. Бурное развитие археологических исследований в республиках Средней Азии и Казахстане в конце 1960-х — 1970-х гг. во многом было обусловлено методическим и научно-организационным руководством Отдела Средней Азии и Кавказа и лично В. М. Массона, который основал серию изданий «Каракумские древности» (вып. I–VIII, 1968–1979 гг.) и возглавил Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, издавшего серию «Успехи среднеазиатской археологии» (вып. 1–4, 1972–1979 гг.) и сборники «Древняя Бактрия» (1974) и «Бактрийские древности» (1976). Важное значение имели также научные совещания и конференции, посвященные проблемам древнего города, жилища, обмена и торговли, раннесредневековой археологии Средней Азии, проводившиеся как в Ленинграде, так и в республиканских центрах (Фрунзе, Самарканд, Алма-Ата, Ашхабад). Особо необходимо отметить сводные публикации В. М. Массона по археологии древней Средней Азии на иностранных языках и создание им «незримого коллектива» — системы обмена информацией с ведущими мировыми центрами и специалистами по археологии Переднего Востока и Южной Азии, в результате чего в конце 1970-х гг. исследования среднеазиатских памятников приобретают международную известность.

В 1980-е гг., возглавив ЛОИА АН СССР и продолжая экспедиционные изыскания на Алтын-депе и исторический анализ материалов первых цивилизаций, Вадим Михайлович много усилий приложил для выведения советской археологической науки на мировой уровень. Он выступает инициатором или одним из ведущих организаторов международных обменов и симпозиумов по проблемам археологии Центральной Азии и Древнего Востока, результаты которых отражены в серии книг, а итоги подведены в «Истории цивилизаций Центральной Азии», изданной под эгидой ЮНЕСКО. Одновременно Каракумская экспедиция под руководством В. М. Массона проводит мультидисциплинарные исследования поселения Джейтун (советско-английский проект, 1986–1991 гг.), и на новом методическом уровне разворачивает раскопки среднеэнеолитического Илгынлы-депе (1986–1999 гг.).

В 1991 г. ЛОИА АН СССР, в значительной степени благодаря усилиям и авторитету В. М. Массона, был преобразован в самостоятельный институт, и ученый становится директором ИИМК РАН. По его инициативе с 1992 г. начинает выходить ежегодник «Археологические Вести», возобновляются полевые Пленумы ИИМК, интенсифицируются международные научные связи, возрождаются старые направления работы ИИМК АН СССР. Основным предметом теоретических исследований В. М. Массона в конце XX — начале XXI в. становятся проблемы культурогенеза и культурного наследия, а основные усилия направлены на сохранения единого научного пространства в условиях распавшегося СССР. В рамках проектов «Древний Мерв» (1990–1994 гг.), «Бухара и мировая культура» (1993–1995 гг.) и «Ош-3000» (1999–2001 гг.) проводились ежегодные международные конференции, экспедиционные исследования и изданы тематические сборники материалов. В результате международного проекта «Древний Мерв» крупнейший памятник истории и культуры Туркменистана был взят под охрану ЮНЕСКО. По инициативе и под руководством В. М. Массона в Туркменистане было начато издание журнала «Мирас» («Наследие»), а в Кыргызстане — журнала «Диалог цивилизаций».

За рамками этого краткого обзора остается еще множество направлений и аспектов трудов В. М. Массона, например, огромная научно-педагогическая работа — им прочитаны целая серия курсов лекций в десятках университетов (Массон 2006), подготовлены несколько сотен (без преувеличения!) специалистов, а влияние, которое оказали его теоретические разработки и широта культурно-исторического подхода к археологическим источникам, трудно переоценить. В. М. Массон поистине являлся патриархом Евразийской археологии (Дергачёв 1999).

Фактически научная деятельность и колоссальный масштаб личности В. М. Массона составляют целую эпоху в истории науки, в которой четко выделяется четыре периода: 1) середина 1940-х — середина 1960-х — формирование научного лидера в области археологии древней Средней Азии — создание основы периодизации и разработка проблем становления и развития древних обществ на базе производящей экономики; 2) конец 1960-х — 1970-е гг. — формирование под его руководством (как теоретически, так и организационно) среднеазиатской археологии на базе изучения проблемы урбанизации; 3) 1980-е гг. — формирование системы международных исследований в области археологии Юга СССР на основе изучения проблемы ранних цивилизаций; 4) 1990-е гг. — начало XXI в. — формирование национальных и международных структур на основе разработки проблем культурогенеза и культурного наследия.

Литература

Алёшкин В. А. 2015. Вадим Михайлович Массон и его вклад в развитие первобытной археологии Средней Азии // Никоноров В. П., Алёшкин В. А. (ред.). Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура. СПб. С. 679–690 (ЗВОРАО. Т. 3 [XXVIII]; Тр. ИИМК РАН. Т. 45).

Берёзкин Ю. Е. 2014. В. М. Массон и социальная антропология (вторая половина XX — начало XXI в.) // Бондарев А. В. (ред.). Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб. С. 64–79.

Берёзкин Ю. Е., Плоских В. М. 2002. Краткий очерк жизни и научной деятельности В. М. Массона // Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель. Бишкек. 2002. С. 3–7.

Бочкарёв В. С., Кирчо Л. Б. 2014. Жизненный и научный путь В. М. Массона: радость побед и горечь разочарований // Бондарев А. В. (ред.). Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб. С. 56–60.

Вадим Михайлович Массон... 1999. Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель / Сост. Л. М. Всевиов. СПб.

Вадим Михайлович Массон... 2002. Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель с дополнениями / Сост. Л. М. Всевиов с дополнениями В. М. Плоских. Бишкек.

Дергачёв В. А. 1999. Патриарху Евразийской археологии В. М. Массону — 70 лет. Взгляд из Молдовы // *Stratum plus*. № 2. 1999. С. 7–10.

Кирчо Л. Б. 2006. В. М. Массон: первооткрыватель, исследователь, организатор науки (опыт периодизации научной деятельности) // Никоноров В. П. (ред.). ЗВОРАО. Т. 2 (XXVII). СПб. С. 35–40.

Кирчо Л. Б. 2012а. Массон В. М. // Большая Российская энциклопедия. М. Т. 19. С. 311.

Кирчо Л. Б. 2012б. Массон М. Е. // Там же. С. 311.

Массон В. М. 2006. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.

VADIM M. MASSON AND THE LENINGRAD/ST. PETERSBURG SCHOOL OF THE STUDY OF CENTRAL ASIAN ANTIQUITIES

Lyubov' B. Kircho

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Vadim M. Masson, Leningrad/St. Petersburg school of the study of Central Asian antiquities, ancient civilizations, economy and social structure of ancient societies, archaeological investigations of Central Asia, scientific-organizational, international and pedagogical activities.*

Vadim M. Masson is a great researcher who relied in his works on the traditions of two scientific schools for the study of ancient history and archeology of Central Asia — the Tashkent and the Leningrad/St. Petersburg ones. The paper highlights the main aspects of V. M. Masson's scientific, organizational and pedagogical activities — from expeditionary field excavations at archaeological sites in Central Asia, belonging to the Neolithic — Paleometal eras and antique times, till major theoretic generalizations in the matters of revealing the stages of the formation and development of ancient Eurasian civilizations.

ЮЖНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ УРБАНИЗАЦИИ (3500–1500 гг. до н. э.)

Н. В. Козырева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-10-12

Ключевые слова: *Южная Месопотамия, ранняя урбанизация, городские хозяйственные системы, экологические изменения, миграции, деурбанизация.*

Первые города появились на территории Южной Месопотамии в середине IV тыс. до н. э. Через несколько столетий в регионе существовало уже более трех десятков городов площадью 40–60 га. Самый крупный из них, Урук, занимал площадь около 250 га. Городская хозяйственная система помимо собственно города включала окружающую его сельскохозяйственную территорию с большим числом мелких поселений. Экономическим фундаментом такой системы было административно организованное зерновое производство, основанное на ирригации, которое дополнялось скотоводством и ремеслом, важную роль играли также рыболовство и добыча естественных ресурсов. Структурно система представляла собой сеть крупных хозяйств (домов), в рамках которых находились основные массивы городских пахотных земель и большинство производственных ресурсов. Персонал этих хозяйств составлял городской социум, складывавшийся из отдельных, равных по своему статусу групп, каждая из которых занимала свою часть резидентного и хозяйственного пространства и имела свое представительство в городской бюрократической системе. Во главе города стоял правитель, который избирался горожанами (или представителями городских групп) на определенный срок.

В первой половине III тыс. до н. э. число городских систем на территории Южной Месопотамии продолжало расти, одновременно стало заметно уменьшаться количество мелких поселений вокруг городов. До 80 % жителей региона проживали в городских центрах площадью 40 и более га, около 10 % жили в поселениях площадью меньше 10 га. Небольшая часть обитателей самых южных аллювиальных почв продолжала жить в болотистых и степных районах за пределами контроля городской администрации.

Рост населения, жившего в рамках городских хозяйственных систем, приводил к необходимости расширения обрабатываемых площадей и обострял вопрос о земельных

границах отдельных городов и принадлежности каналов и водных протоков, усилившая соперничество и военные конфликты между городами. Появились изменения и в организации управления городом. С середины III тыс. до н. э. на традиционные «выборные» системы накладывается изначально чуждый ей институт централизованной (царской) власти, задачей которого было обеспечение безопасности города и непрерывности хозяйственной деятельности горожан. Два раза на протяжении второй половины III тыс. до н. э. предпринимались попытки включить территорию Южной Месопотамии с ее десятками городских систем в рамки единого централизованного государства с наследственной царской властью (аккадское государство и государство III династии Ура). Обе попытки закончились распадом объединенного государства и возвращением городов к исходной модели социально-экономического устройства, т. е. к модели автономных самоуправляющихся городов с надстройкой в виде царской власти.

Первые признаки постепенного упадка городских систем и начала деурбанизации проявляются уже в последние века III тыс. до н. э. Отдельные древние города переживают кризис (Эриду), одновременно растет число небольших сельских поселений. Последнее было связано не с перетеканием в сельскую местность населения из приходящих в упадок городов, а скорее с усилившимися в это время потоками миграции на территорию Южной Месопотамии западносемитских (аморейских) групп, которые издавна были ее соседями на западе и северо-западе.

В первые века II тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии по-прежнему существовало несколько десятков независимых городских хозяйственных систем: некоторые из них возникли еще в конце IV тыс. до н. э. (Ур, Урук, Ниппур), другие сформировались и вышли на историческую арену позднее (Исин, Вавилон, Сиппар). Однако условия существования городов в это время кардинально изменились по сравнению с началом периода. Среди изменений можно отметить два основных фактора: обострение экологических проблем и увеличение масштабов миграции. Передвижение русел двух великих рек, постепенное отступление на юг вод Персидского залива в сочетании с общим уменьшением количества осадков понемногу делало климат региона все более жарким и сухим, увеличивая зависимость населения от стабильности водных ресурсов. В это же время города Южной Месопотамии оказались плотно окруженными сельским разноэтничным населением из числа мигрантов и их потомков.

Со второй половины XVIII по конец XVII вв. до н. э. на всей территории Южной Месопотамии проходят масштабные процессы деурбанизации, в ходе которых большинство крупных городов региона были покинуты жителями и постепенно пришли в полное запустение. Последней точкой в длительном процессе упадка городских систем Южной Месопотамии оказалось разрушение Вавилона в 1595 г. до н. э.

После пика деурбанизации середины II тыс. опорой центральной власти в Южной Месопотамии долгое время оставались сельские поселения провинции. В XIV–XIII вв. до н. э. касситские правители Вавилона организовали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы и возрождению южных городов. Однако во вновь формировавшихся под эгидой центральной власти городских структурах отсутствовал сколько-нибудь масштабный уровень автономии, выборности и самоуправления. Максимум, на что могли рассчитывать в новых условиях самые богатые и древние города, — это привилегии, которые даровались им царем и царем же могли быть отобраны. Тем не менее многочисленные города Южной Месопотамии и в последующие века вплоть до конца периода древности сохраняли явный отпечаток той модели городского устройства, которая возникла на юге в середине IV тыс. до н. э.

Литература

- Козырева Н. В. 2016. Очерки истории Южной Месопотамии периода ранней древности. СПб.
 Массон В. М. 1989. Первые цивилизации. М.
 Adams R. M. 1981. Heartland of Cities. Chicago.
 Gasche H., Tanret M. (eds). 1998. Changing Watercourses in Babylonia: Towards a Reconstruction of the Ancient Environment in Lower Mesopotamia. Mesopotamian History and Environment. Ghent; Chicago.
 Liverani M. 2006. Uruk: The First City. London; Oakville.
 Postgate J. N. 1992. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London; New York.

SOUTHERN MESOPOTAMIA WITHIN THE PERIOD OF EARLY URBANIZATION (3500–1500 BC)

Nelli V. Kozyreva

St. Petersburg State University, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Southern Mesopotamia, early urban systems, climate and environmental changes, migration movements, de-urbanization.*

The stage of ancient Mesopotamia history within the framework of which the formation and initial development of Mesopotamian civilization took place (3500–1500 BC) conditionally called the period of early antiquity or early urbanization. Its beginning can be considered from the formation in Southern Mesopotamia in the middle of the 4th millennium BC of large autonomous and self-ruling urban systems, and its end came with the decline of cities and the destruction of their economic systems in the middle of the 2nd millennium BC. Over a period of almost 2000 years the conditions, in which urban systems of Southern Mesopotamia were formed and to which they were originally completely adapted, gradually changed in comparison with the beginning of the period under the influence of both natural (ecology) and social-political (changing the ethnic composition of the population as a result of migration) factors. Nevertheless, the traditional structure of Southern Mesopotamian urban systems with a certain level of internal self-government in general terms was maintained throughout the period of early Antiquity.

ДРЕВНИЙ ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Ю. Е. Берёзкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-12-14

Ключевые слова: *археология Туркменистана, неозолуционизм, исторические парадигмы, ранние сложные общества.*

Среди российских археологов В. М. Массон в наибольшей степени воспринял концепцию Г. Чайлда, касающуюся неолитической и городской революций. Чайлдовскую схему он дополнил «периодом ремесел» — стадией в развитии оседло-земледельческих обществ в период возникновения городов и накануне появления государства. Результаты раскопок на Алтын-депе и на памятниках джейтунской культуры были умело интерпретированы как

отражающие основные закономерности чайлдской схемы, а знакомство с литературой по Древнему Перу позволило придать концепции универсальность. Идеи другого основателя неозволюционизма, Дж. Стьюарда, не были Вадиму Михайловичу столь близки, хотя к сравнению Передней Азии с Центральными Андами первым обратился именно Стьюард.

Последняя четверть XX — начало XXI в. — время открытий, выбивших почву из-под ног не только неозволюционизма, но и самого представления о «законах истории». Наиболее яркие из этих открытий были сделаны в ходе исследования памятников X–IX тыс. до н. э. на верхнем Евфрате, прежде всего Гёбекли-тепе, основание которого принято датировать 11 600 cal BP. Речь идет о монументальных сооружениях, возведение которых требовало коллективных усилий сотен людей, остававшихся при этом охотниками-собираателями. Расположенные неподалеку в верховьях Тигра памятники типа Кёртик-тепе на полтысячи лет древнее. Облик культуры (выложенные камнем углубленные жилища, парадная каменная орнаментированная посуда), безусловно, неолитический, но ни окультуренных видов, ни даже зерновок дикорастущих злаков не найдено, главным занятием являлось, видимо, рыболовство. Таким образом, усложнение социальной организации и обогащение материальной культуры в древнейшем очаге формирования сложных обществ не было следствием перехода к производящему хозяйству. Убедительной выглядит точка зрения (Wengrow, Graeber 2015), согласно которой неравенство первично и не требует объяснений. В палеолите общества с признаками усложнения типа Дольни Вестонице или Сунгирия возникали и исчезали, пока при благоприятном сочетании факторов процесс усложнения не сделался необратимым. То же можно сказать о керамике Восточной Азии, которая, даже если не принимать ранние датировки по югу Китая, безусловно, распространилась в палеолите. Маловероятно, чтобы это начальное гончарство в Азии (как и в Африке) имело столь уж высокую утилитарную ценность. Палеолитическое гончарство есть историческая случайность, а дальнейшее распространение керамики по Старому Свету (Jordan et al. 2016) могло быть вызвано скорее копированием ранее неизвестной, а значит, престижной технологии, нежели практическими нуждами. История — не восхождение по ступенькам, а появление и исчезновение различных вариантов организации. Обычно такие «эксперименты» не имели существенных последствий, но в редчайших случаях выводили общество на траекторию качественного роста. Каждый такой случай уникален. Другой важнейший аспект исторического процесса — распространение инноваций из центров к периферии и информационный обмен между центрами. Абсолютное большинство культурных форм в абсолютном большинстве обществ заимствовано со стороны.

Учсть эти данные Массон, разумеется, не мог. Общество Алтын-депе воспринималось им как некий архаический или периферийный аналог месопотамского города-государства, а главной целью раскопок являлось выявление признаков, характерных для определенных этапов развития древневосточной культуры. Для нас сейчас эти памятники интересны в ином отношении. Во-первых, как источник материалов по конкретной и достаточно сложной истории местной культуры в ее взаимодействии с другими и на фоне резких изменений климата. Во-вторых, как неповторимое историческое явление, не имеющее точных соответствий не то что в Америке, но и на Ближнем Востоке.

Литература

- Jordan P., Gibbs K., Hommel P. et al. 2016. Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: emerging insights and future research. In: *Antiquity*. Vol. 90. Issue 351. P. 590–603.
- Wengrow D., Graeber D. 2015. Farewell to the “Childhood of Man”: Ritual, Seasonality, and the Origins of Inequality. In: *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 21. P. 597–619.

ANCIENT SOUTHERN TURKMENISTAN IN THE LIGHT OF MODERN EVOLUTIONISM

Yurii E. Beryozkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *archaeology of Turkmenistan, neoevolutionism, historical paradigms, early complex societies.*

Vadim M. Masson was more enthusiastic concerning Neolithic and Urban revolutions of Gordon Child than most of his Russian colleagues. He skillfully interpreted results of his excavations at the sites of Altyn Depe and Jeitun as corresponding to Child's scheme at its crucial points and enriched this conception with his own "period of craftsmanship". Since then, our ideas about the history have changed. Excavations in different parts of the world provided us with information on such societies that do not find any place in the stadialistic schemes that go back to the 19th century. The point of view according to which inequality is primary seems to be convincing. Societies with signs of complication arose and disappeared in the Paleolithic, until, due to a favorable combination of factors, the process became irreversible. History is not climbing stairs, but a series of trials and errors. Entering the path of qualitative growth occurs in the rarest cases. The monuments of the paleometal era in the south of Turkmenistan are interesting for us as a unique historical phenomenon that does not have any exact correspondences even in the Near East.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В АРХЕОЛОГИИ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НЕОЛИТ — РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)¹

В. А. Алёкшин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-14-16

Ключевые слова: *Центральная Азия, неолит — ранний железный век, поселение, культурный слой, комплекс, цивилизация, археологическая культура, этап, период.*

Пласты культурных отложений, образующие ранние земледельческие поселения Центральной Азии, названы в публикациях по-разному: *культура, комплекс, период, пора, слой, стадия, фаза, цивилизация, эпоха, этап*. В статьях и монографиях все эти обозначения используются как синонимы, хотя упомянутыми терминами далеко не всегда обозначены тождественные понятия. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к любому толковому словарю русского языка.

Лексема «*слой*» для указанных памятников подразумевает лишь совокупность остатков последовательно сменявших друг друга строительных горизонтов вместе со всеми относящимися к ним структурами и характерными только для них находками. Название «*комплекс*» обозначает совокупность артефактов, обнаруженных на полу жилища какого-либо строительного горизонта или в погребении, синхронном данному горизонту.

Разнообразные дефиниции понятия «*цивилизация*» отличаются описательным характером. Большинство их трактуют цивилизацию как общество высокоразвитой культуры,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

характеризующееся наличием ранних государственных институтов, городских центров, монументальной архитектуры, развитой социальной и имущественной дифференциации населения. Принципиально наличие письменности, позволяющее рассматривать цивилизацию как культурный феномен, который сам может рассказать о себе языком своих разнообразных текстов, содержащих различные сведения о нем. Именно поэтому термин «цивилизация» неприложим к археологическим памятникам, распространенным в неолите — раннем железном веке на юге Центральной Азии, так как оставившее их население не имело письменности.

Типологическая классификация артефактов, представленных в комплексах, позволяет последним стать культурными маркерами. Совокупность локализованных в пределах ограниченной территории и существовавших в конкретных хронологических рамках закрытых или полузакрытых комплексов, состав которых включает, наряду с прочими находками, постоянно обнаруживаемые совместно типы артефактов, обозначается в науке о древностях понятием «*археологическая культура*». Принимая такое определение последней, следует признать, что выявленные при раскопках древнеземледельческих поселений Центральной Азии различные стратиграфические пласты культурных отложений, содержащих множество закрытых комплексов погребений и жилищ, а также полузакрытых комплексов улиц, свалок и пространств между домами, претендуют на статус археологических культур.

Термины, определяющие отрезки времени (*период, пора, этап, эпоха, стадия, фаза*), указывают лишь на хронологический интервал неопределенной протяженности, в течение которого формировался тот или иной культурный слой. Рассматриваемые промежутки времени маркируют отрезки, характеризующие путь развития археологической культуры, представленной ранними и поздними хронологическими диапазонами, для обозначения которых наиболее употребительны лексемы «*этап*» или «*период*».

Таким образом, выделенные на древнеземледельческих памятниках юга Центральной Азии мощные слои культурных отложений, включающие многочисленные комплексы артефактов, можно трактовать как археологические культуры, для которых нужно различать ранние и поздние этапы развития, причем каждый этап может быть представлен остатками одного или нескольких строительных горизонтов.

Выделение ранних земледельческих культур (неолит — ранний железный век), оставленных населением, которое некогда обитало на юге Центральной Азии, остается актуальной задачей археологии, которую следует решать в соответствии с методикой, разработанной для подобного рода исследований.

ON CERTAIN TERMS USED IN THE ARCHAEOLOGY OF THE CENTRAL ASIAN SOUTHERN REGIONS (NEOLITHIC — EARLY IRON AGE)

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Central Asia, Neolithic — Early Iron Age, site, cultural layer, complex, civilization, archaeological culture, stage, period.*

The strata of cultural deposits that form the early agricultural settlements of Central Asia are called differently. The term “layer” for these monuments means only a totality of remnants of successive building horizons. The lexeme “complex” means a collection of artifacts found on the floor of a dwelling of some building horizon or in a burial synchronous to this horizon. The designation “civilization” is not applicable to these monuments, since the population that lived there did not have a written

language. Various stratigraphic layers of cultural deposits revealed in ancient agricultural settlements of Central Asia include many closed and semi-closed complexes and so claim the status of *archaeological cultures*. The terms defining time periods mark the intervals that characterize the development of an archaeological culture represented by the early and late chronological ranges, for the designation of which the most commonly used lexemes are a “stage” or “period”.

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ: СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРА ДОМОСТРОЕНИЯ В КОНЦЕ VII–III ТЫС. ДО Н. Э. (ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ)¹

Л. Б. Кирчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-16-19

Ключевые слова: поселения древних земледельцев Средней Азии, система расселения, домостроение, экологические и социально-экономические факторы.

1. Археологические исследования XX в. показали, что на территории юга Средней Азии, в первую очередь, Южного Туркменистана и, вероятно, всего Северного Хорасана находился один из очагов древнеземледельческих культур эпохи неолита — палеометалла, историческое развитие которого привело к появлению в последней трети III тыс. до н. э. крупных раннегородских центров эпохи бронзы.

2. В истории становления и развития культуры оседло-земледельческих общин юга Средней Азии важное значение имела благоприятная природная среда северной подгорной равнины Копетдага, освоенной первыми земледельцами и скотоводами джейтунской неолитической культуры в конце VII–VI тыс. до н. э. Современной климатической обстановке в Средней Азии предшествовал более влажный атлантический период, причем первая, наиболее теплая и влажная половина климатического оптимума голоцена приходится на VI–IV тыс. до н. э. По мнению большинства исследователей, аридизация климата началась в конце атлантического периода и продолжается до настоящего времени. Современные исследования палеоклимата показали существование трех глобальных эпизодов похолодания (для северных регионов) и аридизации (для южных) на большей части Евразии в голоцене, определяемых как «событие 8200 cal BP», «событие 5300 cal BP» и «событие 4200 cal BP». По историческим и археологическим данным на Среднем Востоке особенно ярко проявляются исторические последствия «события 4200 cal BP» — гибель аккадского царства, прекращение или перерыв в обитании на ряде крупных поселений древнего Ирана, конец периода расцвета хараппской цивилизации и т. д. Для юга Средней Азии даты этих «событий» совпадают с началом трех основных этапов культурно-хозяйственного развития: 1) возникновением и развитием древнеземледельческих культур эпохи неолита — среднего энеолита; 2) появлением в конце периода среднего энеолита и развитием геоксюрского археологического комплекса, послужившего культурной и технико-технологической основой культуры периода ранней бронзы и раннегородской цивилизации Алтын-депе периода средней бронзы; 3) затуханием жизни на поселениях подгорной полосы Копетдага и широким освоением древней дельты р. Мургаб, где в конце III тыс. до н. э. формируется раннегосударственное образование древневосточного типа.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

3. Система расселения древних земледельцев определялась, в первую очередь, наличием стабильных источников воды для орошения полей. Основу экономики неолитической джейтунской культуры составляло земледелие так называемого лиманного типа, когда весенние паводковые воды задерживали на полях с помощью глиняных валиков. Соответственно, джейтунские поселения располагались в конусах выноса наиболее многоводных горных речек и ручьев, стекавших с гор Копетдага.

4. Энеолитическая анауская культура Южного Туркменистана, которая складывается в середине V тыс. до н. э. на основе джейтунского неолита и комплексов типа Анау IA, имевших вероятно иранское происхождение¹, развивалась вплоть до конца IV тыс. до н. э. в благоприятных климатических условиях.

Археологический комплекс на раннеэнеолитическом этапе Анау IB/Намазга I (вторая половина V — первая треть IV тыс. до н. э.) соединил в себе как джейтунские традиции (однокомнатные дома, керамика с крупными органическими примесями в тесте, настенные росписи святилищ красной и черной красками, так и инновации комплексов типа Анау IA (прямоугольный кирпич, окраска полов святилищ в черный цвет, медные ножи и шилья, категории терракотовых и глиняных орудий).

Экономической основой анауской культуры было земледелие, которое в период раннего энеолита сочетало в себе неполивные и орошаемые формы. В это время на подгорной равнине Копетдага растет количество поселений, расположенных как в конусах выноса, так и несколько выше по течению практически всех водных артерий, стекавших с гор, что предполагает начало искусственного орошения. К концу периода раннего энеолита формируется оазисная система расселения и резко повышается плотность населения. Многометровые строительные остатки этого периода выявлены в основании практически всех средних и крупных поселений-тепе эпохи энеолита и бронзы подгорной зоны Копетдага и долины р. Теджен.

5. В результате экономического и культурного развития раннеэнеолитических общин в середине — второй половине IV тыс. до н. э. на территории Северного Копетдага сформировались два локальных варианта анауской культуры периода среднего энеолита, представленные комплексами типа Намазга II в центральной части подгорной зоны и комплексами ялангачского и раннегеоксюрского типов в юго-восточной. О росте уровня культуры и усложнении организации общества времени среднего энеолита свидетельствуют строительство ограждающих стен поселений; организованная система застройки отдельными домохозяйствами, состоявшими из однокомнатных домов с внутренним членением пространства и прилегающих дворов (хозяйственных и парадных); яркие комплексы материальной культуры. Экономической основой этого подъема культуры являлись земледелие, которое было уже исключительно поливным и основанным как на паводковых разливах, так и на регулярном орошении с помощью каналов и арыков, развитое скотоводство и специализированная охота, а также технологически отработанные производства изделий из глины, металла, камня и, вероятно, дерева.

6. Количество поселений в период среднего энеолита несколько уменьшается, но при этом складывается их иерархическая структура с выделением центров площадью до 8–14 га (Геоксюр 1, Илгынлы-депе, Кара-депе и Намазга-депе, а также, вероятно, Алтын-депе и Улуг-депе). Таким образом плотность населения продолжает расти. Отдельные группы

¹ В VI — начале V тыс. до н. э. на территории Ирана шло формирование оазисной системы расселения древних земледельцев и скотоводов, и проникновение носителей культуры Анау IA на северную подгорную равнину Копетдага и в верховья р. Атрек, вероятно, являлось частным проявлением этого процесса.

населения из Южного Туркменистана продвигаются на восток и северо-восток — в дельту Мургаба и далее, в верховья Зеравшана. Здесь, на границе горной и равнинной части долины р. Зеравшан переселенцами с юга Средней Азии был основан Саразм — древний центр обработки рудного и каменного сырья, добывавшегося в горах выше по течению реки. Для строительства энеолитического Саразма характерны как традиции южных земледельцев, так и, вероятно, традиции домостроительства местных неолитических племен.

7. В период позднего энеолита, в конце IV — начале III тыс. до н. э. система расселения в Южном Туркменистане начинает меняться. В результате начинающегося процесса аридизации происходит миграция водных русел и идет концентрация населения на ограниченном числе средних и крупных поселений (Геоксюр 1, Алтын-депе, Хапуз-депе, Улут-депе, Намазга-депе, Кара-депе, Гара-депе). Эти поселения плотно застроены жилыми домами из одного-трех помещений, имевшими общий двор, в которых часто находились коллективные зерноранилища. Именно в период позднего энеолита резко увеличивается (до 25–30 га) площадь двух наиболее крупных центров — Алтын-депе и Намазга-депе. В середине периода полностью запустевает Геоксюрский оазис, население которого перемещается вверх по Теджену и основывает Хапуз-депе. В конце периода прекращает существование Кара-депе, а в начале периода ранней бронзы — и расположенный рядом Гара-депе, население которых, видимо, постепенно концентрируется в межгорной долине Даррагац (Ярым Тепе). По сути культурные комплексы конца позднего энеолита — ранней бронзы (около 2800–2400 гг. до н. э.) представлены почти исключительно на самых крупных поселениях подгорной зоны Копетдага и древней долины Теджена — Намазга-депе, Улут-депе, Хапуз-депе и Алтын-депе.

8. Совершенно ясно, что обеспечение потребностей в продуктах питания населения таких центров площадью до 30 га возможно только при ирригационном земледелии и серьезных изменениях в технологии основных видов производств и организации производства и общества. Эти изменения, которые в значительной степени прослежены на материалах Алтын-депе, где в период ранней бронзы шел процесс формирования производственной базы специализированного ремесла — экономической основы древнего протогорода, совпадают с нарастанием процесса аридизации климата и, вероятно, отражают адаптацию южнотуркменистанских общин к постепенно ухудшающимся условиям природной среды в III тыс. до н. э.

9. В развитии строительства и организации жизненного пространства на Алтын-депе выделяются два этапа. Для первого (поздний энеолит — середина ранней бронзы) характерна застройка двухкомнатными домами, группирующимися в массивы-кварталы, и выделение производственных участков во дворах на краю квартала. В это же время возводятся подпорные стены, оформляется юго-западный въезд на поселение и формируются две, пересекающиеся почти в центре поселения, магистральные улицы.

Для второго этапа (поздний этап ранней бронзы — средняя бронза) характерна плотная застройка трех-четырёхкомнатными домами, с несколькими дополнительными подсобными помещениями и отдельными хозяйственными двориками, разветвленная уличная сеть и обособление в масштабах всего поселения специализированных производственных участков гончаров и, вероятно, металлургов. Около 2400 гг. до н. э. возводятся мощные обводные стены и пилоны на юго-западном въезде, а чуть позднее — монументальный ступенчатый культовый комплекс на восточном краю Алтын-депе. Интересно, что четко спланированные четырех-шестикомнатные дома появляются в Саразме раньше, чем на поселениях Южного Туркменистана, уже в первой половине III тыс. до н. э.

10. Однако объем воды небольших речек и ручьев подгорной зоны Копетдага был уже явно недостаточен для жизнеобеспечения возросшей массы населения крупных центров конца периода ранней — начала периода средней бронзы. Этими причинами — ограниченностью водных ресурсов и нарастающей аридизацией климата, скорее всего, и было

обусловлено широкое освоение древней дельты Мургаба в последней трети III тыс. до н. э. Важную роль в обеспечении мобильности населения Южного Туркменистана и широких культурно-торговых взаимодействий периода средней бронзы сыграло также одомашнивание верблюда-бактриана в середине III тыс. до н. э. В результате культурной и торговой экспансии древних земледельцев на восток и юго-восток возникают оседло-земледельческие поселения в бассейне Амударьи — так называемая цивилизация Окса (памятники Северного Афганистана и культура Сапалли), прямые влияния которой в конце III — начале II тыс. до н. э. доходят до Южного Таджикистана и Ферганы.

ANCIENT FARMERS OF CENTRAL ASIA: THE SETTLEMENT SYSTEM AND THE STRUCTURE OF HOUSE BUILDING IN THE LATE 7TH — 3RD MILLENNIA BC (ENVIRONMENTAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS)

Lyubov' B. Kircho

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Keywords: *settlements of ancient Central Asian farmers, settlement system, house building, environmental and socio-economic factors*

In the development of the settlement system and house-building structure of ancient farmers in the south of Central Asia of the Neolithic — Paleometal eras, there distinguished are three main cultural and economic stages associated with paleoclimatic fluctuations: 1) the emergence and development of ancient agricultural cultures of the Neolithic — Middle Eneolithic eras; 2) the appearance at the end of the Middle Eneolithic period and the further development of the Geoksyur complex of the Late Eneolithic period, which served as the cultural, technical and technological basis for the culture of the Early Bronze Age and early urban civilization of Altyn Depe of the Middle Bronze Age in Southeastern Turkmenistan; 3) the attenuation of life in the settlements of the northern foothill zone of the Kopet Dagh mountains and the mastering of the ancient delta of the Murghab River. The last process began at the end of the Early Bronze Age (circa 2400s BC) and covered not only Margiana, where at the end of the 3rd millennium BC an early state formation of the ancient Eastern type was being formed, but also, supposedly, both Northern Afghanistan and Southern Tajikistan.

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА РАЗВИТОГО ЭТАПА ДЖЕЙТУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Лоллекова

*Туркменский национальный институт мировых языков им. Д. Азади, Ашхабад,
Туркменистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-19-20

Ключевые слова: *джейтунская культура, средний этап, производственный инвентарь, комплексный анализ, хозяйство.*

Благодаря научной и организаторской энергии В. М. Массона многие памятники джейтунской культуры являются наиболее изученными неолитическими объектами не только Центральной (Средней) Азии, но и всей земледельческой неолитической цивилизации Востока. Именно В. М. Массон стимулировал всестороннее исследование разных этапов этой культуры, что позволило дать их детальную культурно-хозяйственную характеристику. Открытие поселений среднего этапа культуры Песседжик-депе, Гадыми-депе, Гиевжик-депе и других принесло новые, во многом уникальные, археологические данные. Результаты раскопок

этих памятников внесли значительные коррективы в существовавшие в науке представления о ранних земледельцах этой территории, уточнили спорные вопросы хронологии. В ходе этих работ, кроме открытия на Песседжик-депе оригинального святилища с настенной росписью, на поселениях был собран многочисленный массовый материал: богатейшая коллекция керамики, костяные и терракотовые изделия, производственный инвентарь.

Изучение производственных комплексов с помощью технико-морфологического анализа способствовало привлечению этого вида источников для детализации культурных особенностей среднего этапа и уточнения внутрикультурной периодизации. Экспериментально-трасологические исследования, использование данных палеоботаники и палеозоологии позволили конкретизировать картину хозяйственной деятельности на каждом изученном памятнике. В результате трасологического анализа орудий из камня, кремня, кости, рога с применением детальной функциональной классификации, статистической обработки полученных данных, сравнения с материалами других памятников джейтунской культуры, было установлено, что в хозяйственной деятельности населения среднего этапа, при общем доминировании производящих форм — земледелия и скотоводства — роль охоты была различной. Эти отличия четко фиксируются между памятниками, расположенными в разных районах Южного Туркменистана. Так, в хозяйстве Песседжик-депе доля охоты была более значительной, чем на Гадыми-депе. Интересно отметить, что выявленные хозяйственные отличия совпадают с локальной культурной вариабельностью, установленной по другим категориям археологических материалов. Можно предполагать, что возможной причиной этих культурно-хозяйственных различий являются местные природные условия.

FEATURES OF THE DEVELOPED STAGE ECONOMY OF THE JEYTUN CULTURE

Ogulsona Lollekova

Turkmen National Institute of World Languages named after D. Azadi, Ashgabat, Turkmenistan

Keywords: Jeytun culture, middle stage, production implements, complex analysis, economy.

Intensive excavations of sites of the Jeytun culture of Southern Turkmenistan made it possible to identify three successive stages of its development. The study of the production implements of the middle period with the help of technical and morphological analysis revealed their main typological features, and this enabled to attract the obtained data to elaborate the periodization of the culture. The results of experimental and trasological studies of implements of labor determined the presence of variability of economic activities in the sites located in various regions of Southern Turkmenistan.

ХРОНОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА НЕОЛИТИЧЕСКИХ И РАННЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ИЗ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ МОНДЖУКЛЫ-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

И. Хайт

*Институт ближневосточной археологии, Свободный университет Берлина,
Берлин, Германия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-20-23

Ключевые слова: неолит, энеолит, Средняя Азия, Монджуклы-депе, радиоуглеродная хронология, байесовская статистика.

Многослойное поселение неолита и раннего энеолита Монджуклы-депе (Южный Туркменистан, юго-восточные предгорья Копетдага, район Меана-Чаача) изучалось в

1960–1970-х гг. (Бердыев 1969; 1972). Раскопки памятника, возобновленные в 2010–2014 гг. (Pollock et al. 2019), значительно расширили представления о стратиграфии поселения и истории его заселения. Из различных слоев Монджуклы-депе получена серия из 87 радиоуглеродных датировок. Для уточнения временных диапазонов отдельных фаз развития поселения проведена корреляция стратиграфического положения датированных образцов (Heit 2019) на основе байесовского моделирования радиоуглеродной хронологии по программе OxCal 4.3 (Bronk Ramsey 2009).

Стратиграфия памятника разделена на 10 стратиграфических фаз. Фазы неолитического периода (X–V) исследованы пятью шурфами, заложенными в различных частях поселения. Слои этих фаз состоят из эоловых отложений, перемежающихся зольными линзами и незначительными остатками архитектурных сооружений. Исходя из общего характера напластований, сделан вывод о многократных коротких периодах заселения и оставления холма в неолитическое время, что не противоречит данным байесовского анализа радиоуглеродной хронологии (рис. 1). Самые нижние слои неолитического поселения (X–IX), залегающие на глубине 6–7 м от поверхности, не были датированы. Для вышележащих слоев (VIII–Vm), выявленных в шурфах в центральной и юго-восточной части памятника, временной диапазон моделированных границ фаз приходится при доверительном интервале 95,4 % на 6028–5913 cal BP (*начало VIII*) и 5954–5843 cal BC (*конец Vm*). Более поздние датировки указывают на два возможных этапа повторного заселения памятника (субфазы Vh и Vk), со смещением центра поселения на север холма, после чего поселение было покинуто на длительное время. Выявленный на основании датировок разрыв продолжительностью около 800 лет также зафиксирован в стратиграфии в виде практически стерильных отложений в нескольких шурфах.

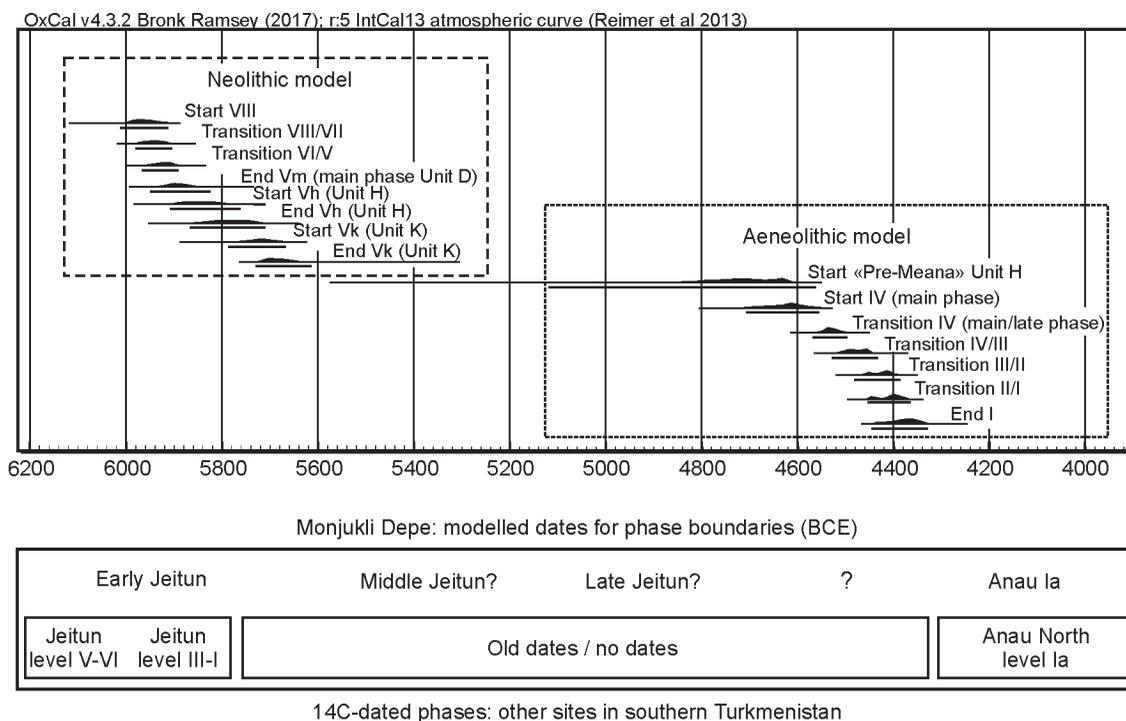

Рис. 1. Монджуклы-депе, распределение возраста моделированных границ фаз (вверху) и схематическая сравнительная и абсолютная хронология предгорьев Копетдага (внизу)

К концу этого времени на памятнике прослеживаются следы эпизодического посещения его людьми в виде отдельных находок (краснолощенная расписная керамика с органическими примесями) в слоях, находящихся под напластованиями основного энеолитического периода, на что также указывают датировки из шурфа в северо-западной части поселения (*“Pre-Meana” Unit H*).

Основной энеолитический период исследован шестью планиграфическими раскопами и характеризуется долговременным постоянным поселением с плотной застройкой саманной архитектурой хорошей сохранности. История застройки энеолитического поселения представляет собой сложную картину, так как новые строения возводились непосредственно на руинах уже разрушенных, в то время как некоторые постройки ранних фаз продолжали использовать. Стратиграфически напластования энеолитического периода разделяются на четыре фазы (IV–I). Начало энеолитического заселения приходится на 4689–4555 cal BC (*начало фазы IV*), конец — на 4441–4338 cal BC (*конец фазы I*) при достоверности 95,4 %.

Новые данные радиоуглеродной хронологии указывают на сравнительно раннюю датировку энеолитического периода Монджуклы-депе (*«горизонт Меана»* по: Bernbeck, Pollock 2016), который не синхронен, а предшествует периоду Анау Ia. Этот период, исходя из датировок самых ранних слоев Северного холма Анау (Hiebert, Kurbansakhatov 2003: table 5, 1), датируется 4300–3900 cal BC. Корреляция основного периода неолитического поселения Монджуклы-депе, датируемого по Бердыеву (Бердыев 1969: 53) средним и поздним джейтунским периодом, с серией датировок из поселения Джейтун (Harris 2010: 119–123; table 9, 1), указывает на синхронность с верхними слоями (1–3) этого памятника, которые укладываются в рамки раннего джейтунского периода. В связи с этим возникает вопрос о датировке и определении памятников среднего и позднего джейтунского времени, решение которого зависит от детального изучения и абсолютной датировки стратиграфических колонок уже известных памятников.

Литература

- Бердыев О. К. 1969. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Бердыев О. К. 1972. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в южном Туркменистане // Каракумские древности. Вып. 4. С. 11–34.
- Bernbeck R., Pollock S. 2016. Scalar Differences: Temporal Rhythms and Spatial Patterns at Monjukli Depe, Southern Turkmenistan. In: *Antiquity*. 90 (349). P. 64–80.
- Bronk Ramsey C. 2009. Radiocarbon analysis of radiocarbon dates. In: *Radiocarbon*. 51 (1). P. 337–360.
- Harris D. R. 2010. *Origins of Agriculture in Western Central Asia: An Environmental-Archaeological Study*. Philadelphia.
- Heit I. 2019. Chronological Modeling for Monjukli Depe and the Kopet Dag Region. In: Pollock S., Bernbeck R. (eds.). *Looking Closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden. P. 63–88.
- Hiebert F. T., Kurbansakhatov K. 2003. *A Central Asian Village at the Dawn of Civilization. Excavations at Anau, Turkmenistan*. Philadelphia (University Museum Monograph. 116).
- Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B. (eds.). 2019. *Looking closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden.

THE CHRONOLOGY AND ARCHITECTURE OF THE NEOLITHIC AND EARLY AENEOLITHIC SOCIETIES OF CENTRAL ASIA IN THE LIGHT OF THE MULTI-LAYER SETTLEMENT OF MONJUKLI DEPE (TURKMENISTAN)

Ilia Heit

Institute for Ancient Near Eastern Archaeology, Freie Universität Berlin, Berlin, Germany

Keywords: *Neolithic, Aeneolithic, Central Asia, Monjukli Depe, radiocarbon chronology, Bayesian modelling.*

The results of renewed excavations at Monjukli Depe in 2010–2014 provided a broad insight into the settlement history in the Neolithic and Early Aeneolithic periods. In particular, the history of the Aeneolithic period is represented by multiple layers with substantial and well-preserved mud-brick architecture, which allows us to trace dynamics of the use of individual buildings as well as changes in the organization of living space in this settlement. A large series of radiocarbon dates allow specification of the time ranges of single settlement phases by Bayesian modelling of radiocarbon chronology. These data also make it possible to refine and partially revise the previous regional chronology of the foothills of the Kopet Dag in late Jeitun and early Anau times. Thanks to an extensive series of radiocarbon datings, it seems possible to clarify the time range of the individual phases of the site by the Bayesian modelling of radiocarbon chronology. These data also make it possible to specify and partially revise the regional chronology of the Kopet Dag foothills of the Late Jeitun and Early Anau periods.

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НУКЛЕУСОВ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ГУЛИКАНДОЗ, ТАДЖИКИСТАН)

Д. М. Шульга*, Н. Н. Скакун**, Т. М. Бостанова***

** Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; ** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия; *** Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-23-26

Ключевые слова: *неолит Таджикистана, гиссарская культура, Гуликандоз, технология расщепления камня, нуклеусы.*

Гиссарская неолитическая культура (Юго-Западный Таджикистан) открыта А. П. Окладниковым в 1948 г. (Ранов 1985). Стоянка Гуликандоз, как и прочие неолитические памятники этой культуры в Яванской долине, относится к ее локальному варианту (Амосова и др. 1983). От «классических» гиссарских стоянок их отличает, прежде всего, исходный материал орудий, в качестве которого применялся местный кремьень, реже — гальки эффузивных пород, которые приносили из-за горных хребтов — с берегов рек Вахш и Кафирниган. Кремьень преимущественно использовался для производства микропластин, гальки шли на изготовление чопперов, чоппингов, «утюжков» или выпрямителей, отбойников и т. д. Крупных памятников немного, в основном это небольшие местонахождения без культурного слоя, содержащие от 20 до 100 предметов — временные места обитания, оставленные мобильными группами охотников.

Стоянка Гуликандоз (VI–IV тыс. до н. э.), расположенная на адыре у подножия хребта Тиат, открыта в 1973 г. (Юсупов 1977). Адыр имеет три уступа, на всех встречается каменный инвентарь. Все находки (3230 экз.) связаны с верхним перемещенным слоем, затронутым пахотой. «Галечный» (гиссарский) элемент представлен отщепами, чаще — крупных

размеров (максимальная длина — 8 см, минимальная — 3 см), присутствуют пластины из эффузивных пород длиной до 6,8 см и шириной 2 см, которые, возможно, являются пережитком верхнепалеолитической техники. Галечные орудия представлены чоппером и «утюжком».

Кремневые изделия включают отщепы, пластины, микропластинки, проколки, скребки, выемчатые орудия.

Среди 607 кремневых нуклеусов незначительное число составляют аморфные, служившие для получения отщепов, но преобладают нуклеусы для получения микропластин: торцовые, уплощенные, подпризматические, клиновидные, в том числе многоплощадочные (рис. 1). Пренуклеусы отсутствуют. Ширина негативов сколов пластин составляет 0,3–0,6 см, длина — около 2,5 см. Для создания нуклеуса могли использовать как естественные конкреции кремня, так и массивные отщепы. Угол скалывания варьирует от 80° до 100° и верхнее значение предполагает отжимной способ снятия. Площадки бывают гладкие, реже подработанные сколами и выпуклые (в одном случае такой площадкой послужило ребро предыдущего снятия на многоплощадочном нуклеусе). Карнизы в основном сняты, в ряде случаев встречается перебор карниза, иногда они оставлены без подработки — возможно, в тех ситуациях, когда дальнейшее расщепление не планировалось.

Торцовые нуклеусы зачастую имеют минимальную подработку дистальной части, тыл и боковые стороны оставлены в естественном виде. Клиновидные ядрища всегда имеют

Рис. 1. Стоянка Гуликандоз, Юго-Западный Таджикистан, кремневые нуклеусы:

1 — уплощенный; 2 — торцевой; 3 — клиновидный. Стрелками обозначено направление сколов

дистальное сужение, оформленное с одной или двух сторон, и зачастую выраженное тыльное ребро. Фронт скалывания у них шире, чем у торцовых нуклеусов. Наибольшую степень обработки имеют подпризматические и уплощенные нуклеусы. Для них характерны плавное понижение рельефа в дистальной части, тыльное ребро, большее количество сколов. Карнизы сняты по всему фронту.

Все нуклеусы интенсивно утилизированы. Большинство из них имеют повреждения поверхности, препятствующие дальнейшему снятию микропластин, что могло быть результатом дефекта исходного сырья (трещины и полости) или ошибок в процессе расщепления (забитость площадок и заломы на фронте скалывания).

Проведенные эксперименты показывают, что разница в формах нуклеусов и в приемах оформления зоны расщепления не влияют на форму пластинчатых снятий. Вероятно, формообразование ядрищ было обусловлено исходной формой сырья, а технические приемы — конкретной ситуацией расщепления («приспособление к сырью»).

Несмотря на изначально не очень большие размеры кремневых конкреций, часть нуклеусов оформлена на отщепках. Возможно, это является результатом стремления получить нужные размеры исходного материала для снятия привычных микропластин («приспособления сырья»).

Дальнейшие перспективы исследования кремнеобработки гиссарской культуры связаны с продолжением изучения технологии расщепления нуклеусов, в том числе с экспериментальными работами, которые позволят уточнить детали процесса получения микропластинчатых заготовок.

Литература

Амосова А. Г., Филимонова Т. Г., Юсупов А. Х. 1983. Мезолит и неолит Южного Таджикистана // Литвинский Б. А. и др. (ред.). Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: ТД конф. посвящ. десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. М. С. 4–5.

Ранов В. А. 1985. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Ларичев В. Е. (ред.). Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск. С. 10–35.

Юсупов А. Х. 1977. Разведки каменного века в Яванской долине в 1973 г. // АРТ. 13. С. 25–34.

TECHNICAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS OF THE CORES OF THE GISSAR CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEOLITHIC SITE GULIKANDOZ, TAJIKISTAN)

Dmitrii M. Shulga*, Natalia N. Skakun**, Takhmina M. Bostanova***

* *Independent researcher, St. Petersburg, Russia;* ** *Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;* *** *A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan*

Keywords: *Neolithic of Tajikistan, Gissar culture, Gulikandoz, flintknapping technology, cores.*

The paper is concerned with the analysis of flint cores for microblades from a collection obtained at the site of Gulikandoz (Gissar Neolithic culture, Tajikistan) excavated in 1973. The main types of cores (sub-prismatic, wedge-shaped, end cores) are considered, the characteristic methods of processing the fracture zone (preparation of platforms and platform overhangs) and shaping are briefly described. On the basis of the fact that no pre-forms were found at the site, and all the cores were heavily utilized or have surface defects that impede further splitting, it is concluded that the artisans practiced the most economical approach to the consumption of materials. It is of interest that despite the initially small

size of the raw materials, some of the cores were made of flakes; perhaps, this is a consequence of the desire to unify the industry, aimed at obtaining microblades of a certain size. This does not contradict the variety of core forms: the removals from all the types of cores are uniform, the type of each core depends, apparently, solely on the parameters of the raw materials.

MULTI-LAYER PREHISTORIC SITE IN SOUTH TURKMENISTAN — DASHLY DEPE

Aydogdy Kurbanov*, Nikolaus Boroffka**

* *German Archaeological Institute, Eurasian department, Visiting research fellow, Ashgabat, Turkmenistan*; ** *German Archaeological Institute, Eurasian department, Research fellow, Berlin, Germany*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-26-28

Keywords: *Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Central Asia, Turkmenistan.*

The site of Dashly Depe (fig. 1) lies in the center of Yzgant in the Ahal province of Turkmenistan. The locality is situated on the floodplain north of the Kopetdag Mountains, about 35 km northwest of Ashgabat, the modern capital of Turkmenistan. The mound visible today has a size of ca. 100 × 150 m, being oval in north–south direction, and with a preserved height of around 3 m. The upper layers have been damaged by various works in modern times, and parts of the mound have been disturbed due to the exploitation of clay for building material. It is very likely that the mound is in fact considerably larger and much of it has been buried by alluvial sediments which cover the entire plain.

Only few mentions of the site may be found in the older archaeological literature: (Хлопин 1960; 1963; Лисицина 1978: рис. 3; Kohl 1984: 213). Researchers dated the site to the Anau IA — Namazga I period (earliest Chalcolithic) and to the Anau IV time (earliest Iron Age, now mostly named Yaz I period).

After a visit by the authors in 2011, during which some pottery could be collected from the surface of the site, it was confirmed that there is material of the early Chalcolithic (Anau IA — Namazga I), while early Iron Age pottery (Yaz I type) was not found at all. Instead there is wheel-made pottery of light beige color, which is quite typical of the Bronze Age (Namazga V–VI), well

Fig. 1. Dashly Depe seen from the north

known from most of Turkmenistan, but especially from such sites as Altyn Depe, Gonur Depe or Togolok (Массон 1981; Сарияниди 1990).

In spring 2012 excavations were started in Dashly Depe by the researchers of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Turkmenistan in cooperation with the German Archaeological Institute and by financial support of a National Geographic grant. The initially small stratigraphic trench, which was begun on a surface of 2 × 6 m in 2012, has been extended towards the north. It was dug in artificial spits (Russian *yarus*) of 50 cm thickness and has reached a depth of over 5 m without exposing the sterile ground, which must lie even deeper. Since this is already 2 m below the surrounding plain, the idea expressed above, that alluvial sediments cover much of the site, has already been confirmed. The top layer is disturbed by later activity and contains material from the Chalcolithic, the Bronze Age (wheel-made pottery) and modern times mixed up. The levels below the artificial spits VI–VII are clearly still cultural layers, none of them being of natural formation. In artificial spit VIII there are even indications of another beaten clay floor, and pottery is found down to the lowest layer uncovered so far. However, due to the small excavation area at this depth, there is not enough archaeological material yet to follow the evolution further backwards — it may only be said that the layers are, of course, older and could well be from the Neolithic period. However, this may be demonstrated only by further research (Boroffka, Kurbanov 2015).

During the 2018 excavation season pottery similar to material of the Yaz II was found in a trench at the top of the mound. After several seasons Dashly Depe, being a unique site in this region, demonstrates a chronological sequence from the Eneolithic period up to the Early Iron Age.

References

- Лисицина Г. Н. 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М. Массон В. М. 1981. Алтын-Депе. Л. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 18).
- Хлопин И. Н. 1960. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 10. С. 134–224.
- Хлопин И. Н. 1963. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л. (Археология СССР. САИ. Вып. Б3-8).
- Сарияниди В. И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Boroffka N., Kurbanov A. 2015. New data on the Neolithic and Eneolithic of Central Asia: Dashlydepe (Turkmenistan). In: *Miras*. 1. P. 38–55.
- Kohl Ph. L. 1984. Central Asia: Palaeolithic beginnings to the Iron Age. Paris (Recherche sur les Civilisations. Synthèse. 14).

ДАШЛЫ-ДЕПЕ — МНОГОСЛОЙНЫЙ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА ЮГЕ ТУРКМЕНИСТАНА

А. Курбанов*, Н. Бороффка**

* Германский археологический институт, Евразийский отдел, приглашенный научный сотрудник; Ашхабад, Туркменистан; ** Германский археологический институт, Евразийский отдел, Берлин, Германия

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, ранний железный век, Центральная Азия, Туркменистан.

Древнее поселение Дашлы-депе, расположенное на окраине с. Изгант, примерно в 35 км к СЗ от столицы Туркменистана Ашхабада, является очень важным памятником, хронологически охватывающим, судя по всему, время перехода от неолита к энеолиту в подгорной

полосе Центрального Копетдага. Радиоуглеродные даты дали новые данные по истории этого поселения и подтверждают вероятность того, что оно возникло в период неолита (джейтунская культура). Уже раскопанные там слои хронологически пересекаются со всеми ранними периодами культуры Анау (конец V–IV тыс. до н. э.), но показывают даже более четкие традиции неолита в материальной культуре, чем Анау. В энеолитическую эпоху (Намазга I–II) жизнь на Дашлы-депе, по-видимому, продолжалась без какого-либо видимого серьезного перерыва, и поэтому переходный этап от неолита к энеолиту вполне доступен для изучения — ситуация, весьма редкая для первобытной археологии Центральной Азии.

В настоящее время Дашлы-депе представляет собой один из самых западных ранних памятников позднеджейтунской и ранней намазгинской культур, и это обстоятельство дает возможность изучения контактов его населения с носителями синхронных культур долины Сумбара на западе Туркменистана.

ОГОНЬ В ЖИЗНИ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА¹

Н. Ф. Соловьёва, Е. К. Блохин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-28-29

Ключевые слова: Центральная Азия, Южный Туркменистан, Йылгынлы-депе, энеолит, ранние земледельцы, очаги.

В результате археологического изучения поселений ранних земледельцев на территории Южного Туркменистана, проводимых либо начатых под руководством В. М. Массона учеными ИИМК РАН (ранее — ЛОИА АН СССР), накоплен большой объем информации, раскрывающий ключевые моменты повседневной жизни раннеземледельческих обществ региона. Обширный массив данных свидетельствует о роли огня в быту и обрядах обитателей поселений эпохи палеометалла. Недавнее открытие в горизонте конца периода раннего энеолита на поселении Йылгынлы-депе уникальной мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики с двумя обжигательными печами делает особенно актуальным сбор сведений о местах разведения огня и создание типологии таких объектов. Говоря о всем корпусе источников в целом, мы используем термин «место разведения огня», включающий любые типы очагов, печи, специально оформленные костры, ямки для огня, пятна прокала и т. п. Уже сейчас представляется возможным предложить некоторые интерпретации выделенных нами типов.

Всего было учтено более 100 специально оформленных мест разведения огня открытых при раскопках поселений на территории Южного Туркменистана, датирующихся эпохами неолита и энеолита, большая часть которых опубликована. Основным источником послужили прекрасно сохранившиеся и тщательно исследованные на протяжении 25 полевых сезонов закрытые комплексы поселения Йылгынлы-депе. В качестве аналогий привлечены подобные описанным энеолитические объекты из Ирана, Сирии, Ирака и Южной Анатолии, а также печи эпохи бронзы из поселений, исследованных на территории Туркменистана. Кроме того, при интерпретации изучаемых конструкций привлекались

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

обширные этнографические сравнительные данные из наиболее изученных архаических и традиционных обществ, а также материалы современных культур Ближнего Востока и Передней Азии.

При анализе собранного корпуса источников авторы учитывали прежде всего формальные внешние признаки: форму, детали устройства, количество, степень и локализацию пятен прокала, расположение объекта в пространстве архитектурного объема, к которому он относился, а также более широкий контекст — особенности оформления конкретного архитектурного объема, его расположение на территории поселения и характеристику слоев заполнения, связанных с его функционированием в непосредственной близости от места разведения огня.

В результате на основании только конструктивных особенностей нами выделено восемь типов мест разведения огня, в общем виде разделяющихся на: массивные прямоугольные конструкции из сырцовых кирпичей, различающиеся внутренним устройством, количеством пятен прокала и расположением конструкции внутри помещения (типы 1–3); невысокие круглые сырцовые конструкции с внешним валиком и без него, с лункой со слабыми следами прокала в центре (тип 4); небольшие, часто аморфные, конструкции, выделенные либо глиняным валиком, либо несколькими положенными на пол кирпичами, либо ямкой (вариант — ямкой с донцем сосуда), чаще всего расположенные поблизости от стены помещения либо прямо пристроенные к стене (типы 5–7); костры, разжигаемые в центре дворов, не связанные с какими-либо ясно выраженными архитектурными элементами (тип 8).

При интерпретации представленного материала мы исходили из принятого исследователями архаических обществ отказа от дихотомии сакральное/профанное и понимали любое место разведения огня как объект, насыщенный множеством смыслов и одновременно выполняющий как «бытовые», «утилитарные», с точки зрения современного человека, функции, так и тесно связанный с сакральным пространством, пронизывающим все сферы жизни человека в архаическом обществе. Привычная нам дихотомия сакральное/профанное преодолевается в нашем случае через тотальную ритуализацию ежедневной деятельности человека, доступную исследователям в археологических свидетельствах обрядовых действий, фиксируемых в ходе изучения мест разведения огня.

FIRE IN THE LIFE OF THE EARLY FARMERS OF SOUTHERN TURKMENISTAN

Natalia F. Solov'eva, Egor K. Blochin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Central Asia, Southern Turkmenistan, Ilgynly Depe, Aeneolithic, early farmers, hearths.*

The paper analyzes the data indicating the role of fire in everyday life and the rites of the inhabitants of the Paleometal-era settlements. Altogether, more than 100 places for igniting fires, which were uncovered during excavations of Neolithic and Eneolithic settlements in the territory of Southern Turkmenistan, are taken into account. The main sources of research are closed complexes of the settlement of Ilgynly Depe, investigated over 25 field seasons. As a result of their study, eight types of fire places are identified on the basis of design features: massive rectangular structures made of mud bricks (types 1–3); small, often amorphous, structures highlighted either by a clay roller or by several bricks laid on the floor (types 5–7); bonfires ignited in the center of courtyards (type 8). When interpreting the material presented, any place for kindling a fire is considered not only as the object that is saturated with a lot of meanings and simultaneously performing “everyday” and “utilitarian”, from the modern point of view, functions, but also as the object that is closely related to the sacred space piercing through all the spheres of human life in the archaic society.

**«СВЯТИЛИЩЕ» ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ.
РАЦИОН ПИТАНИЯ И ХОЗЯЙСТВО ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ
ОБИТАТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹**

А. К. Каспаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-30-32

Ключевые слова: энеолит, археозоология, охота, скотоводство, хозяйство, Илгынлы-депе, «святилище», джейран, кулан, домашние животные.

В сообщении предпринята попытка реконструировать хозяйственный уклад жителей энеолитического поселения Илгынлы-депе на основе обнаруженных на одном из его участков (раскоп 3) фаунистических остатков. Памятник расположен в Южном Туркменистане, примерно в 200 км к ВЮВ от г. Ашхабада, недалеко от с. Меана. Работы на поселении продолжаются почти тридцать лет. В настоящее время раскопки ведутся только на раскопе 3. Этот участок примечателен тем, что здесь было открыто «святилище», которое существовало на протяжении нескольких сотен лет, изменяясь архитектурно и планиграфически. Как сам участок, так, вероятно, и люди, связанные с ним, имели в энеолитической общине особый статус, что отражается и в составе остеологических остатков, найденных на раскопе 3.

Проследим изменения в составе фаунистических коллекций из строительных горизонтов 1–7 (примерно 3800–3200 гг. до н. э.). Процентный состав костных остатков основных видов животных на раскопе 3 в разных периоды представлен в таблице 1. Основными источниками мясного питания на протяжении этого времени являлись овцы и козы, а также дикие животные, которых добывали на охоте. Домашняя корова была известна обитателям поселения, но доля ее костей не особенно велика. Охота велась главным образом на джейрана и кулана, однако основной объект охоты с течением времени менялся. В горизонте 7 джейран и кулан представлены примерно равными долями костных остатков, причем доля джейрана несколько больше. Однако в горизонте 6 обнаружено больше костей кулана, чем джейрана, а в отложениях горизонтов 5 и 4 количество остатков кулана заметно возрастает, а доля джейрана начинает сокращаться. В горизонте 4 доля остатков мелкого рогатого скота наименьшая. Примечательно, что в этом же периоде несколько возрастает число костей коровы.

Однако уже в горизонте 3 доля кулана вновь уменьшается, а доли джейрана и мелкого рогатого скота возрастают. Причина тут, видимо, заключается в том, что когда численность какого-либо конкретного вида животных сокращалась, он переставал быть основной охотничьей добычей до тех пор, пока его поголовье не восстанавливалось. Потому одновременно с падением доли кулана в питании происходит увеличение в пищевом рационе доли джейрана. Когда кулан становился малодоступен, начинали чаще охотиться на джейранов, и наоборот. В самых нижних горизонтах 7 и 6 обнаружен относительно большой процент костей дикой свиньи, которая также являлась охотничьей добычей. Позднее остатки свиньи практически исчезают. Таким образом, охотничья специализация хозяев святилища на раскопе 3 менялась с течением времени, вероятно, в соответствии с меняющимися природными условиями.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

Дошедшие до нас остеологические остатки из раскопа 3 являются в основном не обычными кухонными отбросами, а остатками культовых трапез или, во всяком случае, трапез с не совсем ординарным составом участников. Анатомический состав костей домашних и диких животных, обнаруженных на раскопе 3, показывает, что здесь гораздо чаще употребляли в пищу деликатесные части туш, чем на других участках поселения. На раскопе 3 также встречено большое количество обломков роговых стержней. Известно, что рога животных в древности играли особую роль в культовых церемониях и повседневных магических ритуалах. Таким образом, на указанном раскопе мы имеем дело с некой специальной территорией, образ жизни обитателей которой несколько отличался от такового на поселении в целом.

Однако общая тенденция изменения хозяйственного уклада на Илгынлы-депе коснулась и раскопа 3. Здесь, как и на всем поселении, скотоводство постепенно вытесняет охоту. К концу IV тыс. до н. э. количество остатков коровы на поселениях подгорной зоны Копетдага падает, а число костей джейрана несколько возрастает. Однако на раскопе 3 Илгынлы-депе доля костей коровы практически не меняется. Питание деликатесной говядиной осталось для его обитателей на прежнем уровне, несмотря на изменение климатических условий и структуры скотоводства. Это говорит о том, что они обладали определенными привилегиями в обществе Илгынлы-депе.

Таблица 1
Илгынлы-депе, раскоп 3, горизонты 1–7,
видовой состав остеологической коллекции (в %)

Горизонты	1–2	3	4	5	6	7
Виды						
Кулан	7,7	9,8	11,8	12,2	7,4	5,2
Джейран	8,6	6,8	7,3	1,9	5,6	8,8
Корова	9,6	9,8	13,6	6,7	6,7	7,1
Мелкий рогатый скот	70,4	69,2	60,1	73,2	71,4	71,2
Свинья	0,2	–	–	–	3,4	4,6
Собака	0,2	0,4	0,3	0,6	2,5	0,5
Черепаша	0,3	0,3	–	0,2	0,5	0,1
Прочие животные	1,8	1,8	1,8	1,3	1	2
Человек	1,2	1,9	5,1	3,9	1,4	0,5

THE “SANCTUARY” OF ILGYNLY DEPE. THE DIET AND ECONOMY OF PRIVILEGED INHABITANTS OF THE SETTLEMENT

Aleksei K. Kasparov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Eneolithic, archaeozoology, hunting, cattle-breeding, farming, Ilgynly Depe, “sanctuary”, Persian gazelle, koulans, domestic animals.*

In the paper osteological materials from the Eneolithic settlement of Ilgynly Depe in Southern Turkmenistan are being investigated. There a “sanctuary” has been found that existed for most of the 4th millennium BC. The osteological analysis has shown that over a period of almost a thousand years the main animals to be hunted were Persian gazelles and koulans, which were hunted alternately. The inhabitants of the “sanctuary” ate better meat than other residents of the settlement. Moreover, beef

was a large part of their diet, the consumption of which did not decrease over time, as in other settlements in the region. These and some other facts indicate that residents of Ilgynly Depe, who belonged to the “sanctuary”, had certain privileges in comparison with other members of the community.

CHALCOLITHIC CERAMIC AND ARTEFACTS FROM THE SITE OF MEHRGARH (PERIOD 3), PAKISTAN. CHARACTERISTICS AND COMPARISONS WITH SOME SITES FROM SOUTHERN TURKMENIA

Anaïck Samzun

National institute for preventive archaeology, Paris, France

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-32

Keywords: Mehrgarh, Pakistan, Chalcolithic, ceramic.

The material culture of the site of period 3 of Mehrgarh (Pakistan) (Chalcolithic period around 4500 BC) provided with an abundant ceramic specially collected in compartmented mud-brick houses, in a necropol where about 100 tombs have been excavated as well as in an area where remains of a craftsmanship area (an oven and hips of sherds) have been excavated. A part the ceramic is decorated and a few motives (caprids, “dansers” etc.) indicate external influences coming from Iran, Afghanistan and Turkmenia. We will discuss about the contacts between Baluchistan and this cultural area.

КЕРАМИКА И АРТЕФАКТЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА С ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГАР (ПЕРИОД 3), ПАКИСТАН: ХАРАКТЕРИСТИКА И СРАВНЕНИЕ С НЕКОТОРЫМИ ПАМЯТНИКАМИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

А. Самзун

Национальный институт охранной археологии, Париж Франция

Ключевые слова: Мергар, Пакистан, энеолит, керамика.

Материальная культура поселения Мергарх (Пакистан) периода 3 (эпоха энеолита, около 4500 г. до н. э.) богата керамикой, собранной в домах из сырцового кирпича, на некрополе, где было раскопано около 100 могил, а также на участке, где были открыты остатки ремесленного производства (печь и фрагменты керамики). Часть керамики орнаментирована и некоторые мотивы декора указывают на внешние влияния, исходящие из Ирана, Афганистана и Туркменистана. В докладе обсуждаются контакты между Белуджистаном и этой культурной зоной.

ДАТА ЗАПУСТЕНИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЦЕНТРА АЛТЫН-ДЕПЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ТУРКМЕНИСТАНА¹

В. А. Алёкшин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-32-35

Ключевые слова: Центральная Азия, Северо-Восточный Иран, энеолит, бронзовый век, поселение, клад, Алтын-депе, Гонур-депе, Тепе Гиссар.

Алтын-депе, одно из крупнейших древних поселений юга Центральной Азии, было исследовано Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН с 1965 г. до начала

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

2000-х гг. под руководством В. М. Массона. Стратиграфия этого памятника стала опорной для сельскохозяйственных культур эпохи энеолита и бронзового века данного региона. Верхние культурные отложения Алтын-депе, представленные четырьмя строительными горизонтами (Алтын 3 — Алтын 0, отсчет снизу вверх), относятся к среднему бронзовому веку. Работам В. М. Массона предшествовали изыскания ашхабадского археолога А. Ф. Ганялина, который в 1959–1961 гг. раскопал самый возвышенный участок памятника, расчистив здесь помещения, относящиеся к двум строительным горизонтам (Ганялин 1967). Керамика из этого раскопа синхронна строительным горизонтам Алтын 3 — Алтын 0, хотя изредка встречаются формы сосудов, производство которых продолжалось и в позднем бронзовом веке. Стены верхнего горизонта в раскопе А. Ф. Ганялина были повреждены двумя так называемыми кладами, в которых преобладала керамика. Эти закрытые комплексы относятся к завершающему этапу обживания Алтын-депе.

Дату первого клада определяет бутылка из серой глины (рис. 1, 1). Ее форма, неизвестная на памятниках эпохи энеолита и бронзового века Южного Туркменистана, типична для слоя ШВ Тепе Гиссар, поселения на северо-востоке Ирана (рис. 1, 2). Подобный сосуд был найден и в одном из погребений могильника поселения Гонур-депе, расположенного в Мургабском оазисе (рис. 1, 3). Последнее изделие выполнено из светло-зеленой глины и покрыто зеленоватым ангобом. Вероятно, данный экземпляр был изготовлен местным мастером, который копировал форму сосуда, доставленного из Северо-Восточного Ирана.

Второй клад датируется по сделанному из светлой глины кубку на ножке (рис. 1, 5). Эта форма посуды также не свойственна эпохе энеолита и бронзовому веку Южного Туркменистана. Судя по резервуару рассматриваемого кубка, он восходит к расписным изделиям такого рода, обнаруженным в слоях IA–IIA Тепе Гиссара (рис. 1, 4). На юге Туркменистана подобные сосуды из светлой глины представлены также в нескольких захоронениях могильника Гонур-депе (рис. 1, 6–8), причем в погребении № 1450 вместе с упомянутым кубком обнаружен лощеный темно-коричневый графин с прочерченным орнаментом (рис. 1, 9). Такой графин известен также в слое ШВ Тепе Гиссара (Schmidt 1937: Pl. XXXVII, H 3987). Таким образом, кубок из второго клада, а также, вероятно, и весь клад, синхронен периоду Гиссар ШВ.

Оба клада, судя по их стратиграфической позиции, относятся к последующему за строительным горизонтом 0 этапу существования Алтын-депе, который следует обозначить как Алтын 0₂ и который синхронен слою Гиссар ШВ. Однако на Алтын-депе обнаружены два артефакта, относящиеся к более позднему времени, чем горизонт Алтын 0₂. В погребении № 109 находился металлический косметический стержень, завершающийся изображением головы козла (рис. 1, 11). Металлические стержни с разнообразными фигурками людей и животных, включая наверху с изображением козла, впервые появляются в слое Гиссар IIIС (рис. 1, 12, 13). Еще одно изделие, относящееся к тому же периоду, было найдено на поверхности Алтын-депе. Речь идет о каменной бусине с кружковым орнаментом. Подобные артефакты зафиксированы и в Гиссар IIIС (Schmidt 1933: Pl. CXLVI, H 490 c; рис. 1, 10). Учитывая эти аналогии, а также имея в виду, что на Алтын-депе не выявлена импортная керамика, синхронная горизонту IIIС Гиссара, можно полагать что окончательно Алтын-депе был заброшен во время, соответствующее переходу от слоя Гиссар ШВ к слою Гиссар IIIС (Алтын 0₂/Алтын 0₁), то есть в самом конце III тыс. до н. э.

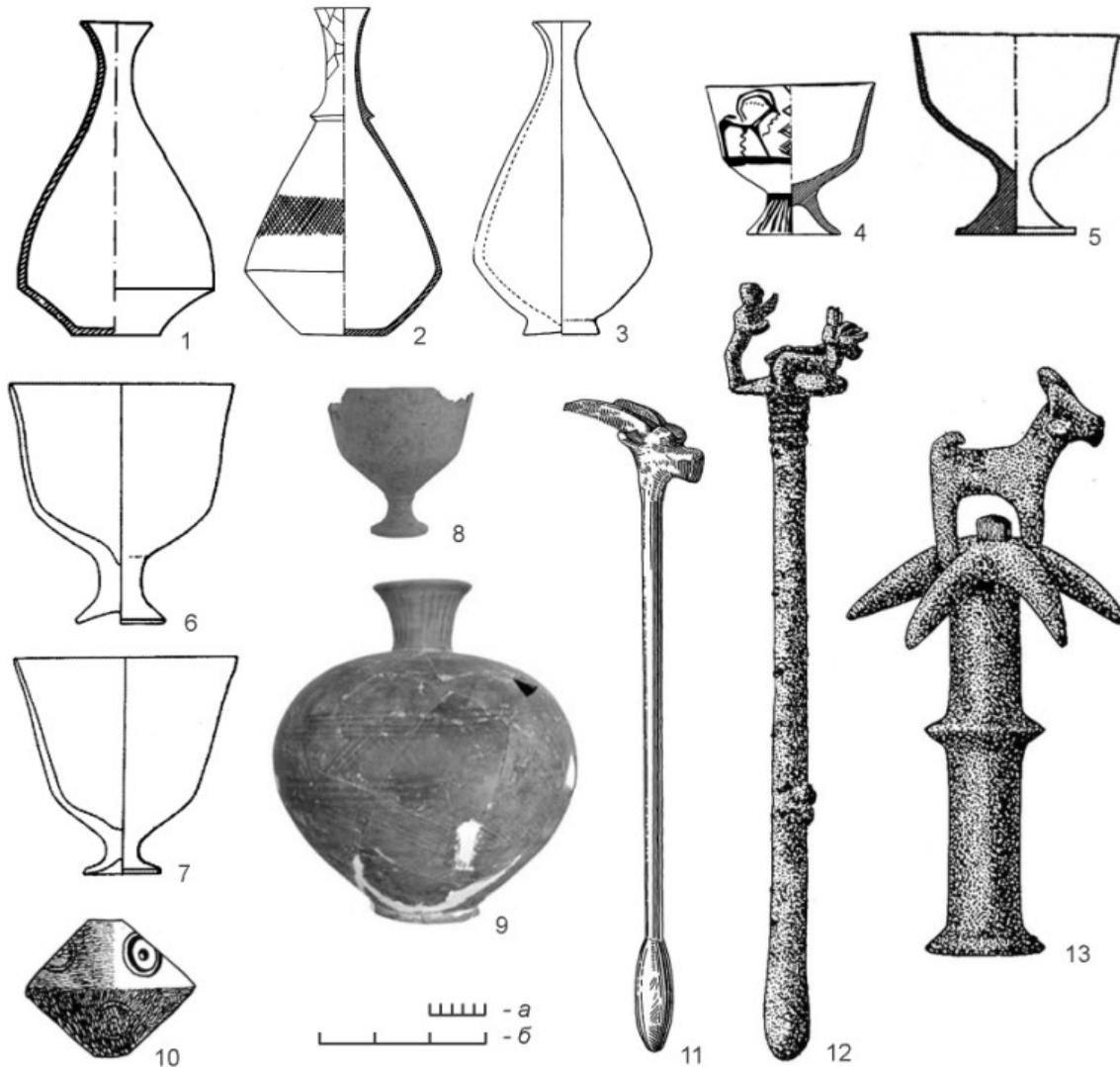

Рис. 1. Глиняные сосуды (1–9), каменная бусина (10) и металлические изделия (11, 12 — косметические стержни; 13 — навершие) из памятников среднего бронзового века Южного Туркменистана: поселение Алтын-депе (1 — первый «клад»; 5 — второй «клад»; 11 — погр. № 109); могильник поселения Гонур-депе (3 — погр. № 432; 6 — погр. № 21, 7 — погр. № 91); поселение Гонур-депе (8, 9 — погр. № 4150) и Северо-Восточного Ирана: поселение Тепе Гиссар (2 — погр. СН 75, X-9; 4 — погр. ДН 34, X-14; 10 — погр. СФ 47, X-2; 12 — погр. СГ 31, X-7; 13 — погр. СН 64, X-1). 1, 5 — по: Ганялин 1967: рис. 5, 2; рис. 7, 10; 2, 4, 10, 12, 13 — по: Schmidt 1937: Pl. XXXVII, H 3841; Pl. VII, H 4544; Pl. LXX, H 2788; Pl. XLVIII, H 4885; Pl. XLVIII, H 3578; 3, 7 — по: Salvatori 1995: Fig. 19, 1; 10, G 91/1; 6 — по: Salvatori 1994: Fig. 7, 1; 8, 9 — по: Сарияниди и др. 2014: рис. 4, 7, 9; 11 — по: Кирчо 2005: табл. 22, 1. Масштабы: а — для 1–9; б — для 10; 11–13 — без масштаба

Литература

Ганялин А. Ф. 1967. Раскопки в 1959–1961 гг. на Алтын-тепе // СА. № 4. С. 207–219.

Кирчо Л. Б. 2005. Иллюстрации // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб. С. 147–313. (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Сарианиди В. И., Бороффка Н. Г. О., Дубова Н. А. 2014. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур-депе (погребение № 4150) // Сарианиди В. И. (гл. ред.). Исследования Гонур Деде в 2011–2013 гг. М. С. 127–137 (Тр. МарАЭ. Т. 5).

Salvatori S. 1994. Excavations at the Namazga V late graveyard of Gonur 1 (Murghab delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season. In: *Rivista di Archeologia*. Anno XVIII. P. 14–39.

Salvatori S. 1995. Gonur-Depe 1 (Margiana, Turkmenistan): The middle Bronze Age graveyard. Preliminary report on the 1994 excavation campaign. In: *Rivista di Archeologia*. Anno XIX. P. 5–37.

Schmidt E. F. 1933. Tepe Hissar Excavations 1931. In: *Museum Journal*. Vol. XXIII, no 4. P. 315–475.

Schmidt E. F. 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia.

A DATE OF DESOLATION OF THE ANCIENT AGRICULTURAL CENTER ALTYN DEPE IN SOUTHEASTERN TURKMENISTAN

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Central Asia, Northeastern Iran, Aeneolithic, Bronze Age, site, hoard, Altyn Depe, Gonur Depe, Tepe Hissar.*

Two “treasures” were found in the uppermost cultural deposit of the Altyn Depe settlement, which dates back to the Eneolithic and Bronze Ages of Southern Turkmenistan. The first one dates according to a bottle (Fig. 1, 1) that is typical for Tepe Hissar IIIB layer, the site in Northeastern Iran (Fig. 1, 2). The second “treasure” dates according to a legged cup (Fig. 1, 5). A similar vessel was found in Burial No. 1450 of the Gonur Depe burial ground (Fig. 1, 8) together with a decanter (Fig. 1, 9) having an analogy in Tepe Hissar IIIB layer. Both the “treasures” are associated with the final horizon Altyn 0₂ that is synchronous with Tepe Hissar IIIB layer. Two more artifacts of later times were also discovered at Altyn Depe: a metal rod with the image of a goat’s head (Fig. 1, 11) and a stone bead with a circle ornament. Similar products are characteristic for Tepe Hissar IIIC layer (Fig. 1, 10, 12, 13). Altyn Depe seems to have been completely abandoned during a period of time synchronous with a transition from Tepe Hissar IIIB layer to Tepe Hissar IIIC layer (Altyn 0₂ / Altyn 0₁), that is in the very end of the 3rd millennium BC.

ОТ ДЖЕЙТУНА ДО АНАУ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КАМЕННЫХ ОРУДИЯХ. НОВЫЕ ДАННЫЕ ИЗ МОНДЖУКЛЫ-ДЕПЕ, ТУРКМЕНИСТАН

Б. Огют

Институт ближневосточной археологии, Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-35-38

Ключевые слова: *энеолит Средней Азии, Монджуклы-депе, каменные орудия.*

В ходе новых раскопок на Монджуклы-депе в Южном Туркменистане в 2010–2013 гг. (Pollock et al. 2019) было собрано в общей сложности 10 954 артефактов из некремневых пород камня. Выбранный метод анализа ориентировался на категоризацию этих артефактов (Adams 2002; Wright 1992), исходя из их функций в повседневной жизни обитателей памятника.

В рамках исследования основное внимание уделяется энеолитическому периоду, который, по сравнению с неолитическими слоями, изучен на Монджуклы-депе более детально.

Сравнительный анализ материалов на региональном и надрегиональном уровнях стал возможен благодаря предыдущему изучению Монджуклы-депе, Чакмаклы-депе, Чагылы-депе и других памятников региона, отраженному в работах О. К. Бердыева (1966; 1969; 1972), В. М. Массона (1971), и особенно трасологическим изысканиям Г. Ф. Коробковой (1969).

Активное взаимодействие людей и каменных орудий (рис. 1) освещается в ракурсе таких тем, как доступность материала, планирование и случайность при изготовлении и использовании орудий, традиции и инновации в технологическом процессе. С помощью анализа следов использования в большинстве случаев можно определить функциональное назначение артефактов. В то время изготовление таких категорий орудий, как отбойники или терочки, следовало определенным морфологическим нормам. Для некоторых категорий инструментов, используемых при тонких работах (отжимники и ложила), прослеживается широкая вариабельность, указывающая на определенную свободу действий в процессе их производства и использования. Кроме того, изучение использованных в строительстве камней (из вымостки главной улицы и центрального сооружения в виде ворот верхних энеолитических слоев поселения) вносит дополнительную информацию об устройстве, значении и хронологической последовательности возведения этих сооружений, что, судя по всему, требовало значительной организации и затрат времени.

При сравнительном анализе каменных коллекций синхронных памятников проявляются особые виды деятельности обитателей Монджуклы-депе. К таковым относятся изготовление красной краски с помощью специальных краскотерок и ее широкое использование в отделке домов, судя по остаткам охры на полах и стенах помещений, а также в погребальном обряде.

Биографический подход к изучению объектов позволяет за самими объектами увидеть особенности жизни индивидуальной и коллективной людей, которые ими пользовались.

Литература

- Бердыев О. К. 1966. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры // Кисляков Н. А., Воробьева М. Г. (отв. ред.). Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М. С. 3–28.
- Бердыев О. К. 1968. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау Ia // Виноградов А. В., Воробьева М. Г. и др. (ред.). История, археология и этнография Средней Азии. М. С. 26–34.
- Бердыев О. К. 1972. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в южном Туркменистане // Каракумские древности. Вып. 4. С. 11–34.
- Коробкова Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л. (МИА. 158).
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун. Проблемы становления производящей экономики. Л. (МИА. 180).
- Adams J. L. 2002. Ground Stone Analysis. A Technological Approach. Salt Lake City.
- Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B. (eds.). 2019. Looking Closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Leiden.
- Wright K. I. 1992. A Classification System for Ground Stone Tools from the Prehistoric Levant. In: Paléorient. Vol. 18. No 2. P. 53–81.

Рис. 1. Монджуклы-депе, Туркменистан, каменные орудия из некремневых пород

FROM JEITUN TO ANAU: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN GROUND STONES. NEW DATA FROM MONJUKLI DEPE, TURKMENISTAN

Birgül Ögüt

Institut für Vorderasiatische Archäologie, Freie Universität, Berlin, Germany

Keywords: *Aeneolithic of Middle Asia, Monjukli Depe, ground stone artefacts.*

New excavations of Late Neolithic and Early Aeneolithic layers at Monjukli Depe yielded a collection of approximately 10 000 ground stone artefacts (Fig. 1). Contextual information, traces of use, residues, and morphology provide a broad insight into the everyday life of the local inhabitants. Details offer information not only about material changes during this period, but also about the social structure within the settlement. Thus, the ground stones of Monjukli Depe give a basis for consideration on a broader chronological or regional level. Some results support the already established interpretations in the field of ceramics and architecture, such as egalitarian structures pointing to autarkic households. New observations, however, indicate a greater local continuity in the development of technologies from the Late Neolithic to the Early Aeneolithic, which is not exclusively due to external impulses.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА В ТРУДАХ В. М. МАССОНА

Р. Я. Шарифов

Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-38-40

Ключевые слова: *земледельческие культуры, цивилизации, археологические изыскания, Афганистан, Индия, Иран.*

В. М. Массон является одним из выдающихся ученых XX — начала XXI в., с именем которого связано изучение древних цивилизаций. Будучи истинным интеллектуалом, он обладал настоящим археологическим чутьем, что позволило ему отметить Афганистан как один из очагов древнейшей цивилизации, хотя там он никогда не был и не проводил археологические изыскания.

Отличие Афганистана от других стран Азии заключается, в первую очередь, в своеобразии его исторического пути. Афганистан не являлся колонией европейских стран и меньше попал под воздействие европейского культурного влияния. Это привело к тому, что Афганистан долгое время был закрытой страной, в ней намного позже стали проводиться археологические изыскания, преимущественно французскими и английскими археологами. В стране находились крупнейшие памятники истории — Бамиан, Балх, Герат и т. д., свидетельствующие о богатом историческом прошлом. В древних письменных источниках имеются сведения о том, что Великий Шелковый путь проходил по территории Афганистана, который входил в состав Ахеменидского государства. Через Афганистан продвигались войска Александра Македонского по пути в Индию. Местные жители показывали европейцам древние крепости и остатки крепостных стен, а находки старинных монет, статуй и других предметов свидетельствовали о том, что эта земля скрывает немало тайн прошлого, о которых практически ничего не было известно. Проводившиеся европейскими археологами раскопки открывали в Афганистане множество каменных орудий, однако древнейшая история страны меньше интересовала археологов, чем античные города и поселения. Тщательно изучив всю археологическую литературу, В. М. Массон подчеркнул, что природные условия Афганистана (наличие больших рек, благоприятный климат, близкий природным условиям Северо-Западной Индии) указывают на то, что

страна находится между крупнейшими цивилизациями древнего мира: Ираном и Индией. При этом он отмечал недостатки приводившихся систематических археологических изысканий в Афганистане французской археологической экспедицией.

В. М. Массон заключил, что большое количество каменных орудий свидетельствует о заселении территории Афганистана еще в эпоху каменного века (Массон 1962: 253–260).

Идея единства раннеземледельческих общин Ирана и Афганистана была высказана и в следующей монографии В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток» (1964), где на основе археологического материала автор дал общую картину эволюции ранних земледельцев Индии, Афганистана и Ирана. Он следовал теории Н. И. Вавилова о том, что горные районы Афганистана и Северо-Западной Индии являются одним из мировых центров происхождения культурных растений.

На основе анализа археологических материалов и письменных источников два крупных советских ученых опубликовали первую монографию по истории Афганистана — «История Афганистана» в двух томах, причем ее первый том был посвящен древнейшей и древней истории этой страны (Массон, Ромодин 1964). Эта монография не потеряла своей актуальности и по сей день.

В конце 1970 — начале 1980-х гг. советские ученые стали активно проводить на территории Афганистана археологические изыскания, что привело к изданию большого количества работ по археологии Афганистана, начиная с каменного века и до позднего средневековья. В. М. Массон не участвовал в археологических раскопках в Афганистане, однако его интерес к изучению древнейшего прошлого этой страны не ослабевал. Исследования новых памятников каменного века, эпохи бронзы и раннежелезного века приводили ко все более ясному пониманию исторических связей этого региона с цивилизациями Южной Азии и Ближнего Востока. Открытие советскими археологами крупнейших памятников различных эпох показало, что история Афганистана не уступает по древности сопредельным странам. Памятники эпохи бронзы и античности — Дашлы-3, Тилля-тепе и другие — продемонстрировали, что на территории Афганистана находились поселения и города, которые играли большую роль в межкультурном обмене в древности и средневековье (Массон 1982а). Эти открытия послужили основой первой главы «Афганистан в древности» в новой монографии по истории Афганистана (Массон 1982б).

Исследуя древнейшее прошлое Афганистана В. М. Массон показал, что несмотря на малую изученность страны, этот регион начиная с эпохи каменного века находился в центре всех исторических событий: в нем происходили процессы антропогенеза, становление первых земледельческих культур, расселение народов, процессы урбанизации и, как результат, становление крупнейших цивилизаций, которые по значимости не уступают другим цивилизациям Востока (Массон 1989; 2006).

Литература

- Массон В. М. 1962. Древнейший Афганистан (Некоторые вопросы первобытной археологии) // СА. № 2. С. 253–260.
- Массон В. М., Ромодин В. А. 1964. История Афганистана: в 2-х томах. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. М. 1964.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
- Массон В. М. 1982а. Археологические памятники Афганистана и древняя история страны // Советское востоковедение. Вып. 1: Афганистан: Прошлое и настоящее. М. С. 7–20.
- Массон В. М. 1982б. Афганистан в древности // Ганковский Ю. В. (отв. ред.). История Афганистана. М. С. 6–60.

Массон В. М. 1989. Первые цивилизации. Л.

Массон В. М. 2006. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.

THE STUDY OF THE ANCIENT HISTORY OF AFGHANISTAN IN THE WORKS BY VADIM M. MASSON

Rakhmonali Y. Sharifov

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Keywords: *agricultural cultures, civilizations, archaeological investigations, Afghanistan, India, Iran*

The paper analyzes of the works by Vadim M. Masson, which are devoted to the archaeology and ancient history of Afghanistan. In them he has considered the basic questions of cultural genesis and the formation of the earliest centers of agricultural cultures, the resettlement of peoples and the emergence of great civilizations in the country and adjacent territories. Based on the fact that the region has been little studied archaeologically, however, a large number of monuments have been discovered, ranging from the Stone Age to the Late Middle Ages, it has been concluded that Afghanistan was always at the epicenter of events of all the historical eras, and there were cultural ties between the civilizations of India and Central Asia and the Middle East.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГОНУР-ДЕПЕ¹

Р. М. Сатаев*, Н. А. Дубова*, М. А. Мамедов**

* *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;* ** *Академия художеств, Ашхабад, Туркменистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-40-41

Ключевые слова: *бронзовый век, Южный Туркменистан, Древняя Маргиана, Гонур-депе, хронология, периодизация.*

Гонур-депе, предполагаемый административно-культурный центр Древней Маргианы, расположен в 85 км к северу от г. Байрамали (Марыйский велаят Туркменистана). Результаты радиоуглеродного анализа показывают, что временные рамки существования Гонур-депе определяются в пределах 2500–1500 гг. до н. э. (Зайцева и др. 2008: 179; Fontugne et al. In print), хотя внутренняя периодизация памятника остается слабо разработанной.

В. И. Сарияниди выделял три этапа функционирования протогородского центра. Однако во дворце Гонура он и Б. Н. Удеумурадов кроме трех горизонтов, отражающих периоды застройки и перепланировки дворца, отмечали следы более ранних и более поздних конструкций (Удеумурадов 1996; Сарияниди 1998). На основании находок ранних стен В. И. Сарияниди предполагал, что «подобно келлелийскому оазису, и в гонурском имелись недолговечные строения, относящиеся к рубежу IV–III тыс. до н. э.» (Сарияниди 1998: 2). Следы использования участка после руинизации дворца проявляются обрывками стен и гончарными печами, впущенными в руины предшествующих периодов (Сарияниди 1996: 1–2).

В связи с необходимостью уточнения и конкретизации этих данных в периферийной северной и восточной части дворца были проведены исследования по выяснению стратиграфического положения и особенностей устройства сохранившихся стен. В 2014–2018 гг. здесь было обследовано и описано 50 разрезов-расчисток, выявлены новые строительные объекты.

Обобщая данные первых исследователей Гонура и наших стратиграфических исследований, можно говорить о наличии здесь пяти строительных горизонтов (пяти периодов).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

1. От основания поселения до возведения дворца (~2500/2300–2000 гг. до н. э.) — 1-й строительный горизонт дворца («додворцовый» горизонт).
2. От возведения дворца до «большого пожара» во дворце (~2000–1900 гг. до н. э.) — 2-й строительный горизонт дворца («I дворцовый» горизонт).
3. От начала восстановления дворца после пожара до прекращения функционирования дворца как резиденции правителей Гонура — ухода правящей элиты (~1900–1700 гг. до н. э.) — 3-й строительный горизонт дворца («II дворцовый» горизонт).
4. От времени ухода правящей элиты и начала использования дворца простыми общинниками (перепланировки помещений дворца для собственных нужд) до его полного запустения (~1700–1600 гг. до н. э.) — 4-й строительный горизонт дворца («III дворцовый» горизонт).
5. От времени запустения дворца до полного оставления людьми территории протогородского центра (~1600–1500 гг. до н. э.) — 5-й строительный горизонт дворца («постдворцовый» горизонт).

Литература

- Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. 2008. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // Сарияниди В. И. (ред.). Тр. МарАЭ. М. Т. 2. С. 166–179.
- Сарияниди В. И. 1996. Отчет о работах Маргианской археологической экспедиции в 1996 г. // Архив МарАЭ.
- Сарияниди В. И. 1998. Отчет о работах на Гонур-деде в 1998 г. // Там же.
- Сарияниди В. И. 2007. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. № 1. С. 49–63.
- Удеумурадов Б. Н. 1996. Некоторые итоги // Архив МарАЭ. Рукопись.
- Fontugne M., Zajtseva G. I., Lyonnet B., Dubova N. A., Burova N. D. In print. Appendix. Radiocarbon dates related to the BMAC-Oxus Civilization. In: Lyonnet B., Dubova N. (eds.). Oxus Civilization. London.

THE INTERNAL CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF GONUR DEPE

Robert M. Sataev*, Nadezhda A. Dubova*, Muhamed A. Mamedov**

* *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

** *Academy of Arts, Ashgabat, Turkmenistan*

Keywords: *Bronze Age, Southern Turkmenistan, Ancient Margiana, Gonur Depe, chronology and periodization.*

Gonur Depe is the administrative and religious centre of Ancient Margiana, the ruins of which are located in 85 km to the north of the town of Bayramaly (Turkmenistan). The time frame for the existence of Gonur Depe is defined in the range of 2500–1500 years BC. Summarizing the data of the first researchers of Gonur Depe and our stratigraphic studies, conducted in 2014–2018, one can talk about the presence there of five periods (construction horizons) of the functioning of this proto-city center:

1. from the foundation of the settlement to the construction of the palace (~2500/2300–2000 BC);
2. from the construction of the palace to the “big fire” in the palace (~2000–1900 BC);
3. from the beginning of the restoration of the palace after the fire until it ceased to function as a residence of the rulers of Gonur Depe (~1900–1700 BC);
4. from the time of the departure of the ruling elite and the use of the palace by the common members until its complete desolation (~1700–1600 BC);
5. from the time of the desolation of the palace to the complete abandonment of this territory by the people (~1600–1500 BC).

ВНУТРИГРУППОВАЯ ВАРИАЦИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СЕРИИ ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН, ЭПОХА БРОНЗЫ) И ЕЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-42-45

Ключевые слова: бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК), палеоантропология, погребальные сооружения, факторный анализ.

«Взрослая» краниосерия с известного памятника эпохи бронзы Гонур-депе¹ в Туркменистане (2300–1600 гг. до н. э.) насчитывает в настоящее время 672 черепа (353 женских и 319 мужских) разной степени сохранности. От общего числа имеющихся взрослых захоронений, где определен пол и возраст погребенных (2542 единицы — Куфтерин, Дубова 2019: 68), это составляет 26,4 %. Сбор и исследования краниосерии были начаты О. Бабаковым и продолжены другими авторами (Бабаков и др. 2001; Babakow 2002). В таблице 1 приведена краниологическая характеристика мужских и женских черепов из Гонур-депе. Там же специально даны стандартные квадратические отклонения (Алексеев, Дебец 1964: 123–125), которые показывают, что практически по всем признакам, как мужчины, так и женщины Гонура демонстрируют повышенную вариацию, что может быть обусловлено рядом причин, в том числе определенной эндогамией внутри социальных слоев.

В. И. Сарияниди не раз подчеркивал, что наиболее «богатые» хоронили своих умерших в камерных могилах и в цистах (около 5 %), «средний класс» — в подбойных (около 85 %), а «беднейшие» — в обычных грунтовых ямах (около 10 %) (Сарияниди 2001: 35–36; Sarianidi 2007: 24). При статистическом анализе погребальных приношений на Большом некрополе Гонура выяснилось, что их распределение по разным типам могил² в целом хорошо согласуется с этим выводом автора раскопок, но в то же время имеются определенные различия в наборе приношений между теми, кто был похоронен в камерах и в цистах. Более того, при общем в целом антропологическом облике жителей Гонура (долихокрания, узкое, высокое лицо с высокими орбитами, резко выступающий нос с высоким переносьем) отмечаются определенные отличия между мужчинами, останки которых были найдены в разных погребальных сооружениях (Дубова, Куфтерин 2017). Рассмотренные ранее материалы не включали женскую часть популяции. Данное сообщение восполняет этот пробел.

Сопоставление как мужских, так и женских черепов, происходящих из захоронений разного типа, проведено с помощью факторного анализа (метод главных компонент). Различия между подгруппами мужских и женских черепов отмечаются по разным признакам и их комплексам. Если для мужчин первый фактор (31,7 % изменчивости) связан с увеличением высоты черепа и уменьшением обоих углов горизонтальной профилировки, а также верхней высоты лица, то для женщин (43,1 % изменчивости) — с отрицательной нагрузкой на верхнюю высоту лица, два диаметра черепа и назомаллярный угол, при положительной — на зигомаксиллярный угол и носовой указатель. Наибольшие нагрузки на второй фактор (у мужчин — 22,2 %, у женщин — 31,8 %) у обоих полов имеют орбитный указатель (от mf) и (что нельзя не подчеркнуть) указатель выступления лица. У женщин

¹ Сбор и анализ антропологических материалов проводится Российско-туркменской Маргианской экспедицией в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и МК Туркменистана.

² Разнообразие типов погребальных сооружений на Гонур-депе было неоднократно описано (см., например: Sarianidi, Dubova 2016)

к ним присоединяется и носовой указатель. Дифференциация подгрупп, захороненных в разных типах могил, по степени выраженности прогнатизма еще раз подчеркивает обоснованность сделанного ранее вывода об участии в сложении гонурской популяции веддоидного компонента (Дубова 2017: 52–58).

Таблица 1
Гонур-депе, краниологические параметры мужских и женских черепов

Признаки	Мужские				Женские			
	N	M	σ	σ_{st}	N	M	σ	σ_{st}
1. Продольный диаметр	220	189,00	6,98	6,1	203	181,09	5,99	5,8
8. Поперечный диаметр	183	133,96	6,58	5,0	177	130,08	6,67	9,9
Черепной указатель	179	71,08	4,29	–	166	71,89	3,82	–
17. Высотный диаметр (ba-br)	171	135,94	5,98	4,9	149	131,39	6,22	4,7
5. Длина основания черепа	164	104,40	5,62	4,1	147	99,63	5,60	3,9
9. Наименьший лобный диаметр	192	95,71	4,10	4,4	188	92,51	5,40	4,3
10. Наибольший лобный диаметр	162	114,36	6,93	4,8	158	109,91	6,59	4,6
45. Скуловой диаметр	137	127,67	6,51	5,1	122	120,05	6,84	4,8
Лицевой указатель	24	54,90	4,12	–	99	55,58	5,15	–
48. Верхняя высота лица	189	70,07	5,01	4,1	188	66,84	5,72	3,8
40. Длина основания лица	26	99,97	6,85	4,9	118	94,69	7,21	4,7
55. Высота носа	97	51,84	4,67	2,9	194	49,98	4,61	2,7
54. Ширина носа	98	24,66	2,41	1,9	198	23,87	2,27	1,7
Носовой указатель	76	48,04	6,11	–	177	48,15	5,55	–
51. Ширина орбиты (mf)	191	41,50	2,25	1,8	212	40,34	2,79	1,7
51a. Ширина орбиты (d)	87	39,16	2,21	1,7	117	38,14	2,33	1,6
52. Высота орбиты	94	32,28	2,55	1,9	194	32,33	2,56	1,9
Орбитный указатель (mf)	140	77,48	6,71	–	189	80,22	7,42	–
Орбитный указатель (d)	56	83,52	6,18	–	116	93,19	3,62	–
77. Назомалярный угол	92	136,02	6,21	–	113	137,46	5,70	–
Зигомаксиллярный угол	80	125,70	7,83	–	95	124,40	6,30	–
75(1). Угол выступания носовых костей	101	30,71	5,41	–	85	27,45	4,84	–
Указатель выступания лица	119	95,19	5,03	–	117	95,04	6,10	–

На рисунке представлены полигоны изменчивости¹ 10 краниологических показателей для черепов, происходящих из каждого типа могил (рис. 1 а, б), и расположение тех же подгрупп в пространстве первого и второго из выделенных факторов (рис. 1 в, г). Среди мужчин крупными размерами выделяются те, кто похоронен в цистах, а самыми небольшими — в «котлованах» и в подбоях; различаются и погребенные в камерных могилах и в особо богатых гробницах, но зато наиболее сходны люди, чьи останки найдены в грунтовых ямах и гробницах; черепа из обожженных ям и цист значительно отличаются от всех других. Среди женщин такие тенденции не прослеживаются. Так, притом, что погребенные в обожженных ямах сильно отличаются по первому фактору от всех подгрупп, направление этих различий противоположное (у женщин — положительное, у мужчин — отрицательное). То же направление различий между мужчинами и женщинами касается характеристик погребенных в камерных могилах и «котлованах» людей, которые сходны между собой

¹ В качестве центра полигона взято минимальное, а для диаметра окружности максимальное значение каждого из привлеченных признаков в масштабе гонурской популяции (для мужских и женских черепов в отдельности).

по размерным параметрам, но сильно различаются по выраженности прогнатизма и орбитальному указателю. Важно отметить, что в отличие от мужских черепов, женские, происходящие из элитарных гробниц, не похожи на таковые из грунтовых ям. Соответственно последние (т. е. женщины, погребенные в ямах) сблизились с теми, чьи останки были найдены в цистах и в подбойных могилах.

Представленные данные показывают, что вариабельность антропологических особенностей в гонурской популяции практически не связана с типом погребального сооружения и, соответственно, с социальной стратификацией. Некоторые различия между физическим обликом мужчин и женщин, захороненными в могилах разных типов, могли быть связаны с другими факторами, анализ которых необходимо провести. Полученный вывод, по всей видимости, свидетельствует о том, что в стране Маргуш отсутствовала какая-либо кастовость или эндогамность социальных страт.

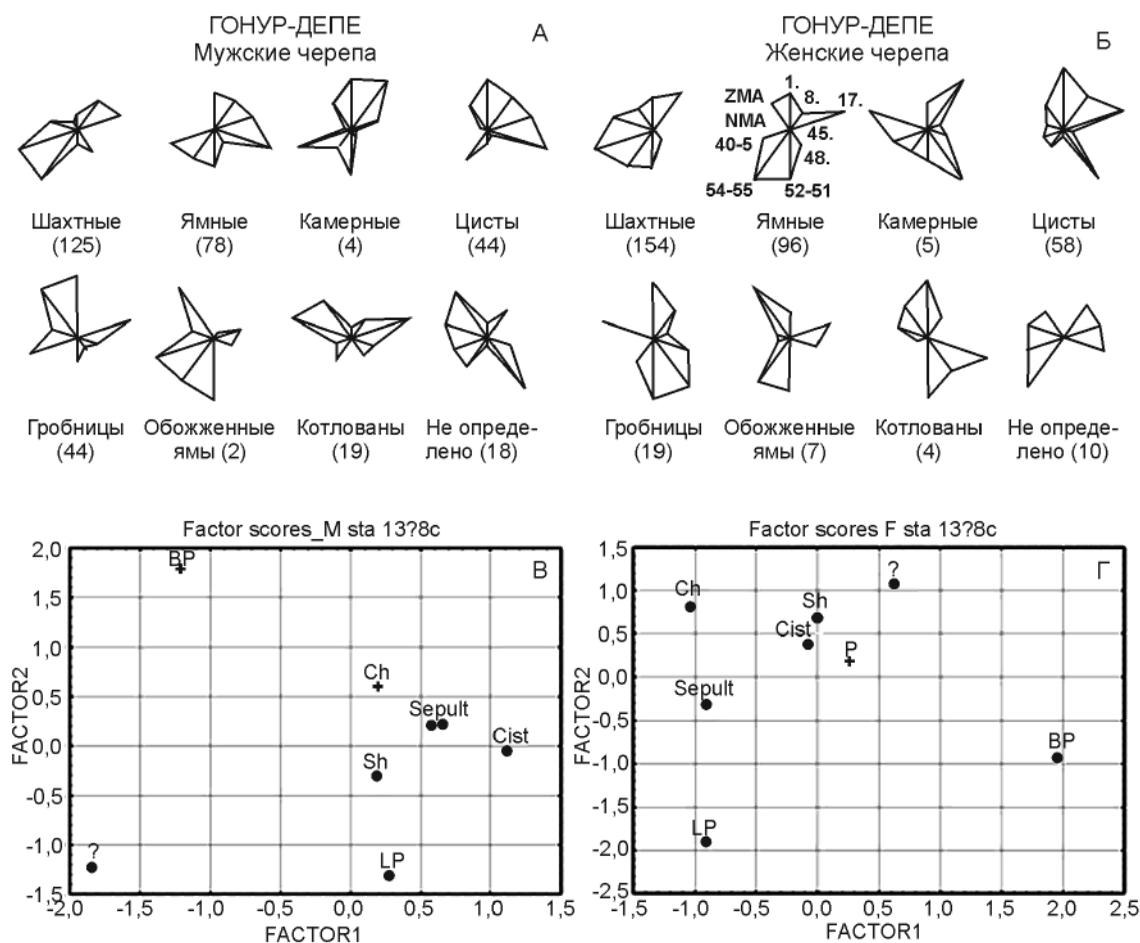

Рис. 1. Гонур-депе, Туркменистан, полигоны изменчивости мужских (а) и женских (б) черепов, происходящих из разного типа могил (объяснения в тексте) и положение тех же подгрупп в пространстве первого (Factor 1) и второго (Factor 2) факторов, выделенных в результате факторного анализа (метод главных компонент), для мужских (в) и женских (г) черепов. Обозначения признаков на полигонах: 1 — продольный диаметр; 8 — поперечный диаметр; 17 — высотный (ba-br) диаметр; 45 — скуловой диаметр; 48 — верхняя высота лица; 52: 51 — орбитный указатель (mf); 54: 55 — носовой указатель; 40: 5 — указатель выступания лица; NMA — назомаллярный угол; ZMA — зигомаксиллярный угол. В скобках указана численность черепов, происходящих из могил каждого типа. Обозначения групп на графиках: Bp — обожженные ямы; Ch — камерные; Cist — цисты; LP — «котлованы»; P — ямные; Sepult — гробницы; Sh — подбойные; ? — не определено

Литература

Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. 2001. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-депе // Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М. С. 105–132.

Дубова Н. А. 2017. Древние предтечи Великого шелкового пути на территории Туркменистана: антропологический взгляд // Мустафаев Ш. М. (ред.). Цивилизации Великого шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук: ММНК, Самарканд, 28–29 сентября 2017 г. Самарканд. С. 48–61 (Приложение к Вестнику МИЦАИ. 2017. № 26).

Дубова Н. А., Куфтерин В. В. 2017. Данные археологии и антропологии по социальной стратификации древнеземледельческого общества Маргианы (Туркменистан) // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (ред.). Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе: Сб. науч. ст. Барнаул. Т. 3. С. 31–37.

Куфтерин В. В., Дубова Н. А. 2019. Палеодемография Гонура: ревизия данных // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (44). С. 64–73.

Сарияниди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.

Babakov N. (Babakov O.) 2002. The Settlement of Gonur-Depe in the Light of Anthropological Findings. In: Rossi Osmida G. (ed.). Margiana. Gonur-Depe Necropolis. 10 years of Excavations by Ligabue Study and Research Center. Il Punto. P. 144–163.

Sarianidi V. I. 2007. Necropolis of Gonur. Athens.

Sarianidi V. I., Dubova N. A. 2016. Types of graves at Gonur Depe Bronze Age Site in Turkmenistan. In: Stucky R. A., Kaelin O., Mathys H.-P. (ed.). Proceedings of the 9th International Congress on the archaeology of the Ancient Near East. 9–13 June 2014, Basel. Vol. 3. Wiesbaden. P. 631–642.

INTRA-GROUP VARIATION OF CRANIOLOGICAL PARAMETERS OF A GONUR DEPE SERIES (TURKMENISTAN, THE BRONZE AGE) AND ITS DEPENDENCE ON SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS

Nadezhda A. Dubova, Vladimir V. Kufterin

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Keywords: *Bactria-Margiana archaeological complex, palaeoanthropology, funeral constructions, factor analysis.*

Variability of ten craniometric parameters in a series from Southeastern Turkmenistan, dated between 2300 and 1500 BC, is analyzed (353 female and 319 male skulls). Practically, all traits in male and female subgroups show increased variability. This may be due to a number of causative factors, including the presence of endogamy within social strata. The leader of the excavations at Gonur Depe, Viktor I. Sarianidi, has emphasized that the “richest” buried their dead in chamber graves and cysts (about 5 %), the “middle class” — in shafts (about 85 %), and the “poorest” — in ordinary ground pits (about 10 %). A comparison between male and female skulls originating from various types of burials has been carried out by the use of a factor analysis (principal component method). Both the results of the factor analysis and the comparison of subgroups with the assistance of polygons show that the variability of anthropological peculiarities in the Gonur population is not practically related to the tomb type and, thus, to the social stratification. Some differences between the physical appearances of men and women buried in different types of tombs could be related to other factors that should be analyzed. The conclusion obtained by us seems to testify to the fact that there were no castes or endogamy within the society of the land of Margush.

ВЕДДОИДНО-АВСТРАЛОИДНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ КРАНИОСЕРИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОНУР-ДЕПЕ: КРАНИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А. И. Нечвалода

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-46-48

Ключевые слова: Туркменистан, Гонур-депе, палеоантропология, веддоидная раса, антропологическая реконструкция лица по черепу.

Население одного из крупнейших городов-оазисов Южного Туркменистана эпохи бронзы — Гонур-депе подробно и всесторонне охарактеризовано по данным палеоантропологических материалов из обширного некрополя Гонур-депе (Бабаков 2004; Дубова, Рыкушина 2005; Дубова 2010). Большая краниологическая серия была собрана по результатам раскопок третьего периода существования Гонур-депе.

Рассматривая палеоантропологические материалы эпохи энеолита и бронзы из Туркменистана, Т. А. Трофимова уделила специальное внимание особенностям и генезису экваториального типа, представленного в то время женским черепом энеолитического времени (конец V тыс. до н. э.) из раскопок поселения Монжуклы-тепе в низовьях р. Теджен (Трофимова 1964). Говоря о генетических связях древнейшего населения Южного Туркменистана, Т. А. Трофимова выделяет два компонента в составе наиболее древнего пласта населения этого региона.

Первый компонент представлен массивным кроманьоноподобным типом, генезис которого она видит в среде автохтонных неолитических популяций, связанных своим происхождением с верхнепалеолитическим населением Передней Азии и Северной Африки.

Второй компонент — экваториальный тип (южноиндийский, дравидийский или протавстралоидный). По ее мнению, население экваториального облика проникало на территорию Центральной Азии неоднократно с глубокой древности в составе племен, двигавшихся с юга по Теджену/Герируду из бассейна Инда.

Во время археологических работ 2007–2010 гг. на Гонур-депе были продолжены исследования погребений из руин дворцово-храмового комплекса, относящихся к последнему, третьему периоду существования памятника. В полевой сезон 2007 и 2010 гг. были найдены черепа молодых женщин, обладающие яркими экваториальными особенностями (рис. 1, А).

В морфологическом смысле под экваториальными особенностями на черепе мы понимаем следующие краниологические признаки: долихокранию, прогнатизм, относительную широкое грушевидное отверстие, среднее или невысокое переносье, среднее или слабое выступание носовых костей по отношению к профилю лица, средняя уплощенность лицевого скелета в области горизонтальных углов, общая грацильность черепа.

Погребение № 3734. Череп молодой женщины хорошей сохранности, очень грацильный. Все швы мозгового черепа открыты, третьи коренные зубы еще не прорезались. Основнозатылочной синостоз не закрыт. Возраст можно определить в 16–18 лет. Обращает на себя резко долихокранная, высокая (акрокrania — высота черепа равна его ширине), и узкая мозговая коробка. Лицевой скелет имеет среднюю профилировку. На уровне орбит можно говорить о более выраженной уплощенности лицевого скелета.

Верхний отдел лица — низкий и узкий. Орбиты среднеширокие и очень низкие (хамеконхные). Нос невысокий и очень широкий (гиперхамерин). Обращают на себя внимание носовые кости, имеющие крышеобразную форму. Т. А. Трофимова (1959), говоря

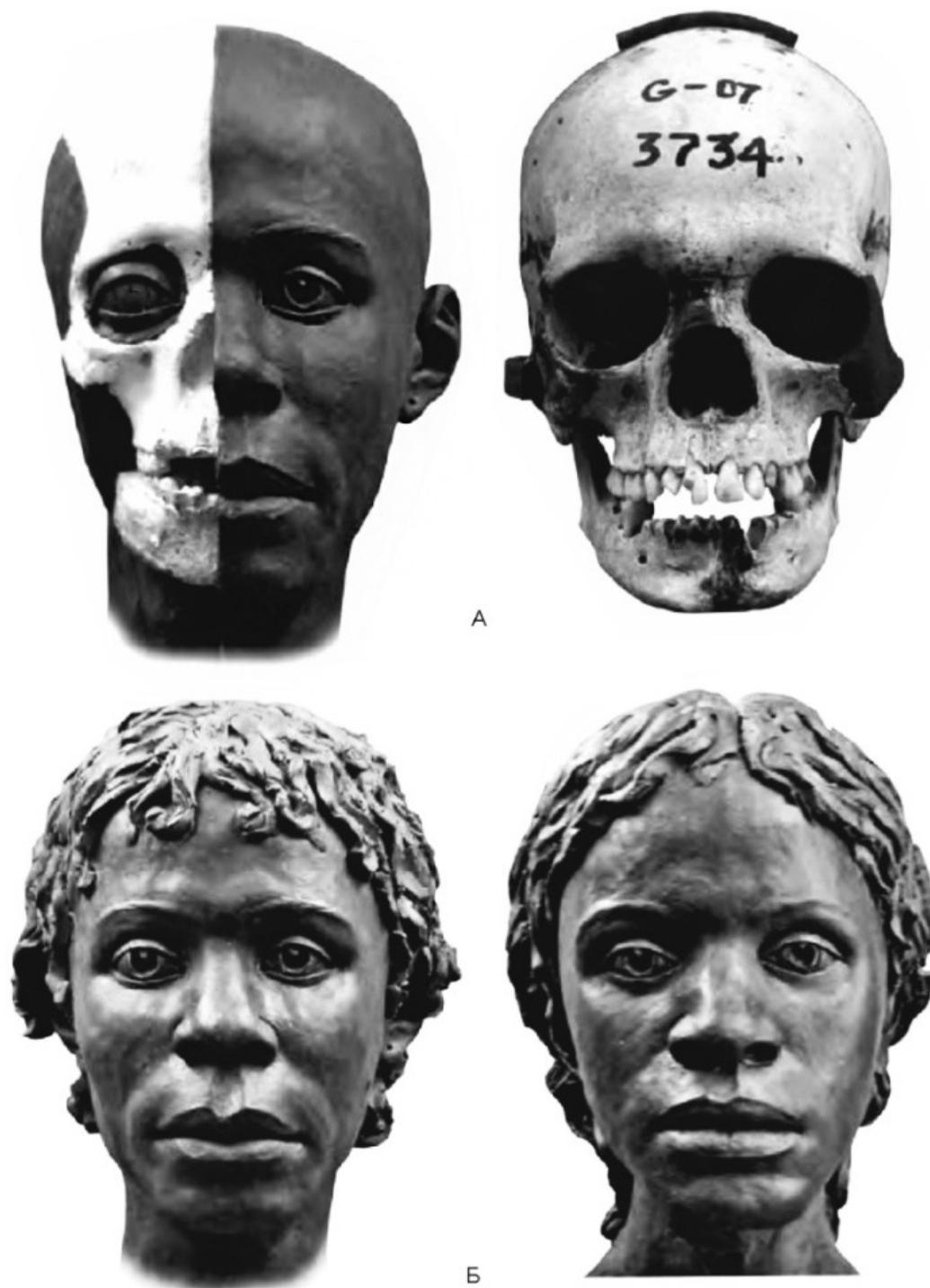

Рис. 1. Черепа веддоидного облика из руин Гонур-депе (А); скульптурные реконструкции внешнего облика по черепам (Б), автор А. И. Нечвалода

о «веддоидном» типе, выделенном ею в серии из оссуарного могильника Калалы-гыр, и характеризую череп № 64, отметила высокие крышеобразные кости носа, высота которых определяется большими величинами симотической высоты и симотического указателя.

По черепам молодых женщин веддоидного облика из руин Гонур-депе автором были выполнены скульптурные антропологические реконструкции внешнего облика (рис. 1, Б).

Литература

Бабаков О. 2004. Население Гонур Деде в эпоху бронзы (в свете антропологических данных) // Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. (ред.). У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию В. И. Сарияниди. М. С. 337–348 (Тр. МарАЭ. Т. 1).

Дубова Н. А., Рыкушина Г. В. 2005. Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России: ТД. СПб. С. 371.

Дубова Н. А. 2010. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб. С. 485–503 (Тр. МарАЭ. Т. 3).

Трофимова Т. А. 1959. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. М.

Трофимова Т. А. 1964. Население Южной Туркмении и его переднеазиатские и южно-индийские связи в первобытную эпоху по данным палеоантропологии. М.

WEDDOID-AUSTRALOID ANTHROPOLOGICAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF THE CRANIOSERIES OF THE BRONZE AGE FROM GONUR DEPE: CRANIOLOGY AND ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTION

Aleksei I. Nechvaloda

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Keywords: *Turkmenistan, Gonur Depe, paleoanthropology, Veddoid race, anthropological reconstruction of the face in accordance with the skull.*

The craniological series of the Bronze Age from the territory of Gonur Depe, the world-known ancient urban center of Southern Turkmenistan, is the most representative in number in Central Asia. The discoverer and researcher of Gonur Depe, Viktor I. Sarianidi, speaking of the connections of the population of Southern Turkmenistan (Margiana), pointed to many artifacts testifying to the contacts of Southern Turkmenistan with the Indian subcontinent. The skulls from the ruins of Gonur Depe bearing the morphological complex of the Veddoid (Southern Indian, Dravidian) race are a weighty confirmation of this his important observation.

НОВЫЕ ПЕЧАТИ НА ГОНУР-ДЕДЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)¹

С. П. Грушин*, Н. А. Дубова**, В. О. Сайберт*

* Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ** Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-48-51

Ключевые слова: *эпоха бронзы, бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК), глиптика, скорпион, архар, кошачий хищник, стопа человека.*

Весной 2019 г. в рамках Соглашения о проведении исследований между Институтом этнологии и антропологии РАН и МК Туркменистана были продолжены археологические работы Российско-Туркменской археологической Маргианской экспедиции на памятнике Гонур-деде (Юго-Восточный Туркменистан, 2300–1600 до н. э.). Исследования велись на участке к северо-востоку от дворца, снаружи обводной стены дворцово-культового комплекса (раскоп 18). Как показали раскопки, на этом месте располагался небольшой разновременный хозяйственный комплекс. Выявленные площадки с остатками печей, стен и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

обмазанных полов сооружались на уже сформированных ранее культурных отложениях. После того как постройки были заброшены, на этом участке, а часто и в самих конструкциях, устраивались погребения. Погребения преимущественно детские, как в грунтовых ямах, так в хумах и цистах. Часть погребений ограблены, о чем свидетельствуют многочисленные грабительские лазы и значительные разрушения могильных ям.

При выборке культурных отложений и расчистке выявленных конструкций, кроме многочисленного массового материала, представленного преимущественно фрагментами керамики, было обнаружено большое число индивидуальных находок, часть которых можно отнести к уникальным изделиям.

При расчистке верхних слоев культурных отложений был обнаружен крупный каменный амулет-печать с двусторонним рельефным изображением (рис. 1, 1а, 1б). Изделие имеет форму усеченного с двух сторон эллипса, четырехугольного в сечении. По длинной оси артефакта просверлено сквозное отверстие. На одной плоскости амулета изображен скорпион и отпечаток человеческой стопы, направленной в противоположную сторону от головы паукообразного. На другой — головы архара и хищника с разинутой пастью, обращенные в разные стороны. Центром этого изображения является отверстие (при оттиске

Рис. 1. Гонур-депе, печати, найденные на раскопе 18 весной 2019 г.: 1а, 1б — каменная амулет-печать и оттиски обеих ее сторон; 2 — бронзовая печать

соответственно дающее возвышение), которое соединяется со сквозным продольным. Вокруг отверстия оформлены три сегментовидных углубления. Пространство между головами животных заполнено изображениями, возможно, растений, в том числе цветов.

Форма предмета и наличие на нем сквозного отверстия позволяют предположить, что изделие могло служить центральной бусиной ожерелья. Такие поделки, изготовленные из различных материалов, широко известны не только на памятниках БМАК, но и далеко за его пределами. Аналогичные бусины известны и на Гонуре, но обычно они имеют намного меньшие размеры (см. например: Сарияниди 2002: 129).

Рассматриваемый предмет имел несколько функций. Характер изображений свидетельствует о его использовании в качестве печати. Получаемые оттиски полно и ярко демонстрируют особенности фигурок, именно оттиски были предназначены для просмотра. Сама бусина могла иметь функции амулета. Фигурки запечатленных на печати отдельных персонажей (скорпион, архар и хищник из семейства кошачьих) в различных комбинациях широко известны на памятниках БМАК (Sarianidi 1998: 69, 101–102, 193, 205, 247, 285, 287, 301, 303, 325). Встречаются также изображение стопы человека (Sarianidi 1998: 163–164). Кроме того на Гонуре (как в подъемном материале, так и в помещениях) обнаружены объемные изображения стопы с частью голени (например, на «царском» и Большом некрополях Гонура, в пом. 68 на раскопе 18 и в других местах). В то же время изображения, где скорпион и стопа исполнены совместно, ранее найдены не были. Образ скорпиона в Месопотамии (а возможно, и в Маргиане) на протяжении III — начала II тыс. до н. э. имел неизменное значение, связанное с культом плодородия, но эта символика могла переходить к тому или иному божеству, культ которого пользовался наибольшим почитанием (Кононенко 1997). Стопа в данном случае, по всей видимости, говорит о движении, перемещении божества. Но, безусловно, зафиксированный в 2019 г. сюжет требует дальнейшего изучения с привлечением широкого круга аналогий.

Еще одной интересной находкой весны 2019 г. на раскопе 18 является бронзовая перегородчатая печать с петелькой (рис. 1, 2). На ней показан хищник из семейства кошачьих. Подобные предметы, изображающие разных животных, также типичны для БМАК (см. например: Sarianidi 1998: 285, No. 1553). Кошачьи хищники встречаются на печатях Гонурдепе в качестве отдельного изображения (Сарияниди 2001: 265) и в составе композиции. В этой связи следует упомянуть хорошо известную печать с женским крылатым божеством, сидящим на хищнике (Сарияниди 2001: 64). Таким образом, новые находки из Гонура демонстрируют богатые перспективы его дальнейшего изучения в разных аспектах.

Литература

- Кононенко Е. И. 1997. Месопотамская глиптика Раннединастического и Аккадского периодов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.
- Сарияниди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарияниди В. И. 2002. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте р. Мургаб. Ашхабад.
- Sarianidi V. 1998. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. М.

NEW SEALS FROM GONUR DEPE (SOUTH TURKMENISTAN)

Sergey P. Grushin*, Nadezhda A. Dubova**, Violetta O. Saibert*

* *Altay State University, Barnaul, Russia*; ** *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Keywords: *Bronze Age, Bactria-Margiana archaeological complex, glyptic, scorpion, argali, feline predators, human foot.*

During the 2019 spring season of excavations within the territory of the northeastern part of the palace ritual complex of Gonur Depe (area 18) a large stone seal-amulet with relief depictions on both the sides was discovered. The product has the shape of a truncated ellipse on both sides, its cross-section is quadrangular, and a through hole was drilled along its long axis. On the one side there are depicted a scorpion and a print of the human foot, on the other — the heads of an argali and a feline predator with the open mouth, both turned in different directions. The hole that gives an embossment when impressed, being connected with the through longitudinal one, is the center of the last scene. Around the hole there are three segmented recesses. The images of the scorpion, argali, feline predator and footprint in various combinations are well known on the monuments of the Bactria-Margiana archaeological complex (BMAC). The composition on this amulet is unique and requires undoubtedly its careful study.

Another interesting object from the same excavation area is a bronze partitioned seal with a loop. It depicts a feline predator. Similar objects picturing different animals are also typical of BMAC.

КРУПНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ МАРГИАНЫ (ТУРКМЕНИСТАН, ЭПОХА БРОНЗЫ): МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМ¹

Н. А. Дубова*, А. В. Фрибус**, С. П. Грушин***, Р. М. Сагаев*, В. Г. Турик****

* *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;* ** *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;* *** *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;* **** *Марыйский историко-краеведческий музей, Мары, Туркменистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-51-53

Ключевые слова: бактрийско-маргианский археологический комплекс, миниатюрные «колонки», каменные «посохи», каменные диски.

Находки на известном памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе насчитывают несколько десятков тысяч предметов (только в Марыйском краеведческом музее на постоянном хранении находится более 20 000 находок). Однако до сих пор опубликовано небольшое их число, в основном предметы выдающегося художественного и культурного значения. Среди особых предметов, характерных для бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК), выделяются крупные каменные изделия: так называемые миниатюрные «колонки», «посохи» и диски (Сарианиди 1990: 204; 2001: 68, рис. 35; 139, рис. 9; 2002: 132, 133, 166, 167, 228, 254; 2005: 206, 227, 269–271; 2009: 175–176; Sarianidi 1998: 53, Fig. 20; 75, Fig. 35; 2007: 342–343, Fig. 101–104). Подобные изделия (все вместе или только одна группа) встречены и на других памятниках эпохи бронзы Туркменистана (Алтын-депе, Улуг-депе), Ирана (Тепе Гиссар, Шахдад, Тюренг Тепе, Джирофт, Шахри-Сохте и др.), Таджикистана (Саразм, Фархор, Хульбук), Белуджистана, разграбленных могил Бактрии и др. «Посохи» имеют разную длину и несколько различных форм. Сделаны они также из разных пород камня. Миниатюрные «колонки» и диски значительно меньше различаются по форме, но также изготовлены из разных минералов.

Если назначение «посохов» в качестве символов высокого социального положения общепризнанно, то функции «колонок» и дисков дискутируются и обычно считаются только ритуальными. Хотя относительно того, в каких собственно ритуалах и в каком качестве они применялись, мнения специалистов сильно разнятся.

¹ Работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

В 2018–2019 гг. в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана, для составления наиболее полного каталога находок, сделанных в процессе работы российско-туркменской Маргианской археологической экспедиции, был начат сбор подробной информации и о коллекции упомянутых крупных каменных изделий, происходящих с памятников Маргианы и хранящихся в музеях Туркменистана. Все находки, прошедшие инвентаризацию в Марыйском историко-краеведческом музее, Государственном Национальном музее и Музее изобразительных искусств Туркменистана, были измерены, описаны по специально разработанной схеме (учитывалась форма, размеры, вес, особенности предметов и место их находки) и сфотографированы в разных проекциях. В. А. Агаханова проводила определение минералов, из которых были изготовлены эти предметы; Н. Н. Скакун и В. В. Терёхина начали их трасологическое изучение, которое предполагает исследование следов производства самого предмета, его последующей обработки и использования. По той же схеме начато исследование коллекции миниатюрных «колонок», находящихся в Государственном музее искусства народов Востока (г. Москва), в ИИМК РАН и Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Кроме того, в полевом музее на Гонур-депе среди каменных фрагментов были найдены части подобных изделий, которые также были описаны.

Всего на данный момент основная информация собрана по 143 миниатюрным «колонкам», 52 каменным «посохам», 18 каменным дискам (включая фрагменты всех этих изделий). Из исследованных миниатюрных «колонок» 51 экз. найден в погребениях, 46 экз. (из них 17 — на Тоголок 21) — в помещениях; остальные 29 экз. (в основном фрагменты) являются подъемным материалом. 30 «посохов» происходят из погребений, 11 — из помещений, а еще 11 экз. (также преимущественно фрагменты) собраны на поверхности поселения. Основная часть дисков (13 экз.) найдена в погребениях и только 3 экз. — в помещениях, а 2 экз. являются подъемным материалом. На изученных памятниках представлены разные виды «посохов»: веретенообразные (11 экз.), с навершием (7 экз.) и с одним скошенным концом, напоминающим копыто (12 экз.). Представлен еще 21 фрагмент разных «посохов», форма которых не определяется. Формы «колонок» и дисков варьируются в меньшей степени.

Все целые «колонки» имеют борозды как на верхней, так и на нижней базах. Профиль этих борозд имеет подовальное или подпрямоугольное сечение. На боковых поверхностях изделий борозды представлены почти в 30 % случаев. Если борозды отсутствуют, то на боковых поверхностях чаще всего присутствуют вертикальные царапины, потертости или шероховатости. В дальнейшем будет проведен анализ связей особенностей каждой группы изделий с их производством и использованием.

Литература

- Сарианиди В. И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди В. И. 2002. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад.
- Сарианиди В. И. 2005. Гонур-депе. Туркменистан. Город царей и богов. Ашхабад.
- Сарианиди В. И. 2009. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад.
- Sarianidi V. 1998. Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Sarianidi V. 2008. Zoroastrianism: a new motherland for and old religion. Thessaloniki.

LARGE STONE ITEMS FROM MARGIANA (TURKMENISTAN, BRONZE AGE): LOCATION AND DIVERSITY OF FORMS

Nadezhda A. Dubova*, Alexey V. Fribus**, Sergey P. Grushin***, Robert M. Sataev*,
Viktor G. Turik****

* *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

** *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia; *** Altay State University, Barnaul, Russia;*

**** *Mary historical and cultural Museum, Mary, Turkmenistan*

Keywords: *Bactria-Margiana archaeological complex, miniature columns, stone scepters, stone disks.*

The first information (numbers, forms, and the presence of several features) about large stone items typical for the Bactria-Margiana archaeological complex found in Margiana are given. Currently the basic information on totally 143 miniature “columns” and their fragments, 52 stone “scepters” and their fragments, 18 stone disks and their fragments, stored both in museums of Turkmenistan and Russia is collected. 51 columns, 30 “scepters” and 13 disks were found in the graves, and 46 “columns” (17 of them at Togolok 21), 11 “scepters” and only 3 disks there were in the rooms. The remaining items (mostly fragments of the 29 “columns”, 11 “scepters” and 2 discs) are lifting material. Different types of “scepters” are presented: spindle-shaped (11 items), with a maceheads (7) and with one beveled end, resembling a hoof (12). 21 fragments of various “scepters”, the shape of which is not defined are also presented. “Column” and disk shapes vary to a lesser extent. All whole “columns” have grooves on both the top and bottom bases. Grooves there are on the lateral surfaces of the 30 % of “columns”. In the case of their absence, most often the lateral surfaces have vertical scratches, rubbing or roughness. The analyzes of the relationships of the characteristics of each group of goods with their production and use is providing.

К ВОПРОСУ О КАМНЕОБРАБОТКЕ В ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОНУР-ДЕПЕ, ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)¹

Н. Н. Скакун*, В. В. Терёхина**, В. А. Агаханова***

* *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;*

** *Библиотека РАН, Санкт-Петербург, Россия; *** Минералогический музей
им. А. Е. Ферсмана РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-53-55

Ключевые слова: *Туркменистан, эпоха бронзы, камнеобработка, «колонки», трасологический анализ.*

Эпоха бронзы Евразии представлена многочисленными памятниками с разнообразными археологическими находками, в том числе инвентарем, характеризующим уровень развития техники этого времени. К сожалению, технология изготовления предметов из камня изучена не достаточно, хотя многие каменные изделия отличаются высоким качеством изготовления. Это относится в полной мере к материалам эпохи бронзы Южного Туркменистана, где в настоящее время раскопаны долговременные поселения-телли протогородского типа. К таким объектам относится поселение Гонур-депе (2300–1600 гг. до н. э.) — уникальный памятник с многочисленными сырцовыми жилыми постройками, дворцовым комплексом, сложными оборонительными сооружениями, уникальным погребальным инвентарем. Среди материалов выделяются так называемые колонки, которые чаще всего находятся в культовых комплексах (около 100 экз.). Подобные предметы известны в других памятниках эпохи бронзы Туркменистана, Таджикистана, Афганистана и Ирана. Наши исследования были посвящены изучению технологии их изготовления.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

Сырьем для них служили гипс, мраморный оникс, мрамор, мраморизованный известняк, тальк-хлорид. Они представляют собой довольно крупные предметы, напоминающие по форме одну из шахматных фигур — ладью. Верхняя часть некоторых экземпляров имеет грибовидную шляпку. Высота «колонок» варьирует от 16 до 37 см, диаметр верхней окружности — от 7 до 14 см, нижней — от 8 до 18 см. Благодаря тому, что в коллекции имеется несколько незавершенных «колонок» (одна из них обработана до половины) удалось выяснить последовательность операций по их изготовлению. На первом этапе крупные куски камня оббивали, придавая «колонке» нужные размеры и конфигурацию, затем с помощью пикетажа убирали лишний материал, выводили форму «колонки», после этого шлифовали ее поверхности на крупном и мелком абразивах. Окончательной обработкой являлась полировка, которая на законченных изделиях перекрывала следы предыдущих операций и придавала всей поверхности блеск. У большинства «колонок» на верхней и нижней поверхностях прорезаны неглубокие желобки, на некоторых предметах продолжающиеся и на их боковых сторонах. Глубина желобков не превышает 0,2 см, одни из них имеют овальный, а другие — П-образный профиль. Специфические следы резания и выбирания камня из желобков свидетельствуют, что эти работы производили металлическими орудиями.

Интересно отметить, что на одной из боковых поверхностей двух «колонок» вместо желобков обнаружены узкие полосы, соединяющие концы верхнего и нижнего желобков и образованные трением о мягкий материал. Назначение желобков пока остается неизвестным, причем большинство из них было сделано до полировки поверхности. Некоторые исследователи считают, что по ним могла стекать ритуальная жидкость. Однако не все «колонки» имеют желобки на боковых сторонах. Результаты проведенных исследований пока не дают однозначного ответа о действительном назначении этих желобков, но, возможно, для удобства обработки «колонки», имевшие значительный вес, закрепляли с помощью боковых углублений-желобков в специальном приспособлении. Многие детали изготовления этих изделий были выявлены только после изучения их поверхности с помощью бинокулярного микроскопа. Это участки со следами пикетажа, следы разметки вырезания пазов, узкие полосы, образовавшиеся от трения. Кроме того, на поверхности нескольких «колонок» найдены крупницы окиси металла, что подтверждает наше заключение об использовании в процессе изготовления «колонок» металлических орудий. В дальнейшем предполагается экспериментальное воспроизведение технологии изготовления «колонок», что позволит детализировать характеристику этого процесса.

Таким образом, исследование «колонок» из Гонура, одной из категорий изделий из камня, свидетельствует о высоком уровне камнеобработки, существовавшем в эпоху бронзы. Владение камнерезами этого времени профессиональными навыками, использование ими специального инструментария, знаний физических свойств разных минералов, позволили добиться такого совершенства в обработке этого сырья, что многие «колонки» выглядят как произведения искусства.

ON THE STONE PROCESSING IN ANCIENT MARGIANA (BASED ON THE DATA FROM GONUR DEPE, SOUTHERN TURKMENISTAN)

Natalia N. Skakun*, Vera V. Terekhina**, Vitaliya A. Agakhanova***

* *Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*; ** *Library, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*; *** *Mineralogical Museum named by A. Fersman of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Keywords: *Turkmenistan, Bronze Age, stone processing production, "columns", use-wear analysis.*

The Bronze Age technology of producing stone objects has currently been insufficiently studied. This applies fully to the materials of Southern Turkmenistan, where long-term settlements

of the proto-city type are studied. These include Gonur Depe, the administrative and religious center of ancient Margiana. Among its materials there are the so-called columns that have most often been found in sacral complexes. They resemble a chess piece in shape — a rook, the upper part of some specimens has a mushroom-like cap. Many details of manufacturing the “columns” have been identified only after studying their surface with a binocular. These are plots with traces of pecking, traces of marking grooves, narrow strips caused by rubbing. The depth of the grooves does not exceed 0,1 cm, some of them have oval, others — rectangular profile. Specific traces of cutting and removing material from the grooves indicate that it was made with metal tools. In the future, an experimental reproduction of the “column” manufacturing technology is expected, which will allow us to detail the characteristics of this process.

МИНЕРАЛЫ И ГОРНЫЕ ПОРОДЫ, ИЗ КОТОРЫХ ИЗГОТОВЛЕНЫ КРУПНЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ МАРГИАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ, И ВОЗМОЖНЫЕ МЕСТА ИХ ДОБЫЧИ¹

В. А. Агаханова*, **А. М. Юминов****, **Я. К. Теркишева*****

** Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана РАН, Москва, Россия; ** Институт минералогии УрО РАН, Миасс, России; *** Марыйский историко-краеведческий музей, Мары, Туркменистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-55-56

Ключевые слова: Туркменистан, бактрийско-маргианский археологический комплекс, Гонур-депе, рентгенофазовый анализ, Копетдаг.

Осенью 2018 г. российско-туркменской Маргианской экспедицией, работающей в рамках Соглашения о проведении археологических раскопок между ИЭА РАН и МК Туркменистана, было проведено макроскопическое описание горных пород, из которых изготовлены крупные каменные изделия — каменные диски, миниатюрные «колонок», каменные «посохи», найденные в разные годы при раскопках Гонур-депе и на ряде других памятников Туркменистана. Основные работы проводились в фондах Марыйского историко-краеведческого музея, также описывались изделия, находящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, Музея Востока и коллекциях ИИМК РАН. Всего было описано 145 каменных изделий и их фрагментов: 106 миниатюрных «колонок», 24 «посоха», 11 дисков и четыре навершия. У большинства изделий отбиралось вещество для получения детальной информации о минеральном составе горных пород с помощью рентгенофазового анализа. Анализ проводился на рентгеновском дифрактометре ДРОН-2.

Все описанные каменные изделия изготовлены из осадочных и метаморфизованных осадочных горных пород. Для изготовления миниатюрных «колонок» и дисков древние жители Маргианы использовали главным образом мягкие породы, легко поддающиеся шлифовке и полировке — это плотные мраморизованные известняки (более 50 % всех изделий), кальцитовые ониксы (более 20 %), брекчии известняковые и брекчии полимиктовые кремнисто-карбонатные (10 %). В меньшем количестве встречаются изделия из талькохлорита (7 %) и белого гипса (4 %). В единственном экземпляре в фондах Марыйского музея имеется «колонок» из крупногалечного (гальки размером до 7 см) полимиктового конгломерата. Эта миниатюрная «колонок» полирована плохо, так как физические свойства галек и связующего их цемента оказались разными и это, вероятно, создало трудности при полировке.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

Рентгенофазовый анализ показал, что большая часть известняков — кальцитовые. Однако описаны одна миниатюрная «колонка», изготовленная из доломита, и одна — из доломитового известняка. Интересно, что древние жители Маргианы обращали большое внимание на эстетический вид изделий — все породы заведомо выбраны так, чтобы при полировке выявлялся их богатый природный рисунок.

Каменные «посохи» изготовлены преимущественно из пород пластового залегания — слюдяных сланцев (более 50 % изделий), аргиллитов (сильно спрессованных метаморфизованных глин) разного состава (12 %) — силикатных и карбонатно-силикатных, а также из окремнелых буро-красных доломитовых известняков (13 %), белых мелкопористых известняков (8 %) и темно-серых известняков (4 %). Очевидно, что такие породы пластового залегания (особенно слоистые, в случае слюдяных сланцев), очень удобны для изготовления длинных «посохов» (некоторые «посохи» достигают 2 м в длину).

В ходе работ были описаны также четыре каменных навершия, изготовленные из гипса, черного кораллового известняка, серпентинита и талькохлорита.

Ближайший к Маргиане горный хребет, сложенный породами осадочного комплекса, — Копетдаг. Однако источник каменного сырья пока не определяется достоверно ввиду широкой распространенности описанных выше пород. В этом отношении интересны миниатюрная «колонка» и обломок навершия, изготовленные из черного известняка с крупными белыми кораллами. Мы надеемся, что, сделав из этих пород петрографические шлифы и определив возраст фауны, можно будет «привязать» данные породы к геологическому разрезу и, таким образом, сузить диапазон поиска источников каменного материала. К сожалению, из-за хорошей сохранности изделий, отобрать от них достаточно вещества для изготовления петрографических шлифов пока не удалось. Необходимо также отметить, что месторождений кальцитового зеленого оникса на территории современного Туркменистана нет. Следовательно, сырье для зеленых ониксовых изделий было привозным. В настоящее время ближайшие месторождения зеленого оникса известны на территории Ирана и Турции.

MINERALS AND ROCKS FROM WHICH LARGE STONE ITEMS WERE MADE IN THE BRONZE AGE MARGIANA AND POSSIBLE PLACES OF THEIR MINING

Vitaliya A. Agakhanova*, Anatoliy M. Yuminov**, Yazgul K. Terkisheva***

* *Mineralogical Museum named by A. Fersman of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

** *Institute of mineralogy of Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Miass, Russia;*

*** *Mary historical and cultural Museum, Mary, Turkmenistan*

Keywords: *Turkmenistan, Bactria-Margiana archaeological complex, Gonur Depe, X-ray phase analysis, Kopet Dag.*

In the process of research work of the Russian-Turkmenistan Margiana expedition undertaken in the autumn of 2018 a profound analysis of the mineral composition of 145 Bronze-Age large stone objects was carried out. These objects — scepters (24 items), miniature columns (106), disks (11) and maceheads (4) — were discovered in the course of excavations at Gonur-Depe and other sites of Turkmenistan. The research was carried out by a X-ray phase analysis on a “DRON-2” X-ray diffractometer. As a result, it became clear that all the objects in question were made of sedimentary and metamorphosed sedimentary rocks that were easy to be processed. More than 50 % of the miniature columns and disks were made of marbled limestone. Besides, calcite onyx, gypsum and talchochlorite were used for their manufacture. The scepters were made mainly of mica schist and as well of mudstones and silicified dolomite limestone. The closest mountain range to Margiana, which is composed of sedimentary rocks, is the Kopet Dag. However, a source of stone raw materials has not yet been reliably determined, due to the widespread occurrence of the rocks described above.

LOCK-SHAPED STONE HAND-BAGS (PIERRE ANSÉES) FROM CENTRAL AND MIDDLE ASIA: TYPOLOGY, DISTRIBUTION AND NEW FINDINGS

Gian Luca Bonora

Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente, Rome, Italy

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-57-58

Keywords: *hand-bag stone artefacts, Bronze Age, typology, Iranian plateau, Central Asia, Eurasian steppe, Middle Asian interaction spheres.*

This paper is dedicated to the study of the stone hand-bags of lock shape and other similar forms discovered across Bronze Age Eurasia. These artefacts are often called as “weights” and “*pierre ansées*”. Information, data and measurements are collected and presented for the first time in a comprehensive paper. A preliminary typology of the artefacts divided into seven large types, with few sub-types, is then advanced. Unfortunately, most of the hand-bags have been found by chance, lacking useful information to understand and reconstruct their original function — whether ritual, social or economic — that remains enigmatic. The earliest of them were found in proto-chalcolithic and chalcolithic sites of south Turkmenistan (Алёкшин 1973), as well as few rough hand-bags, distinguished by a solid, thick body and unpolished surfaces, were found by E. Schmidt (Schmidt 1937) in a Period IIB context of Tepe Hissar (north-eastern Iran), datable to the last centuries of the 4th millennium BC. Two identical rough handled weights were recently recovered on the surface of a minor settlement in Sistan, not far from Shahr-i Sokhta, in association with pottery of the early 3rd millennium BC. However, the period of their greatest diffusion is comprised between the mid-3rd and the mid-2nd millennium BC, as confirmed by the discovery of some hand-bags in stratigraphic contexts of farmers settlements located in northern and south-easter Iran, southern Turkmenistan, Iraq and Uzbekistan.

Recently, a large number of these beautiful and complex artefacts have been illegally excavated in the plundered graveyards of the Halil Rud, southern Iran (Majiidzadeh 2003). Only few specimens, unfortunately without context, were later recovered by the Iranian authorities. What was their symbolic meaning and their actual function in the funerary rituals? Together with clorite and schist staffs and miniature columns, “weights” of variable forms, including finely figurative stone hand-bags, had probably a very specific function in the funerary rituals of the elites that, between the late 3rd millennium and the middle of the 2nd millennium BC, were diffused across Eastern Iran, Bactria, Central Asia and northern Baluchistan. These stone artefacts played an unknown but evidently pervasive ideological function.

Moreover, other hand-bags have been identified by the author of this paper in the store-rooms of different museums in southern Kazakhstan and Uzbekistan extending their area of diffusion northward, toward the cultural world of the Eurasian steppes. For example, a lock-shaped undecorated handbag (Fig. 1), made of grayish granite found by chance in 1984 in the Lenin village of the Kordaj district, at the border between Kazakhstan and Kyrgyzstan, is displayed today in a showcase of the Historical Museum of Zhambyl (formerly, Taraz) in south Kazakhstan. Others are stored in the Central State Museum of Almaty as well as some specimens are in the Regional Museum of History of Ferghana (Uzbekistan).

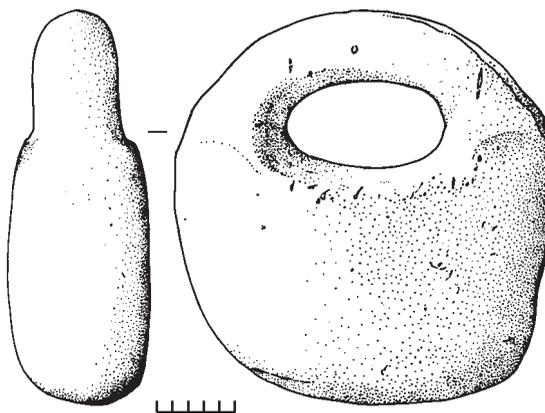

Fig. 1. Lock-shaped handbag from the Lenin village of the Kurday ditrict, at the border between Kazakhstan and Kyrgyzstan

A chronological attribution to the second half of the late 3rd millennium BC is here put forth for these Kazakhstan and Uzbekistan handbags chance finds. As witnessed further by the beautiful lock-shaped handbag or amulet from Soch, in Ferghana, characterised by fine figurative zoomorphic decoration and inserts containing coloured stones, they may testify the earliest attempts made by southern Central Asian surveyors to explore and exploit the southern Central Asian steppes in search for metal and other resources.

Aware that the geographical definition of Oxus Civilisation is a matter of broad scientific debate, the study of this class of objects allows to shed some new light on the socio-economic and cultural contacts between the settled farming communities of Middle Asia and the mobile groups of cattle breeders widespread across the Eurasian steppes.

References

- Алёкшин В. А. 1973. Каменные гири с древнеземледельческих поселений южной Туркмении // СА. № 4. С. 238–242.
- Madjidzadeh Y. 2003. Jiroft: The Earliest Oriental Civilization. Tehran.
- Schmidt E. F. 1937. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia.

КАМЕННЫЕ «СУМОЧКИ В ФОРМЕ ЗАМКА» (PIERRE ANSÉES) ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ: ТИПОЛОГИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Ж. Л. Бонора

*Международная ассоциация исследований в Средиземноморье и на Востоке,
Рим, Италия*

Ключевые слова: каменные артефакты в виде «сумочек», бронзовый век, типология, Иранское плато, Центральная Азия, Евразийская степь, среднеазиатские сферы взаимодействия.

Доклад посвящен изучению каменных «сумочек в форме замка» и других подобных форм, обнаруженных на памятниках бронзового века Евразии. Самые ранние из них были найдены на протоэнеолитических и энеолитических поселениях Южного Туркменистана (Алёкшин 1973). Еще несколько «сумок» грубой работы, отличающихся твердым, толстым телом и неполированной поверхностью, были найдены Э. Шмидтом на Тепе Гиссар (Северо-Восточный Иран) в контексте ПВ периода, датированного последними веками IV тыс. до н. э. (Schmidt 1937). Однако время наибольшего их распространения приходится на середину III — середину II тыс. до н. э., что подтверждается обнаружением некоторых сумок в стратиграфических контекстах земледельческих поселений, расположенных в Северном и Юго-Восточном Иране, Южном Туркменистане, Ираке и Узбекистане. В последнее время большое количество этих красивых и сложных артефактов было незаконно выкопано на разграбленных могильниках Халил Руда на юге Ирана. Вместе с «посохами» из хлорита и сланца и миниатюрными «колонками», «гири» различных форм, в том числе и каменные «сумочки», вероятно, выполняли очень специфическую функцию в погребальных ритуалах элиты, которые в период между концом III и серединой II тыс. до н. э. были распространены по всему Восточному Ирану, Бактрии, Центральной Азии и Северному Белуджистану. Эти каменные артефакты играли неизвестную, но, очевидно, приобретающую все большие масштабы идеологическую функцию. Кроме того, такие же «сумочки» были обнаружены автором доклада в хранилищах разных музеев в Южном Казахстане и Узбекистане, что расширяет зону их распространения на север, в направлении культурного пространства евразийских степей.

ПЕРВАЯ НАХОДКА ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСИ НА ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)¹

А. В. Фрибус*, Н. А. Дубова**, М. Ы. Беглиев***

* Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; ** Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; *** Государственный историко-культурный заповедник «Древний Мерв», Байрамали, Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-59-61

Ключевые слова: эпоха бронзы, бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК), погребальные приношения, история искусства, структура протогородского центра.

Весной 2019 г. российско-туркменская Маргианская археологическая экспедиция, работающая в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и МК Туркменистана, возобновила исследования сателлитного поселения Гонур 20 (рубеж III и II тыс. до н. э.), расположенного в 4 км к Ю от известного памятника Гонур-депе в Юго-Восточных Каракумах. В 2010–2011 гг. было найдено более 20 подобных поселков-спутников, расположенных в пешей доступности от главного дворцово-храмового комплекса. На двух из них были приняты раскопки, которые показали, что все они имеют разную планировку и, по всей видимости, разную специализацию. Гонур 20 был исследован двумя раскопами. Обнаружены печи, в том числе керамические, жилая застройка, хозяйственные зоны и более 70 погребений. Авторы раскопок предполагали, что поселение являлось своеобразным ремесленным поселком, в котором проживали оседающие на землю скотоводы (Сарианиди, Дубова 2012).

Раскоп 2019 г. был разбит в юго-западной части памятника и примыкал к ранее исследованному пом. 15 на раскопе 2. Следов построек здесь не найдено. На вскрытой площади зафиксировано восемь погребений (циста; пять подбоев с уступом; погребение в «саркофаге», образованном двумя хумами; яма в сочетании с цистой) и несколько разнотипных объектов (два поминальника и две ямы). На первый взгляд, площадка была занята рядовыми погребениями, типичными для БМАК по конструкции и с весьма скромными погребальными приношениями (1–2 сосуда). Среди них выделялась циста (погр. 73), где зафиксировано 19 разнотипных сосудов, каменная печать-пуговица, биконическая бусина и бронзовый стержень. Обращают на себя внимание и два поминальника (погр. 74 и 80), которые представляли собой скопление сосудов на древней поверхности (в общей сложности 27 сосудов). Подобные скопления описаны на раскопе 16 Северного Гонура (юго-западная часть памятника, в непосредственной близости от Большого некрополя) (Дубова 2008).

Настоящее сообщение посвящено, прежде всего, погр. 78, имевшему необычную конструкцию. Подпрямоугольная могильная яма была разделена на две камеры. Восточную часть занимала небольшая циста, в которой стояли 11 керамических сосудов. Ее продольная стенка поверх кирпича выложена фрагментами нескольких хумов. Западную часть занимало погребение женщины, лежавшей в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. С западной стороны находилось пять керамических сосудов. В захоронении найдены каменная биконическая бусина, металлическая печать, фигурка из известняка, изображающая стопу человека, бронзовая булавка с навершием из лазуритовой и бирюзовых бусин. В ЮВ углу ямы зафиксированы остатки фрагментированного деревянного предмета, покрытого известково-песчаным раствором, поверх которого нанесена полихромная роспись (рис. 1).

Размеры предмета составляют 22 × 17 см. Его деревянная основа частично сохранилась благодаря специальной пропитке. По мнению археоботаника Л. В. Сатаевой, на изделии

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» №18-09-40082.

сохранились слабовыраженные годовичные кольца, что нехарактерно для пород древесины, типичных для рассматриваемого региона. После того, как деревянная основа предмета (небольшая шкатулка или плакетка) разрушилась, покрытие стенок «сложилось» таким образом, что большая его часть оказалась повернута тыльной стороной вверх. Предмет был изъят монолитом и подлежит дальнейшей реставрации. Сказать что-либо о композиции росписи в целом пока сложно. Судя по нескольким видимым фрагментам, в росписи использованы красители как минимум трех цветов — черного, красного и охристо-коричневого, а сама композиция напоминает схематическое изображение антропоморфного персонажа, видимо, держащего в одной руке змею. Вторая рука опирается на талию.

На Гонур-депе исследована большая серия уникальных предметов, выполненных в смешанной технике (сочетание полихромной росписи и мозаики) (см., например: Сарияниди, Дубова 2013). Отдельные мозаичные вставки в Маргиане были найдены уже в 1990-х гг. на Тоголок 1 и в Большом некрополе Гонура (Сарияниди 2002). Настоящей сенсацией можно считать обнаружение в 2004 и 2009 гг. мозаичных композиций на «Царском некрополе», где они украшали фасады подземных гробниц и массивные деревянные ящики — «дарохранительницы». Среди обнаруженных образцов присутствуют как орнаментальные мотивы, так и уникальные сюжетные композиции («Пары противоборствующих грифонов», «Грифон в картуше», «Змеи, заглатывающие козлов», «Борьба крылатых драконов со змеями»). Антропоморфные изображения в мозаиках не сохранились, хотя, учитывая значительное число каменных вставок глаз, они были представлены. Имеется только одна мозаичная портретная вставка, происходящая из погр. № 3245. До настоящего времени не были известны и чисто живописные работы.

Таким образом, находка полихромной росписи на периферии Гонур-депе ставит новые вопросы о характере поселков-спутников и их месте в общей системе протогородских поселений комплекса Гонур-депе.

Рис. 1. Гонур 20, раскоп 2, погр. 78, фрагмент изображения на плакетке в момент обнаружения

Литература

Дубова Н. А. 2008. Компактные скопления керамических изделий // Сарияниди В. И. (гл. ред.). Тр. МарАЭ. М. Т. 2. С. 28–65.

Сарияниди В. И. 2002. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад.

Сарияниди В. И., Дубова Н. А. 2012. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // Сарияниди В. И. (гл. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М. С. 29–56.

Сарияниди В. И., Дубова Н. А. 2013. Мозаика III тыс. до н. э. в Гонур-Депе (Туркменистан) // Колганова Г. Ю., Петров А. А., Кулланда С. В. (ред.). Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М. С. 379–401.

A FIRST FIND OF THE POLYCHROMIC PAINTING AT GONUR DEPE (TURKMENISTAN)

Alexei V. Fribus*, Nadezhda A. Dubova**, Muhametnazar Y. Begliev***

* *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*; ** *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*; *** *State historical-cultural reserve "Ancient Merv", Bairamali, Turkmenistan*

Keywords: *Bronze Age, Bactria-Margiana archaeological complex, funeral offerings, history of arts, protourban settlement structure.*

In 2010–2011, in the Southeastern Karakum Desert, the Gonur 20 site was studied (dated to the turn of the 3rd and 2nd millennia BC), which is a satellite settlement relative to the famous center of Gonur Depe. Gonur 20 is located 4 km to the south of the palace-temple complex of Gonur. In the spring of 2019, a new excavation area was laid out in the southwestern part of the site, in which eight burials and a number of other objects were fixed. The burial no. 78 was divided into two chambers, in one of which (eastern) there was a cyst with 11 ceramic vessels; in the second (western) chamber there was a burial of a woman laid in a crouched position on her right side, with her head oriented to the northwest. In addition to other offerings, in the southeastern corner of the pit there were remains of a fragmented wooden object (22 × 17 cm) covered with a lime-sand mortar, over which a polychrome painting was applied. Judging by several visible fragments (the main part of the representation needs a serious restoration), in it used were dyes of three colors — black, red and ochre-brown, and the composition itself resembles a schematic image of an anthropomorphic personage holding a snake in the hand. His second hand rests against the waist. Apart from the Gonur mosaics created in mixed technics, this is a first find of polychrome painting within the territory of the Bactria-Margiana archaeological complex.

КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДРЕВНЕМ ГОНУРСКОМ ОАЗИСЕ¹

Л. В. Сатаева

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-61-63

Ключевые слова: *земледелие, Древняя Маргиана, Гонур-депе, бронзовый век.*

Земледелие и животноводство являются основой производящего хозяйства человеческих обществ. Для земледельческих культур можно отметить следующие общие признаки —

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» №18-09-40082.

приближенность к центрам происхождения и распространения сельскохозяйственных растений; разнообразие культивируемых видов; использование приемов оптимизирующих использование земельных ресурсов (террасы, система ирригации и т. д.); наличие средств для обработки земли, переработки и хранения урожая; отражение земледельческой тематики в духовной культуре.

Гонур-депе является крупным и хорошо известным центром Древней Маргианы (2300–1600 гг. до н. э.). Результаты исследования памятника демонстрируют характерные черты, присущие земледельческим цивилизациям. Культурный слой Гонур-депе содержит семена различных сельскохозяйственных растений. На территории памятника выявлена развитая ирригационная сеть. Среди артефактов присутствуют орудия для обработки земли, средства для сбора и переработки урожая, многочисленные сосуды для хранения зерна. Семена зерновых использовались и в ритуалах древнего населения Гонур-депе.

Палеокарпологический анализ показывает, что население Гонура выращивало пленчатый и голозерный ячмень, мягкую и шарозерную пшеницу, просо, из бобовых — чечевицу, нут и горох (мелкосемянную форму), из садовых — яблоню, алычу (сливу), вишню, виноград, из бахчевых — дыню (Сатаева, Сатаев 2016).

Косточки винограда, обнаруженные в очагах, часто имеют вид, характерный для жмыха, что свидетельствует о практике отжима виноградного сока и наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия. Кроме того, в культурном слое и в очагах были встречены обугленные «вздутые» зерна злаков, которые, по всей вероятности, являлись основой для брожения при приготовлении пивного напитка.

Обработка земли под посевы происходила вручную бронзовыми мотыгами. Зерно и продукты переработки хранили в хумах и специальных ямах-хранилищах, промазанных изнутри глиной. Для помола использовали массивные каменные зернотерки и песты.

Весьма показательным в отношении земледелия является погр. 2900. Это захоронение мужчины и женщины пожилого возраста в цисте сопровождали уникальные артефакты — серебряные и бронзовые предметы, украшения, изделия из слоновой кости, большое количество керамики. К цисте прилежала платформа, на которой были захоронены два барана, два ягненка, две собаки и голова эквида (Дубова 2004).

Со всех сторон погребение было окружено мощным (высотой 5–10 см) слоем обугленных зерен пшеницы и ячменя. В слое зерна был обнаружен фрагмент плетеной циновки из пяти слоев тростника. Возможно, обугленные зерна были уложены на циновку, которая впоследствии истлела.

Реконструируемая площадь, на которой было рассыпано зерно, составляет не менее 32 м², т. е. суммарно было захоронено не менее 1,6 м³ зерна ячменя и пшеницы, что может составлять 0,9–1,2 т семян.

Циста окружена с четырех сторон очагами, в которых сжигали стебли трав, однолетние веточки тамариска, саксаула, тростник, иногда — зерна злаков. Вероятно, это следы обрядовых действий за пределами самой цисты. Учитывая уникальный характер погребального сопровождения, можно предполагать, что столь мощный слой зерна также являлся подношением лицу высокого ранга. Зерно было специально подготовлено, обуглено, рассыпано на циновках, покрыто сверху толстым слоем обмазки, а затем на нем была сооружена циста.

Литература

Дубова Н. А. 2004. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна северного Гонура // Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. (ред.). У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию В. И. Сарияниди. М. С. 254–281 (Тр. МарАЭ. Т. 1).

Сатаева Л. В., Сатаев Р. М. 2016. Земледелие в Древней Маргиане // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 3. С. 30–35.

AGRICULTURE IN THE ANCIENT GONUR OASIS

Liliya V. Sataeva

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Keywords: *agriculture, Ancient Margiana, Gonur Depe, Bronze Age.*

Gonur-Depe is the large and well-known center of Ancient Margiana (2300–1600 BC). The archaeobotanical analysis has shown that the Gonur population cultivated membranous and bare grain barley, soft and globular wheat, millet; of the legumes — lentils, chickpeas and peas (small-seeded form); of the orchards — apple, cherry-plum, plum, grapes; of the watermelons — melon; all of these demonstrate a diversity of the plants grown.

The agriculture was based on the estuary and irrigation watering. The population used hoes for cultivating the land, sickles for harvesting and processing the crops, as well as specially constructed pits and vessels for storing the grain. Grain seeds were widely used in rituals of the ancient population of Gonur Depe. This testifies to a high level of the development of agriculture in ancient Margiana, which made it possible to provide the population of the city center with agricultural products in the conditions of progressive climate aridization.

EVIDENCE FOR THE INTERACTION SPHERE OF THE GREAT KHORASAN CIVILIZATION DURING THE BRONZE AGE IN NORTHERN AND EASTERN IRAN

David M. P. Meier*, Ali A. Vahdati**

* *University of Tehran, Tehran, Iran*; ** *Iran Cultural Heritage, Handcrafts and Tourism Organization, Bojnurd, Iran*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-63-64

Keywords: *Bronze Age, eastern Iran, Bactria-Margiana archaeological complex (BMAC), Oxus civilization, Great Khorasan civilization (GKC), Challow, Rازه, Gavand.*

The distribution of the objects belongs to the so-called BMAC or the Oxus Civilization have been limited to the area of southern Central Asia with a few exceptions of usually prestige objects which were found outside of this area in Iran, Afghanistan and Pakistan. Recent data and material gathered through archaeological surveys and excavations as well as chance finds, and groups of confiscated objects driving mainly from illegal excavations in northeastern Iran that eventually housed in the local museum collections of the Mofakham Museum in Bojnurd and the Akbariyeh Museum in Birjand in the Northern and Southern province of Khorasan in Iran. These discoveries are contributing to re-define the boundaries of this archaeological cultural complex which now seems to be distributed in a much wider area than formerly perceived, encompassing almost the whole territory of the historical region of Greater Khorasan.

Fig. 1. Stone “columns” from the museums in province of Khorasan, Iran

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ХОРАСАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ ИРАНЕ

Д. М. П. Майер*, А. А. Вахдати**

* Тегеранский университет, Тегеран, Иран; ** Организация иранского культурного наследия и туризма, Боджнурд, Иран

Ключевые слова: бронзовый век, Восточный Иран, бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК), Великая Хорасанская цивилизация, цивилизация Окса, Разех, Гаванд.

Распределение объектов, относящихся к так называемому бактрийско-маргианскому археологическому комплексу (БМАК) или цивилизации Окса, ограничено территорией южной части Центральной Азии, исключая ряд престижных объектов, которые были обнаружены за пределами этой территории — в Иране, Афганистане и Пакистане. Новые данные и материалы, собранные в ходе археологических исследований, а также случайные находки и группы предметов, конфискованных из незаконных раскопок в Северо-Восточном Иране и в конечном итоге размещенных в коллекциях Музея Мофахамам в Боджнурде и Музея Акбарие в Бирджанде (провинция Хорасан), вносят большой вклад в переопределение границ этого археологического культурного комплекса, который, как кажется теперь, занимал гораздо более обширные области, чем предполагалось ранее, и охватывал почти всю территорию исторического региона, известного как Великий Хорасан.

IRRIGATING THE DESERT: APPROACHES TO PALEOCHANNEL RECONSTRUCTION IN THE MURGHAB (TURKMENISTAN) DURING THE BRONZE AGE

Roberto Arciero

Leiden University, Leiden, the Netherlands

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-64-66

Keywords: Central Asia, archaeology, Turkmenistan, geoarchaeology, Murghab, Bronze Age.

It is remarkable that many of the earliest complex societies developed in the large river basins situated in desert landscapes. In the past decades, the water management systems of regions such as Egypt and Mesopotamia have been well investigated. However, although scholars have long argued for the importance of the water resource of the Bactria-Margiana archaeological complex (BMAC) in the Murghab inner delta in Turkmenistan, some critical aspects remain poorly investigated when it comes to micro-scale perspective (Lisitsina 1969; Lamber Karlovsky 2013; Cerasetti 2012). The excavations in the region by different international teams in the last two decades — and by mainly Soviet archaeologists in the last century — have uncovered magnificent citadels and impressive material culture (Hiebert 1994; Sarianidi 2009). Certainly, the ancient river network played a key role in the settlement patterns and social complexity of the BMAC. Although largely criticized today, Wittfogel's famous theory about early hydraulic societies still provokes questions about the relationship to water management and power. Even considering that the water availability during the Bronze Age in the Murghab could have been much greater than the present day, the water management and distribution among the settlements represent crucial aspects in the current research agenda. Water distribution necessitates some sort of coordination among citadels and villages that — as pointed out by T. Wilkinson — does not always require a centralized power (Wilkinson et al. 2012). Nevertheless, differences in water delivery could lead to water inequality and thus to conflicts among communities. Indeed,

water management in semi-desert regions such as the Murghab can become the base for *power relations* (Rouse, Cerasetti 2017). However, whether there was or not any form of state control over the water system during the Bronze Age, a local control that necessitates an organizational agreement among communities cannot be ruled out. Furthermore, in such a region, cereal cultivation — attested in the Murghab for the Bronze Age (Лисицына 1978; Spengler 2015) — requires artificial irrigation. However, although some aspects of the ancient Murghab system have been investigated (Cremaschi 1998; Markofsky et al. 2017; Rouse, Cerasetti 2017), little is known about the ancient paleochannel structure located within specific local settlements pattern areas. Therefore, I initiated a new investigation based on micro-scale analysis, in 2017 and 2018 in collaboration with the “Project for the Ancient Murghab” (directed by L. Rouse). The local areas around the Bronze Age sites of Togolok 1 and Ojakly in the Murghab were investigated through extensive remote sensing analysis and ground-truthed for the relative chronology. Additionally, with the use of hand-auger and test trenches (Fig. 1), the cross-sections of two paleochannels are being analyzed and dated using Optically Stimulated Luminescence (OSL) techniques (in conjunction with the University of Freiburg). This paper presents the results of two years of investigation, within a larger project whose aim is to document how the paleochannel system was distributed at local scales and to establish its relative and absolute chronology. Within this frame, we ask how the hydrological system influenced the local settlement pattern and the agricultural productivity of one of the earliest complex society of Central Asia.

References

- Лисицына Г. Н. 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.
- Cerasetti B. 2012. Remote Sensing and Survey of the Murghab Alluvial Fan, Southern Turkmenistan. In: Roger M., Curtis J. (eds). Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. 12 April — 16 April 2010, the British Museum and UCL, London. Wiesbaden. Vol. 1. P. 539–559.
- Cremaschi M. 1998. Palaeohydrography and Middle Holocene Desertification in the Northern Fringe of the Murghab Delta. In: Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (eds.). The Archaeological Map of the Murghab Delta, Preliminary Report 1990–95. Roma. P. 15–25.
- Hiebert F. T. 1994. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia (American School of Prehistoric Research. Bulletin 42). Cambridge (MA).
- Lamberg-Karlovsky C. C. 2013. The Oxus Civilization. In: Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid. Madrid). 39. S. 21–63.
- Lisitsina G. N. 1969. The earliest Irrigation in Tukmenia. In: Antiquity. 43. P. 279–289.
- Markofsky S., Ninfo A., Balbo A., Conesa F. C., Madella M. 2017. An investigation of local scale human/landscape dynamics in the endorheic alluvial fan of the Murghab River, Turkmenistan. In: QI. 437. P. 1–19.
- Rouse L. M., Cerasetti B. 2017. Micro-dynamics and macro-patterns: exploring new archaeological data for the Late Holocene human-water relationship in the Murghab alluvial fan, Turkmenistan. In: QI. 437. P. 20–34.
- Sarianidi V. I. 2009. Margush. Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabat.
- Spengler R. N. III. 2015. Agriculture in the Central Asia Bronze Age. In: Journal of World Prehistory. 28. P. 215–253.
- Wilkinson T. J., Boucharlat R., Ertsen M. W., Gillmore G., Kennet D., Magee P., Rezakhani K., De Schacht T. 2012. From human niche construction to imperial power: long-term trends in ancient Iranian water systems. In: Water History. 4. P. 155–176. doi: 10.1007/s12685-012-0056-9.

ОРОШАЯ ПУСТЫНЮ: ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМ ДРЕВНИХ КАНАЛОВ В ДОЛИНЕ МУРГАБА (ТУРКМЕНИСТАН) В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Р. Арсьеро

Лейденский университет, Лейден, Нидерланды

Ключевые слова: Центральная Азия, археология, Туркменистан, геоархеология, Мургаб, бронзовый век.

В настоящем докладе представлены результаты полевых исследований, проведенных в Туркменистане в 2017 и 2018 гг. Целью проекта является реконструкция и датирование местных систем древних каналов на памятниках бронзового века Тоголок 1 и Оюклы с помощью анализа дистанционного зондирования, пешего обследования и метода оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ).

THE FOURTH SEASON OF EXCAVATION AT TEPE DASHT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Mehdi Mortazavi

Archaeological Sciences Research Centre, University of Sistan and Baluchestan, Zahedan, Iran

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-66-67

Keywords: pottery production, Tepe Dasht, Bronze Age, Sistan, kiln.

Tepe Dasht, which is located 3 km southwest of Shahr-i-Sokhta, is a manufacturing site for pottery production, with 5.5 hectares' size. During all previous seasons, many kilns with different shapes were discovered. The site is totally covered with evidence of production process, which demonstrate craft specialization in the area during the 3rd mil. BC. As we all know, production is the transformation of raw materials and/or components into usable objects and the best way to identify the organization of production is to locate places at which production took place. The appropriate data include raw materials, debris, tools, and facilities associated with production at Tepe Dasht testify that the site was an organization of production during the mid-3rd mil. BC in Sistan region, and the most commonly recorded data indicating pottery production at this site are wasters, firing pits, kilns, molds, unworked clay, and pigments.

The main aim of the fourth season of excavation at Tepe Dasht was to have a better understanding of production facilities specially the kilns, however during previous seasons, it was also attempted to achieve this aim. Results show that structure of the kilns was different as their function was different. At this stage, it is not possible to talk about the structure of different type of the kilns in details, but it probably seems that some types were dig in ground, as their structures were mixed with surrounded texture. Firing process has integrated the structures irregularly, while regular structure was also discovered during first and second seasons.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕЗОН РАСКОПОК НА ТЕПЕ ДАШТ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

М. Мортазави

Исследовательский центр археологии, Университет Систана и Белуджистана, Захедан, Иран

Ключевые слова: керамическое производство, Тепе Дашт, бронзовый век, Систан, обжигательная печь.

Тепе Дашт, расположенное в 3 км к юго-западу от Шахр-и-Сохта, является производственным центром изготовления гончарных изделий площадью 5,5 га. В ходе предыдущих сезонов

было обнаружено много печей разной формы. На поселении выявлены многочисленные свидетельства производственного процесса, которые демонстрируют ремесленную специализацию в течение III тыс. до н. э. Как мы знаем, производство — это преобразование сырья и/или компонентов в пригодные для использования объекты, и лучший способ определить организацию производства — это найти места, где оно осуществлялось. Соответствующие данные, связанные с производством на Тепе Дашт и включающие в себя сырье, отходы, инструменты и оборудование, свидетельствуют, что в середине III тыс. до н. э. это поселение было важным производственным центром в Систане. Наиболее часто встречаются там материалы, указывающие на производство керамики: бракованные изделия, обжиговые ямы, печи, формы, необработанная глина и красители.

Основной целью четвертого сезона раскопок на Тепе Дашт было изучение производственных мощностей, особенно конструкций печей. Полученные результаты показывают, что устройство печей, как и их функции были разными. Пока невозможно говорить о деталях устройства печей разных типов, но некоторые из них, по-видимому, были вкопаны в землю.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ — ФЕНОМЕН САРАЗМА

Г. Р. Каримова

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-67-69

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, долина Зеравшана, Саразм, каменная индустрия, металлообработка, Южный Туркменистан.

Для поселения Саразм, расположенного в регионе, который благоприятен для развития сельского хозяйства и ремесленных производств (Besenval, Isakov 1989), синтез автохтонности и миграционности является движущей силой этнокультурного процесса. Саразм возник в период активизации культурных влияний, обмена, распространения различных технических достижений и эталонов, приводящих в движение значительные группы населения древних обществ. Его происхождение связано с проникновением южных оседло-земледельческих и северо-западных степных племен в долину Зарафшана (Исаков 1998).

Начиная с раннего палеолита в этом регионе сохранялась преемственность культур каменного века, но экспансия в IV тыс. до н. э. населения из Геокюрского оазиса (Южный Туркменистан) внесла существенные изменения в процессы культурогенеза на данной территории.

Судя по каменной индустрии, в Саразме развивалось несколько местных производств, причем можно говорить о их связях с удаленными регионами в эпоху неолита (кельтеминарская и сазаганская культуры), энеолита и бронзового века (степные культуры Евразии). Производство микролитических пластинок в Саразме велось местными мастерами из местного сырья, что подтверждается наличием соответствующих нуклеусов и отходов производства. Следует также говорить о производстве пластинок, полученных с небольших призматических нуклеусов. В Центральной Азии эти виды продукции характерны для эпохи неолита и, как правило, полностью отсутствуют или слабо представлены на памятниках энеолита и раннего бронзового века. Наоборот, кремневая индустрия Саразма свидетельствует не только о высоком уровне технического мастерства в энеолите, но и о сохранении здесь древних технологических традиций (Брюнэ, Раззоков 2016). Уровень мастерства проявляется в изготовлении небольших наконечников стрел (длиной от 45 до 75 мм), сделанных из различного сырья; длинных и широких кремневых ножей (длиной

не менее 160 мм) с закругленными концами. При изготовлении наконечников стрел различных форм применялись два-три технических приема ретуширования. Производство таких предметов из сырья, иногда очень зернистого и хрупкого, требовало высокого мастерства, что указывает на местное изготовление этих предметов (Brunet, Razzokov 2012). Подобного типа обработка каменных орудий появляется в материалах Южного Туркменистана лишь в бронзовом веке, возможно, как результат культурного влияния или в ходе обмена предметами торговли из Саразма.

Саразм был также крупным центром металлургии и металлообработки. Эта производственная специализация обусловила широкие контакты его населения в эпоху энеолита и бронзы (Isakov et al. 1987). Прямые аналогии в материалах конца среднего энеолита — начала ранней бронзы Южного Туркменистана (Алтын-депе, Геоксюр 1, Кара-депе, Илгынлы-депе) находят четыре категории металлических изделий Саразма: втульчатые топоры-тесла, ножи или наконечники копий с длинным, изогнутым на конце черенком, косметические стержни с утолщением на одном конце и навершием на другом и крупное круглое зеркало без ручки (диаметром 17 см) (Кирчо 2007: 199). Топоры, подобные саразмским, известны в Хараппе и Гиссаре (Besenval, Isakov 1989).

Характерные черты материальной культуры Саразма включают ограждающие поселенные стены; однокомнатные дома (с внутренним членением пространства) и прилегающие к ним дворы (хозяйственные и парадные); культовые помещения или «святилища», впоследствии трансформирующиеся в отдельно стоящие здания религиозного назначения или жилища элитарных групп населения; сакральные места для погребений. В некрополе Саразма в едином сакральном пространстве локализованы четыре типа захоронений (коллективное, парное, одиночное и фракционное) (Каримова 2016).

В антропологическом отношении население Саразма относится к средиземноморскому типу, выявленному в Южном Туркменистане (Ходжайов 2004) и на памятниках гиссарской культуры, что показывает наличие интенсивных культурных и расогенетических связей энеолитического населения долины Зеравшана в древности (Пьянкова 1992; Исоков 2005).

Все сказанное свидетельствует о многоотраслевой экономике Саразма, способствующей развитию внутрирегиональных и трансрегиональных культурных связей. Саразм демонстрирует признаки развития цивилизации (храмовые комплексы, высокое качество гончарного производства и металлургии, искусство и торговля). Этот памятник был основан населением, осуществлявшим активные торговые и посреднические связи между регионами обширной территории.

Литература

- Брюнэ Ф., Раззоков А. 2016. О новом понимании энеолита в Центральной Азии. каменная индустрия Саразма (Таджикистан): первые результаты технологического анализа // Муарих. 2 (6). С. 30–39.
- Исаков А. И. 1998. Пенджикентский оазис // Литвинский Б. А., Ранов В. А. (ред.). История таджикского народа. Т. 1: Древнейшая и древняя история. Душанбе. С. 156–161.
- Исоков А. 2005. Саразм — оғози тамаддуни халқи тоҷик. Хужанд (Қисми. 1).
- Каримова Г. Р. 2016. Таджикистан // Искандерова А. (ред.). Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 1: Традиционные верования и шаманизм. Самарканд. С. 139–199.
- Кирчо Л. Б. 2007. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. № 2. С. 193–208.
- Пьянкова Л. Т. 1992. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. Душанбе. С. 49–66.

Ходжайов Т. К. 2004. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии: Научный альманах. М. Вып. 11. С. 87–101.

Besenal R., Isakov A. 1989. Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans la region de Samarkand. In: Arts asiatiques. 44. P. 5–20.

Brunet F., Razzokov A. 2016. Towards a New Characterisation of the Chalcolithic in Central Asia. The Lithic Industry of Sarazm (Tajikistan): the First Results of the Technological Analysis. In: Didier A., Mutin B. (eds.). Man and environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New Perspectives. Turnhout. P. 49–62.

Isakov A., Kohl P. L., Lamberg-Karlovsky C. C., Maddin R. 1987. Metallurgical analysis from Sarazm, Tadjikistan SSR. In: Archaeometry. 29 (1). P. 90–102.

ETHNOCULTURAL PROCESSES — THE PHENOMENON OF SARAZM

Galina R. Karimova

A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Keywords: Eneolithic, Bronze Age, Zeravshan River valley, Sarazm, stone industry, metalworking, Southern Turkmenistan.

The phenomenon of Sarazm consists in the appearance of this settlement of the southern settled agricultural type in such a northern region. It came into existence most likely as a result of numerous contacts and migrations. The contacts could also include the resettlement of certain groups of the agricultural population to the north and the migration of the steppe tribes to Sarazm. The main reasons for this relocation were the region's wealth of mineral resources and favorable conditions for the development of agriculture. Sarazm was not only a settled agricultural settlement, but also a major center of metallurgy and metalworking, and it is this production specialization that set conditions for wide contacts of its population in the Eneolithic and Bronze ages. Among the materials of Sarazm six cultural components are identified: 1) the "eastern", connected with stone tools of the Sazagan culture; 2) "southern", associated with stone tools of the Hissar Neolithic culture; 3) "western", related to complexes of painted ceramics of the Geoksyur type; 4) insignificant component of the Afanasievo culture; 5) Balochistan-Seistan component, 6) northern Iranian component. Traditions of the various cultures are represented in the stone industry, ceramic complex, metal products, building, beliefs, funerary rites, and individual finds. The mutual penetration of traditions and practices in the materials from the mentioned contact regions should be noted.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ФАРХОР — ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕГО И НАЧАЛА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА

С. Г. Бобомуллоев*, **Н. М. Виноградова****, **Дж. Ломбардо*****

** Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан; ** Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;*

**** Национальный музей восточного искусства, Рим, Италия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-69-73

Ключевые слова: Южный Таджикистан, могильник Фархор, погребение, хронология, соуды, каменные «гири», «жезлы».

Могильник Фархор самый ранний из всех известных погребальных памятников на юге Таджикистана.¹ Он находится на возвышенности Уртубоз на стрелке двух рек — Пянджа и

¹ Могильник Фархор находится на окраине г. Пархар (тадж. Фархор), в 2 км от таджикско-афганской границы. Полевые исследования могильника с 2013 г. по настоящее время проводят

Кызылсу, в местности Чилтанбобо. При устройстве современных могил были обнаружены многочисленные предметы, датируемые эпохой раннего и среднего бронзового века: мраморные гири, «жезлы, сосуды из мраморного оникса (Бобомуллоев и др. 2015: рис. 1, 1, 2, 4), глиняные «модели домов», серебряные браслеты и керамические сосуды (Бобомуллоев 2017).

К настоящему времени могильник исследован на восьми раскопах, где изучено 55 могил. Погребальные сооружения представлены подбойно-катакомбными конструкциями или грунтовыми ямами. Погребенные находились в скорченном положении, преимущественно головой на СЗ. Мужчины лежали на правом боку, женщины — на левом. По сопровождающему инвентарю можно выделить захоронения земледельческой культуры (их большинство) и погребения культуры степной бронзы.

Для погребального инвентаря земледельческих комплексов характерна как гончарная, так и лепная посуда. Особый интерес представляют два гончарных сосуда из погр. 32 (рис. 1, 1) и 33 (рис. 1, 2). Первый имеет горшковидную форму с раструбообразным горлом. Близкие аналогии этой форме представлены в Шахдаде, некрополь А, погр. № 104 (Hakemi 1997: 260, obj. no. 0962). Второй сосуд расписан черной краской: горизонтальные полосы идут по основанию горла и ребру перегиба тулова. Этот орнаментальный мотив имеет аналогии в Алтын-депе времени Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 34; 351, рис. 5, 21).

В погребениях найдены подпрямоугольные керамические коробочки с внутренней перегородкой (рис. 1, 3, 4). Наиболее близкие аналогии известны из разграбленных могил Северной и Южной Бактрии (Сарианиди 1979: 26, 27; Amiet 1977: 102, Fig. 12) и в заманбабинской культуре в низовьях р. Зеравшан (Гулямов и др. 1966: 148).

Среди погребального инвентаря обнаружены два сосуда из серебра (рис. 1, 5, 6). Полные аналогии этим сосудам имеются среди разграбленных могил Северного Афганистана (Ligabue, Salvatori [1988]: 210, Fig. 74). В погр. 32 было найдены два сосуда из мраморного оникса (рис. 1, 7, 8).

Среди случайных находок представлена каменная «гиря» (Бобомуллоев и др. 2015: рис. 1, 2), в центре которой выпилено крестообразное отверстие. «Гири» с прорезью в виде креста или других фигур встречены в разграбленных могилах в Афганистане (Pottier 1984: 175, Fig. 41, no. 291; Sarianidi 1998: Fig. 7, 7) и в культурном слое поселения Улуг-депе (Сарианиди 2001: 69, рис. 36).

Впервые в погребениях Фархора *in situ* (погр. 19 и 22) зафиксированы каменные «жезлы» из песчаника (рис. 1, 9). Близкие аналогии таким «жезлам» в Южном Таджикистане известны в Гелоте (Виноградова и др. 2009: 41).

В погр. 18 и 19 обнаружены орнаментированные каменные «светильники» с крышечкой (рис. 1, 10). Узор состоит из трех прорезанных кружков, выполненных на стенках изделия. Близкие аналогии таким предметам можно найти в Шахри-Сохте (Sajjadi et al. 2003: 83, Fig. 40, type 1) и на Алтын-депе: погр. № 828 времени раннего Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 23).

Внимание привлекают металлические косметические стержни с навершиями в виде лопаточки (рис. 1, 11). Особый интерес вызывает находка серебряного стержня с крестовидным навершием (рис. 1, 12). Сходный по форме предмет найден в погр. № 845 времени раннего Намазга IV на Алтын-депе (Кирчо 2005: 350, рис. 4, 7) и среди металлических изделий из разграбленных могил Северного Афганистана (Pottier 1984: 157, Fig. 172, 173).

сотрудники международной экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан (С. Г. Бобомуллоев), Института востоковедения РАН (Н. М. Виноградова) и Музея восточного искусства в Риме (Дж. Ломбардо).

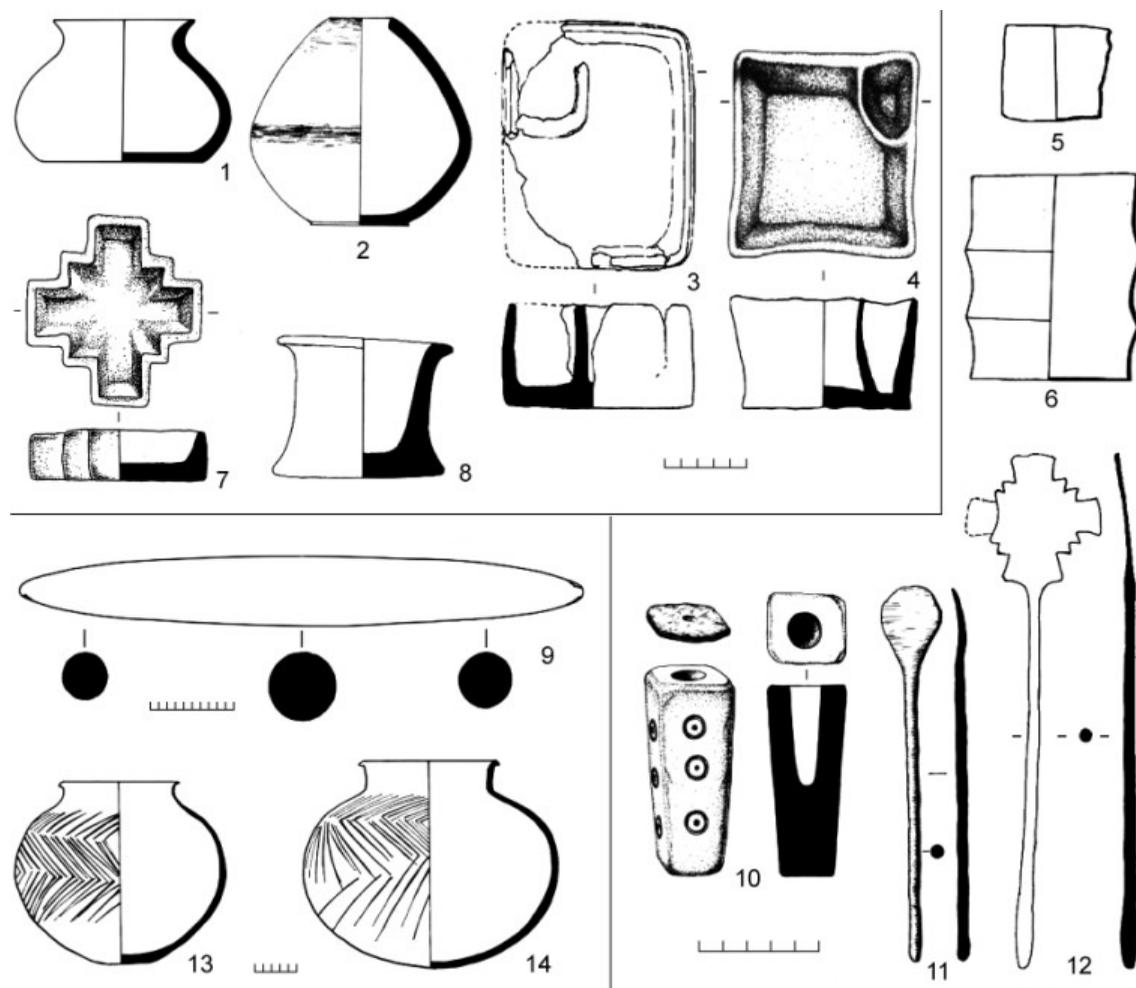

Рис. 1. Могильник Фархор, Южный Таджикистан: 1, 2 — гончарные сосуды; 3, 4 — керамические коробочки; 5, 6 — серебряные сосуды; 7, 8 — каменные сосуды; 9 — жезл из песчаника; 10 — «светильник» из гипса; 11, 12 — косметические стержни (11 — медь, 12 — серебро); 13, 14 — лепные сосуды с лощеным «елочным» орнаментом. 1, 5–8, 12 — раскоп 6А, погр. № 32; 2–4 — раскоп 6, погр. № 33; 9–11 — раскоп 6А, погр. № 19; 13, 14 — раскоп 1, погр. № 4

Большое значение имеют находки крестовидных бус из лазурита или алебастра (Виноградова, Кутимов 2018: 113, рис. 5, 3а). Аналогии им встречаются в южных земледельческих памятниках Туркменистана: Алтын-депе (Кирчо 2005: 391, рис. 22) и Северного Афганистана: разграбленные могильники (Сарианиди 1979: 25, рис. 1; Amiet 1977: 102, Fig. 12). Как импорт из южных областей крестовидные бусы обнаружены в могильнике Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48; табл. VIII, XX).

Керамика из захоронений № 2, 4, 12, 14 и 22 имеет аналогии в памятниках степных культур. В этих погребениях обнаружены лепные круглодонные или плоскодонные сосуды, украшенные лощеным «елочным» орнаментом (рис. 1, 13, 14). Обнаружена также сероглинянная чернополированная керамика. Ближайшие аналогии ей представлены в погребальном инвентаре могильника Дарнайчи (Виноградова и др. 2013: 115, рис. 14, 1, 2).

По антропологическим данным все скелеты из погребений Фархора, за исключением погр. № 12, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность средиземноморского типа.¹

¹ Все антропологические определения выполнены д-ром ист. наук Н. А. Дубовой (ИЭА РАН).

Археологические материалы Фархора свидетельствуют о тесных контактах местных земледельцев с носителями степных культур и, возможно, о формировании в этой контактной зоне смешанных этнокультурных групп из оседлых жителей культурных оазисов и полукочевых племен. В погребальном инвентаре могильника Фархор впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о раннем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры.

Литература

Бобомуллоев С. (ред.). 2017. Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. 1. Душанбе.

Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. 2015. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. № 11. С. 47–66.

Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. 2018. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.

Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 гю // АРТ. Вып. 33. С. 35–66.

Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М. 2013. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. Вып. 36. С. 91–118.

Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент.

Кирчо Л. Б. 2005. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Сарианиди В. И. 1979. К вопросу о культуре Заманбаба // Виноградов А. В. и др. (ред.). Этнография и археология Средней Азии: Сб. ст., посвящ. памяти С. П. Толстова. М. С. 23–28.

Сарианиди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.

Amiet P. 1977. Bactriane proto-historique. In: Syria. T. 54. Fasc. 1–2. P. 89–121.

Francfort H.-P. 2016. How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai revisited forty years later // Дубова Н. А. и др. (ред.). Памяти В. И. Сарианиди. Тр. МарАЭ. Т. 6: М. С. 461–475.

Hakemi A. 1997. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome. (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. 27).

Ligabue G., Salvatori S. (eds.). [1988]. Bactria: an ancient oasis civilisation from the sands of Afghanistan. Venice. (Studies and documents. 3).

Pottier M.-H. 1984. Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. Paris. (Mémoire. 36).

Sajjadi S. M. S. 2003. Excavations at Shahr-i Sokhta. First Preliminary Report on the Excavations of the Graveyard, 1997–2000. In: Iran. Vol. 41. P. 21–97.

Sarianidi V. 1998. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. М.

RESEARCH OF THE FARKHOR BURIAL GROUND — A SITE OF THE EARLY AND EARLY MIDDLE BRONZE AGE IN THE SOUTH OF TAJIKISTAN

Saidmurod G. Bobomulloev*, Natalia M. Vinogradova**, Giovanni Lombardo***

* *A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan*; ** *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*; *** *National Museum of Oriental Art, Rome, Italy*

Keywords: *Southern Tajikistan, Farkhor burial ground, burial, chronology, vessels, stone “weights”, “rods”.*

Archaeological research at the Farkhor burial ground allow a new appreciation of ethnic and cultural processes taking place in the south of Tajikistan in the late 3rd — early 2nd millennia BC. Materials from the excavations at Farkhor indicate the formation in the late 3rd millennium BC in Eastern Bactria of a local variant of the Bactrian culture, closely associated with the cultural communities of Southern Turkmenistan (Altyn Depe), Iran (Hissar IIIC, Necropolis A of Shahdad) and Afghanistan (looted burial grounds). H.-P. Frankfort in his recent study has offered a new name for the monuments of the Early and Early Middle Bronze Age in Eastern Bactria — the culture of Panj (Frankfort 2016: 472). It can be assumed that the main center of this settled agricultural culture was in Northern Afghanistan, north of Balkh, where, according to V. I. Sarianidi, in the 1960–1970s mass looting by the local residents of Bronze Age burials took place. Probably, in the middle of the 3rd millennium BC the bearers of the Panj culture came to the right bank of the Panj river within the area of modern Parkhar. From the territory of the Panj they gradually spread further to the north. Materials of the burials at Farkhor also allow us to trace the contacts with the population of the steppe bronze cultures of Tajikistan — the Zaman-Baba burial ground, the early Tulkhar burial ground (pits with a descent), the Darnaychi necropolis (early burials). In the funerary inventory of the Farkhor burial ground some ceramic forms testifying to the earliest appearance of the Vakhsh culture in the south of Tajikistan have for the first time met.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ АРХАИЧЕСКОГО ДАХИСТАНА

Э. А. Мурадова

Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана. Ашхабад, Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-73-74

Ключевые слова: *Центральная Азия, Юго-Восточный Туркменистан, Яз-депе, Улуг-депе, Юго-Западный Туркменистан, культура архаического Дахистана, Мадау-депе, Изат-кули.*

На территории Центральной Азии начало железного века долгое время, в соответствии со взглядами В. М. Массона, относили к первой трети I тыс. до н. э. Верхняя граница этого периода условно определяется крушением ахеменидской державы и походом Александра Македонского. Вопреки результатам радиоуглеродного анализа, данные письменных источников позволяют относить начало железного века на Древнем Востоке к периоду не ранее X–IX в. до н. э., причем массовое внедрение здесь железных орудий труда датируется IX–VIII вв. до н. э.

Вопросы хронологии раннего железного века связаны с изучением В. М. Массоном поселения Яз-депе в Юго-Восточном Туркменистане. В. М. Массон разработал хронологическую

колонку поселения: периоды Яз I — Яз III (900–400 гг. до н. э.), ставшую эталонной для всей Центральной Азии. Этой же датировки раннего железного века придерживается и В. Н. Пилипко. Позднее, на основании изучения стратиграфии памятников Афганистана, Ирана и сопоставления их с синхронными поселениями Центральной Азии, периоды Елькен II/Яз I стали датировать XII–VII вв. до н. э. Другие исследователи датировали ранний железный век в центральноазиатском регионе концом VIII–VII — второй половиной VI в. до н. э. (Вайнберг, Ставиский).

Радиоуглеродные даты для выявленного на поселении Улуг-депе (Юго-Восточный Туркменистан) периода 3, синхронного слою Яз I, находятся в интервале 1500–1100 гг. до н. э.

Юго-Западный Туркменистан относился к той культурной провинции, где была распространена культура архаического Дахистана. В. М. Массон датировал ее концом II — началом I тыс. до н. э. Верхняя граница этой культуры, на основании керамики типа Яз II и находок втульчатых двуперых наконечников стрел, отнесена им к VII–VI вв. до н. э. В результате работ, проведенных в 1970–1980-х гг. Сумбарской экспедицией, культуру архаического Дахистана стали датировать 1000–650 гг. до н. э.

Позднее, на основании типологического сопоставления керамических комплексов Мадау-депе, Изат-кули и Бенгувана удалось установить внутреннюю хронологию культуры архаического Дахистана: I и II периоды обживания Изат-кули датируются 1300/1250–1000 гг. до н. э. а III период — 1000–800/750 гг. до н. э. Керамический комплекс с поверхности поселения Изат-кули, отличающийся большим разнообразием форм, следует относить к последним этапам существования этой культуры — VII–VI вв. до н. э.

Современная датировка культуры архаического Дахистана XIII/XII–VII/VI вв. до н. э. опирается на результаты стратиграфических исследований и сравнительный анализ бронзовых наконечников стрел. Эти хронологические рамки подтверждаются и радиоуглеродными анализами.

ON THE CHRONOLOGY OF THE CULTURE OF ARCHAIC DAHISTAN

Ejigyl' A. Muradova

National Office of Turkmenistan for the Protection, Study and Restoration of Monuments of History and Culture, Ministry of Culture of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Keywords: *Central Asia, Southeastern Turkmenistan, Yaz-depe, Ulug-depe, Southwestern Turkmenistan, culture of archaic Dahistan, Madau-depe, Izat-kuli.*

The beginning of the Early Iron Age in Central Asia for a long time, in accordance with the views of Vadim M. Masson, was attributed to the first third of the 1st millennium BC. Later on, based on the study of the stratigraphy of the sites of Afghanistan and Iran and comparing them with the synchronous settlements of Central Asia, the periods of Elken II and Yaz I began to date to the 12th — 7th centuries BC. Radiocarbon dates for the period 3 detected at the settlement of Ulug-depe (Southeastern Turkmenistan), which is synchronous with the Yaz I layer, fall within the interval from 1500 through 1100 BC.

Southwestern Turkmenistan belonged to the cultural province where the culture of archaic Dahistan was widespread. V. M. Masson dated it to the late 2nd — early 1st millennia BC. Nowadays, the chronology of the culture of archaic Dahistan is attributed to the 13th/12th — 7th/6th centuries BC, it being grounded on the results of stratigraphic studies and as well of a comparative analysis of bronze arrowheads. This dating is also confirmed by radiocarbon analyzes.

YAZ CULTURE IN THE SERAKHS OASIS IN TURKMENISTAN¹

Marcin Wagner

Institute of Archaeology, University of Warsaw, Warszawa, Poland

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-75-77

Keywords: *Turkmenistan, Serakhs oasis, Yaz culture, Early Iron Age, temple of fire, administrative centre.*

The Serakhs oasis is located in southern Turkmenistan in the Ahal province. It stretches for ca. 70 km from north to south and 20–25 km east to west, covering the sub-delta of the Tedjen river as well as the western part of the Bathyz highland (Опазов 1973: 3). The water in the oasis is supplied through a well-developed canal system origins at the right bank of the Tedjen river. The main Salyr-yap canal feeds two irrigation canals, Khan-yap (the eastern canal) and Karaman-yap (the western canal) and Kiči Aga-yap and Ata-yap canals with their many smaller branches (Опазов 1973: 30; Kaim 2008: 130).

In the early 1950's, Russian researchers became interested in the archaeology of Serakhs oasis. A. A. Maruščenko began excavations at one of the largest site in the centre named Old Serakhs, which has a long stratigraphic sequence (Марущенко 1956), while K. A. Adykov carried out an archaeological survey in the area between Old Serakhs and Merv (Адыков 1959). At the same time V. M. Masson conducted his research at site of Yaz Depe in Margiana (Массон 1959), on the basis of which he published the first periodisation of the early Iron Age in Central Asia. A. A. Maruščenko

¹ The archaeological researches were conducted with the support of grants from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Poland and from the National Science Centre, Poland (NCN) (nos. NN 109093439, UMO-2013/09/B/HS3/04315).

Fig. 1. Topaz Gala Depe, sector D, external wall with a tower, view from south (photo: M. Wagner)

mentioned in his publication, that a few of pottery sherds dated to the Early Iron Age were found in two trenches (Maruščenko 1956: 173–176, 196–198). It may suggest that the site of Old Seraks was an administrative centre at that time. The second administrative centre named Oyukly Depe, functioned during this time, was situated a little further north. This hypothesis was presented by author after his archaeological work in 2012 (Wagner 2018: 333–334). In the years 1964–1970 O. Orazov carried out excavations and surveys in the oasis. The results of his work became the basis for the first publication of an archaeology in the Serakhs oasis (Оразов 1973). The results of his archaeological research have been verified and complemented by survey conducted in 2007–2008 by Polish researchers (Kaim 2008; Bulavka, Kaim 2016). The results of archaeological works indicate that the settlement of Serakhs oasis is associated with the early Iron Age.

During the excavations at Topaz Gala Depe (Fig. 1) were uncovered remains of fire temple which bears a striking resemblance to a building uncovered in the 1970s by V. I. Sarianidi in Tillyatepe, northern Afghanistan (Сарианиди 1989). The temple consists of four rooms. The largest room (13,0 × 13,9 m) was found in the western part of the building and is divided into rectangular spaces separated by three double cross-walls with pillars between them. The second space counting from the west housed a round clay altar surrounded by low square wall. In the SW corner was placed a cracked vessel used for carrying hot ashes from the altar. Two upended vessels were discovered in the eastern part. They were probably meant to replace the damaged vessel found in the SW-corner. The temple was additionally surrounded by a fortified wall with semi-circular towers. Interesting is that the fire temple was erected a considerable distance from other settlements. The calibrated dates C^{14} of collected samples indicate that the temple functioned in the years 930–745 BC. Founding fragment of painted pottery sherds suggest that this site could be existed during the Yaz I period (Wagner 2018).

Two trenches opened at Oyukly Depe provided very numerous fragments of ceramic vessels and simple mudbrick's walls. The size of site and absence of later settlements and surrounding by smaller satellite sites indicate the character of Oyukly Depe as the administrative centre.

An excavations carried out by author at two sites e. g. Topaz Gala Depe and Oyukly Depe provided further information about settlements in this early period.

References

- Адыков К. А. 1959. Главные станции арабских дорожников на средневековом торговом пути из Серакса в Мерв // СА. № 4. С. 212–227.
- Марущенко А. А. 1956. Старый Серакс (Отчет о раскопках 1953 г.) // Тр. ИИАЭ АН Туркменской ССР. 2. С. 161–205.
- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. (МИА. 73).
- Оразов О. 1973. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад.
- Сарианиди В. И. 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Bulavka N. 2017. The Yaz I–III Settlement Pattern in the Serakhs Oasis, Southern Turkmenistan. In: Iran. 55. 2. P. 143–170.
- Bulavka N., Kaim B. 2016. The Iron Age in Serakhs Oasis (Turkmenistan). The Preliminary Results of the Application of Geographic Information System in the Study of the Settlement Pattern of the Earliest Confirmed Occupation of the Oasis. In: Campana S. Scopigno R. Carpentiero G. Cirillo M. (eds.). CAA 2015. Keep the Revolution Going: Proceedings of the 43rd Annual Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. 2. P. 791–801.
- Kaim B. 2008. The Parthian Settlements in the Serakhs Oasis. In: Parthica Incontri di Culture Nel Mondo Antico. 10. P. 129–134.

Wagner M. 2018. The fire temple at Topaz Gala depe in southern Turkmenistan. In: Lhuiller J., Boroffka N. (eds.). A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennium BC): Proceedings of the conference held in Berlin (June 23–25, 2014). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi. P. 333–341 (Archäologie in Iran und Turan. 17. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. 35).

КУЛЬТУРА ТИПА ЯЗ В СЕРАХСКОМ ОАЗИСЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

М. Вагнер

Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша

Ключевые слова: Туркменистан, Серахский оазис, ранний железный век, культура типа Яз, храм огня, административный центр.

Уже в 1959 г. проф. В. М. Массон, основываясь на своих исследованиях на Яз-депе в Маргиане, опубликовал первую периодизацию железного века в Средней Азии. Почти 50 лет спустя археологи из Института археологии Варшавского университета провели исследования в Серахском оазисе, которые выявили нескольких памятников, относящихся к культуре типа Яз (Bulavka 2017). Польские ученые с 2009 г. проводили раскопки на небольшом холме Топаз Гала депе, расположенном в северо-восточной части Серахского оазиса. Они выявили остатки храма огня, относящегося к периоду Яз II. В 2012 г. были также заложены две траншеи на одном из крупнейших памятников в северной части Серахского оазиса — Оюклы-депе. Эти раскопки дали большое количество керамического материала, относящегося в основном к периоду Яз II.

Исследования советских археологов, а также работы польских ученых показывают, что начало заселения Серахского оазиса могло произойти, самое раннее, во второй половине II тыс. до н. э.

ANCIENT METALWORKING IN SOUTHERN KUHDASHT COUNTY IN LORISTAN: A STUDY OF SMELTING SLAG FROM KHARREHSEE IN THE IRON AGE

Sorayya Elikaidhno*, Katayoun Pelasaeyidi, Mohammadamin Emami*****

** Research Center for Conservation and Cultural Relics, Institute of Cultural Heritage & Tourism Organization, Tehran, Iran; ** University of Culture and Art of Iran, Tehran, Iran;*

**** Department of Conservation, Art University of Isfahan, Isfahan, Iran*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-77-79

Keywords: *archaeometallurgy, slag, iron, metalworking, Lorestan, Southern Kuhdasht, kharrehsee area.*

Lorestan has long attracted the attention of archaeologists due to its geographical and strategic location during different periods. Moreover, the discovery of numerous objects made of bronze and iron throughout Lorestan shows that from the 3rd millennium BC to the mid-1st millennium BC, the trade contacts, cultural relations, and metallurgical industries of this region were quite robust. Despite decades of archaeological research in the region and on its rich metallurgical tradition, no comprehensive field study aimed at examining the history of metal extraction and metallurgical production has yet been accomplished in this region. For this reason, a field survey of the South Kouhdasht district, centered around Botkhaneh Cave was piloted with the aim of compiling evidence of ancient metallurgical activity by identifying the location of concentrations of slags heaps. For recounting the smelting sites many villages in the vicinity were surveyed, in order to assume information from local people to identify the areas where slags might be present. Once sites were located, their dimensions were documented, their features photographed, and slags were

collected. The field samples were coded and subdivided for additional analysis. These samples were subjected to chemical analysis using XRF and thin sections for petrographic interpretations to study their microscopic and mineralogical phase composition and their structure. The TLD results of slags from the kharrehsee area show the date 3200 ± 260 and 3150 ± 290 BP.

In this preliminary study based on a large number of slags found in surveys conducted in Southern Kouhdasht County, the presence of smelting technology and iron extraction has been demonstrated for the first time. It seems that this region assumed great importance in the past due to the high applicability of iron and its alloys in ancient times as a proper metal for the production of means of warfare and battle, as well as tools and even decorative items.

The discovery of many iron objects in this region, both through archeological prospection and unauthorized digging revealed that during the Iron Age (1450–550 BC) metalwork was widespread in Lorestan. Unfortunately, due to lack of systematic survey of slag sites in southern Kouhdasht prior to the current study, other sites associated with industrial activities in this region have not been detected. The identification and analysis of slag sites presented in this paper therefore constitute one of its primary contributions. Better understandings of this industry can be achieved with significant results through additional field research and further laboratory studies. Other important contributions of this study include the confirmation that the slags of Kouhdasht are primarily ferrous, produced in iron reduction furnaces. The reduction process of this metal was being carried out at high speeds, which can be seen in the porous microscopic texture of the slag. Furthermore, the existence of iron oxide phases in form of magnetite with dendritic structure in the fayalite matrix shows the rapid oxidation of this metal under the high pressure of oxygen (fO_2). This conclusion is corroborated by the presence of a magnetite phase in the mixture of slag, which in fact is a kind of spinel with high magnetite percentage in the magnetite-hercynite isomorphic system. The presence of iron silicate phases, i. e. fayalite, in the matrix of the slags is indicative of the use of a magnetite reduction process and also proves that the presence of silicate compounds stabilized divalent iron oxide during the reduction process. This chemical and petrographic analyses presented in this study have also shown that calcium oxide and limestone were used as fluxes in the smelting process. Calcium oxide in particular has an important role related to the decrease of the melting point. The temperature of production process is estimated about 1100°C to 1220°C due to the formation of fayalite as the main glassy phase within the texture.

ДРЕВНЯЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА В ЮЖНОМ ОКРУГЕ КУХДАШТ В ЛУРИСТАНЕ: ИЗУЧЕНИЕ ПЛАВИЛЬНОГО ШЛАКА ИЗ ХАРРЕХСЕЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

С. Эликаедехно*, К. Пеласаеиди**, М. Эммами***

* Исследовательский центр по консервации и культурным реликтам, Институт Организации культурного наследия и туризма, Тегеран, Иран; ** Университет культуры и искусства Ирана, Тегеран, Иран; *** Отдел консервации, Исфаханский художественный университет, Исфахан, Иран

Ключевые слова: археометаллургия, шлак, железо, металлообработка, Луристан, Южный Кухдашт, область Харрехсее.

Доклад посвящен результатам полевого обследования округа Южный Кухдашт около месторождения Харрехсее. Целью данных работ явился поиск археологических памятников, связанных с древним металлургическим производством. В первом полевом сезоне было выявлено 16 мест с большим количеством шлаков, которые могут представлять собой потенциальные металлообрабатывающие пункты. В данном исследовании было проведено изучение

железоплавильных шлаков с точки зрения минералогии, фазовых состояний и их химического состава для определения специфической техники получения металла. Результаты этого изучения показывают, что образцы из Харрехсее в основном являются железистыми шлаками, полученными в результате обработки железа в восстановительной печи. Кроме того, основываясь на фазах, которые обнаруживаются в шлаковой смеси, высказывается предположение, что система получения железа в этом регионе базировалась на технологии использования открытых печей и высоких температур — около 1100–1220 °С.

REDEFINE THE IDEA OF BMAC THROUGH THE LAST INNOVATIVE DATA OF THE LATE BRONZE AGE MARGIANA

Barbara Cerasetti

University of Bologna, Bologna, Italy

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-79-80

Keywords: Central Asia, Turkmenistan, Late Bronze Age, Bactria–Margiana archaeological complex (BMAC), Togolok.

Central Asia's Bronze–Iron Age transition during the 2nd mil. BCE is bookended by the urban florescence of the Bactria–Margiana archaeological complex (BMAC) and the re-emergence of urban centers that would eventually be subsumed into the Achaemenid Empire. The intervening period (Late and Final Bronze Ages, ca. 1950–1300 BCE) has been described as one of de-urbanization, collapse, and decay of the BMAC socio-political and cultural system, meanwhile other scholars view the changes of the Late/Final Bronze Ages as an untroubled continuation.

There are three key issues that drive the still-underdeveloped scholarship on the dissolution of the BMAC in the 2nd millennium BCE. The first is the position of the BMAC vis-à-vis its regional contemporaries and economic partners in the Indus Valley, the Iranian plateau, the Arabian Peninsula, and Mesopotamia. Their fragmentation in the early 2nd millennium BCE no doubt influenced BMAC decline, but the mechanism of this economic and political transformation remain poorly understood. A second issue often tied into discussions of BMAC decline is the apparent intensification of interactions between established sedentary farming communities and non-local agropastoralists linked to the Andronovo cultural community of Bronze Age Central Eurasia. Lastly, chronological issues overshadow all other archaeological inquiries on this period, whose unclear timescales are difficult to reckon with the archaeological record. All three of these interrelated issues can potentially be addressed through deep stratigraphic study of a single long-lived BMAC site as Togolok, with the hope to clarify how BMAC related to earlier and later occupation in ancient Margiana.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕИ ВМАК С ПОМОЩЬЮ ПОСЛЕДНИХ ИННОВАЦИОННЫХ ДАННЫХ О ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ МАРГИАНЫ

Барбара Черазетти

Болонский университет, Болонья, Италия

Ключевые слова: Центральная Азия, Туркменистан, эпоха поздней бронзы, бактрийско-маргианский археологический комплекс (ВМАК), Тоголок.

Переходный период бронзового века в Центральной Азии во II в. тыс. до н. э. отмечается расцветом городской культуры бактрийско-маргианского археологического комплекса (ВМАК) и возрождением городских центров. Промежуточный этап (поздний и финальный бронзовый век, около 1950–1300 гг. до н. э.) описан как де-урбанизация, коллапс и упадок

социально-политической и культурной системы БМАК, тогда как другие ученые рассматривают изменения позднего/финального бронзового века как вполне спокойное продолжение предыдущего историко-культурного развития.

Есть три ключевых вопроса относительно упадка БМАК во II тыс. до н. э. Первым является позиция БМАК по отношению к его региональным современникам и экономическим партнерам в долине Инда, на Иранском плато, Аравийском п-ове и в Месопотамии. Их раздробленность в начале II тыс. до н. э., несомненно, повлияла на упадок БМАК, но механизм этой экономической и политической трансформации остается недостаточно изученным. Второй проблемой, часто связанной с дискуссиями об упадке БМАК, является очевидная интенсификация взаимодействий между устоявшимися оседлыми земледельческими общинами и местным агро-пастушеским населением, связанным с андроновской культурной общностью бронзового века Центральной Евразии. Наконец, хронологические проблемы оставляют в тени все другие археологические изыскания по этому периоду, чьи неясные временные рамки трудно соотнести с археологическими данными. Все три из этих взаимосвязанных проблем потенциально могут быть решены путем глубокого стратиграфического исследования такого долго существовавшего поселения БМАК, как Тоголок, что позволит прояснить, как БМАК связан с более ранним и более поздним периодами проживания людей в Древней Маргиане.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНИКИ МОЗАИЧНОГО ДЕКОРА КОНЦА III ТЫС. ДО Н. Э. ИЗ «ЦАРСКИХ» ГРОБНИЦ ГОНУР-ДЕПЕ

Г. Э. Вересоцкая*, А. Я. Мазина**

* Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва, Россия; ** Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И. Э. Грабаря, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-80-81

Ключевые слова: Туркменистан, Маргианская археологическая экспедиция, Гонур-депе, «Царский» некрополь, исследования технологии, мозаичный декор.

При раскопках первых элитарных гробниц на Гонуре были обнаружены многочисленные фрагменты мозаичного декора (см., например: Сарияниди, Дубова 2013). В основном, это были отдельные элементы в разрозненном состоянии, которые «буквально высыпались из песчаного заполнения, <...> был также раскрыт целый фриз длиной 86 см, изображающий чередующиеся пары крылатых львов <...> с вздыбленными загривками и оскаленными зубастыми пастьми. Было найдено и более крупное, включенное в картуш, изображение крылатого льва с рогом на носу и заостренной, извивающейся бородкой» (Сарияниди 2008: 214–220).

Особенно ценными находками являются сохранившиеся фрагменты мозаичных сюжетных и орнаментальных композиций, выполненные в смешанной технике мозаики и полихромной росписи, обнаруженные *in situ* в погребениях № 3210, 3230, 3220 и 3880. Поражает разнообразие сюжетов и художественная зрелость этих древних произведений. Техника исполнения мозаик удивляет точностью обработки деталей и сложной технологией изготовления.

Первые исследования материалов мозаик были проведены в 2004 г. в Германии (Экспертное заключение... 2012) и А. М. Юминовым (Институт минералогии УрО РАН, г. Миасс). «Судя по минеральному составу и структурно-текстурным особенностям материала, для производства мозаичных плиток в качестве сырья могли быть использованы

осадочные горные породы <...> К таким породам в первую очередь относятся опока, диатомит и трепел» (Юминов 2012: 190). Кроме того, возникло предположение, что образцы подвергались долговременным нагреваниям (Экспертное заключение... 2012: 197). Наличие следов глазури на поверхности некоторых тессер подтверждает температурное воздействие на образец, о чем свидетельствуют анализы стекловидного слоя с поверхности тессер, выполненные Кодзюя Янасэ и Идзуми Накаи (Токийский технологический институт, 2014 г.; материалы не опубликованы).

В лабораториях физико-химических исследований ГосНИИ реставрации и ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря (г. Москва), была сделана дополнительная серия анализов образцов материалов исследуемых мозаичных комплексов из погребений № 3210 и 3230, которая подтвердила технологические особенности изготовления и монтирования гонурских мозаик. Выполнены аналитические исследования материалов тессер, мастик, на которые монтировали мозаичные детали, а также анализы красочного слоя (Вересоцкая 2016: 317–318).

Начата работа по составлению каталога коллекции гонурских мозаик. В каталоге содержится информация о размерах, общей форме профиля деталей, форме заточки ее края, наличии следов пигмента и других характеристиках (Шапошникова 2012: 170–175).

В процессе изучения гонурских мозаик выявлено значительное число интересных технических деталей. Так, например, для большей выразительности рисунка детали изображения животных выполнены с использованием техники *койланглифа* — углубленного рисунка контура, вырезанного на плоскости мозаичной детали. Углубленный контур рисунка был заполнен черной краской.

Кроме того, остатки полихромной раскраски сохранились на многих деталях мозаик. В геометрических орнаментах и в сюжетных элементах (изображения крыльев) существовала своя определенная последовательность чередования красного и черного цветов, что в дальнейшем помогло при графической реконструкции утраченных фрагментов деталей композиций.

Детали мозаики в большинстве своем были составными, то есть одна деталь состояла из двух или более частей, тщательно подогнанных друг к другу. Детали затем компоновались в определенные фигуры и монтировались в более сложные композиции.

Еще одним важным моментом является система знаков, вырезанных на тыльной поверхности практически каждой крупной мозаичной детали, в том числе на фризе «Противостояние» из погребения № 3210 (Вересоцкая 2014: 218–221). На основании выполненных визуальных и аналитических исследований огромного количества мозаичного материала из Гонур-депе была составлена предварительная схема реконструкции техники изготовления мозаичного декора и конструктивных элементов ларца-дарохранительницы из погребения № 3230 (Вересоцкая 2012: 187–188).

Что касается мозаичного производства, то среди многих десятков каменных орудий обнаруженных на Гонур-депе, А. М. Юминову удалось отыскать каменные инструменты, которые, как он предполагает, «позволяли проводить обработку (обтачивание, выравнивание, шлифовку) любой плоскости или криволинейной поверхности» (Юминов, Тюняев 2016). Кроме того, «в связи с описанием каменных изделий некрополя, следует особо отметить погребение № 1200. Скорее всего, речь идет о погребении мастера-камнереза, так как «у его головы находилась “корзиночка” с инструментами, включающими “сапожный нож” с чрезвычайно широким лезвием, абразивы, кремневое сверло в виде наконечника стрелы, с заполированным от работы острием, фаянсовые (предположительно) “лекала”» (Сарианиди 2001: 71–72). Эти материалы подтверждают, что мастера создавали мозаичные композиции непосредственно на Гонуре.

Литература

- Вересоцкая Г. Э. 2012. Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранильницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н. э. из царской гробницы Гонур-депе // Сарияниди В. И. (гл. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М. С. 189–191.
- Вересоцкая Г. Э. 2014. Предварительные результаты работы по разбору и систематизации разрозненных фрагментов мозаичного декора из гробницы 3210 // Сарияниди В. И. (гл. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 5: Исследования Гонур-депе в 2011–2013 гг. М. С. 218–221.
- Вересоцкая Г. Э. 2016. Исследование и реставрация мозаичного декора стенки ларца-дарохранильницы конца III тыс. до н. э. из царской гробницы 3230 Гонур-депе (Туркменистан) // Дубова Н. А. (отв. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 6: Памяти В. И. Сарияниди. М. С. 315–323.
- Сарияниди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарияниди В. И. 2008. Гонур Деде. Город царей и богов. Ашхабад.
- Сарияниди В. И., Дубова Н. А. 2013. Мозаика III тыс. до н. э. в Гонур-Деде (Туркменистан) // Колганова Г. Ю., Петров А. А., Кулланда С. В. (ред.). Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М. С. 379–413.
- Шапошникова Т. А. 2012. Мозаики и рельефный декор стен царского некрополя Гонур-депе // Сарияниди В. И. (гл. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 4: Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М. С. 170–176.
- Экспертное заключение... 2012. Экспертное заключение по фрагменту мозаичного декора // Там же. С. 197–198.
- Юминов А. М. 2012. Мозаичные вставки из гробницы 3915 // Там же. С. 189–191.
- Юминов А. М., Тюняев Я. М. 2016. Каменные орудия из разрозненной мастерской административно-культурного комплекса Гонур-депе // Дубова Н. А. (отв. ред.). Тр. МарАЭ. Т. 6: Памяти В. И. Сарияниди. М. С. 265–271.

RESEARCH OF THE MOSAIC DECORATION TECHNIQUE OF THE LATE 3RD MILLENNIUM BC FROM THE ROYAL TOMBS OF GONUR DEPE

Galina E. Veresotskaya*, Anna Ya. Mazina**

* State Scientific-Research Institute on Restoration, Moscow, Russia; ** I. Grabar Art Conservation Center, Moscow, Russia

Keywords: Turkmenistan, Margiana archaeological expedition, Gonur Depe, royal necropolis, investigations of technology, mosaic decoration.

The paper reviews the results of studies of the technical and technological features of the mosaic decoration discovered during the excavations of the royal necropolis at the Bronze-Age site of Gonur Depe in the southeastern Karakum desert in 2004 and 2009. Excavations at the site are carried out by the Russian-Turkmen Margiana Expedition in the framework of the Agreement between the Institute of Ethnology and Anthropology RAS and the Ministry of Culture of Turkmenista. For more than 40 years, the world famous archaeologist Viktor Ivanovich Sarianidi was at the head of these excavations. Specialists of the State Scientific-Research Institute on Restoration (SSRIR) in Moscow, together with the State Museum of the Fine Arts of Turkmenistan, are studying and restoring the collection of Gonur mosaics. A lot of work has been done on parsing, photographing and systematizing this collection. A series of analyzes of samples of the mosaic materials has already been done in the laboratories of physical and chemical research of the SSRIR and the Grabar Art Conservation Center (Moscow).

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)¹

А. А. Тишкин*, Н. А. Дубова**, Н. Н. Серёгин*

* Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ** Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-83-86

Ключевые слова: Туркменистан, Гонур-депе, металлические зеркала, рентгенофлюоресцентный анализ.

В ходе раскопок широко известного археологического комплекса Гонур-депе в Туркменистане сформировалась представительная коллекция ранних металлических зеркал. Изделия происходят, главным образом, из погребений, куда они были положены в качестве погребальных приношений (как женщинам, так и мужчинам). Практически все зеркала округлые и слегка выпуклые, иногда с простым слабо выраженным рельефным ободком (бортиком) по краю. Их размеры варьируют от 5–7 до 10–14 см в диаметре. В погр. 1773 (большой некрополь Гонура) было найдено зеркало с ручкой общей длиной 24 см (диаметр диска — 17 см). В единичных могилах (например, погр. 441) встречаются миниатюрные изделия до 5 см в диаметре (Сарианиди 2001: 61–62; Sarianidi 2007: 87). Этой краткой опубликованной информацией ограничиваются сведения по данной группе изделий. Общее число найденных зеркал еще не определено. Все находки хранятся в музеях Ашхабада и Мары в Туркменистане.

В 2018 г. с целью составления каталога находок, полученных в ходе археологических исследований Маргианы, в Марыйском областном историко-краеведческом музее в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и МК Туркменистана было начато определение состава изделий из цветных металлов. Наряду с печатями, тестировались и зеркала. Некоторые предметы отреставрированы и демонстрируются в экспозиции, а серия этих важных находок располагается в фондах.

Следует отметить, что первые исследования способов обработки металлов на материалах 35 поселений в древней дельте р. Мургаб были реализованы Н. Н. Тереховой (1990), которая изучила 211 находок, имевшихся к тому времени. Учитывая технические возможности 1970–1980-х гг., исследования проводились только металлографическими методами. В коллекции, анализируемой Н. Н. Тереховой, Гонур-депе представлен 64 изделиями. В 2013 г. С. Краус с помощью портативного энергодисперсионного рентгенофлюоресцентного спектрометра Niton Xl3t 980-HE, позволяющего провести мультиэлементный анализ сплавов, изучил практически все предметы, хранящиеся в Марыйском музее, за исключением печатей. Полученные результаты были опубликованы в обобщенном виде (Краус 2016). По всей видимости, состояние большинства изделий позволило немецкому специалисту оперировать данными только качественного характера, рассматривать и сравнивать их на уровне зафиксированных групп.

В 2018 г. для исследований применялся портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр INNOV-X SYSTEMS ALPHA SERIES™ (Альфа-2000, производство США) в комплекте с испытательным стендом и карманным переносным компьютером. В ходе этой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082, а также при частичной финансовой поддержке РНФ (проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

работы был реализован апробированный алгоритм тестирования зеркал, изготовленных из сплавов цветных металлов (Тишкин, Серегин 2011). Он заключался в неоднократном изучении участка, освобожденного от окислов, а также в получении данных с коррозированной поверхности. Однако сохранность некоторых изделий или их фрагментарность не позволяли выполнить всю необходимую программу в полном объеме. Поэтому приходилось исследовать металл на сломках оставшихся частей предмета или ограничиться тестированием только окисленной поверхности. В результате были получены сведения о различных сплавах по 20 зеркалам, большая часть из которых (18 экз.) была найдена в разные годы на Гонур-депе. Кроме того, для сравнительного анализа указанным спектрометром изучены аналогичные предметы, обнаруженные на двух других памятниках — Тахтабазарском могильнике (рис. 1, 1) и поселении Аджикуи 1 (рис. 1, 2). Для примера приведем данные рентгенофлуоресцентного анализа о восьми металлических зеркалах, внешний вид которых с одной стороны представлен на иллюстрации (рис. 1).

Зеркало из погр. № 1851 (рис. 1, 3), раскопанного на Гонур-депе в 2009 г. (инв. № АК-3649), деформировано. Результаты тестирования места, где с лицевой стороны отпали окислы, следующие: Cu — 94,79 %; Sn — 4,85 %; Pb — 0,36 % (медно-оловянный сплав).

Зеркало (размерами 13,4 × 14,0 см, с бортиком) из погр. 4614 (рис. 1, 4) найдено на раскопе 18 Гонур-депе в 2011 г. (инв. № АК-4400). Оно сильно покрыто окислами, в которые вьелся грунт. Показатели тестирования участка на обратной стороне, где отпала корка и осуществлено механическое удаление окислов: Cu — 94,91 %; As — 3,33 %; Sb — 1,23 %; Pb — 0,37 %; Ni — 0,1 %; Fe — 0,06 % (медно-мышьяково-сурьмяный сплав).

Зеркало из погр. № 120 на Гонур-депе (рис. 1, 5), исследованного в 1997 г. (инв. № АК-1681), также покрыто окислами. Его размеры — 10,75 × 10,60 см. Наряду с другими участками тестировалось место по краю бортика, где частично удалены следы коррозии: Cu — 98,2 %; Sn — 0,59 %; Fe — 0,61 %; As — 0,43 %; Pb — 0,17 % (медно-оловянный сплав).

Отреставрированное зеркало диаметром 10,78 см с заметным бортиком (рис. 1, 6) происходит из погр. 3903 (инв. № АК-4084), исследованного на раскопе 18 Гонур-депе в 2010 г. В центре изделия: Cu — 96,25 %; As — 2,54 %; Pb — 0,68 %; Fe — 0,53 % (медно-мышьяковый сплав).

На зеркале размерами 10,80 × 10,89 см из погр. 24 (рис. 1, 7), исследованного на раскопе 1 сателлитного памятника Гонур 20 в 2009 г. (инв. № АК-3781/2), дважды в разных местах тестировался участок, где уже ранее были удалены окислы: 1) Cu — 97,3 %; As — 1,05 %; Fe — 1,02 %; Pb — 0,23 %; Ni — 0,21 %; Zn — 0,19 %; 2) Cu — 97,44 %; As — 1,09 %; Fe — 0,98 %; Pb — 0,3 %; Ni — 0,19 % (медно-мышьяковый сплав).

Зеркало размерами 9,72 × 9,60 см из погр. 3885 (рис. 1, 8), исследованного на раскопе 8 Гонур-депе в 2009 г. (инв. № АК-3734), оказалось сильно порыто окислами. Тестировался участок с частично удаленными следами коррозии: Cu — 91,12 %; As — 4,33 %; Sn — 3,01 %; Fe — 0,88 %; Pb — 0,45 %; Ni — 0,21 % (медно-мышьяково-оловянный сплав).

Все изученные зеркала изготовлены из сплава, основой которого является медь (Cu). Другие выявленные элементы свидетельствуют либо о легирующих добавках, либо о рудных примесях, либо о загрязнениях в окислах. Наиболее проблематично определить причину содержательного присутствия мышьяка (As) и в одном случае сурьмы (Sb). Возможно, они могли быть изначально представлены в руде (так же, как заметное наличие железа и свинца). Однако не исключено специальное добавление мышьяка для придания изделию соответствующего отражающего эффекта. Однозначно понятно, что олово (Sn) было доступно и употреблялось даже для изготовления зеркал. Представленные результаты больше всего похожи на экспериментальные сплавы. Об этом особенно ярко свидетельствует медно-мышьяково-оловянная рецептура и, судя по всему, не сложившиеся металлургические традиции изготовления зеркал.

Как уже было отмечено, для сравнения получены результаты изучения тем же спектрометром зеркала из Тахтабазарского могильника (рис. 1, 1). Тестировался участок, где были удалены окислы: Cu — 96,34 %; As — 1,5 %; Pb — 1,42 %; Sn — 0,5 %; Fe — 0,15 %; Ni — 0,09 % (медно-мышьяково-свинцово-оловянный сплав). Зеркало из могилы № 390 (рис. 1, 2) памятника Аджикуи-1 (инв. № АК-3556) сильно покрыто окислами и ввевшимся грунтом. Изучался участок, где отломилась ручка: Cu — 92,9 %; As — 4,97 %; Pb — 1,39 %; Fe — 0,74 % (медно-мышьяково-свинцовый сплав).

Представленные и все другие зафиксированные показатели требуют детального осмысления, в том числе анализа изменчивости показателей по предметам, происходящим

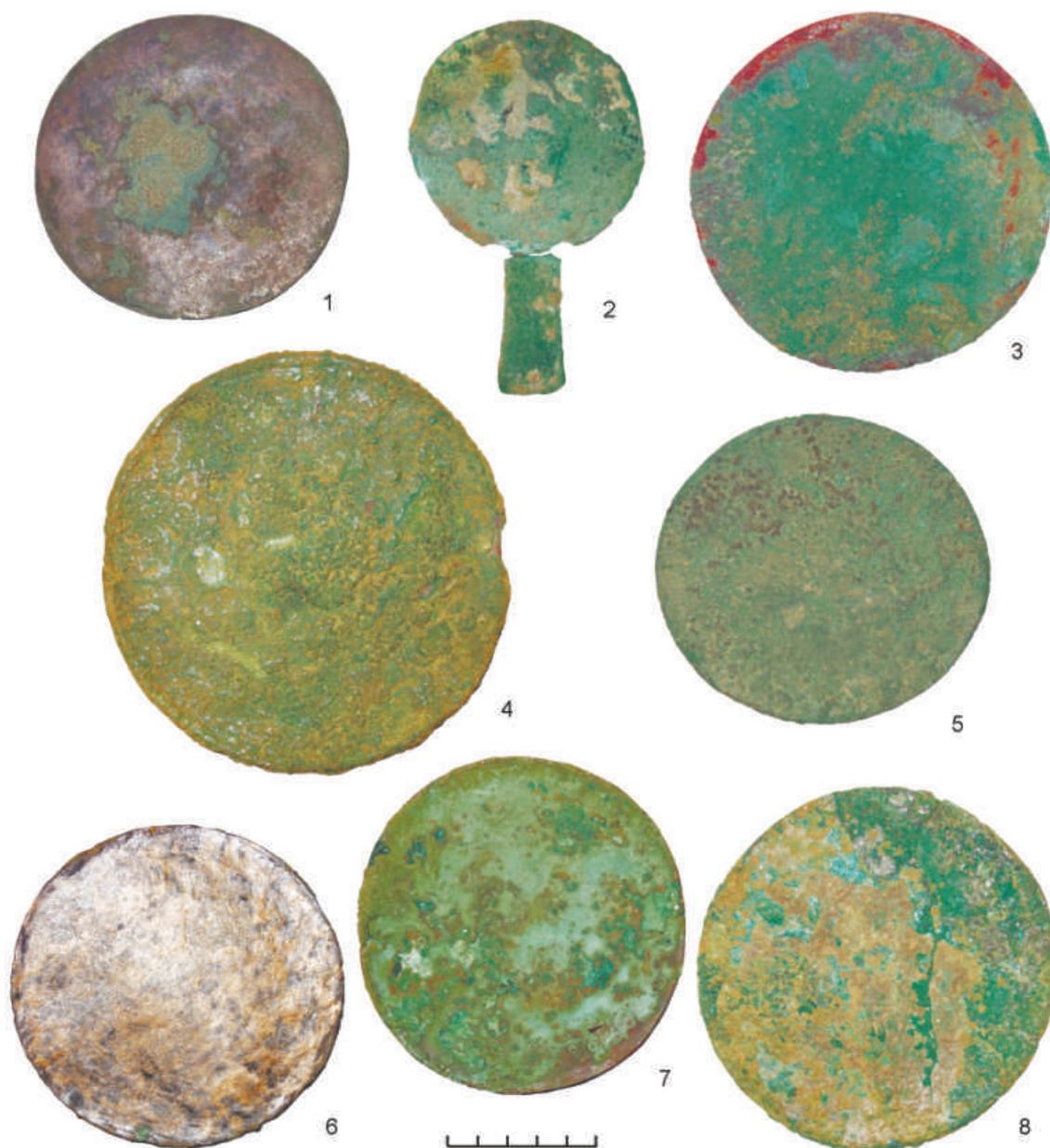

Рис. 1. Металлические зеркала, Марыйский областной историко-краеведческий музей, Туркменистан: 1 — Тахтабазарский могильник; 2 — Аджикуи 1; 3-6, 8 — Гонур-депе (3 — погр. 1851; 4 — погр. 4614; 5 — погр. 120; 6 — погр. 3903; 8 — погр. 3885); 7 — Гонур 20, погр. 24

с разных территорий памятника, из разных типов погребальных сооружений, а также из разных стратиграфических слоев.

Предполагается продолжение работы с серией гонурских зеркал в Национальном музее и Музее изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад). Таким образом, полученные Н. Н. Тереховой и С. Краусом данные могут быть существенно уточнены и детализированы нашими исследованиями. Запланирована подготовка каталога зеркал.

Литература

Сарианиди В. И. 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.

Терехова Н. Н. 1990. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад. С. 177–202.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул.

Kraus S. 2016. Metallurgical Investigations in Gonur Depe, Turkmenistan // Дубова Н. А. (ред.). Тр. МарАЭ. Т. 6: Памяти В. И. Сарианиди. М. С. 257–265.

Sarianidi V. 2007. Necropolis of Gonur. Athens.

THE X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF METAL MIRRORS FROM THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF GONUR DEPE (TURKMENISTAN)

Alexei A. Tishkin*, Nadezhda A. Dubova**, Nikolai N. Seryogin*

* *Altai State University, Barnaul, Russia*; ** *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Keywords: *Turkmenistan, Gonur Depe, metal mirrors, X-ray fluorescence analysis.*

In the course of the excavations at the widely known archaeological complex of Gonur Depe in Turkmenistan, a representative collection of early metal mirrors was discovered. Most of them are currently stored in the Mary Regional Museum of Local History. Some products have been restored and are now on display. In 2018, the most important artifacts were investigated using a portable X-ray fluorescence spectrometer. During this work, a tested algorithm for studying the mirrors made of non-ferrous metals was realized. As a result, the information about various copper-based alloys was obtained. In addition, for a comparative analysis similar objects that were found on two other simultaneous monuments were studied by the spectrometer. The paper presents the element-wise indicators got by testing the eight metal mirrors. All the results fixed require more detailed understanding. The preparation of a catalogue of the mirrors is planned.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ «СТЕРЖНИ» И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ IV–II ТЫС. ДО Н. Э.)

Ф. А. Раззоков

Российско-Таджикский университет, Душанбе, Таджикистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-86-88

Ключевые слова: *археология, Центральная Азия, эпоха полеометалла (IV–II тыс. до н. э.), погребальные комплексы, металлические стержни.*

Эпоха паллеометалла является временем значимых перемен в древних культурах. Археологи более 100 лет исследуют эту пору по многочисленным памятникам Древнего

Востока. Основной материал, дающий возможность реконструировать культурные процессы данного времени, представлен открытыми и закрытыми археологическими комплексами, обнаруженными при раскопках поселений и могил. Системное изучение происходящих из этих комплексов артефактов позволяет археологам воссоздавать процессы развития отдельных обществ в конкретных географических условиях. По результатам этих исследований выяснилось, что Центральная Азия в эпоху полеометалла являлась одним из очагов развития древнеземледельческого хозяйства Старого Света. Этот период времени (V–II тыс. до н. э.), включающий энеолит, ранний, средний и поздний бронзовый век, характеризуется становлением и развитием древнеземледельческой культуры в Центральной Азии, когда формируются основные черты культурного каркаса местной цивилизации.

В настоящей работе рассматривается вопрос о назначении так называемых металлических «стержней» из памятников эпохи палеометалла Центральной Азии. Эти находки является частью сопроводительного инвентаря погребальных комплексов, в которых они встречаются совместно с керамическими сосудами, оружием, зеркалами, украшениями из драгоценных металлов и полудрагоценных камней, пряслицами, печатями, браслетами и прочими изделиями ремесленного производства. Однако металлические «стержни» реже по сравнению с другими артефактами помещали в могилы, хотя по совокупности находок в синхронных памятниках Центральной Азии к настоящему времени известна значительная коллекция таких «стержней». Очевидно, данные предметы имели важное значение в жизни первых земледельцев, но их назначение до сих пор однозначно не выяснено.

В литературе говорится о «стержнях» как о предметах туалета и украшениях: жезлы, эмблемы, булавки (Сарианиди 1965: 40, рис. 11, 5; 17–20; 1977: табл. II, 5; табл. III, 2; рис. 42–44; Кузьмина 1966: 76), косметический стержень, металлический стержень, косметические лопаточки (Кирчо 1990; 2005; 2018), инструменты для веретена (Хлопин 1983: 22, рис. 7, 1).

Исследователи обращали внимания, прежде всего, на типологию этих изделий, нежели на их функциональное значение. Это вызвано спецификой типологического метода в археологии, когда внешние признаки и материал предмета служат основными критериями типологического анализа. В совокупности с другими данными возможно установить основное назначение «стержней», область распространения которых охватывает не только ареал анауской культуры (территории современных Южного Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана), но и области распространения древнеземледельческих культур в Северном и Южном Афганистане (Мундигак, Саид-кала и другие), Индо-Иранском пограничье (Шахри Сохте).

Литература

- Кузьмина Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.
- Сарианиди В. И. 1965. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 4: Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М. (САИ. Вып. Б3-8).
- Сарианиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
- Хлопин И. Н. 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- Кирчо Л. Б. 1990. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. № 3. С. 176–183.
- Кирчо Л. Б. 2005. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Кирчо Л. Б. 2018. О функции так называемых каменных светильников на юге Средней Азии и Среднем Востоке // ЗИИМК. № 18. С. 20–27.

**METAL “RODS” AND THEIR PURPOSE
(ACCORDING TO DATA FROM ARCHAEOLOGICAL SITES
OF CENTRAL ASIA OF THE 4TH — 2ND MILLENNIA BC)**

Farhod A. Razzoqov

Russian-Tadjik University, Dushanbe, Tajikistan

Keywords: *archaeology, Central Asia, Paleometal Age (4th–2nd mil. BC), grave complex, metal “rod”, tool assignment issues.*

Thanks to the study of ancient agricultural monuments of Central Asia, many, but not all, features of the development of the culture of local communities were clarified. Currently, scholars are trying to give a new interpretation to a number of products of material culture (in this case, metal “rods”) compared with their predecessors.

**ПАРНЫЕ НЕОДНОВРЕМЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА¹**

Я. В. Рафикова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-88-91

Ключевые слова: *неодновременные парные погребения, алакульская культура, тазабагъябская культура, бишкентско-вахшская культура.*

Неодновременные парные разнополюсные погребения, где покойники уложены «лицом друг к другу», исследованы в могильниках эпохи поздней бронзы Южного Урала (алакульская) и Средней Азии (тазабагъябская и бишкентско-вахшская культуры). В этих культурах количество упомянутых захоронений относительно сопоставимо: в алакульских — 10, в тазабагъябских — 7, в бишкентско-вахшских — 6 (Рафикова 2018; Итина 1961; Виноградов и др. 1986; Мандельштам 1962; Пьянкова 1987).

Рассматриваемые погребения можно разделить на три варианта в зависимости от состояния останков ранее захороненного индивида: в сочлененном состоянии и полном порядке (вариант 1); частично нарушены (вариант 2); полностью нарушены и представляют собой груду костей (вариант 3) (Рафикова 2018: 53).

Погребения *варианта 1* представлены только в алакульской и бишкентско-вахшской культурах. В единственном алакульском погребении (Ново-Аккермановка 4) подхороненная женщина лежит на груди, лицом вниз, с повернутыми вправо ногами, ранее захороненный мужчина располагался скорченно, на левом боку (рис. 1, 1). В бишкентско-вахшских погребениях (Ранний Тулхар, мог. 20; Ой Куль, мог. 6) тело подхороненного покойника уложено в могилу над останками ранее погребенного усопшего, практически полностью перекрывая их (рис. 1, 2). В этих погребениях мужчины лежали на правом боку, а женщины — на левом. И в алакульском, и в бишкентско-вахшских захоронениях первыми похоронены мужчины.

¹ Работа выполнена в рамках подпрограммы «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25) проект № 255 «Парные разнополюсные погребения эпохи бронзы от Урала до Индостана как источник по реконструкции семейно-брачной и социальной структуры» программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» и государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2019 г.

Вариант 2 представлен во всех культурных группах. В двух алакульских погребениях у ранее захороненных покойников сдвинуты кости голеней (Тасты-Бутак 1, оградка 43; Ташла-1, 2/11). В тасты-бутакском погребении на левый бок положен мужчина, на правый — женщина, похороненная ранее (рис. 1, 3).

Во всех тазабагъябских погребениях останки ранее погребенных находятся в относительном порядке, нарушения их минимальны, сдвинуты с места в основном кости верхних

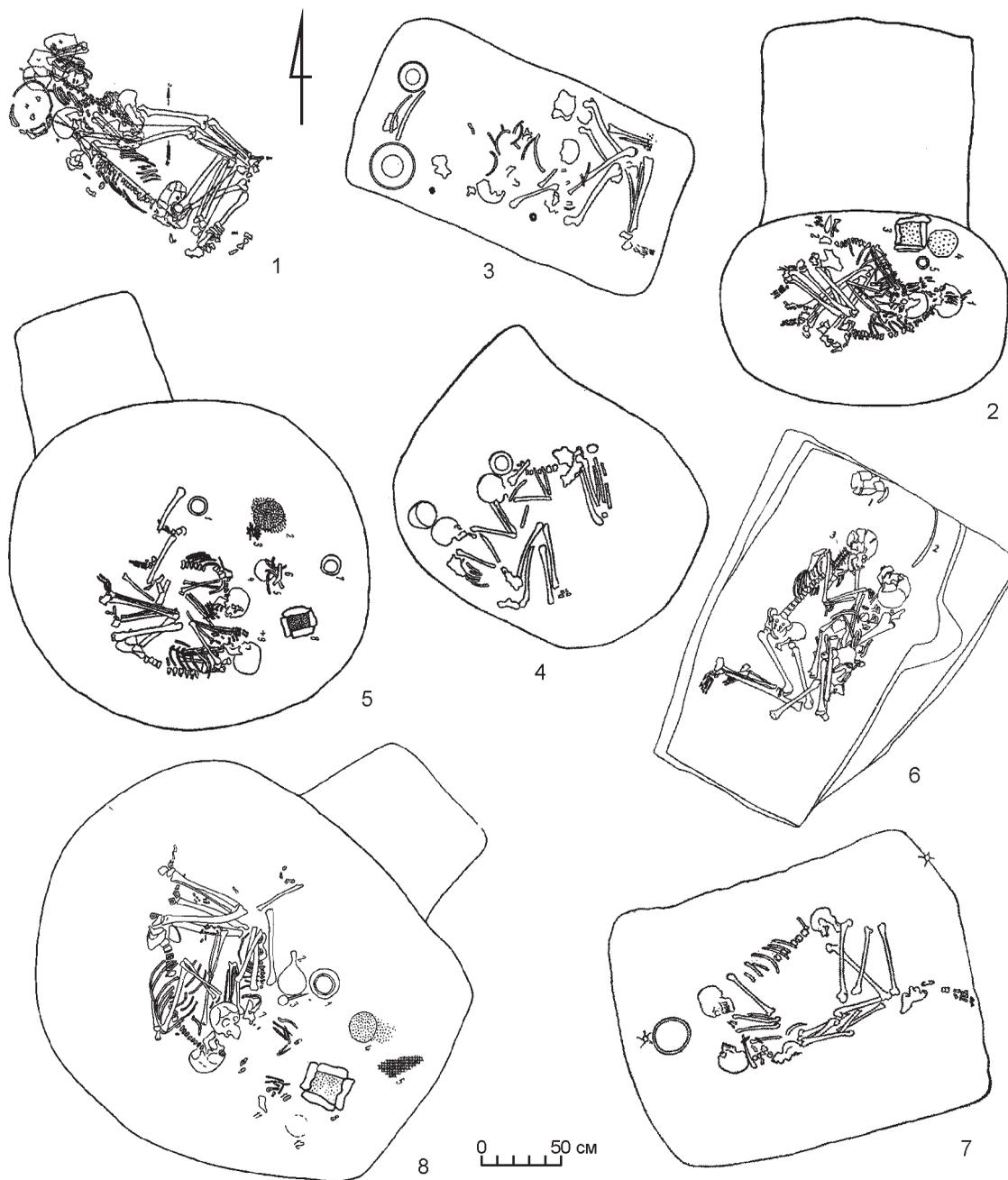

Рис. 1. Парные неодновременные разнополюе погребения: 1, 2 — вариант 1; 3–5 — вариант 2; 6–8 — вариант 3. 1 — Ново-Аккермановка, погребение оградки 4 (по: Подгаецкий 1940: рис. 7); 2, 5, 8 — Ранний Тулхар, мог. 20, 25, 43 (по: Мандельштам 1968: рис. 8, 11, 22); 3 — Тасты-Бутак 1, погребение оградки 43 (по: Сорокин 1962: табл. XXVII); 4, 7 — Кокча 3, погр. 79 и 24 (по: Итина 1961: рис. 13, 2 и 6, 5); 6 — Березовский V, кург. 6, погр. 1 (по: Федоров, Рафикова 1996: рис. 2)

и нижних конечностей. В Кокча 3 (погр. 79) останки подхороненной женщины находились на 20 см выше останков мужчины (рис. 1, 4). В этих захоронениях на правый бок положен мужчина, а на левый — женщина. В двух погребениях первым был похоронен мужчина (Кокча 3, погр. 23 и 79), в одном — женщина (Кокча 3, погр. 84).

В единственном в этой группе бишкентско-вахшском захоронении (Ранний Тулхар, мог. 25) останки подхороненного позже мужчины находятся на 7–8 см выше уровня женского скелета, у которого смещены и сломаны кости ног (рис. 1, 5).

Вариант 3 представлен шестью алакульскими захоронениями, четырьмя тазабагъябскими и двумя бишкентско-вахшскими.

В алакульских погребениях останки ранее захороненного покойника представлены компактной грудой костей (рис. 1, 6). Видимо, скелетированные останки ранее захороненного покойника при подхоронении второго усопшего были вынуты, а затем сложены обратно. Половая принадлежность усопших в одном случае неясна. В четырех случаях останки мужчины находились справа от женщины (в одном — на правом боку и в трех — в виде груды) и только в одном случае — слева от нее, на левом боку. Соответственно останки женщины располагались слева от мужчины в четырех случаях (в трех — на левом боку и в одном — в виде груды) и в одном случае — справа от мужчины в виде груды. В трех случаях ранее захоронен мужчина, в двух — женщина.

В тазабагъябских погребениях этого варианта останки ранее захороненного покойника просто сдвигали в сторону. Вероятно, в некоторых случаях отдельные кости, мешавшие укладыванию второго покойника, вынимали, а потом помещали обратно (рис. 1, 7). Правило положения на левом боку женщины, а на правом — мужчины строго соблюдено и здесь. В большинстве случаев (3) ранее была захоронена женщина и только в одном случае — мужчина.

В двух бишкентско-вахшских погребениях этого варианта (Макони Мор, погр. 33 и Ранний Тулхар, мог. 43) кости ранее погребенного смещены при подхоронивании второго покойника (рис. 1, 8). В обоих случаях первой была похоронена женщина, положенная на левый бок.

Несомненные признаки сходства отмечаются в тазабагъябской и бишкентско-вахшской выборках: 1) разноуровневые захоронения в варианте 2; 2) сходное обращение с останками ранее захороненного покойника (сдвигание костей), особенно в варианте 3; 3) во всех погребениях на левом бок положена женщина, на правый — мужчина; 4) преобладание подхоронения мужчин к ранее погребенной женщине в тазабагъябской культуре незначительное (4 против 3), а в бишкентско-вахшской культуре уже существенное (3 против 1).

Алакульские неодновременные погребения несколько отличаются от центральноазиатских, но всё же невозможно не отметить и черты сходства. Здесь также представлены захоронения, где к ранее погребенным женщинам подхоронены мужчины. Примечательно положение женщин на левом боку в большинстве погребений варианта 3. Для алакульских парных захоронений такое положение женщин не характерно, а для центральноазиатских — норма.

Одним из возможных объяснений сходства обряда одновременного парного погребения в трех рассмотренных культурах, является наличие у них общего культурного компонента.

Литература

- Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1986. Древнейшее население низовьев Амударьи. М.
- Итина М. А. 1961. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. М. (МХЭ. Вып. 5).

- Мандельштам А. М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л. (МИА. № 145).
- Подгаецкий Г. В. 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Третьяков П. Н. (ред.). Археологические памятники Урала и Прикамья. М.; Л. С. 69–81 (МИА. № 1).
- Пьянкова Л. Т. 1987. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Негматов Н. Н., Ранов В. А. (отв. ред.). Материальная культура Таджикистана. Душанбе. Вып. 4. С. 43–70.
- Рафикова Я. В. 2018. Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Рафикова Я. В. (отв. ред.). Мужской и женский мир в отражении археологии. Уфа. С. 50–62.
- Сорокин В. С. 1962. Могильник эпохи бронзы Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л. (МИА. № 120).
- Федоров В. К., Рафикова Я. В. 1996. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Акбулатов И. М. (отв. ред.). Башкирский край. Уфа. Вып. 6. С. 49–71.

PAIRED NON-SIMULTANEOUS BURIALS OF THE SOUTHERN URALS AND CENTRAL ASIA: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

Yanina V. Rafikova

Institute of the History, Language and literature, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Keywords: *paired non-simultaneous burials, Alakul' culture, Tazabagyab culture, Bishkent-Vakhsh culture.*

The rite of the non-simultaneous paired heterosexual burial has a stable tradition in the Alakul (Southern Urals), the Tazabagyab and the Bishkent-Vakhsh (Central Asia) burial grounds. An analysis of the burials according to the main indicators (the state of the remains of a previously buried dead person, his/her gender, and also the position of the deceased on one side or another, depending on his/her gender) shows the undoubted similarity of the Tazabagyab and Bishkent-Vakhsh non-simultaneous burials. The Alakul' non-simultaneous burials are somewhat different from the Central Asian ones, however, there are certain similarities with them: the burial of men to women and the position of women on the left side, and men on the right.

One of the possible explanations for the similarity of the ritual of the paired non-simultaneous burials in the three cultures considered is the presence of a common cultural component.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИРАНА С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ НА ПРИМЕРЕ ТЕРРАКОТОВЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК ГИЛЯНА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (I ТЫС. ДО Н. Э.)¹

К. Пеласаеиди

Университет культуры и искусства Ирана, Тегеран, Иран

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-91-94

Ключевые слова: *древний Иран, Гилян, ранний железный век, терракотовые мужские и женские статуэтки.*

Область Гилян, расположенная на севере Ирана, была одним из центров развития древней культуры, о чем свидетельствует большое количество археологических памятников и уникальных артефактов. Среди них особое место занимают статуэтки, которые являются

¹ Перевод с персидского яз. Т. М. Бостановой.

не только предметами древнего искусства, но и свидетельствами верований и культурных связей. В ходе археологических изысканий на крупнейших памятниках позднего бронзового и раннего железного веков Марлик, Калураз, Амлаш, Шахрон, Нисхе, Джамшедебад и Сапедруд было обнаружено большое количество зооморфных и антропоморфных статуэток. Большая часть статуэток выполнена из глины, меньшая — из бронзы, серебра и золота. В данной работе рассматриваются только терракотовые статуэтки (Негахбан 1997: 23–28).

Антропоморфные статуэтки найдены в основном в могильниках в составе сопроводительного инвентаря, реже — при раскопках поселений. Они изготовлены двумя техническими приемами: преимущественно в односторонних и двусторонних формах-матрицах, реже — на гончарном круте. Имеются также фигурки, отдельные части которых сформованы в разных матрицах, а затем соединены. Статуэтки украшены орнаментом в виде точек и линий. Некоторые части фигурок гравированы резьбой. Они покрыты в основном серовато-черным ангобом, хотя встречаются экземпляры, имеющие оранжевый, красный, темно-коричневый и темно-красный ангоб. После сушки статуэтки подвергали лощению, их поверхность имеет зеркальный блеск. Фигурки полые внутри высотой от 3 до 10 см (Негахбан 1999: 64–71).

Антропоморфные статуэтки делятся на две группы: мужские и женские. Почти все мужские и женские фигурки изображены обнаженными и имеют четко выраженные половые признаки. Мужские фигурки в основном держат в руках маленькие и большие сосуды (рис. 1, 1–4). Представлена статуэтка мужчины с семью соединенными друг с другом большими сосудами, которые снабжены вытянутыми клювовидными носиками-сливами (рис. 1, 5). Изредка у мужских фигурок показано вооружение: натянутый лук в руках (рис. 1, 6), кинжал на поясе (рис. 1, 3, 7). Лица статуэток выполнены схематично, выделены нос, рот и уши, прочерчены глаза. В большинстве случаев рот изображен открытым в крике. Женские фигурки отличаются небольшой грудью и широкими бедрами. У таких фигурок показаны украшения в виде вытянутых серег в ушах и колье на шее (Negahban 1996: 34–39). Некоторые женские статуэтки имеют на голове округлую корону (рис. 1, 10, 11). Кроме того у всех статуэток хорошо показаны руки (рис. 1, 8, 9). Если руки не держат сосуд или оружие, они, как правило, сложены на груди или под грудью (Nakami 1973: 56).

Символика антропоморфных фигурок неясна. Почти все археологи уделяли основное внимание их описанию. В эпоху бронзы среди антропоморфных фигурок преобладали женские изображения, представляющие, видимо, Богиню-Мать. Изображение женщины как богини плодородия указывает на преобладающую роль женщины в обществе (Антонова 1977: 34–35). В процессе изменения экономики и общества, активной миграции племен, усиления воинского уклада в раннем железном веке на данной территории количество антропоморфных статуэток уменьшается. Среди них преобладают мужские изображения. Многие исследователи трактуют эти изменения как свидетельство перехода к кочеванию и патриархату. На это косвенно указывает факт изображения на мужских статуэтках оружия.

Символичны предметы, изображенные в руках человека или рядом с ним. Известно, что среди земледельческих культур Ближнего Востока и Центральной Азии, начиная с эпохи неолита и до раннего средневековья, сосуды с водой являлись символом плодородия и изобилия (Сарианиди 2010: 37–39).

Статуэтки всадников, как мужчин, так и женщин, указывают на верования, согласно которым люди могли использовать магию некоторых животных для достижения своих намерений и желаний. Как известно, в прошлом человек почитал некоторые живые существа с тем, чтобы обезопасить себя от них, или сделать их полезными для себя, или получить их благословение. Поэтому они изготавливали из костей животных талисманы и носили с собой.

В древности изображениям человека уделялось особое внимание, так как их отождествляли с живыми существами, от которых надеялись получить помощь: хороший урожай, увеличение стада и вообще изобилие. Гарантом плодородия, а также изобилия выступают статуэтки пахарей с плугом или его символическим изображением в виде скрепленных между собой сосудов, единичные экземпляры которых указывают на существование подобных идей в мифологических представлениях древних гилинцев.

Таким образом, уникальный археологический материал — терракотовые антропоморфные статуэтки — указывает на то, что мифология и искусство гилинцев в первой половине I тыс. до н. э. отражали смешанную религиозную систему, в которой, в свою

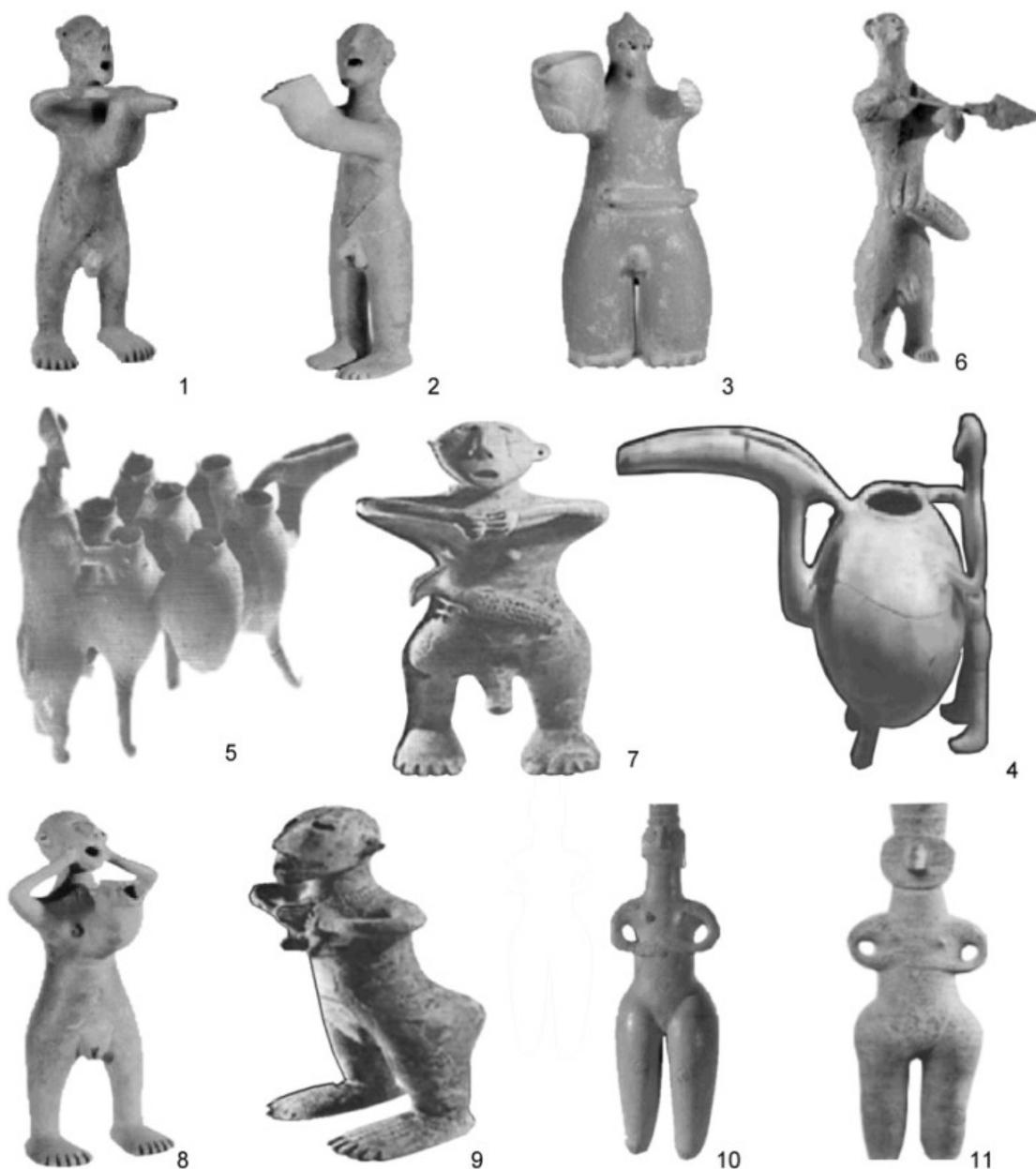

Рис. 1. Антропоморфные терракотовые статуэтки из Гилана, Иран, первая половина I тыс. до н. э.: 1–7 — изображения мужчин; 8–11 — женские фигурки (1, 4, 6–10 — Марлик; 2, 3, 5 — Калураз; 11 — Амлаш)

очередь, были выражены идеологические представления древнего населения Передней Азии, в частности, Месопотамии, в сочетании с местными культами и обрядами, принесенными другими племенами из сопредельных стран.

Литература

- Антонова Е. В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Негахбан Э. 1989. Металлические и бронзовые сосуды Марлика. Тегеран. Т. 1. (на перс. яз.).
- Негахбан Э. 1997. Взгляд на 50 лет археологии Ирана. Тегеран (на перс. яз.).
- Сарианиди В. И. 2010. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протоэроастризма в Бактрии и Маргиане). М.
- Hakami A. 1973. Excavations in Kaluraz. Gilan.
- Negahban E. O. 1996. Marlik: the complete excavation report. Pennsylvania. Vol. 1.

CULTURAL RELATIONS OF IRAN WITH NEIGHBORING COUNTRIES BY THE EXAMPLE OF TERRACOTTA ANTHROPOMORPHIC FIGURINES OF GILAN IN THE EARLY IRON AGE (1ST MILLENNIUM BC)

Katayoun Pelasaeidi

University of Culture and Art of Iran, Tehran, Iran

Keywords: Gilan (Iran), Early Iron Age, terracotta figurines, male figurines, female figurines.

The paper analyzes terracotta anthropomorphic figurines from the Gilan region found on the largest monuments of the Late Bronze and Early Iron Ages of Iran. The author considers the male and female figurines, the images of which bear the symbolism of agricultural cultures of this region of Iran. Based on the fact that most of the statuettes were found in graves as accompanying things, one can conclude about the sacred meaning of these objects. It is important to note that in the previous, Bronze, era the female figurines prevailed, whereas in the Early Iron Age the male figurines did the same: in other words, this testifies to a transition from matriarchy to patriarchy.

РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

М. Х. Исамиддинов

Ферганский государственный университет, Фергана, Узбекистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-94-96

Ключевые слова: Центральная Азия, культура поздней лепной расписной керамики, Маргиана, Бактрия, Согд, Чач, Фергана, чустская культура.

К настоящему времени установлено, что культура поздней лепной расписной керамики, распространенная в оазисах Центральной Азии от Каспийского моря до гор Тянь-Шаня, представлена в южных историко-культурных областях: в северной Парфии (Туркменистан, подгорная полоса Копетдага), Маргиане (Туркменистан, Мургабский оазис) и Бактрии (территория Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана). Здесь открыты ирригационные каналы, поселения с цитаделями, культурными центрами и рассредоточенной жилой застройкой, сельскохозяйственные оазисы.

Оазисная система расселения характерна и для территории Согда, где также обнаружена поздняя лепная расписная посуда. На поселениях здесь выявлены землянки, полуземлянки и глинобитные дома (Исамиддинов 2002; Lhuillier 2010).

Керамические комплексы Согда близки керамике бургулюкской культуры Ташкентского оазиса (Чач), представленной памятниками бассейна р. Ахангаран (Дуке 1978; 1982). Застройка поселений бургулюкской культуры носила рассредоточенный характер и характеризуется, в основном, полуземлянками.

Памятники культуры поздней лепной расписной керамики выявлены и на северо-востоке Центральной Азии, в Ферганской долине (чустская культура). Самым крупным из них является поселение Дальварзинтепа с оборонительными стенами и цитаделью (Заднепровский, Матбабаев 1984; Матбабаев 2008). Характерной особенностью жилищ чустской культуры Ферганской долины являются наземные глинобитные дома, каркасные постройки и землянки.

По оценкам специалистов в эпоху чустской культуры в Фергане орошение земель было основано на водах родникового происхождения. Практиковалось также орошение земель водами горных речек и саев. Самая западная точка распространения керамики чустского типа зафиксирована на стоянке Ак-танги (Литвинский, Ранов 1961). На востоке граница чустской культуры доходила до Синцзяна (Заднепровский 1962; 1997).

Изучение поздней лепной расписной керамики в Центральной Азии показало, что посуда южного и северо-восточного регионов различается деталями. В Ферганской долине лепная керамика покрыта красным ангобом, поверх которого нанесен геометрический орнамент черной краской. На позднем этапе распространяется керамика со светлым покрытием и орнаментом, нанесенным красной или светло-коричневой краской.

Керамика, изготовленная на территории Бактрии, Маргианы, Согда и Чача имела снаружи светлое покрытие, а геометрический орнамент был нанесен красной или светло-коричневой краской.

На сложение чустской культуры могли повлиять племена древнеземледельческой сарамской культуры, которая, видимо, проникла в Ферганскую долину. Именно носители этой культуры могли передать технологию керамического производства чустским племенам. Земледельческо-скотоводческие племена типа заманбабинской культуры (кайракумская), обосновавшиеся в юго-западной части Ферганской долины играли немаловажную роль в формировании земледельческой культуры эйлатанского типа.

Мы не должны полностью исключать и влияние культур из Синцзяна, так как на территории Китая краснофоновая керамика сформировалась значительно раньше. Большое влияние на формирование чустской культуры оказали племена скотоводческой культуры, о которых писали А. А. Аскарлов и Ю. А. Заднепровский (Аскарлов, Альбаум 1979: 68–74; Заднепровский 1981). Жилища чустской культуры, среди которых преобладают землянки, полуземлянки и жилища каркасного типа, также указывают на степное влияние.

На рубеже II–I тыс. до н. э. фиксируется влияние южных земледельческих племен на носителей чустской культуры. В верхних слоях Дальварзина и Чуста появляется лепная светлофоновая керамика, на поверхность которой роспись нанесена красной или светло-коричневой краской. Эта посуда выполнена на другом технологическом уровне. Степень развития культуры поздней лепной расписной керамики северо-восточного и южных регионов в какой-то степени нивелируется. Однако вскоре на юге процессы урбанизации ускоряются, и расписная керамика исчезает.

В северо-восточных регионах Центральной Азии, в частности в Ферганской долине, изготовление поздней лепной расписной керамики сохраняется. Еще носители эйлатанской культуры производили эту посуду наряду с гончарной керамикой, формы которой напоминали сосуды более поздних традиций южных регионов.

Литература

- Аскарров А. А., Альбаум Л. И. 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Дуке Х. И. 1978. Бургулюкская культура. Древности Туябугуза. Ташкент.
- Дуке Х. И. 1982. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент.
- Заднепровский Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. (МИА. № 118).
- Заднепровский Ю. А. 1981. Преемственность и инновации в развитии культуры (по материалам древней Ферганы) // Массон В. М., Боряз В. Н. (отв. ред.). Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методол. семинара ЛОИА АН СССР. Л. С. 95–98
- Заднепровский Ю., Матбабаев Б. 1984. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы // Информационный бюллетень Международной ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 7. С. 38–45.
- Заднепровский Ю. А. 1997. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек. 1997.
- Исамиддинов М. Х. 2002. Истоки городской культуры самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в период раннежелезного века и античности. Ташкент.
- Литвинский Б. А., Ранов В. А. 1961. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // АРТ. Вып. 7 (1959 г.). С. 30–49.
- Матбабаев Б. 2008. Городища Дальверзин // Древние города Ферганской долины: альбом. Ташкент. С. 29–37.
- Lhuillier J. 2010. La céramique de l'âge du Fer ancien à la période achéménide (env. 1300–300 av. J.-C.). In: Dossiers d'Archeologie. No. 341 (sept. — oct. 2010). P. 23.

DIFFERENCES AND SIMILARITIES OF THE MATERIAL CULTURE OF THE HISTORICAL AND CULTURAL REGIONS OF CENTRAL ASIA IN THE EARLY IRON AGE

M. Kh. Isamiddinov

Ferghana State University, Ferghana, Uzbekistan

Keywords: Central Asia, culture of later moulded painted ceramics, Margiana, Bactria, Sogdiana, Chach, Ferghana, Chust culture.

The paper deals with the cultures of later moulded painted ceramics of the late 2nd — early 1st millennia BC in Central Asia. The author reveals their similarities and differences in the various historical and cultural regions of Central Asia and considers as well problems of their chronology and periodization.

NEW INSIGHTS ON THE EARLY IRON AGE IN BACTRIA: THE KAYRIT OASIS

Johanna Lhuillier*, Shapulat Shajdullaev**, Julio Bendezu Sarmiento*, Odiljon Khamidov***, Julie Bessenay*

* *Centre national de la recherche scientifique, Lyon, France*; ** *Termez State University, Termez, Uzbekistan*; *** *Institute of Archaeology, Samarqand, Uzbekistan*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-96-97

Keywords: the Early Iron Age, Yaz I period, Bactria, the Kayrit Oasis.

The joint Uzbek-French archaeological mission in Protohistoric Bactria (dir. Sh. Shajdullaev and J. Lhuillier) aims at studying the settlement dynamics in a unique area, the Kayrit Oasis in the Pashkurt Valley (Surkhan-Darja Province), during the Early Iron Age (second half of the II mill.

BC, “Yaz I” period). After first comprehensive research by a joint Czech-Uzbek team (2015–2017), extensive work is now led by the French-Uzbek team. Several contemporaneous sites have been identified, up to date the only group of settlements located in a mountainous area. They are occupied during the Early Iron Age only, which makes them key sites for the study of this poorly understood period. Artefacts typical of the Sine Sepulchro cultures (also known as Handmade painted ware cultures) are associated to a unique stone architecture. We favour a multiple approach, combining excavations, geophysical survey, and material culture studies. We will present the results of the first two seasons of fieldwork led at Burgut-Kurgan and Kayrit-Tepa.

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАКТРИИ: КАЙРИТСКИЙ ОАЗИС

Ж. Луильер*, Ш. Шайдуллаев**, Х. Б. Сармиенто*, О. Хамидов***, Ж. Бессене*

* Национальный центр научных исследований, Лион, Франция; ** Термезский государственный университет, Термез, Узбекистан; *** Институт археологии, Самарканд Узбекистан

Ключевые слова: ранний железный век, период Яз I, Бактрия, Кайритский оазис.

Деятельность совместной Узбекско-Французской археологической миссии в протоисторической Бактрии (нач. Ш. Шайдуллаев и Ж. Луильер) направлена на изучение динамики поселений в уникальном районе — Кайритском оазисе в долине Пашкурт (Сурхандарьинская обл.) — в эпоху раннего железа (вторая половина II тыс. до н.э., период Яз I). После первого комплексного исследования, проведенного совместной чешско-узбекской экспедицией (2015–2017), Узбекско-Французская миссия в настоящее время ведет здесь обширные работы, в результате которых было выявлено несколько одновременных поселений. На сегодняшний день это единственная группа древних населенных пунктов, расположенных в горной местности. Они обживались только в раннем железном веке, что делает их ключевыми объектами для изучения этого плохо исследованного периода. Артефакты, типичные для так называемых безмогильных (sine sepulchro) культур (также известных как культуры лепной расписной керамики), связаны с уникальной каменной архитектурой. Мы используем комплексный подход, сочетающий раскопки, геофизическое обследование и изучение материальной культуры. В докладе представлены результаты первых двух сезонов полевых работ, проведенных на Бургут-Кургане и Кайрит-Тепе.

НЕОЛИТ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Т. И. Ахундов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-97-100

Ключевые слова: неолит, Муган, Карабах, Южный Кавказ, Передняя Азия, Полутепе, керамика, традиция.

Вопросами неолита Южного Кавказа специалисты занимаются уже не одно десятилетие. Выделены отдельные культуры и их ареалы, изучены компоненты (орудия, керамика, хозяйство и т. д.) этих культур и многое другое. Но проблема первоначального появления производящего хозяйства, то есть вступления Южного Кавказа в эпоху неолита, пока не нашла однозначного разрешения. Многие южнокавказские археологи, не лишённые чувства местного патриотизма, видят корни южнокавказского производящего хозяйства непременно тут же, в местном мезолите этого региона, из которого, по их мнению, и вырос местный же неолит.

Некоторые специалисты находят корни южнокавказского производящего хозяйства в Передней Азии, что, помимо анализа фактологического материала, основывается на логике, что нельзя изобрести колесо, если оно лежит перед тобой. А колесо, то есть переднеазиатское производящее хозяйство, к моменту появления такового на Южном Кавказе уже существовало не одно столетие. И даже тенденция к углублению возраста южнокавказского неолита не меняет картины. Во-первых, ни для одной из отраслей производящего хозяйства на Южном Кавказе нет убедительных данных о наличии переходных форм от диких видов к domesticiрованным, что, безусловно, должно было иметь место, если бы процесс происходил на этой территории. Во-вторых, у носителей неолитических традиций с самого основания их поселений появляются сразу несколько видов уже домашних злаков и животных, для появления которых требуется не одно столетие, если не тысячелетие. Так что, при всем желании, пока нет убедительных подтверждений раннего или, иначе, начального неолита на этой территории. Он мог появиться только при миграции на Южный Кавказ нового населения, обладающего уже сложившимися и далеко продвинутыми навыками производящего хозяйства, привнесшего на эту территорию готовые результаты процессов доместикиции, случившихся задолго до их прихода за пределами Кавказа, в Передней Азии. Неолит на Южном Кавказе начинается сразу с развитого этапа.

На сегодняшний день на Южном Кавказе мы выделяем четыре ареала неолитических традиций: колхидский или причерноморский, шомутепинский или центрально-южнокавказский, карабахский и муганский. При этом происхождение их неоднозначно. Последние три традиции последовательно занимают северную подгорную полосу Малого Кавказа и Броварского хребта. Карабахский и муганский неолит, на наш взгляд, стал результатом генетически близких, но хронологически различных переднеазиатских (месопотамских) импульсов. Причерноморский неолит имеет совершенно иные корни, не имеющие ничего общего с карабахско-муганским. В то же время шомутепинская традиция является синтезом двух начал, сложившимся в результате двух встречных миграционных волн — карабахского с востока на запад и причерноморского с запада на восток.

Муганский неолит — самый молодой на Южном Кавказе, обусловленный более поздним формированием благоприятных условий для производящего хозяйства в этом регионе. Памятники этой традиции занимают узкую подгорную полосу Восточной Мугани на крайнем юго-востоке Южного Кавказа и представлены зольными холмами высотой до 7 м и площадью до 0,25–6,0 га. На поселениях Аликемектепе и Полутепе проведены стационарные раскопки, поселение Фяттепе исследовано стратиграфическим раскопом. Толщина неолитического слоя на Полутепе и Фяттепе составляет 6 м, на Аликемектепе — 4 м.

Археологический материал характеризуется большим разнообразием, причем керамика, помимо множества форм и размеров, представлена в значительном количестве. Она сформована из глины с растительной примесью и покрыта ангобом с одной или двух сторон. Довольно много обнаружено расписных сосудов. Роспись из геометрических мотивов нанесена, главным образом, буро-черной краской. В керамической коллекции муганского неолита есть немало сосудов с выраженными цилиндрическими горловинами и массивными петлевидными ручками, обнаружены и сосуды, сформованные в плетеных формах. Имеются также сосуды со сливом у основания, появляется оформление краев сосудов валиками. Керамику обжигали в двухъярусных печах с теплораспределительными каналами (рис. 1).

В хозяйстве и быту широко использовали кость, рог, различные породы камня (известняк, кремнь, реже, обсидиан и пр.). Основу экономики составляли земледелие, скотоводство, охота и рыболовство. Муганский неолит датируется концом V — рубежом V–IV тыс. до н. э.

Рис. 1. Полутепе, гончарные печи

THE NEOLITHIC OF THE SOUTHERN CAUCASUS

Tufan I. Akhundov

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan*

Keywords: *Neolithic, Mugahan, Karabakh, South Caucasus, Front Asia, Polutepe, ceramics, economy, tradition.*

The problem of the initial entry of the Southern Caucasus into the epoch of Neolithic still has no single solution. Some researchers see its relation to the South-Caucasian Mesolithic; the others consider that the productive economy in the Southern Caucasus was introduced there in a ready form by the migrants from the Front Asia. In the Southern Caucasus it appeared in the developed form.

Presently, we distinguish the following four areas of the Neolithic tradition in the Southern Caucasus: Colchis or the Black Sea coast, Shomutapa or the Central Southern Caucasus, Karabakh and Mughan.

The Mughan Neolithic is represented by ashy hills 7 m in height, 0,25–6,0 ha, and thickness of the Neolithic layer is 6 m. Ceramic material of this tradition at times superior the other Neolithic traditions of the Southern Caucasus. Ceramic material of this tradition is characterized by a diversity of forms and technology of molding, the inclusion of vegetable admixture, engobing, large percentage of painted samples and presence of massive loop-like handles. The economic basis consisted of agriculture, cattle-breeding, hunting and fishing. The Mughan Neolithic is dated to the late 5th — the turn of the 5th and 4th millennia BC.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА — РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАБАХА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Х. И. Алмамедов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-100-102

Ключевые слова: *Южный Кавказ, Карабахской неолит, поселение Исмаилбейтепе, Карабахская неолитическая-энеолитическая экспедиция, кремация, трепанация.*

Эпоха неолита, характеризующаяся возникновением ранних земледельческих культур, явилась поворотным этапом в истории человечества. Благоприятные природно-географические условия Карабахской равнины соответствовали потребностям земледельческо-скотоводческих племен, обусловили их расселение на этой территории с VI тыс. до н. э. и оказали сильное влияние на их духовную жизнь.

Работы по изучению ранних поселений земледельческо-скотоводческих племен Карабаха начала Азербайджанская археологическая (Оренкалинская) экспедиция, организованная ЛОИА АН СССР и Институтом истории АН Азербайджанской ССР в 1953 г.

В 1960–1990-е гг. раскопки поселений ранних земледельческо-скотоводческих племен Карабаха проводила Миль-Карабахская экспедиция под руководством известного азербайджанского ученого, д-ра ист. наук Идеала Гамид оглу Нариманова. В результате археологических разведок на Миль-Карабахской равнине были зафиксированы десятки новых поселений, а на памятниках Иланлытепе в 1967–1968 гг. и Чалагантепе в 1980–1985 гг. были проведены широкомасштабные стационарные раскопки.

В течение 2010–2017 гг. Карабахская неолитическая-энеолитическая экспедиция осуществила широкомасштабные разведки, в результате которых были зафиксированы более 300 археологических памятников, причем 156 из них являются поселениями ранних земледельческо-скотоводческих племен.

По топографии распространения памятников Карабахскую равнину в период неолита можно сравнивать с Анатолией, Ираном и междуречьем Тигра и Евфрата. Выявленные на Карабахской равнине неолитические поселения количественно превосходят памятники, известные для этой эпохи на Южном Кавказе, как минимум в два раза. Плотность распространения поселений и выводы, сделанные в процессе их изучения, позволяют выдвинуть идею о том, что территория Карабаха являлась одним из основных очагов культуры кавказского неолита в VI тыс. до н. э. Результаты упомянутых полевых изысканий открывают возможности для изучения моделей расселения оседлого населения на Карабахской равнине в рассматриваемую эпоху.

Для изучения вопросов зарождения, развития и распространения неолитической культуры на Карабахской равнине на поселении Исмаилбейтепе с 2012 г. проводятся широкомасштабные археологические раскопки, в результате которых обнаружены и изучены остатки 15 строений округлой и прямоугольной форм, относящихся к четырем строительным периодам. Зафиксировано более 4000 фрагментов керамики, каменные и костяные орудия труда.

Уникальная архитектура и артефакты Исмаилбейтепе свидетельствуют об инновациях в неолите Кавказа. Для архитектуры памятника наряду с местными традициями характерны некоторые особенности домостроительства Анатолии и Ирана периода позднего неолита, включая оформление границ поселения каналами и высокими стенами. Высота выполнявшей оборонительные и охранные функции стены Исмаилбейтепе достигала 4–4,5 м, а ширина составляла около метра. Она делила поселение на внутреннюю и наружную части, причем внутри находились округлые дома, а снаружи — прямоугольные. В полы домов была вкопана глиняная посуда.

Наряду с обрядом ингумации в погребальном обряде представлена и кремация. Отмечены случаи трепанации и искусственной деформации человеческих черепов. Найдены бусы из малахита, изготовленные холодной ковкой. В качестве сырья для краски использовали охру и магнетит.

Для определения хронологии памятника из различных уровней его культурного слоя были взяты образцы ^{14}C , которые анализировались в лабораториях Израиля (D-REAMS Radiocarbon Laboratory Weizmann Institute of Science) и Германии (Klaus-Tschira-Archäometrie-Zentrum Am Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie gGmbH). Полученные даты свидетельствуют о существовании поселения во второй четверти VI тыс. до н. э.

Итоги археологических исследований памятников земледельческо-скотоводческой культуры, расположенных на Карабахской равнине, позволяют говорить, что этот регион являлся центром формирования местной неолитической культуры в VI тыс. до н. э. В указанный период прогрессивные традиции, передаваемые с юга на север или в обратном направлении, обусловили формирование на территории Карабаха нового для неолита Южного Кавказа социально-культурного пространства — раннеземледельческой культуры Карабаха. Особенности архитектуры и технико-технологические различия, проявляющиеся в изготовлении керамики, позволяют отличать культуру неолита Карабаха от других неолитических культур Кавказа.

THE FORMATION OF A NEW SOCIO-CULTURAL AREA — THE EARLY AGRICULTURAL CULTURE OF KARABAKH OF THE NEOLITHIC AGE IN THE SOUTHERN CAUCASUS

Khagani I. Almammadov

Institute of Archaeology and Ethnography of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan

Keywords: *South Caucasus, Neolithic of Karabakh, Karabakh Neolithic–Eneolithic Expedition, Neolithic settlement Ismailbeytepe, cremation, trepanation.*

During 2010–2017, the Karabakh Neolithic–Eneolithic Expedition in the Karabakh Plain carried out archeological excavations on an area of about 3600 km². As a result more than 300 archeological sites were registered. In particular, we would like to note that 156 of these registered sites are settlements of early farmer-breeder tribes.

Since 2012, the large-scale archaeological excavations were carried out in a Neolithic-period site of Ismayilbaytepe to study the issues of the formation, development, and spread of the Neolithic culture in the Karabakh Plain. Ismailbaytepe is a novelty for the Caucasian Neolithic because of its unique architectural structure and discovered artifacts. In addition to local traditions in the South Caucasus, this Neolithic settlement demonstrates some architectural features of Late Neolithic Anatolia and Iran.

АЛИКЕМЕКТЕПЕ — ПАМЯТНИК ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ ГРУППЫ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Р. Б. Аразова

Университет Хазар, Баку, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-102-105

Ключевые слова: *Азербайджан, древнее земледелие, Аликемектепе, серпы разных типов, домашнее производство, обработка дерева, кости, кожи, керамики.*

Аликемектепе — один из уникальных памятников высокоразвитой оседло-земледельческой культуры района Мугани в Азербайджане. В результате археологических раскопок здесь были обнаружены сырцовые постройки, гончарные печи, богатый керамический комплекс, орудия из кремня, обсидиана, кости и др.

Широкое внедрение трасологического метода в практику археологических исследований дало возможность комплексного изучения орудий труда. Результаты функциональной классификации показали, что в производственном инвентаре основное место принадлежит земледельческим орудиям, среди которых представлены кремневые, реже обсидиановые вкладыши серпов (рис. 1, 2–5) со следами интенсивной сработанности лезвий и остатками битума на обушковой части. Реконструкция формы серпов показала, что на Аликемектепе встречаются крупнозубчатые серпы, но предпочтение отдавалось составным серпам с прямым лезвием и однопластинчатым (рис. 1, 6, 7). Совершенствуя технику изготовления, способы размещения и крепления вкладышей в обойме рукоятей, древние земледельцы поселения тем самым повышали производительность жатвенных орудий. Эксперименты подтвердили, что самыми эффективными являются составные серпы с прямым лезвием и однопластинчатые: они только в 1,7 раза уступают по производительности современным железным орудиям. Серпы с прямым лезвием и однопластинчатые известны на соседних территориях Кавказа и на синхронных памятниках Ближнего Востока.

Среди других земледельческих орудий выделены роговые мотыги (рис. 1, 1, 9), землекопалки, лопаты. Зернотерки обычно имеют овальную форму, но встречаются и ладьевидные, которые позднее характерны для куро-араксской культуры.

Со скотоводством и охотой связаны ножи для разделки туш животных, ядра для пращи из небольших галек, глины и др.

По результатам микроанализа выделен богатейший набор орудий: скобели, скребки, стамески, строгальные ножи, резцы, резчики, ложила и др. Этот набор показывает, что трудовая деятельность в сфере домашних производств была разнообразной: деревообработка, косторезное дело, обработка кожи, ткачество, гончарное дело, изготовление самих орудий и украшений. Так, разнообразие скребков и появление костяных стругов свидетельствуют о сложном технологическом процессе в кожевнном производстве. О ткачестве на поселении можно судить по пряслицам.

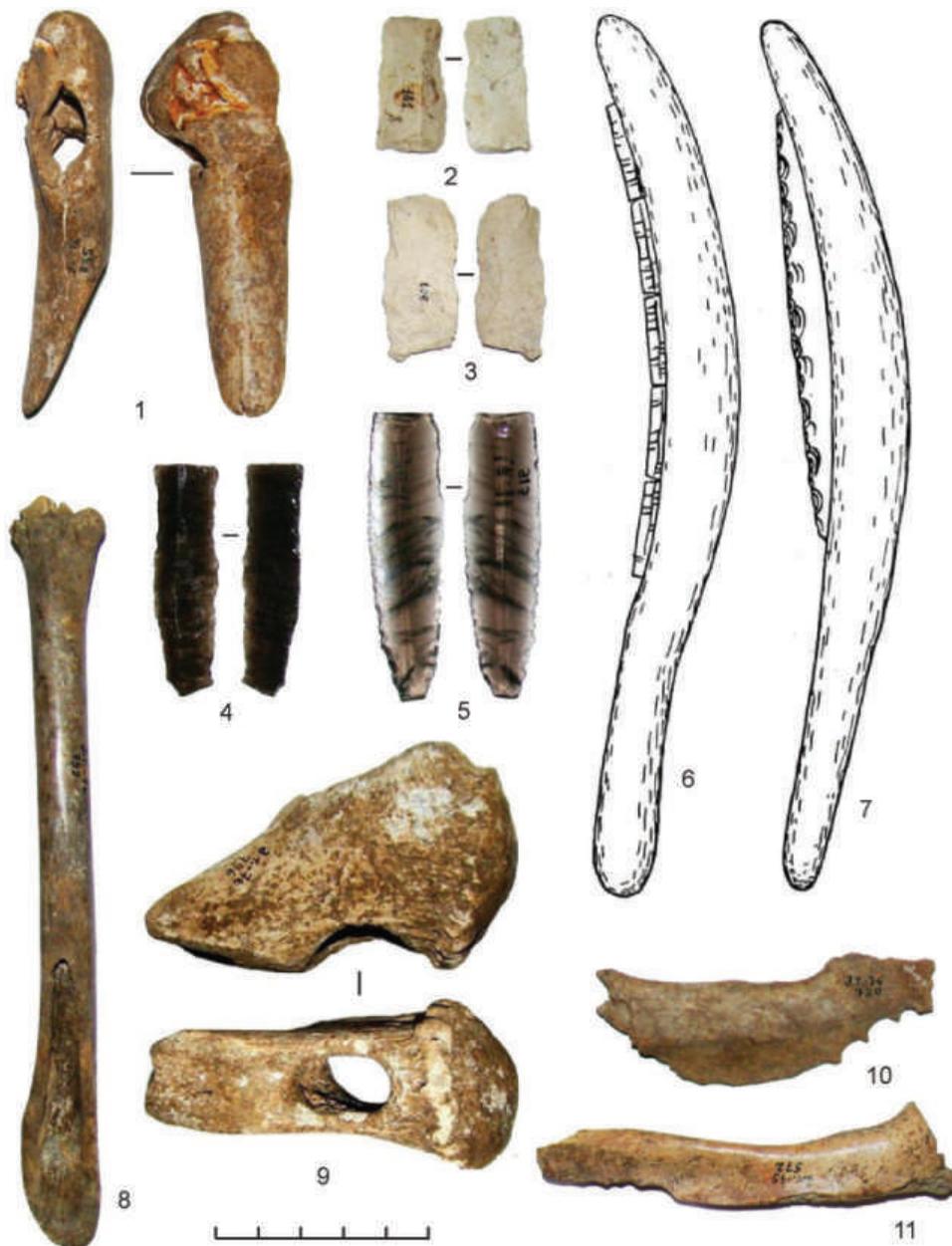

Рис. 1. Аликемектепе, орудия труда: 1, 9 — мотыги, рог; 2–5 — вкладыши серпов, кремь и обсидиан; 6–7 — реконструкция серпов; 8 — ложила для керамики; 10–11 — скребки-струги (8, 10, 11 — кость)

Костяные шпатели для формовки глиняных сосудов и лощила для обработки их поверхности вместе с разнообразной глиняной посудой и гончарными печами на поселении являются прямым подтверждением развития гончарства.

Сопоставление результатов функционального анализа орудийного комплекса Аликемектепе и памятников шомутепинской группы показало сходство их хозяйства земледельческого типа. На это указывает набор орудий, где ведущими категориями являются вкладыши серпов. Вместе с тем прослеживаются различия в типах серпов. На Аликемектепе и на Шомутепе бытовали развитые формы серпов с изогнутой рукояткой, но аликемектепинцы, совершенствуя технику изготовления (это чаще крупные пластины с ретушью), способы размещения их в обойме, явное предпочтение отдавали составным серпам с прямым лезвием и однопластинчатым. Серпы шомутепинского типа встречаются редко.

Различия прослеживаются и в мотыгах. На поселении Аликемектепе мотыги изготовлены чаще из рога, а на памятниках шомутепинской культуры — из лопаток животных.

В сфере домашних промыслов Аликемектепе также происходят определенные изменения. Особого совершенства достигает само производство орудий и техника их изготовления. В каменной индустрии поселения почти исчезают полифункциональные орудия, идет их дифференциация.

Наши предварительные выводы подтверждаются и другими материалами поселения. Во-первых, в архитектуре Аликемектепе на протяжении всего существования памятника происходит изменение форм домостроительства — от удлинненно-овальных к прямоугольным жилым и хозяйственным постройкам, при доминировании последних. На древнейших поселениях Гянджа-Казахской равнины (Шомутепе, Тойретепе, Гаргалартепе и др.) бытовали только круглые в плане сырцовые постройки.

Во-вторых, на Аликемектепе под полом жилых помещений открыто более 20 погребений с окрашенными охрой костяками. Это же явление известно и на нахичеванском памятнике Кюльтепе. В-третьих, на Аликемектепе собрана своеобразная коллекция керамики. В отличие от посуды памятников шомутепинской группы она хорошего качества — произведена из тщательно отмученной глины с растительной примесью и хорошим обжигом. Много здесь и расписной посуды. И наконец, на Аликемектепе обнаружены гончарные обжигательные печи. По справедливому замечанию автора раскопок Ф. Махмудова, по-видимому, уже в первой половине IV тыс. до н. э. на Аликемектепе появляются профессиональные «общинные ремесленники» — гончары.

Таким образом, вышеотмеченные различия можно объяснить не только культурно-историческими традициями в изготовлении орудий, географической средой, но и хронологическим диапазоном.

ALIKEMEKTEPE — A SITE OF THE SOUTHERN CAUCASIAN GROUP OF THE EARLY AGRICULTURAL CULTURE OF AZERBAIJAN

Roza B. Arazova

Khazar University, Baku, Azerbaijan

Keywords: Azerbaijan, ancient agriculture, Alikemektepe, sickles of different types, home production, wood processing, bone, leather, ceramics.

Alikemektepe is one of unique sites of the highly developed sedentary agricultural culture on Mughan. The widespread introduction of the method of microanalysis in archaeological practice has enabled a comprehensive study of such important artefacts as tools. The results of the functional classification showed that the main part of the tools was related to agriculture: these are

sickle inserts. Reconstruction of the most ancient harvesters demonstrates that despite the presence of large-toothed sickles of Shomutepe style dominant were sickles with a straight blade and single-plate sickles. Horn hoes, shovels and oval grain graters were discovered among other agricultural implements.

The community members' working activities varied: woodworking, bone, leather, weaving, and pottery, and making tools and ornaments in the sphere of domestic production. Although the Alike-mektepe tool complex reveals proximity to those from sites of the Shomutepe culture, it also differs from them. This is apparently explained by cultural and historical traditions in the manufacture of tools, the ecological environment and as well a chronological diapason (late 5th millennium to the first half of the 4th millennium BC).

СВЯЗИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАХИЧЕВАНИ С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ

В. Б. Бахшалиев

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-105-108

Ключевые слова: Ближний Восток, Южный Кавказ, Нахичевань, ранний энеолит, средний энеолит, керамика с отпечатками пальцев, расписная керамика.

О связях Южного Кавказа с Ближним Востоком высказаны различные мнения. Археологические исследования, проведенные в последние годы на территории Нахичевани, позволяют подробнее интерпретировать связи двух этих регионов. Раскопки Нахичевань-тепе, Учан Агыл, Узун Оба, Зириджли, Йенийол, Шорсу дают основания для выделения этапов развития энеолитической культуры. Изучение энеолитических памятников Нахичевани позволяет заполнить лагуну, существующую между поздним неолитом и поздним энеолитом. Так, в Кюль-тепе, расположенном вблизи Нахичевани, неолитические отложения перекрыты напластованиями раннего бронзового века, а в поселениях Ментештепе, Араташен и Хатунарх-Акнашен неолитический период сменяется периодом позднего энеолита. Поиск корней позднэнеолитической культуры в неолитических памятниках не увенчался успехом. Энеолитическая культура Южного Кавказа разделена некоторыми исследователями на ранний энеолит (4800–4000 гг. до н. э.) и средний/поздний энеолит (4000–3200 гг. до н. э.). Несмотря на то что ряд ученых относили ранний энеолит к первой половине V тыс. до н. э., а средний и поздний энеолит — ко второй половине этого тысячелетия, материалы раннего и среднего энеолита представлены незначительно. Однако при исследовании Нахичевань-тепе, Учан агыл и Узун оба, расположенных в долинах Нахичеваньчай и Сирабчай, выявлены находки, относящиеся к раннему (5000–4600 гг. до н. э.) и среднему (4600–4400 гг. до н. э.) энеолиту. Раскопки показывают, что ранний и средний этапы энеолитической культуры Нахичевани связаны с далматепинской культурой. Ее керамика с отпечатками пальцев и расписным орнаментом выявлена в памятниках бассейна оз. Урмии, Карабаха, Мильско-Муганской степи и Восточной Анатолии. Эти находки отличаются от находок в Овчулартепеси, Техуте, Сиони, Ментештепе, Араташене, Бериклдеби, Беюк Кесике и других поселениях. Нахичевань-тепе является одним из важных энеолитических поселений, исследование которого позволяет установить межрегиональные связи.

Нахичевань-тепе находится на правом берегу Нахичеваньчай, на высоте 853 м над уровнем моря. Раскопками 2017–2018 гг. здесь выявлены три строительных горизонта. Первый из них, расположенный на глубине 2,1–2,5 м от поверхности памятника

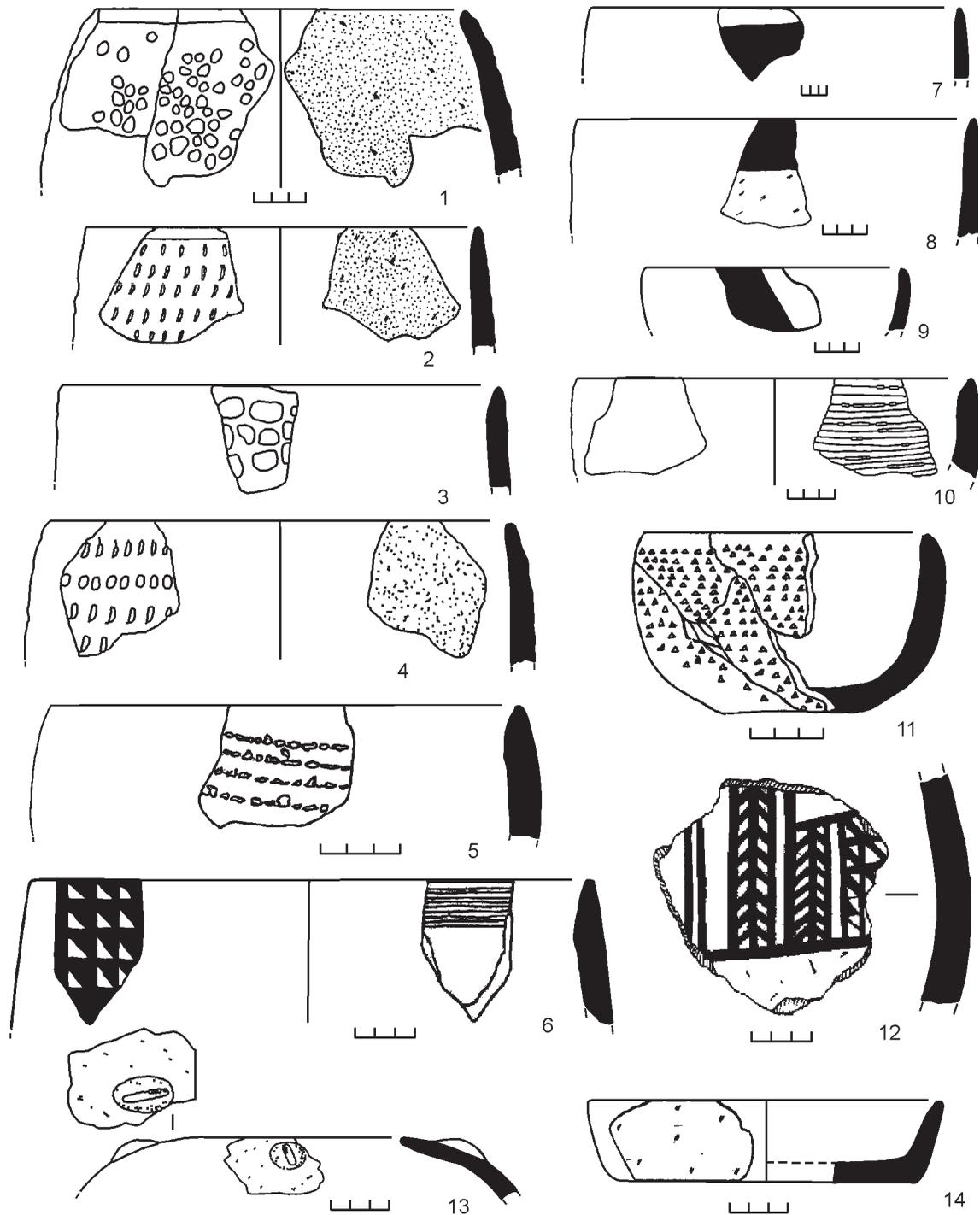

Рис. 1. Нахичевань-тепе, керамика раннего энеолита (after Kuliyeva, Bahşeliyev 2018: şekil 6)

(Нахичевань-тепе 3), характеризуется прямоугольными полуземлянками с закругленными углами. Две стены такого жилища выкопаны в земле, а две другие стены сооружены из жердей, обмазанных глиной. Внутри помещений устроены круглые очаги. Остатки подобных помещений выявлены также в позднеэнеолитических поселениях Овчулартепеси и Йенийол. Рассматриваемый горизонт на основе радиоуглеродного анализа датируется

4945–4722 гг. до н. э.¹ Второй строительный горизонт, расположенный на глубине 0,78–2,1 м от вершины холма (Нахичевань-тепе 2) характеризуется прямоугольными помещениями. Этот горизонт на основе радиоуглеродного анализа датируется 4720–4529 гг. до н. э. Первый строительный горизонт расположен на глубине 0,8 м от вершины холма (Нахичевань-тепе 1). Здесь также представлены прямоугольные помещения. Этот горизонт датируется 4600–4400 гг. до н. э. на основе сопоставлений с другими памятниками.

Основную часть археологических материалов Нахичевань-тепе составляет керамика, которая в соответствии со стратиграфией разделена на две группы. Керамика из верхнего горизонта (Нахичевань-тепе 1) отнесена к среднему энеолиту (4600–4400 гг. до н. э.), а керамика нижних горизонтов (Нахичевань-тепе 2, 3) датирована ранним энеолитом (5000–4600 гг. до н. э.). Керамика среднего энеолита выявлена также на поселениях Учан агыл, Узун оба и Бюловкая.

Керамика с росписью и отпечатками пальцев, существовала в первой половине V тыс. до н. э. (рис. 1). Расписную керамику далматепинского типа использовали во второй половине V тыс. до н. э., что подтверждается также материалами поселений Узуноба, Учан Агыл и Бюловкая. Таким образом можно заключить, что территория Нахичевани входила в ареал распространения культуры Далматепе.

Литература

Kuliyeva Z., Bahşeliyev V. 2018. Nahçıvan'ın Kalkolitik Çağ Kültürü. In: Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology). 23.

RELATIONS OF THE ENEOLITHIC CULTURE OF NAKHICHEVAN WITH THE NEAR EASTERN LANDS

Veli B. Bakhshaliyev

Nakhichevan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhichevan, Azerbaijan

Keyword: *Near East, South Caucasus, Nakhichevan, Early Chalcolithic Age, Middle Chalcolithic Age, impression ceramics, painted ceramics.*

In spite of the fact that various researches of the Chalcolithic culture of South Caucasus were conducted, some problems remained unsolved. At present, between the Late Neolithic and Late Chalcolithic cultures there is a gap. In Nakhichevan Kültepe the Neolithic period is replaced by the Early Bronze Age period, and in such settlements as Mentesh Tepe, Aratashen and Hatunarkh-Aknashen the Neolithic period is replaced by the Late Chalcolithic period. In this regard the search of roots of the Late Neolithic culture in monuments of the Neolithic period was not successful. The Chalcolithic culture of the Southern Caucasus is designated by some researchers as the Early Chalcolithic (4800–4000 BC) and the Middle/Late Chalcolithic (4000–3200 BC). In recent years, in Nakhichevan that is located on the joint of the Southern Caucasus and the Middle East a lot of the Chalcolithic-age monuments have been revealed. As a result of researching ancient sites such as Nakhichevan Tepe, Uçan Agil and Uzun Oba located in valleys Nakhichevançay and Sirabçay there were obtained finds belonging to the early (5000–4600 BC) and middle (4600–4400 BC) periods of the Chalcolithic age. The investigations demonstrate that the early and middle stages of the Nakhichevan Chalcolithic culture were connected with the Dalma Tepe culture. Pottery vessels similar to those from Dalma Tepe with impressed and painted ornaments have been obtained in sites of the Urmia basin, Karabakh, the Mil-Mugan steppe and Eastern Anatolia. These finds differ from those from Ovçular Tepe, Tekhut, Sioni, Mentesh Tepe, Aratashen, Berikdeebi, Beyuk Kesik and others. In the

¹ Образцы угля проанализированы в лаборатории г. Лессе (Италия) при финансовой поддержке Фонда развития науки при Президенте Азербайджанской Республики — Grant № EIF-KETPL-2-2015-1(25)-56/47/5.

territory of Nakhichevan the Late Chalcolithic period is presented by the settlement of Ovçular Tepe. At the same time, the settlements registered in the valley Sirabçay, which allow studying the subsequent stage of the Chalcolithic culture, are of particular importance. Comparative study of the sites of Nakhichevan, Eastern Anatolia and the Urmia basin gives the opportunity to establish interregional relations.

СВЯЗИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НАХИЧЕВАНИ С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ

Т. С. Гашимова

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-108-110

Ключевые слова: *Ближний Восток, Южный Кавказ, Нахичевань, средняя бронза, монохромная расписная керамика, полихромная расписная керамика.*

Благоприятная природно-географическая среда Нахичевани способствовала расселению здесь людей с древних времен. Плодородные земли, богатые пастбища и многоводные реки создавали прекрасные условия для развития земледелия и скотоводства. В этом регионе имеются многочисленные археологические памятники среднего бронзового века, включая Кюльтепе I, Кюльтепе II, Кызылбурун, Шахтахты и Кызкале. Все они расположены на перекрестках дорог, которые соединяют соседние страны.

Памятники эпохи средней бронзы Нахичевани отличаются высококачественной расписной керамикой. Несмотря на своеобразие, она имеет черты сходства с глиняной посудой Южного Кавказа и Ближнего Востока, что свидетельствует о межрегиональных связях и культурных взаимодействиях. Благодаря изучению этих поселений, отличающихся четкой стратиграфией, были выявлены четыре последовательных этапа развития расписной керамики среднего бронзового века.

Для первых двух этапов характерна монохромная расписная посуда —краснофонные изделия, которые украшены черными геометрическими узорами, включающими прямые, волнистые, ломаные линии, а также заштрихованные ромбы и треугольники. Керамика, украшенная подобными орнаментами, выявлена в Кюльтепе I и Кюльтепе II (рис. 1, 2), Кызылбурун, Шахтахты, Кызкале, Кюкю, Казанчыкале, Яйджи (рис. 1, 1), Шортете и в других памятниках. Подобная посуда известна на поселениях Геой-тепе (слои D и C), Хафтаван-тепе (слои VI C, VI B) и на некоторых памятниках Восточной Анатолии.

Следующие два периода характеризуются посудой с полихромной росписью. Это сосуды, расписанные разнообразными геометрическими орнаментами из прямых и ломаных линий, смежных треугольников и ромбов по желтому или белому фону. Подобные изделия известны из Кюльтепе I, Кюльтепе II, Кызылбурун (рис. 1, 3), Шахтахты (рис. 1, 4). Некоторые сосуды наряду с геометрическим орнаментом украшены также изображениями животных и человека (рис. 1, 4). Полихромная посуда представлена в коллекциях музеев Ахлат, Ван, Эрзурум, Казиантеп, в поселениях Геой-тепе (слой D) и Хафтаван-тепе (слой VI B) и на других памятниках.

На Южном Кавказе (Грузия и Армения) встречаются только монохромные расписные изделия, которые в основном происходят из погребальных памятников —Триалети, Арич, Верин-Навер и др. Вне Нахичевани на памятниках Азербайджана полихромная керамика малочисленна. Однако в Нахичевани, в бассейне оз. Урмия и в Восточной Анатолии монохромная и полихромная керамика широко распространена. При этом в Нахичевани и в бассейне оз. Урмия представлены как поселения, так и погребальные памятники, а в Восточной Анатолии — только погребальные.

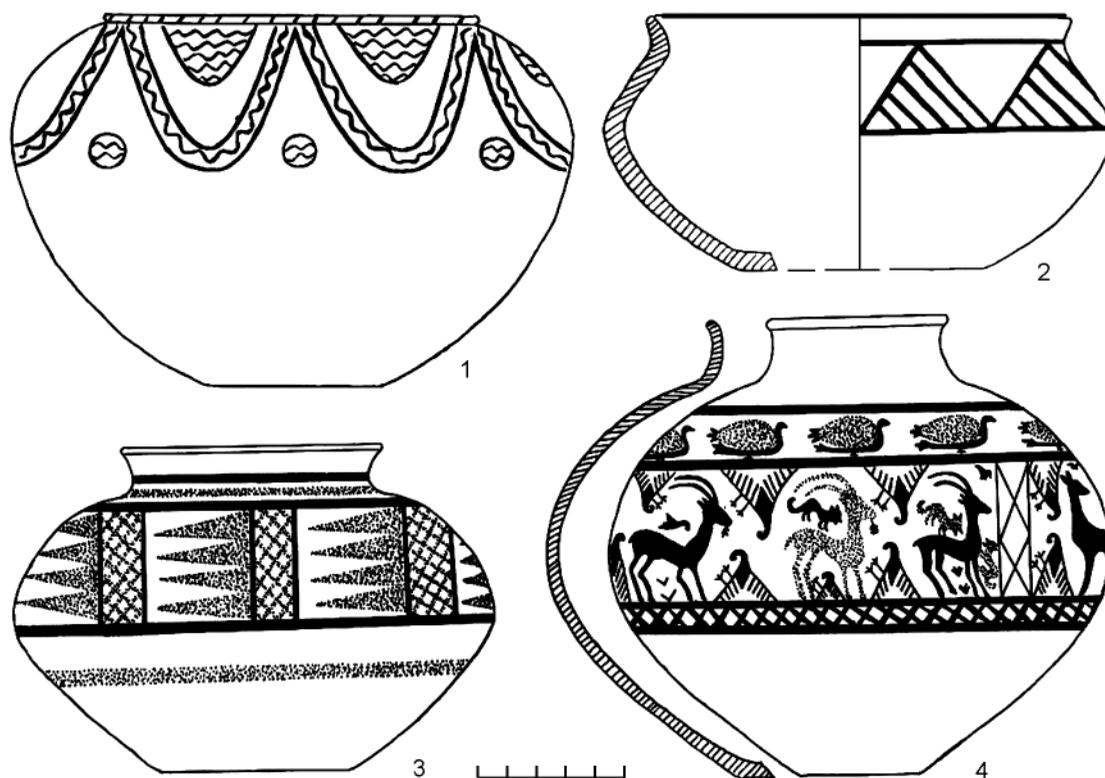

Рис. 1. Монохромная (1, 2) и полихромная керамика (3, 4) из памятников Нахичевани: 1 — Яйджи; 2 — Кюльтепе II; 3 — Кызылбурун; 4 — Шахтагты

Поселения Нахичевани и бассейна оз. Урмия важны для периодизации памятников среднего бронзового века с расписной керамикой. Т. Бертан-Браун относил слой D поселения Гейтепе к 2400–2000 гг. до н. э., а слой С — к первой половине II тыс. до н. э. Слой VIC поселения Хафтаван-тепе датирован 2200–2000 гг. до н. э., слой ранний VIB — 1900–1550 гг. до н. э., а слой поздний VIB — 1600–1450 гг. до н. э. Ранний слой среднего бронзового горизонта поселения Кюльтепе II отнесен к 2400 гг. до н. э., а поселения Кызкале — к 2135 г. до н. э. Анализ угля из слоя с полихромной керамикой Кюльтепе II дал дату 1800 г. до н. э. Эти результаты свидетельствуют, что культура расписной керамики среднего бронзового века в Нахичевани и бассейне оз. Урмия относится ко второй половине III тыс. до н. э.

Исследования археологических памятников на территории Нахичевани показывают, что здесь культура расписной керамики эпохи средней бронзы продолжалась со второй половины III тыс. до н. э. до конца II тыс. до н. э. Особенности керамических изделий различных этапов прослежены также на памятниках бассейне оз. Урмия и Восточной Анатолии. Установлено, что памятники культуры расписной керамики Нахичевани и бассейне оз. Урмия принадлежат оседлым племенам, а памятники этой же культуры Восточной Анатолии — кочевым.

RELATIONS OF THE MIDDLE BRONZE AGE CULTURE OF NAKHICHEVAN WITH THE NEAR EASTERN LANDS

Turan S. Hashimova

Nakhichevan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhichevan, Azerbaijan

Keywords: Near East, Southern Caucasus, Nakhichevan, Middle Bronze Age, monochrome ceramics, polychrome ceramics.

The favorable geographical location of the Nakhchivan region promoted his settling since ancient times. The fertile soil of Nakhichevan gave opportunity to the population to be engaged in agriculture and cattle-breeding. Favorable environment and geographical location of this region created propitious conditions to settling of the people there for a very long time. Archaeological sites of Nakhichevan are located on advantageous geographical positions, on the joint of the roads conducting to the neighboring areas. Among these sites such as Kültepe I, Kültepe II, Kızkale, Şahtaxtı, Kızılburun and others are of particular value. Painted ceramics found at Kızkale, Şahtaxtı, Kültepe I, Kültepe II and other sites differed from their original forms. Although these vessels were local features, their parallels reflect communications of Nakhichevan with the neighboring regions and their influence on monuments of the Near East and Southern Caucasus with each other. Archaeological research of the settlements of Nakhichevan shows that their ancient population was also occupied with nomad cattle breeding. In recent years, new sites that have been revealed in Nakhichevan allow to study all consecutive stages of the culture of painted ceramics of Nakhichevan. On the basis of the conducted research at the Middle Bronze Age sites it seems possible to say that the Middle Bronze Age culture of Nakhichevan was the heritage of the tribes engaged in settled and semi-nomadic ways of life. The analysis of the local painted ceramics proves that Nakhichevan was one of the main centers of the culture of painted ceramics of the Middle Bronze Age.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ КАВКАЗА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В IV ТЫС. ДО Н. Э.¹

В. А. Трифонов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-110-112

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, майкопская культура, погребальный обряд, Кавказ, Передняя Азия.

Археологические открытия последнего десятилетия не только расширили границы наших знаний о погребальном обряде майкопской культуры, но и позволили существенно уточнить общепринятые представления о таких эталонных памятниках, как Майкопский курган (1897 г.), дольмены у станицы Царской (1898 г.) и Нальчикская гробница (1966 г.).

Эти данные указывают, что независимо от количества престижного инвентаря и разнообразия погребальных сооружений, для майкопской культуры на всех этапах ее развития характерен один общий канон погребального обряда.

Этот обряд практиковался в двух основных типах погребальных сооружений майкопской культуры: в ямах и наземных гробницах под курганами. При их строительстве в разном сочетании использовались дерево, камень, глина, и, вероятно, сырец. Даже наземные мегалитические гробницы Царской/Новосвободной и Нальчика разделяют основные черты майкопской погребальной традиции.

Происхождение и развитие майкопской погребальной практики становится более понятным, если ее рассматривать не в рамках миграционных схем или парадигмы «центр—периферия», а в контексте представлений о культурной провинции как группе или блоке комплиментарных культур, формирующих благоприятную среду для быстрого распространения в ее пределах идеологических и социальных норм, а также технологических достижений.

В первой половине IV тыс. до н. э. ранняя майкопская культура была частью культурной провинции, протянувшейся от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, и разделяла

¹ Работа выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40058/18.

общие черты погребальной практики этого времени, характерные для энеолита Южного Кавказа (лейлатепинская культура) (Makharadze 2007; Lionnet et al. 2008) и халколитических погребений Гавры XI–VIII и Корукутепе (Piasnall 2002; van Loon 1978).

На протяжении IV тыс. до н. э. эта погребальная традиция изменялась в соответствии с локальными особенностями, и около 3000 г. до н. э. была представлена дольменами у станицы Царской и Нальчикской гробницами на Северном Кавказе, «царской» гробницей в Арслантепе на верхнем Евфрате и «цистами» Башур Уйюка в бассейне верхнего Тигра (Hassett, Sağlamtimur 2018).

Отсутствие свидетельств распространения майкопской культуры к югу от Кавказского хребта противоречит предположению о ее ответственности за внезапное появление богатых погребений в Восточной Анатолии в конце IV тыс. до н. э. (Frangipane 2006). Впечатление внезапности может оказаться ошибочным из-за расположения могильников этого времени за пределами поселений, которые традиционно остаются в данном регионе главными объектами исследований.

Литература

Frangipane M. 2006. The Arslantepe 'Royal Tomb': new funerary customs and political changes in the Upper Euphrates valley at the beginning of the third millennium BC. In: Bartoloni G., Benedettini M. G. (eds.). *Buried Among the Living*. Scienze dell'Antichità. 14/1. 2007–2008. P. 169–194.

Hassett B., Sağlamtimur H. 2018. Radical 'royals'? Burial practices at Başur Höyük and the emergence of early states in Mesopotamia. In: *Antiquity*. 92(363). P. 640–654.

Lyonnet B., Akhundov T., Almamedov K., Bouquet L., Courcier A., Jellilov B., Huseynov F., Loute S., Makharadze Z., Reynard S. 2008. Late Chalcolithic Kurgans in Transcaucasia. The cemetery of Soyuq Bulaq (Azerbaijan). In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 4. P. 27–44.

Makharadze Z. 2007. Nouvelles données sur le Chalcolithique en Géorgie orientale. In: B. Lyonnet (ed.). *Les cultures du Caucase (VIe — IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient*. Paris. P. 123–131.

Piasnall B. L. 2002. Burials from Tepe Gawra, Levels VIII to XIA/B. In: Rothman M. S. *Tepe Gawra: The evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq*. Philadelphia. P. 171–404 (University Museum Monographs. 112).

van Loon M. N. 1978. Korucutepe: Final report on the excavations of the Universities of Chicago, California (Los Angeles) and Amsterdam in the Keban Reservoir, Eastern Anatolia, 1968–1970. Vol. 2.

BURIAL STRUCTURES OF THE MAIKOP CULTURE IN THE CONTEXT OF THE RELATIONS OF THE CAUCASUS AND WESTERN ASIA IN THE 4TH MILLENNIUM BC

Viktor A. Trifonov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Early Bronze Age, Maikop culture, funeral rites, Caucasus, Western Asia.*

The paper presents new materials reflecting the constructive and architectural diversity of the Maikop burial structures, their typology, chronology, as well as results of a comparative analysis of the Caucasian and Near Asian burial traditions of the Late Chalcolithic — Early Bronze eras. The results of the study make it possible to reconstruct a trajectory of the development of the “Northern Mesopotamian” Late Chalcolithic burial tradition of the 4th millennium BC in different regions of a single cultural province from the Northern Caucasus to the upper basins of the Tigris and Euphrates

Rivers. The apparent fragmentation of the data representing the funeral rites of the second half of the 4th millennium BC in Eastern Anatolia and the Tigris upper basin may be the result of an erroneous strategy of searching for burial grounds within the settlements, while they may turn out to be extramural and even under-barrow.

SINTIANS/SINDOI AND THEIR POSSIBLE ARCHAEOLOGICAL IDENTIFICATION

Diana S. Gergova

National Institute of Archaeology with Museum, Sofia, Bulgaria

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-112

Keywords: *Sintians, Sindi, Sindos, sitting deceased, thrones, golden masks, gloves, sandals, Buddhapadda.*

The Sintians — sorcerers and speakers of a sacred language, discoverers of harmful herbs, first producers of weapons and pirates, are one of the earliest tribes mentioned in ancient written sources in the Homeric epic already. Their settling in Southwestern Thrace and the Greek islands, which was a result of the great migrations of the Thracian tribes from the north (the Carpathian-Danubian area) to the south, the southeast and east in the time around the Trojan war, raises a question about probable common roots of the Sintians and the Sindoi in the Northern Black Sea coast. Can we distinguish the culture of the Sintians from that of the other Thracian tribes, and do they demonstrate similarities with the culture of the Sindoi?

Comparative studies between specific Orphic funerary rites of immortalization in the Late Bronze and Early Iron Age in both Sintika and Sindika are carried out. The burials in a seated position and on a throne, the necropolises around the Thermaic gulf, the core of the territory of the Sintians, and at the Ochrid lake (Sindos, Trebenishte, etc.), together with the finds uncovered there, such as models of thrones, tables and chariots, gold masks, pectorals, gold gloves and sandals, are discussed as well in connection with similar phenomena from Sindika and its neighboring areas.

The author argues that an interpretation of these specific burial practices as having roots in the Late Bronze Age of the Carpathian-Danubian basin allows her to suggest that they were practiced by a special group of the priestly or royal-priestly status (Sintians, Sindoi) which preserved them through millennia.

СИНТИ/СИНДЫ И ИХ ВОЗМОЖНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Д. Г. Гергова

Национальный институт археологии с музеем, София, Болгария

Ключевые слова: *синтиане, синды, синдосы, сидящие покойники, престолы, золотые маски, перчатки, сандалии, Буддханаппада.*

Автор выдвигает гипотезу о возможной археологической идентификации фракийского племени синтов, исходя из специфических черт погребального обряда обессмертивания на их территории в Юго-Западной Фракии, с синдами, обитавшими в Северном Причерноморье. Автор устанавливает происхождение этого обряда в карпато-дунайском регионе в позднем бронзовом веке, а также ставит вопрос о существовании у синтов и синдов особой социальной группы жреческого или царско-жреческого статуса.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА¹

А. Ю. Скаков*, М. Т. Кашуба**

* *Институт археологии РАН, Москва, Россия*; ** *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-113-114

Ключевые слова: *Восточное Причерноморье, ранний железный век, «колхидская культура», внешний фактор, южный причерноморский путь, «потерянные» античные полисы.*

Исследование «колхидской культуры» позднего бронзового — раннего железного веков Западного Закавказья имеет столетнюю историю (начиная с работ А. А. Миллера). Проведенные сравнительно интенсивные полевые работы (особенно в последние десятилетия), опубликованные труды и появившиеся новые гипотезы специалистов-археологов из России, Грузии, Абхазии и других стран расширили представления о позднем бронзовом — раннем железном веках всего Восточного Причерноморья, однако остается и много вопросов. Обозначим некоторые из них, в том числе дискуссионные.

1. Грузинские археологи (в первую очередь, Р. И. Папуашвили) в некоторой степени обобщили огромные материалы, полученные ранее в ходе исследований могильников Центральной Колхиды, и выделили несколько хронологических этапов.

2. В ходе исследований Сочинской экспедиции ИА РАН (Р. А. Мимоход, А. Ю. Скаков, А. А. Клещенко) получены обширные материалы, подтверждающие предположения о том, что территория Большого Сочи входила в ареал одной из «колхидских культур». В дальнейшем опубликованные рядом авторов (М. И. Кудин, А. С. Кизилов) случайные находки из этой области и вплоть до района Туапсе позволяют расширить еще дальше на северо-запад ареал «колхидской культуры».

3. Исследования Абгархукского поселения (2002–2005 гг., А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа) позволили предположить, что генезис «колхидских культур» на территории Северо-Западной Колхиды был связан с воздействием более южных культурных традиций на местный субстрат, восходящий к очамчирской культуре раннего и среднего бронзового века. Этот вывод был подтвержден в результате исследований поселений раннего железного века Сочинской экспедицией ИА РАН: полученный здесь керамический материал выглядит гораздо архаичнее, чем в более южных районах Колхиды.

4. А. Ю. Скаков совместно с А. П. Мошинским предложили гипотезу о существовании единой кобано-колхидской культурно-исторической общности, в пределах которой выделяется целый ряд культур, в том числе, бзыбская колхидская, ингури-рионская колхидская и т. д. В свою очередь, эти культуры делятся на локальные варианты, к примеру, джантукско-лариларский. Данная концепция вполне соотносится с прослеживаемым в последние десятилетия подходом, когда кобанская культура рассматривается как общность нескольких отдельных культур или культурно-историческая общность. Здесь отметим, что традиционно «колхидская культура», существовавшая в конце II–I тыс. до н. э., рассматривалась как единое образование, а не несколько культур (см. Д. Апакидзе и др.).

5. Одной из дискуссионных продолжает оставаться проблема внешнего фактора в формировании культур позднего бронзового — раннего железного веков региона: «колхидской» и «кобанской». Хотя инокультурные и/или разнокультурные инфильтрации зачастую трактуются исследователями с диаметрально противоположных точек зрения

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00293 «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа».

(ср. В. И. Козенкова и, напротив, Н. Сулава), не отрицается присутствие средиземноморского фактора. Другое дело, что трактуется он по-разному. В любом случае речь идет о ранних доколониционных контактах, судя по кавказским фибулам, имеющим типологическое сходство со средиземноморскими образцами, и находкам типологически узнаваемых кавказских изделий (фибулы, подвески) в Средиземноморье и Подунавье. В этой связи перспективным представляется исследование вероятного южного пути осуществления таких взаимодействий — через Южное Причерноморье. Здесь можно учитывать, например, довольно длительное европейское (Центральная и Южная Европа) влияние на сложение древневосточного (включая закавказский) конского убора (И. Н. Медведская), как и принимать во внимание вероятность каботажных плаваний по южному побережью Черного моря. В области дискуссий остаются и контакты более позднего времени — между скифским миром и колхидскими культурами. Речь идет о маршрутах походов ранних кочевников (носителей раннескифского комплекса) в Закавказье: по «меото-колхидской дороге» или по горным перевалам Главного Кавказского хребта (А. Ю. Скаков)?

6. Остается вопрос о «потерянных» античных полисах Колхиды: нет ни Диоскурии (Диоскуриады), ни Питиунта, ни Фасиса, как и менее крупных населенных пунктов, упоминаемых античными авторами, локализация которых примерно известна, в частности, Нитика (Гагра), Гераклея (Анаклия). По сути, вплоть до Анапы (Горгиппия) отсутствуют полноценные материалы античных поселений доримского времени: Баты не зафиксированы археологически, а предполагаемый Торик представлен только одной усадьбой. К сожалению, поиски Диоскурии на территории современного Сухума пока не увенчались успехом: данный район в это время был освоен и, безусловно, входил в состав хоры древнего города, но местонахождение самого полиса (а именно таков был статус Диоскурии) остается неизвестным. В настоящее время предприняты поиски древнего города в районе устья р. Кодор (исследования А. Б. Белинского, А. И. Иванчика и др.), но на обнаруженном в ходе масштабных работ крупном поселении раннего железного века античных строительных остатков пока не выявлено. Не менее загадочна ситуация с «Великим Питиунтом»: строительные (да и практически любые, за единичным исключением) остатки доримского времени на территории хорошо известного городища не обнаружены. Связывать все это с изменением уровня моря, поглотившего древние города, нет оснований: по любым подсчетам море не могло уничтожить античный город уровня Диоскурии целиком, тем более что города римского и византийского времени сохранились относительно неплохо.

SOME PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE EASTERN BLACK SEA COAST OF THE EARLY IRON AGE

A. Yu. Skakov*, Maiya T. Kashuba**

* *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*; ** *Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Keywords: *Eastern Black Sea coast, Early Iron Age, "Colchian culture", external factor, the southern Black Sea route, "lost" antique poleis.*

Thanks to field research, publications, generalizations, and new hypotheses that have appeared in recent decades, our knowledge about the final of the Bronze Age and the early Iron Age of the Eastern Black Sea Region has significantly expanded, including the "Colchian culture" of the Western Transcaucasia. However, a number of problems remain in the area of debates. This paper deals with examining the issues, in the solution of which there has been obvious progress (generalization of materials from the burial grounds of Central Colchis; new data on the genesis of the "Colchian culture"), as well as designated have been the "lines" of the discussions (the single "Colchis culture" or a multicultural formation; an external factor and pre-colonization contacts; the southern Black Sea route; the "lost" antique poleis of Colchis).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КОЛХИДЫ II ТЫС. ДО Н. Э.: ЛИНГВИСТИЧЕСКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Ш. Путуридзе*, Н. Р. Ахвледиани**

* *Институт археологии Тбилисского государственного университета, Тбилиси, Грузия;* ** *Институт Нико Бердзенишвили Батумского государственного университета Батуми, Грузия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-115-116

Ключевые слова: междисциплинарный подход, период поздней бронзы — раннего железа, античное время, поселение, керамика, художественная бронза, фигуры, топоним, этимология.

В работе анализируются некоторые археологические памятники Колхиды II тыс. до н. э. как с точки зрения археологического контекста, так и на основе изучения древнейших топонимов и с учетом ландшафтно-климатических особенностей того или иного конкретного места. В лингвистике выделяют три аспекта в исследовании названий местностей: географический, исторический и лингвистический. Поэтому топонимика является комплексной и одновременно междисциплинарной наукой (Ахвледиани 2009: 7). Для проведения изысканий в Колхидском регионе выбраны различные археологические памятники, в частности, Махвилаурский и другие комплексы. Они локализованы на равнинах, что определяет характер и особенности этих памятников. Возникает вопрос, почему местное население продолжает интенсивное освоение отмеченных районов и не являются ли геокультурные, ландшафтные, палеоботанические и палеозоологические особенности конкретного ареала Колхиды определяющими? Получить ответ на этот вопрос можно с помощью углубленного лингвистического анализа с учетом имеющихся междисциплинарных данных.

Комплекс Махвилаури датируется периодом поздней бронзы — раннего железа (вторая половина II тыс. до н. э.; Гогитидзе 1988: 4–5, 21). В культурном плане он соответствует протоколхидской археологической культуре. Самый ранний, тонкий слой Махвилаури относится к мезолиту и представлен кремневыми и обсидиановыми орудиями, отщепами, каменными пряслицами, базальтовыми топорами и др. Самый мощный слой Махвилаури содержит остатки неолитического поселения как раннего, так и развитого этапов. Каменная неолитическая индустрия характеризуется топорами разных типов, комбинированными орудиями и различного типа мотыгами. Наибольший интерес вызывают базальтовые мотыги так называемого сочи-адлерского типа (Гогитидзе 1973: 57–73). Характерно, что в Махвилаури в 150–200 м от неолитического поселения обнаружены также материалы античного времени (VI–V вв. до н. э.) (Гогитидзе 1977: 11). На поселении были найдены и артефакты колхидской культуры, датируемые началом I тыс. до н. э. Среди них примечательна фигура всадника. В рамках междисциплинарного исследования особый интерес вызывают некоторые типы посуды, предназначенные для хранения злаковых, вина и разных видов жидкостей («квеври», кувшины, вазы на высокой ножке, чашки разных типов). Учитывая влажный климат местности, обращает на себя внимание сосуд-«квеври», на стенке которого сделано искусственное отверстие для вентиляции содержимого сосуда.

Топонимы региона были связаны с природно-климатическими условиями. Например «Хелвачаури» — открытое и ровное место, где раньше было много хорошей пахотной земли. Первая часть топонима: «хел-бел» («khelbklnt.») означает хрип, рев, непрекращающийся шум (дождя или чего-либо), хохот, первое значение которого — «большой шум», а второе — «произошла большая перепалка, распря» — так толкуется этот топоним в Сванском словаре (Топурия Калдани 2000: 879). Вторая часть композита должна происходить от «гвача»-«гва(ба)ча» и, по нашему мнению, может быть истолкована как «опухшая щека». В переносном смысле «гвача» — болезнь (свинка), которая случается в результате простуды. Причиной простуды может стать ветреное место. Таким образом, топоним

«Хелвачаури» показывает, что здесь находится ветреное место, именно ветер хорошо сушил расположенные здесь же пашни и луга, в отличие от расположенного по соседству села Махвилаури, которое является сырым, влажным местом, где вода долго не высыхает. По нашему мнению, топоним «Махвилаури» оформлен с помощью афиксов «ма-ур». Его основа «khvil/khvilua/bkhvil» композитного происхождения и означает «запирать, закупорить», (Чарая 1997: 179; Цхадая 2018: 274). С точки зрения сравнительного изучения содержания топонимов, аналогии засвидетельствованы в Самцхе-Джавахети (сравн. «Khvilisha», который имеет одинаковый смысл, как в случае «Махвилаури») (Норакидзе 1971: 88). Учет такого рода климатологических и ландшафтно-геоморфологических данных является инновационным подходом в исследовании колхидских памятников. Такой подход может внести в значение топонима больше уточнений и объяснений и улучшить всестороннее изучение археологического памятника, в частности, на основе лингвистического анализа.

Для применения подобного междисциплинарного подхода наряду с вышеназванными памятниками Махвилаури и Хелвачаури следует обратить внимание и на другие комплексы (Нигвзиани, Нигозети, Нигоза). Эти топонимы происходят от наименования растения «крушина ломкая» (ореховое растение) («Frangulaalnus», «Ramnusfrangula») (Макашвили 1991: 98, 219).

Литература

- Ахвледиани Н. 2009. Занизмы в Аджарской топонимии Батуми (на груз. яз., резюме русск. и англ.).
 Гогитидзе С. 1973. Памятники каменного века Юго-Западной части Грузии. Неолитическое поселение Махвилаури. Тбилиси (ПЮЗГ. Т. 1) (на груз. яз., резюме русск.).
 Гогитидзе С. 1977. Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси (на груз. яз., резюме русск.).
 Гогитидзе С. 1988. Отчет об археологическом исследовании, проведенном в 1972–1983 гг. на поселении Махвилаури. Тбилиси (ПЮЗГ. Т. 17) (на груз. яз., резюме русск.).
 Топурия В., Калдани М. 2000. Сванский словарь, Тбилиси (на груз. яз.).
 Макашвили А. 1991. Ботанический словарь. Тбилиси (на груз. яз.).
 Норакидзе Н. 1971. Занизмы в географических названиях Самцхе // Мнатоби. Тбилиси. № 4 (на груз. яз., резюме русск.).
 Цхадая П. 2018. Гидронимы, оронимы ... в трех муниципалитетах горной Менгрелии // Картвельская ономастика. Тбилиси. Т. 9 (на груз. яз., резюме русск.).
 Чарая П. 1997. Менгрело-грузинский словарь. Тбилиси (на груз. яз., резюме русск.).

INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE COLCHIS MONUMENTS OF THE 2ND MILLENNIUM BC: LINGUISTIC-ARCHAEOLOGICAL ANALYSIS

Marina Puturidze*, Nargiz Akhvlediani**

* Institute of Archaeology of the Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia; ** Institute Niko Berdzenishvili of the Batumi State University. Batumi. Georgia

Keywords: interdisciplinary approach, the Late Bronze — Early Iron Age, ancient time, settlement, ceramics, artistic bronze, figures, toponym, etymology.

The work is devoted to the study of archaeological sites of Colchis of the II millennium BC at the junction of two sciences: linguistics and archeology. This is the first attempt to study the monuments not only from the point of view of the archaeological context, but also from the point of view of determining the most ancient toponyms and their possible explanation on the basis of landscape and climatic features of a particular place.

К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛЕНИЯ РАЗВИТОГО ТРИПОЛЬЯ VII И CI

Е. Г. Старкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-117-118

Ключевые слова: трипольская культура, локальные варианты, характерные признаки, группы памятников, контактные зоны.

В период расцвета трипольской культуры (Триполье VII и CI по Т. С. Пассек) ее ареал достигает своего максимума, охватывая практически всю территорию современной Правобережной Украины, Молдовы и восточную часть Румынии. В пределах этого ареала памятники составляют определенное единство, хотя очевидны также их локальные особенности — прежде всего, отличия «западной» и «восточной» зон, сложившееся еще в предшествующие периоды. Тем не менее, период расцвета остается наименее изученным. Ряд обобщающих работ опубликован по раннему и позднему периодам (Збенович 1974; Дергачев 1980; Маркевич 1981; Збенович 1989; Palaguta 2007). Отсутствие таких исследований по Триполью VII и CI, по-видимому, объясняется рядом объективных причин: огромная территория, которую занимают поселения данного времени, большое разнообразие материала, сложного для сравнения, а также размытость границ внутри периода (на уровне этапов) и наличие значительных разночтений при синхронизации памятников конца VII и начала CI. Накопление материала в результате регулярных полевых исследований и, соответственно, усложнение его систематизации вынуждает многих авторов выделять промежуточные этапы (Мовша 1972; Виноградова 1983). Это происходит еще и потому, что, если для выделения этапа VI, есть главный критерий — распространение полихромной (трехцветной) расписной керамики, то характерные признаки последующих этапов не так однозначны. Признаки разных групп памятников, определяемые разными исследователями, существенно отличаются по значимости. Это может быть и площадь поселений, и конструкция жилищ, и появление новых форм посуды, и новые элементы в ее декоре, и даже наличие в керамическом комплексе тарной посуды (Шумова 1985; Мовша 1985; 2002; Рыжов 1981; 2000; Рижов 2003; 2007; Цвек 2002). Получается, что отбор критериев зависит от уровня изученности материала и индивидуального подхода каждого исследователя. К тому же в процессе археологических исследований количество материала постоянно увеличивается, и границы ареалов приходится изменять. Многие поселения оказываются в так называемых «контактных зонах», когда в комплексе присутствуют характерные черты нескольких соседних локальных групп. Между группами поселений во многих регионах ареала имеются «белые пятна» — значительные по площади неисследованные территории, что также объясняет нечеткость границ выделенных локальных вариантов. Следует учитывать и разницу в развитии периферийных и центральных областей.

Зачастую исследователи, не имея целостной информации по тому или иному памятнику, при проведении сравнительного анализа руководствуются лишь индивидуальными аналогиями, такими как особенности формы или отдельных элементов в стандартной орнаментальной композиции. Подобный подход может работать лишь при рассмотрении памятников внутри микрогруппы на ограниченной территории, когда сходство частных признаков отражает либо прямые контакты, либо генетическую преемственность памятников. Таким образом, для получения целостной картины локальных и хронологических групп памятников необходимо введение в полноценный научный оборот материалов не только новых, но и уже давно известных памятников, публикации которых были недостаточно полными, но при этом эти памятники оказались «опорными» для построений. Опыт анализа

материалов комплексов из раскопок первой половины XX в., учитывая статистику соотношения форм керамики, детальную проработку нюансов техники изготовления и декора уже есть (Смирнова и др. 2018: 75–136; Старкова 2011). Новое исследование материалов периода Триполье СІ из поселения Попудня (раскопки М. Гимнера, 1911 г.) позволяет внести ряд корректировок в предложенные ранее периодизации.

Литература

Виноградова Н. М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.

Мовша Т. Г. 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілья // Археологія. Вип. 5. С. 3–24.

Мовша Т. Г. 1985. Средний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1. С. 206–223.

Мовша Т. Г. 2002. Система основных признаков томашевской культуры Трипольско-Кукутенской общности // Сучасні проблеми археології. Київ. С. 151–153.

Рыжов С. Н. 1981. О периодизации трипольских поселений петренской группы // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: ТД респ. конф. молодых ученых. Киев. С. 27–28.

Рижов С. М. 2003. Трипільські пам'ятки петренської локальної групи Поділля // Трипільські поселення-гіганти: Матеріали міжнар. конф. Київ. С. 140–145.

Рижов С. М. 2007. Вплив шипинецької локальної групи на формування пам'яток небелівської групи у Буго-Дніпровському межиріччі // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка: Праці Археологічної комісії. Львів. 253. С. 127–139.

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г. 2018. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.

Старкова Е. Г. 2012. Трипольское поселение Кринички: новый взгляд на старые коллекции // Сообщения ГЭ. 70. С. 5–17.

Цвек Е. В. 2002. Некоторые аспекты домостроительства у племен восточно-трипольской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): Материалы III Междунар. конф. 5–8 ноября 2002 г. Тирасполь. С. 51–56.

Шумова В. А. 1988. Производство тарной посуды поздне трипольским населением междуречья Ю. Буга и Днепра // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М. С. 29–30.

Palaguta I. 2007. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. Oxford. (British Archaeological Reports, International Series. Oxford 1666).

ON THE PROBLEMS OF LOCAL VARIANTS AND RELATIVE CHRONOLOGY OF THE DEVELOPED TRIPOLYE BII AND CI STAGES

Elena G. Starkova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Tripolye culture, local variants, characteristic features, groups of sites, contact zones.*

During the heyday of the Tripolye culture (Tripolye BII and CI by T. S. Passek), its range reached the maximum, covering almost the entire territory of modern Right-Bank Ukraine, Moldova and the eastern part of Romania. Sites within the areal represent a certain unity, even though their local

features in different parts of the area are also evident. The absence of generalizing publications for this period is explained by the unevenness of the study of the territory and the impossibility now to identify common criteria for different local variants. To obtain a complete picture of local and chronological groups of the sites, it is necessary to introduce into the full-fledged scientific circulation materials not only from the new sites, but also from the already well-known ones. Without their detailed publication, any constructions will not be sufficiently reasoned.

ИСКУССТВЕННО ДЕФОРМИРОВАННЫЙ ЧЕРЕП ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА С ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Д. А. Кириченко, В. П. Гасанов

*Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Центр антропологии,
Баку, Азербайджан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-119-120

Ключевые слова: Азербайджан, Полутепе, палеоантропология, краниометрия, неолит, искусственная деформация черепа.

Поселение Полутепе является самым крупным по площади памятником эпохи позднего неолита — энеолита, оставленным ранними земледельцами и скотоводами в Муганской степи. Оно расположено на восточной окраине сел. Учтепе, Джалилабадского р-на Республики Азербайджан, на правом (южном) берегу р. Инджачай на высоте 38 м над уровнем моря.

Поселение Полутепе было открыто выдающимся азербайджанским археологом И. Г. Наримановым в конце 1980-х гг. В 2004 г. здесь был заложен контрольный шурф, вскрывший неолитический слой. Начиная с 2006 г. на памятнике проводятся археологические раскопки под руководством Т. И. Ахундова. Площадь поселения составляет около 6 га. Толщина его культурного слоя достигает 7 м. Верхний слой мощностью в 1 м представлен материалами развитого средневековья (IX–XI вв.), а нижний толщиной в 6 м относится к неолиту. В промежутке между этими периодами поселение кратковременно обживалось носителями куро-аракской археологической культуры раннего бронзового века и представителями культуры среднего бронзового века. По данным радиоуглеродного анализа поселение Полутепе датируется концом V — началом IV тыс. до н. э. (4590–3950 гг. до н. э.). Здесь были выявлены погребения, гончарные печи, остатки строений из сырцового кирпича. Несмотря на обнаружение захоронений палеоантропологический материал не был представлен специалистам в виду его плохой сохранности. Во время полевого сезона 2017 г. в неолитическом слое поселения на глубине 6,7 м было обнаружено погребение. Скелет женщины (25–35 лет) обильно посыпан красновато-коричневой охрой. Погребенная лежала в скорченном положении на спине, лицом на СЗ. Череп умершей имел удовлетворительную сохранность (рис. 1). Он был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина (по сокращенной программе). Череп, отличающийся овоидной формой, мезокранный, гипсикранный, акрокранный, характеризуется малым продольным, малым поперечным и очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб широкий, эуриметопный, гипермегасемный. Ширина основания черепа малая. Лицо средневысокое, малое по ширине, хорошо выступающее на верхнем и среднем уровне, по указателю-лептен. Орбиты очень широкие (широкие от дакриона), средневысокие, мезоконхные (гипсиконхные от дакриона). Нос среднеширокий, средневысокий, мезоринный, средневыступающий. Антропологический тип европеоидный, относится к ее южной ветви. Женский череп из Полутепе искусственно деформирован, способ деформации — лобно-затылочный. Эта модификация явилась результатом воздействия на голову младенца (ребенка)

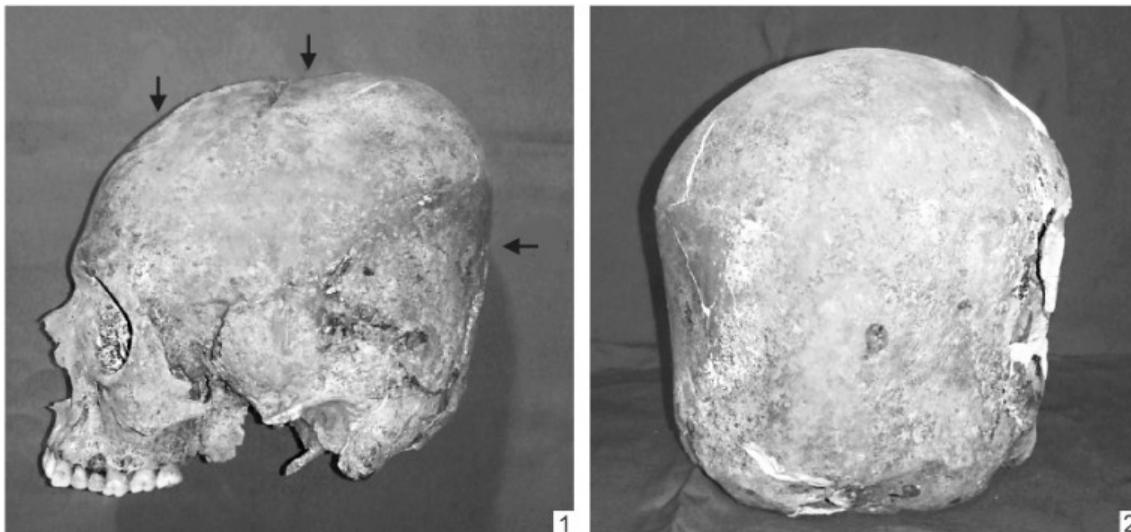

Рис. 1. Полутепе, искусственно деформированный череп женщины

двух деформирующих повязок и дощечки, привязанной к затылку. Однако не исключено, что столь плоский затылок, помимо давящей деформирующей дощечки, стал таковым в результате долгого нахождения в младенческом и раннем детском возрасте индивидуума в колыбели типа бешик. Обычай искусственной деформации головы встречался на Ближнем Востоке в эпоху неолита — энеолита. Вероятно, эта традиция проникла в эпоху неолита в Азербайджан (Полутепе) из Ирана. Женский череп из поселения Полутепе в настоящее время является самым ранним (конец V–IV тыс. до н. э.) из обнаруженных искусственно деформированных черепов на территории Кавказа.

AN ARTIFICIALLY DEFORMED SKULL OF THE LATE NEOLITHIC PERIOD FROM AZERBAIJAN

Dmitrii A. Kirichenko, Vusal P. Hasanov

The Centre of Anthropology, Institute of Archaeology and Ethnography of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan

Keywords: Azerbaijan, Polutepe, paleoanthropology, craniometry, Neolithic, artificial cranial deformation.

The paper deals with an artificially deformed skull from the settlement of Polutepe that is located on the eastern outskirts of the Uchtepe village of the Jalilabad region, Azerbaijan Republic, on the right (southern) bank of the Injachai River, at 38 m above the sea level. As a result of the excavations conducted, it has been established that a total thickness of the cultural layer at this archeological site is seven meters. Four historical-archaeological and cultural horizons have been determined: of the Neolithic, the Early Bronze Age (Kura-Araxes archaeological culture), the Middle Bronze Age and the Middle Ages. The Neolithic layer dates from 4590–3950 years BC. In the time of the field season of 2017, on the depth of 6,7 meters there a burial has been found. From this burial one female skull came. The age of the dead was 25–35 years; it is of an ovoid form, mesocranic and belonging to the Mediterranean race. The skull was artificially deformed in accordance with the fronto-vertico-occipital type of deformation. Probably, there is in this case the beshik (cradle) deformation as well. The custom of the head deformation had penetrated during the Neolithic period in the territory of Azerbaijan from the Near East. The same types of artificial deformation one can see in craniological materials from Neolithic-era archaeological sites in Iran.

СВЯЗИ ГОНЧАРНЫХ ИЗДЕЛИЙ СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА НАХИЧЕВАНИ С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ РЕГИОНАМИ

Ф. К. Кулиева

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-121-123

Ключевые слова: Ближний Восток, Южный Кавказ, Нахичевань, средний энеолит, керамика с отпечатками пальцев, расписная керамика.

Археологические исследования 2010–2018 гг. на территории Нахичевани выявили памятники, относящиеся к среднему этапу эпохи энеолита. Керамика, обнаруженная на этих поселениях, отличается от глиняной посуды таких поздних энеолитических памятников Азербайджана, как Ментештепе и Овчулартепеси. Именно поэтому вызывает интерес изучение керамического производства на поселениях Нахичевань-тепе (рис. 1, 1–3, 7–11), Узун оба, Бюловкая и Учан агыл, выявленных в долинах Нахичеваньчай и Сирабчай. Эти памятники на основе радиоуглеродного анализа датируются 4690–4450 гг. до н. э.

В результате раскопок здесь получены разнообразные керамические изделия, которые свидетельствуют о развитом характере гончарства в энеолите. Лепную посуду изготавливали из местной глины; в качестве отощителя использовали в основном мякину. На поселениях найдены также остатки красной и желтой красок, то есть окрашивание керамики производилось на месте. Сосуды орнаментированы разными способами: отпечатками пальцев, гребня, рельефными узорами и оттисками различных орудий. Часть посуды расписывали. Такая керамика представлена на поселениях Северо-Западного Ирана — Далма Тепе, Чога Маран, Сех Габи и др. Хотя расписные сосуды и керамические изделия с отпечатками пальцев известны также на памятниках Восточной Анатолии, культура эпохи среднего энеолита Нахичевани в основном связана с памятниками Северо-Западного Ирана.

Расписная керамика, выявленная на энеолитических памятниках Нахичевани, по технологии нанесения орнамента различна. В ряде случаев роспись наносили прямо на неокрашенную поверхность сосудов, в других случаях сосуды расписаны поверх окраски. Расписная керамика второго типа в большом количестве представлена на поселении Халадж (рис. 1, 4–6), где большая часть посуды окрашена красным. Среди расписных сосудов Халаджа преобладают изделия, украшенные по красному фону, а иногда по полированной поверхности черной и коричневой красками. Имеются также фрагменты сосудов, расписанных по красному черепку. Посуда изготовлена из глины без примесей. Орнаменты состоят из прямых и волнистых линий. Подобная керамика известна также в Шортепе и в Овчулартепеси.

Орнаментальные мотивы ряда расписных сосудов Нахичевани отличаются от орнаментов керамики близлежащих памятников Тилкитепе и Техут. Некоторые орнаменты посуды из Халаджа сближаются по мотивам с керамикой памятников Мильской степи, особенно с сосудами поселения Кебирли. Техника нанесения орнамента также идентична. В ряде случаев на керамике Мильской степи представлена орнаментация по ангобу, как и на посуде из Халаджа. Некоторые мотивы орнамента сходны с орнаментацией керамики Норшунтепе. Однако в Норшунтепе орнаменты нанесены прямо по черепку. Расписная керамика памятников долины Нахичеваньчай и Сирабчай, (поселения Бюловкая, Учан агыл и Узуноба) по мотивам орнаментов аналогична сосудам Хаджи-Фируз и Далма Тепе в Северо-Западном Иране. Расписная керамика Нахичевани в определенной степени связана с керамикой Восточной Анатолии, однако более тесные связи прослеживаются с посудой из поселений бассейна оз. Урмия.

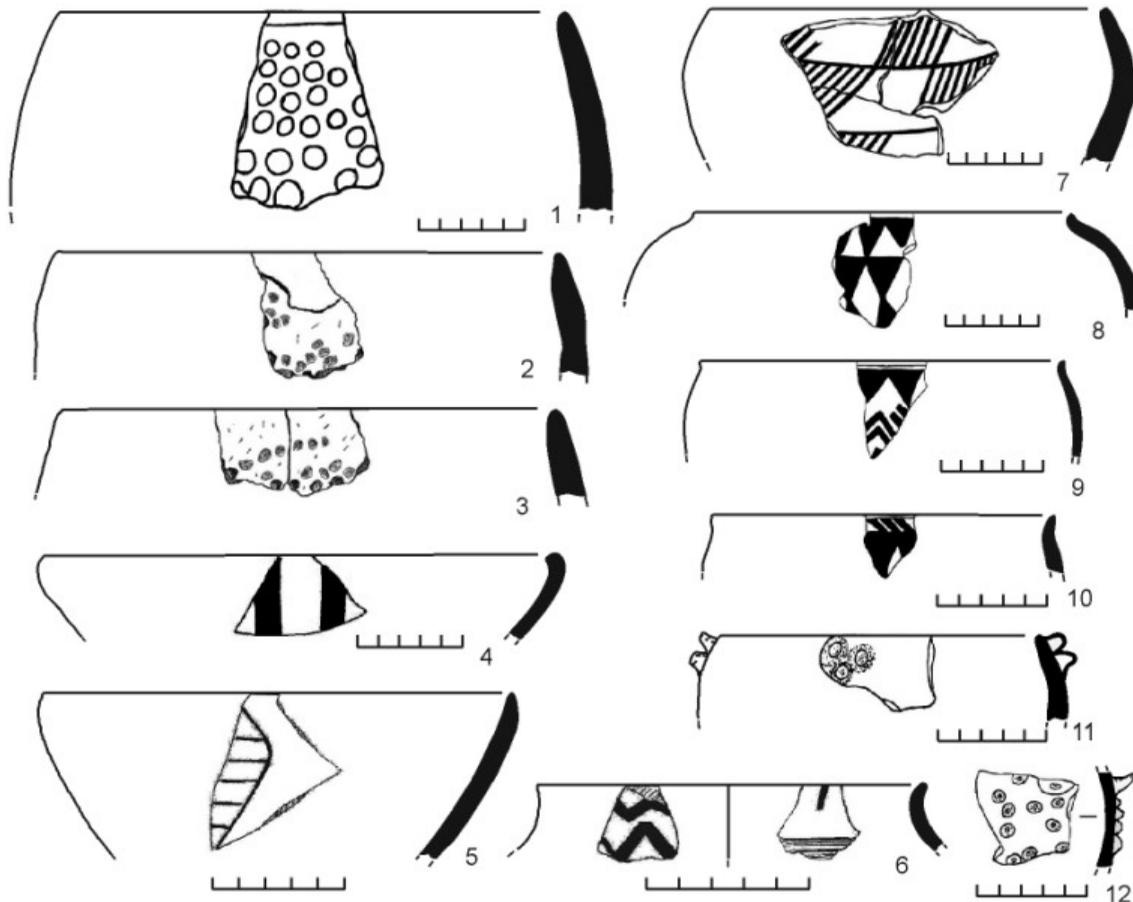

Рис. 1. Керамика среднего энеолита из поселений Нахичевани: 1–3, 7–11 — Нахичевань-тепе; 4–6 — Халадж

Культурный слой этого периода выявлен также на памятнике Кюльтепе близ Джульфы, во время исследований 2010 г. Итак, в V тыс. до н. э. поселения долин Сирабчай и Нахичеваньчай были тесно связаны с памятниками Северо-Западного Ирана. Расписная керамика, выявленная в энеолитических поселениях Нахичевани, по форме связана с посудой памятников ближневосточного региона. Эти связи, видимо, отражают движение древних племен к горным ресурсам Кавказа. Сравнительное изучение памятников Нахичевани, а также поселений Восточной Анатолии и бассейна оз. Урмия позволяет установить связи между этими регионами.

RELATIONS MIDDLE CHALCOLITHIC AGE POTTERY OF NAKHICHEVAN WITH THE MIDDLE EASTERN COUNTRIES

Fizze K. Kulieva

Nakhichevan Branch Azerbaijani National Academy of Sciences, Nakhichevan, Azerbaijan

Keywords: *Middle East, South Caucasus, Nakhichevan, Middle Chalcolithic Age, ceramics with fingerprints, painted ceramics.*

Archaeological investigations of 2010–2018 within the territory of Nakhichevan revealed monuments related to the Middle Chalcolithic Age. The pottery from these monuments differs from such Late Chalcolithic Age sites as Ovçular tepe and Mentesh tepe. In this regard attracting scientific interest are the settlements of Nakhichevan Tepe, Uzun Oba, Bulövkaya and Uçan Ağıl, which were

revealed in the Nakhichevançay and Sirabçay valleys. These settlements on the basis of the analysis of C¹⁴ are dated to 4690–4450 BC. Excavations there revealed painted ceramics of the Middle Chalcolithic Age, which give the chance to date an occupation layer from the 5th millennium BC. The material and cultural remains of this period were also found at the site of Kültepe near Dzhulfa, during the archaeological works in 2010. It shows that in the 5th millennium BC the settlements of the Sirabçay and Nakhichevançay valleys were closely connected with those of Northwestern Iran. The newly discovered monuments allow us to date the pottery from the Chalcolithic sites of Nakhichevan. New archeological finds supplement our ideas about the Chalcolithic culture of the Southern Caucasus and Nakhichevan. On the other hand, thanks to these monuments we can track the movement of ancient tribes to ore and nonmetallic resources of the Caucasus. A comparative study of the archaeological sites of Nakhichevan and those of both Eastern Anatolia and the Lake Urmia basin permits to establish connections between these regions.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СОБИРАТЕЛЬСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СВЕТЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ДРЕВНЕГО КРАХМАЛА

И. Е. Пантюхина, Ю. Е. Вострецов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия.

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-123-125

Ключевые слова: *Восточная Азия, древний крахмал, неолит, раннее земледелие, собирательство растений.*

Развиваясь как наука, археология все чаще стала рассматривать человека как часть сложной экологической системы. Такой подход направил усилия исследователей на поиск источников и методов, способных реконструировать пищевое поведение — разноплановую деятельность, нацеленную на удовлетворение основной витальной потребности. Традиционно мы характеризуем модели питания древнего человека в терминах основной хозяйственной деятельности: охота, рыболовство, собирательство, земледелие, скотоводство, расставляя их в порядке кажущейся значимости и стадиальности. Энергетические потребности организма человека можно удовлетворить сочетанием определенного количества белков, жиров и углеводов. И если с источниками первых двух нутриентов все относительно понятно, то углеводная компонента диеты скорее «подразумевается». При этом на ее долю приходится около 80 % диеты.

Метод анализа древнего крахмала, впервые примененный в археологии в 1980-х гг., открыл новую область изучения питания, природопользования и технологий в древности. С того времени накоплена обширная методическая и источниковая база, раскрывающая возможности метода: от установления/подтверждения функции орудия до детализации процессов доместики. Широкий спектр задач возможно решить благодаря способности крахмала сохраняться сотни тысячелетий и в различных условиях: копролиты, зубной камень, керамика, каменные артефакты, почва.

Основная исследовательская задача состоит в выяснении роли земледелия и собирательства у раннеземледельческого населения, расселившегося из континентальной зоны Приморья на морское побережье с иной структурой ресурсной базы. С помощью метода анализа крахмала мы изучили артефакты и почвенные пробы из соответствующих горизонтов памятников Кроуновка 1 и Клерк 5. Ранее, с помощью флотации в раннеземледельческом комплексе Кроуновки 1 были обнаружены единичные зерновки культурных видов проса, периллы, а также фрагменты желудя (Gelman et al. 2004). Для памятника Клерк 5 древний крахмал стал пока единственным археоботаническим источником.

Из материалов памятника Кроуновка 1 исследован терочник с очевидными следами выработки. Он найден в производственной яме жилища. Также были проанализированы почвенные пробы с дна ямы и пола жилища, с уровня ниже пола и из современной почвы. В соответствующем культурно-хронологическом комплексе памятника Клерк 5 изучили семь орудий и почвенные пробы вмещающих отложений.

При сравнении древнего крахмала с эталонной коллекцией было установлено, что на терочнике производилась обработка проса, семян луговых злаков, желудя и лилии. В почве на уровне дна ямы и пола жилища обнаружен крахмал проса. В пробах почвы выше и ниже уровня пола жилища крахмал отсутствовал. Крахмал, полученный с поверхности орудий памятника Клерк 5, принадлежит семенам растений просового ряда, луговым злакам, культурному ячменю, луковицам лилий и растениям с крахмалистыми корневищами типа ирисов, ариземы и лотоса. В почвенных образцах присутствовал единичный крахмал неустановленных растений (рис. 1).

Полученные предварительные результаты показывают, что первые земледельцы, пришедшие в континентальные районы Приморья с территории Манчжурии, принесли с собой технологию культивирования проса. Но при этом они использовали богатые крахмалом желудь и луковицы лилий, которые до сих пор в избытке произрастают в окружающих лесах. Способы заготовки, обработки (в том числе сушка и растирание), хранения и употребление лилий в пищу были зафиксированы у коренных малочисленных народов региона. Использование желудя в пищу археологически и этнографически отмечено в различных уголках земного шара вплоть до современности.

Обитатели памятника Клерк 5 в новых экологических условиях морского побережья сохранили традицию культивации и ориентацию на просовые злаки. Являлся ли ячмень приобретенным новшеством для них или он просто не зафиксирован у более ранних земледельцев Кроуновки 1, пока неясно.

В контексте сопредельных территорий наши результаты и выводы соответствуют спичному составу используемых растений Северо-Восточного Китая и стратегии «низкопродуктивного производства» — практике культивирования злаков с продолжением использования диких растений.

Литература

Gelman E. I., Komoto M., Miyamoto K., Nakamura T., Obata H., Sergusheva E. A., Vostretsov Y. E. 2004. Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003. In: Komoto M., Obata H. (eds.). Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto. P. 48–50.

NEW PROSPECTS FOR STUDYING THE EVOLUTION OF AGRICULTURE AND GATHERING IN EAST ASIA IN THE LIGHT OF ANCIENT STARCH ANALYSIS

Irina E. Pantyukhina, Yuri E. Vostretsov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Keywords: East Asia, ancient starch, Neolithic, early agriculture, plant gathering.

Researchers know very little about the evolution of the dominant carbohydrate component in the human diet during anthropogenesis. The emergence of methods of revealing and identifying ancient starch on tools has opened a new field of the study of anthropogenesis. The main research task was to clarify the role of agriculture and plant gathering among the population on both the continent and the coast, based on a promising biological method, first used in Russian archeology. The method allows to allocate the remains of ancient starch on stone tools. Preliminary results have shown that the continental population after the resettlement to the sea coast kept in many respects the composition of cultivated cereals, having added to a diet collecting edible wild plants.

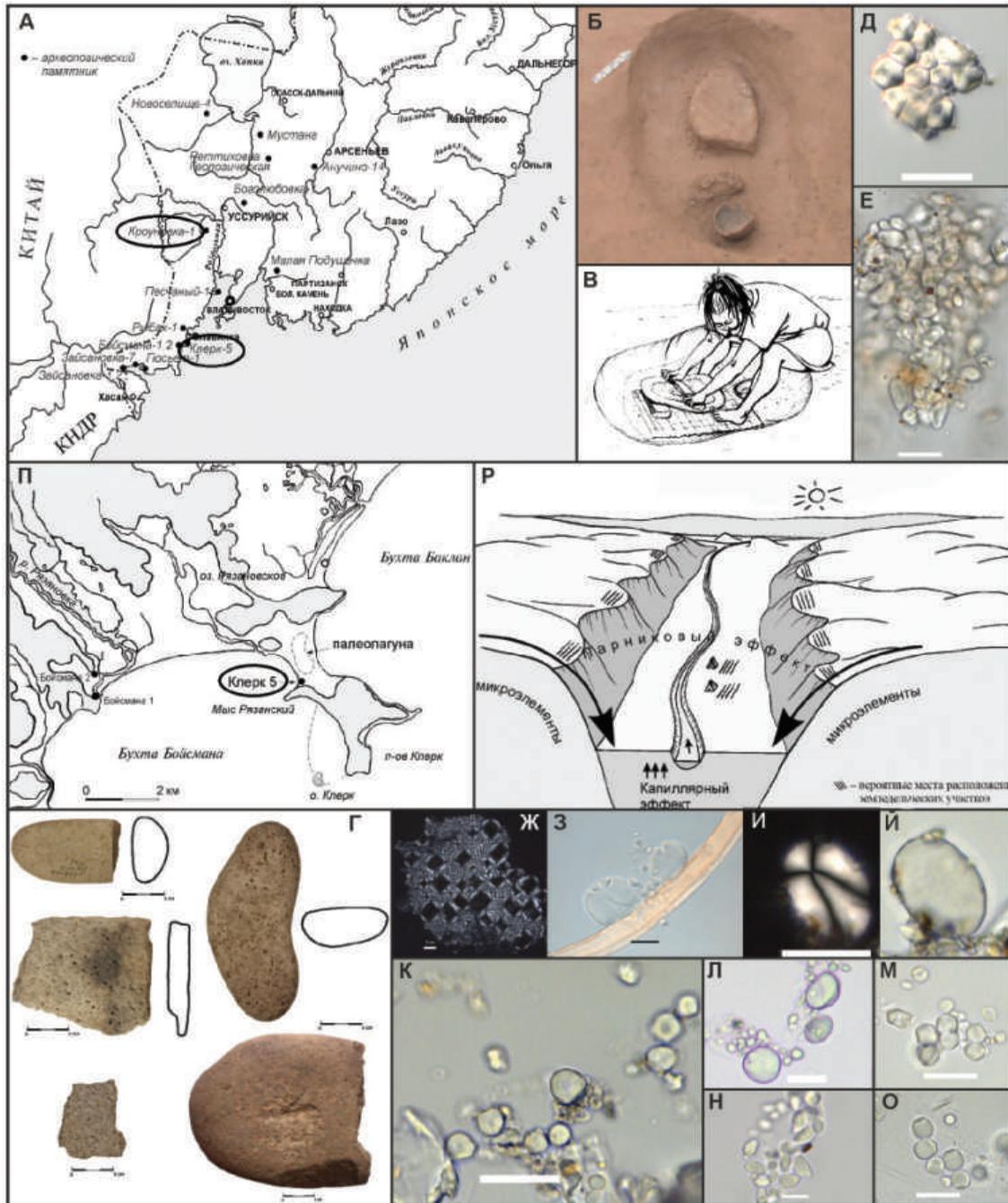

Рис. 1. Ископаемый крахмал памятников Кроуновка 1 и Клерк 5 и условия его обнаружения: А — расположение памятников Кроуновка 1 и Клерк 5; Б — терочная плита в производственной яме, Кроуновка 1; В — реконструкция обработки растений на терочнике; Г — галечные орудия, Клерк 5; Д — скопление древнего крахмала просового злака, обнаруженное на полу ямы; Е — скопление древнего крахмала желудя, обнаруженное на терочнике; Ж, З — древний крахмал культурного ячменя; И — древний крахмал лилии; К — древний крахмал растений типа ириса/ариземы/лотоса; Л — современный крахмал культурного ячменя (*Hordeum vulgare*); М — современный крахмал проса посевного (*Panicum Miliaecum*); Н — современный крахмал желудя (*Quercus* sp); О — современный крахмал ариземы амурской (*Arisaema* sp); П — ситуационный план Клерк 5; Р — ландшафтная схема Кроуновки 1; Д, Е — Кроуновка 1; Ж–К — Клерк 5. Масштабная линейка — 20 мкм, Н — 10 мкм. Режим съемки: Д, Е, И, К–О — проходящий свет, светлое поле; Ж, И — проходящий свет, режим поляризации; З — проходящий свет, DIC-контраст

СЕКЦИЯ II

**Культура городов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока
в античности и раннем средневековье**

SECTION II

**The urban culture of Central Asia, the Near and Middle East in Antiquity
and the Early Middle Ages**

POLES IN THE ARCHAEOLOGY OF CENTRAL ASIA. HISTORY AND PRESENT DAY

Mariusz Mielczarek

Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, Łódź, Poland

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-127

Keywords: Central Asia, Poles, archeology, numismatics.

In the 1990s, as a result of agreements between the Institute of Archeology of N. Copernicus University in Toruń and the Institute of the History of Material Culture, the Russian Academy of Sciences, in Sankt Petersburg, professor V. M. Masson has presented in Toruń numbers of lectures on the most important problems of archaeology of Central Asia. The professor's activity are continue by his associates and students.

The history of Polish interest in the archaeology of Central Asia begun in 19th century. The most important person of the first period was Leon Barszczewski (1849–1910), officer of the Russian army, who from 1897 lived at Samarcand. His archaeological penetration of Afrasiab and his extremely rich collection od archaeological objects was well known in Europe. It seems that at least some of the coins from his rich numismatic collection went to Poland. We can't fail to mention activity of Bronisław Grąbczewski (1885–1926). The list of Poles interested in archaeology of Central Asia can be extended.

When Poland gained independence, new studies (and publications) on history of Central Asia were based on materials obtained earlier.

After the Second World War, research on the archaeology and the history of Ancient Central Asia were continued, but it changed its character. For instance at present, studies are developing on the role of Central Asia in the development of the Silk Road. Special attention iss paid to studies in Central Asian numismatics.

ПОЛЯКИ В АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. Мельчарек

*Институт археологии и этнографии Польской Академии наук, Отделение в Лодзи,
Лодзь, Польша*

Ключевые слова: Средняя Азия, поляки, археология, нумизматика.

Настоящий доклад посвящен полякам, которые в период своего пребывания в Средней Азии, особенно во второй половине XIX — начале XX в., участвовали в ее археологическом изучении.

Особое место уделено Леону Борщевскому (1849–1910), его археологическим исследованиям, богатой коллекции артефактов и фотодокументам.

Доклад завершается обсуждением современных польских работ по среднеазиатской археологии, древней истории и нумизматике.

О РАННЕМ ЭТАПЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУДДИЗМА ЗА ПРЕДЕЛЫ ИНДИИ

В. А. Гаилов*, А. Б. Никитин**

* Институт археологии РАН, Москва, Россия; ** Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-128-129

Ключевые слова: буддизм, империя Маурьев, индо-греческие государства, Кушанское государство, Канишика, монеты.

Ранней истории буддизма, в том числе и вопросу о времени и путях его распространения за пределы Индии, посвящено много работ. Основными нашими источниками остаются сочинения буддийских авторов, созданные в Индии и на Цейлоне, китайские письменные источники, эпиграфика и, конечно же, археология. Античные же источники не выделяют буддистов среди других индийских религиозно-философских школ. Онесекрит (последняя четверть IV в. до н. э.) упоминает о гимнософистах, послы Селевкидов ко двору Маурьев (III в. до н. э.) знают брахманов и шраманов, но собственно Будду впервые упоминает только Климент Александрийский (II в. н. э.).

Царь Ашока из династии Маурьев, внук Чандрагупты, стал приверженцем буддизма и способствовал его распространению. До нас дошли несколько его надписей на пракритах, греческом и арамейском, установленных в пределах его владений (в Гандхаре и Арахосии), содержащие проповедь буддизма. Он обращался, в том числе, к правителям соседних эллинистических государств, вплоть до птолемеевского Египта, с предложением принять учение Будды. Но никаких явных результатов его проповеди за пределами Индии пока не обнаружено, а увлечение самого Ашоки буддизмом не встретило поддержки у элиты Империи Маурьев.

Отдельный вопрос — о влиянии буддизма на население индо-греческих государств, основанных на территории Северной Индии потомками греко-македонских завоевателей, пришедших на восток с Александром. Один из них, Менандр (II в. до н. э.) фигурирует под именем Милинды в палийском буддийском сочинении «Милиндапаньха». Нам хорошо известны чеканившиеся в Северной Индии монеты Менандра, но никакой явно буддийской символики на них не прослеживается, как и на монетах всех прочих индо-греческих царей. Некоторые исследователи, впрочем, на основании этого палийского текста сделали преждевременный вывод об особом духовном единстве греческих философов и буддистов. Автор «Милиндапаньхи» просто использовал пропагандистский прием, приписав авторитетному правителю интерес к буддизму в целях пропаганды этого учения.

Непосредственно связана с буддизмом находка редкой золотой монеты в раннекушанском (середина I в. н. э.) могильнике Тилля-тепе в Северном Афганистане. На одной ее стороне изображен «лев, не знающий страха» — вполне буддийский символ, на другой — «поворачивающий колесо дхармы» персонаж, более всего напоминающий Геракла (обнаженное мускулистое тело, львиная шкура, головной убор со скальпом льва). Атрибуция этой фигуры вызвала споры среди исследователей. Мнения разошлись — либо это Будда, либо Геракл. Мы предлагаем очевидное решение — это Будда в ипостаси Геракла. Мощь Геракла необходима для вращения колеса дхармы, но вращать колесо — прерогатива Будды. В искусстве Гандхары Геракл со всеми его традиционными атрибутами (львиная шкура, палица) представлен на буддийских рельефах как *ваджрапани*, спутник и защитник Будды.

Образование Кушанского государства устранило все препятствия к распространению буддизма на север. Кушанские правители, вероятно, были веротерпимы и не препятствовали этому, хотя говорить о какой-то целенаправленной поддержке ими буддизма пока не приходится. Кушанские монеты наглядно отражают религиозную политику властителей кушан. На монетах Вимы Кадфиза представлен исключительно Шива с быком Нандином. Это не значит, что Вима непременно был ярым шиваитом. Шиваизм был распространен в Северной Индии, где проживала основная масса населения кушанского государства. Царь должен был формально поддерживать религию большинства.

На монетах Канишки показаны самые разные божества, греческие, индийские, иранские. Есть и монеты с изображением Будды, но их очень мало. Тот же самый пантеон, за исключением Будды, присутствует и на монетах Хувишки. Васудева возвращается к шиваизму — на его монетах изображен Шива с быком. А Канишка III помещает на них исключительно восточноиранскую богиню Ардохш.

Разнообразие божеств на монетах Канишки и Хувишки может действительно отражать их особо толерантную религиозную политику, но может быть вызвано и экономическими причинами. Кушанские «медные драхмы», своего рода банкноты, не содержали драгоценного металла. Эти «медные банкноты» были обеспечены золотом, золотыми кушанскими монетами. В золоте у Кушан недостатка не было, оно регулярно поступало за счет торговли между Римской Империей и Индией. Однако изрядная часть этого золота оседала в храмах, в виде приношений божествам. Возможно, чтобы заставить храмы пустить эти сокровища в обращение (и дополнительно обеспечить номинальную стоимость «медных драхм»), кушанские правители и расширили ассортимент изображений божеств на монетах. Пуская золото в обращение, каждый храм заказывал на монетном дворе монеты с собственным божеством, таким образом, пропагандируя свой культ.

ON THE EARLY STAGE OF THE SPREAD OF BUDDHISM BEYOND INDIA

Vasif A. Gaibov*, Aleksandr B. Nikitin**

* *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*; ** *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

Keywords: *Buddhism, Maurya Empire, Indo-Greek realms, Kushan state, Kanishka, coins.*

Greek and Roman authors do not distinguish Buddhists among the other religious communities of ancient India. There is no evidence of any spread of Buddhism beyond India before the 1st century AD. Greek rulers of Northwestern India were not affected by Buddhist propaganda despite the statement of “Milindapanha”. The same concerns Kanishka, the king of the Kushans, presented in Buddhist texts as a benefactor of Buddhism.

One of the first images of Buddha appears on a rare gold coin from Tillya-tepe (Northern Afghanistan) of the 1st century AD, where Heracles-Buddha rotates the wheel of Dharma. There are very few coins of Kanishka with the images of Buddha, and they do not appear on coins of the other Kushan kings. Archeological finds (Buddhist monasteries, paintings, figurines) confirm the spread of Buddhism in Central Asia in the Kushan period and later, although it does not mean that Buddhism became at that time the official doctrine of the Kushan state.

МАКЕДОНСКАЯ КАВСИЯ НА ИНДО-ИРАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ¹

В. П. Никоноров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-130-136

Ключевые слова: мужская шапка-кавсия, Македония, Бактрия, Северо-Западная Индия, античность, новое и новейшее время.

Кавсией (греч. *καυσία*, лат. *causia/causea*) в древности называлась мужская шапка в виде широкополого берета, являвшегося характерным элементом одежды жителей античной Македонии. Сшитая из войлока или кожи, она надежно защищала от солнца и непогоды (рис. 1, 1–7). В то же время *кавсия* являлась социально престижным головным убором, входившим, например, в состав царских инсигний (начиная, самое позднее, с правления Александра Македонского). *Кавсии* использовались не только в быту, но и на войне, то есть в качестве боевых шлемов. В последнем случае их могли изготавливать из металла (Dintsis 1986: 183–195, 304–312 [Nr. 281–301], Taf. 80–83, Beil. 14, Karte 22; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 122–142; Janssen 2007; Sekunda 2013: 22–23, 26–33; Нефёдкин 2019: 641–642).

В наше время у мужской части населения Центрального и Восточного Афганистана и Западного Пакистана очень популярны шапки из тонкой шерсти, известные под названиями *читрали*, *наколь* и др. и представляющие собой береты, края нижней части которых закатаны в валик, охватывающий голову (рис. 1, 11, 12) (Kingsley 1981a: 39–40; Vogelsang 2006; Foschini 2014). Впервые ношение *читрали* на указанных территориях засвидетельствовано в западноевропейской литературе последней четверти XIX в. (Drew 1875: 425; Biddulph 1880: 74; Robertson 1896: 126–127, 507, 515, 516; 1899: ill. between pp. 18 and 19, 90 and 91; Vogelsang 2006: 153–155), но особую популярность эти головные уборы приобрели в годы Афганской войны (1979–1989), когда они стали характерным атрибутом экипировки моджахедов (рис. 1, 12) (Fremont-Barnes 2012: *passim*). Американская исследовательница Б. М. Кингсли, внимательно проанализировав устройство и покрой *читрали*, отметила их поразительное визуальное сходство с *кавсиями* эллинистической эпохи и предположила общее происхождение для тех и других (Kingsley 1981a; 1981b; 1984: 67–68; 1991).

По поводу происхождения *кавсий* существуют две основные теории. Та же Б. М. Кингсли настаивала на том, что эти мужские шапки стали известны македонянам не раньше зимы 327/326 г. — времени пребывания воинов Александра Македонского в Северо-Западной Индии, где они и заимствовали их у местного населения. Согласно другой точке зрения, *кавсии* появились в Македонии еще в эпоху до восточных походов Александра Македонского (Fredricksmeyer 1986; 1994; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 140–142). Последняя теория представляется наиболее убедительной. Достаточно сказать, что изображения *кавсий* присутствуют как минимум на двух памятниках македонского искусства, датируемых временем до кампаний Александра в Средней Азии и Индии: в сцене охоты на фреске гробницы II в Вергине (рис. 1, 1) (Saatsoglou-Paliadeli 1993: 135–137, fig. 3, pl. III (b); Brecoulaki 2006: 103–132, pl. 28; 30; 31; 33; 35, 2; 36, 2) — места упокоения отца Александра, Филиппа II, убитого в 336 г. до н. э. (Andronicos 1997; Hammond 1991; Hatzopoulos 2008; Musgrave et al. 2010; Lane Fox 2011), а также на знаменитейшей «Мозаике Александра» из дома Фавна в Помпеях (рис. 1, 2) (Prestiani Giallombardo A. M. 1991: 283, fig. 14; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 136, fig. 4) — римской копии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

I в. до н. э. живописного оригинала, изображавшего битву при Гавгамелах (331 г. до н. э.) и написанного придворным художником Апеллесом не позднее 329 г. до н. э. (Mogeno 2001: 108). Помимо этого, *кавсия* в качестве типичного для македонян головного убора упоминается Полиэном при описании событий 335 г. до н. э. в Малой Азии (Polyaen. V, 44, 5).

Не так давно было высказано мнение, что современные афганские и пакистанские *читрали/наколи* вообще не имеют никакого отношения к македонским *кавсиям*, да и появились они впервые на севере современного Пакистана только во второй половине XIX в., будучи связанными своим происхождением с похожими головными уборами, которые носили в китайско-туркестанско-индийских пограничных землях (Vogelsang 2006: 154–155). Впрочем, эта точка зрения основывается исключительно на письменных и материальных свидетельствах, относящихся ко времени не ранее второй половины XIX в. (что является вполне объективным отражением состояния источниковой базы по рассматриваемой проблеме ввиду отсутствия по той или иной причине более ранней информации), и поэтому вряд ли может быть принята безоговорочно (как, в общем-то, и любой другой вывод, который во многом построен на *argumentum ex silentio*). Как бы то ни было, несмотря на очень внушительный временной разрыв между античными *кавсиями* и современными *читрали/наколями*, их значительное внешнее сходство, справедливо отмеченное Б. М. Кингсли, действительно позволяет предположить, что они могли иметь общее происхождение. К тому же на сегодняшний день известно значительное число памятников искусства из областей индо-иранского пограничья, относящихся не только к эллинистическому, но и более позднему времени, на которых изображены шапки типа *кавсий*, в связи с чем можно сократить отмеченную хронологическую лауну.

Так, использование рассматриваемых головных уборов на дальней восточной периферии эллинистического мира в эпоху после Александра Македонского засвидетельствовано монетами шести греческих царей, правивших в Бактрии и Северо-Западной Индии во II — начале I в. до н. э., — Антимаха I (рис. 1, 6), Аполлодота I, Лисия, Антиалкида, Деметрия III и Аминты (Voreagachchi 1991), причем все показанные на них *кавсии* относятся к одной и той же их разновидности, а именно — с конусообразной формой тульи (Dintsis 1986: 185–186, Veil. 14). Вполне возможно, что такие шапки, изготовленные из достаточно толстой кожи или даже металла и надетые на голову обязательно в сочетании с лентами-диадемами, носили в первую очередь особы царского достоинства.

Добавлю также, что берет-*кавсия* (вкуче с диадемой) изображен на фрагменте мужской терракотовой статуэтки III–II вв. до н. э., обнаруженном на цитадели городища Кампыртепа в Сурхандарьинской обл. Узбекистана, то есть в пределах древней Северо-Западной Бактрии (рис. 1, 7) (Пугаченкова 1991: 289, кат. № 174; Ильясов 2000: 97).

Бытование *кавсий* в землях индо-иранского пограничья в постэллинистическое время надежно подтверждается несколькими памятниками материальной культуры. Головной убор этого типа определенно показан на терракоте, датируемой кушанским периодом, из поселения Чакмоктепа в Сурхандарьинской обл. (рис. 1, 8) (Пугаченкова 1991: 303, кат. № 229; Yatsenko 2001: 90, pl. 12, 14; Яценко 2006: 181, рис. 121, 14).

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется серебряная чаша, найденная близ с. Ильинского Ильинского р-на Молотовской обл. (ныне Пермский край), которую в начале 1941 г. приобрел Молотовский (ныне Пермский) областной краеведческий музей (Прокошев 1946: 88), откуда она затем и была передана в место ее нынешнего хранения (Бадер, Смирнов 1954: 5–6). Изображения на этой чаше заключены в семь медальонов, в центральном из которых показана голова мужчины, повернутая в профиль (рис. 1, 9) (Прокошев 1946: 88–90, рис. 44; Fajans 1957: 56–57; figs. 3–4; Иванов и др. 1984: 25 [кат. № 37]; Omelchenko 2014: 226 [cat. no. 176]; Маршак 2017: 77, рис. 265). Шапка на голове этого персонажа (скорее

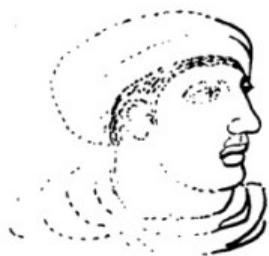
1

3

4

2

6

5

7

10

8

9

11

12

знатного вельможи, чем правителя, на что указывает отсутствие диадемы) явно представляет собой реплику конусовидных *кавсий* греко-бактрийских и индо-греческих монархов (рис. 1, б), но с той лишь разницей, что его поверхность не гладкая, а декорирована узором. Ильинская чаша по своим основным иконографическим признакам принадлежит к школе восточной торевтики индо-бактрийского стиля (назовем ее условно «эфталитской», см.: Маршак 2017: 72–81; Marshak 2004: 51), которая функционировала в Бактрии и Северо-Западной Индии в V в. н. э., в период господства там эфталитов.

На другой чаше этой же школы из собрания Британского музея мы видим пять медальонов с вписанными в них мужскими бюстами (рис. 1, 10) (Смирнов 1909: Табл. СХХV, 310; Dalton 1964: 59–60, pls. XXXIV, XXXV [cat. no. 205]; Marshak 2004: 51, fig. 38). Шапки на их головах — скорее всего, не что иное, как конусовидные *кавсии*, обвязанные к тому же лентами-диадемами, что, в свою очередь, указывает на очень высокий (по сути царский) статус изображенных персонажей.

Вышеназванные произведения искусства кушанского и эфталитского времени особенно важны по той причине, что носителями *кавсий* на их изображениях выступают уже не македоняне или греки, а далекие предки нынешних пуштунов, нуристанцев и таджиков. Кроме того, в качестве промежуточного звена они придают дополнительный вес гипотезе Б. М. Кингсли о вероятной связи древнемакедонских *кавсий* с современными *читрали/наколи*. Отсутствие сведений о последних в Афганистане и Пакистане до второй половины XIX в., как уже отмечалось выше, лишь отражает состояние источников по данному вопросу и потому не может служить решающим доказательством того, что *читрали/наколи* не могли существовать там в более раннее время.

Надо полагать, что *читрали/наколи* восходят к македонским *кавсиям* и в своем развитии от них как исходного прототипа они прошли определенный путь эволюции, связанной с адаптацией к местным, в том числе климатическим, условиям. Но в отличие от *кавсий*, которые шили из войлока и кожи (а также в исключительных случаях могли изготавливать из металла) и использовались двояко — как для предохранения головы от солнца и непогоды в повседневной обстановке, так и как средство личной защиты во время военных действий и охоты на крупных зверей, *читрали/наколи* в своем окончательном виде вязали и продолжают вязать из шерсти, а их функциональное назначение уже не предполагает применения в качестве боевых головных уборов. Таким образом, определенно имея одинаковые устройство и внешний вид — явное свидетельство общности их происхождения, древние *кавсии* и современные *читрали/наколи* все же отличаются друг от друга с точки зрения материала изготовления и функциональности, что, в свою очередь, не позволяет говорить об их полном сходстве и может быть объяснено адаптационной эволюцией последних.

Рис. 1. 1 — деталь настенной росписи из гробницы II в Вергине (реконструкция) (по: Brescoulaki 2006: pl. 28); 2 — фрагмент «Мозаики Александра» (реконструкция) (по: Saatsoglou-Paliadeli 1993: fig. 4); 3, 4 — детали настенной росписи из гробницы в Айос Афанасиос близ Салоник, около 300 г. до н. э. (по: Brescoulaki 2006: pl. 99, 100); 5 — деталь рельефного фриза из храма Афины Никефоры в Пергаме, 180-е гг. до н. э. (по: Kingsley 1991: fig. 11); 6 — монета греко-бактрийского царя Антимаха I (около 185–170) (по: Sekunda 2013: fig. 2, 2); 7 — фрагмент терракоты из Кампыртепа (по: Пугаченкова 1991: кат. № 174); 8 — графическая реконструкция головного убора на терракоте из Чакмоктепа, II–III вв. н. э. (по: Яценко 2006: рис. 121, 14); 9 — серебряная чаша из с. Ильинского (Пермский край) (по: Прокошев 1946: рис. 44); 10 — серебряная чаша из Северо-Западной Индии (по: Смирнов 1909: табл. СХХV, 310); 11 — гончар из Нуристана (по: Kingsley 1981a: fig. 4); 12 — лидер афганских моджахедов в Панджшерском ущелье Ахмад Шах Масуд (на переднем плане), июнь 1985 г. (по: Fremont-Barnes G. 2012: 45). 1–12 — без масштаба

Литература

- Бадер О. Н., Смирнов А. П. 1954. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М. (Тр. ГИМ. Вып. 13).
- Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. 1984. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой Отдела Востока Государственного Эрмитажа. М.
- Ильясов Дж. 2000. Терракоты Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент. С. 97–106 (Материалы ТАЭ. Вып. 1).
- Маршак Б. И. 2017. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.
- Нефёдкин А. К. 2019. Конница эпохи эллинизма. СПб.
- Прокошев Н. А. 1946. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев // КСИИМК. Вып. 12. С. 84–90.
- Пугаченкова Г. А. (гл. ред.). 1991. Древности Южного Узбекистана. Токио; Ташкент, 1991.
- Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Яценко С. А. 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.
- Andronicos M. 1997. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens.
- Biddulph J. 1880. Tribes of the Hindoo Koosh. Calcutta.
- Vopearachchi O. 1991. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris.
- Brecoulaki H. 2006. La peinture funéraire de Macédoine: emplois et fonctions de la couleur IVe — IIe s. av. J.-C. I–II. Athènes (Μελετήματα. 48).
- Dalton O. M. 1964. The Treasure of the Oxus, with Other Examples of Early Oriental Metal-work. 3rd ed. London.
- Dintsis P. 1986. Hellenistische Helme. I–II. Rome (Archaeologica. 43).
- Drew F. 1875. The Jummoo and Kashmir Territories: A Geographical Account. London.
- Fajans S. 1957. Recent Russian Literature on Newly Found Middle Eastern Metal Vessels. In: *Ars Orientalis*. Washington. Vol. 2. P. 55–76.
- Foschini F. 2014. From Alexander the Great to Ahmad Shah Massud: A social history of the pakol // Afghanistan Analysts Network. Published: 3 January 2014. P. 1–7 [URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/from-alexander-the-great-to-ahmad-shah-massoud-a-social-history-of-thepakol/?format=pdf> (дата обращения: 15.05.2019)].
- Fredricksmeier E. A. 1986. Alexander the Great and the Macedonian Kausia. In: *Transactions of the American Philological Association*. Atlanta. Vol. 116. P. 215–227.
- Fredricksmeier E. A. 1994. The Kausia: Macedonian or Indian? In: Worthington I. (ed.). *Ventures into Greek History*. Oxford; New York. P. 135–158.
- Fremont-Barnes G. 2012. *The Soviet-Afghan War, 1979–89*. Oxford; Long Island City.
- Hammond N. G. L. 1991. The Royal Tombs at Vergina: evolution and identities. In: *Annual of the British School at Athens*. London. No. 86. P. 69–82.
- Hatzopoulos M. B. 2008. The Burial of the Dead (at Vergina) or the Unending Controversy on the Identity of the Occupants of Tomb II. In: *Τεκμήρια. Αθήνα*. 9. P. 90–118 [URL: <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/tekmiria/article/view/2954/2800/ProCiteCitationPlugin> (дата обращения: 15.05.2019)].
- Janssen E. 2007. *Die Kausia: Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung*. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades (Dr. Phil.) an der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität zu Göttingen... Göttingen.

- Kingsley B. M. 1981a. The Cap that survived Alexander. In: *AJA*. Vol. 85/1. P. 39–46.
- Kingsley B. M. 1981b. The «Chitrali» — a Macedonian Import to the West. In: *Afghanistan Journal*. Graz. Jg. 8/3. P. 90–93.
- Kingsley B. M. 1984. The Kausia Diadematos. In: *AJA*. Vol. 88/1. P. 66–68.
- Kingsley B. 1991. Alexander's *Kausia* and Macedonian Tradition. In: *Classical Antiquity*. Berkeley. Vol. 10/1. P. 59–76.
- Lane Fox R. 2011. Introduction: Dating the Royal Tombs at Vergina. In: Lane Fox R. J. (ed.). *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD*. Leiden; Boston. P. 1–34.
- Marshak B. I. 2004. Central Asian Metalwork in China. In: Watt J. C. Y. et al. *China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD*. 2nd printing. New York; New Haven; London.
- Moreno P. 2001. *Apelles: The Alexander Mosaic*. Milan.
- Musgrave J., Prag A. J. N. W., Neave R., Lane Fox R., White H. 2010. The Occupants of Tomb II at Vergina. Why Arrhidaios and Eurydice must be excluded. In: *International Journal of Medical Sciences*. Vol. 7/6. Ivyspring International Publisher. P. s1–s15 [URL: //www.medsci.org/v07p00s1.pdf (дата обращения: 15.05.2019)].
- Omelchenko A. 2014. Bowl with Relief Hunting Scenes [Cat. No. 176]. In: Bijl A., Boelens B. (eds.). *Expedition Silk Road. Journey to the West: Treasures from the Hermitage*. Amsterdam. P. 226.
- Prestianni Giallombardo A. M. 1991. Recenti testimonianze iconografiche sulla *kausia* in Macedonia e la datazione del fregio della *Caccia* della II tomba reale di Vergina. In: *Dialogues d'Histoire Ancienne*. Paris. 17/1. P. 257–304.
- Robertson G. S. 1896. *The Káfir of the Hindu-Kush*. London.
- Robertson G. S. 1899. *Chitrál: The Story of a Minor Siege*. 2nd ed. London.
- Saatsoglou-Paliadeli Chr. 1993. Aspects of Ancient Macedonian Costume. In: *The Journal of Hellenic Studies*. London. Vol. 113. P. 122–147.
- Sekunda N. V. 2013. *The Antigonid Army*. Gdańsk (Monograph Series «Akanthina». No. 8).
- Vogelsang W. 2006. The *Pakol*: A distinctive, but apparently not so very old headgear from the Indo-Iranian borderlands. In: *Khil'a: Journal for Dress and Textiles of the Islamic World*. Leuven. Vol. 2. P. 149–155.
- Yatsenko S. A. 2001. The Costume of the Yuech-Chihs/Kushans and its Analogies to the East and to the West. In: *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura. Vol. 7. P. 73–120.

THE MACEDONIAN ΚΑΥΣΙΑ IN THE INDO-IRANIAN BORDERLANDS

Valerii P. Nikonorov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *male cap-καυσία, Macedonia, Bactria, Northwestern India, Classical Antiquity, Modern and Contemporary times.*

The beret-shaped male headdress, referred to in Classical sources as *καυσία* in Greek and *causia/causea* in Latin, had originally appeared in ancient Macedonia before the Hellenistic era. It had been brought to Bactria and Northwestern India by the army of Alexander the Great and was then adopted by the local inhabitants. The existence of the *καυσία* in the areas in question after Alexander is confirmed by coins of the six Graeco-Bactrian and Indo-Greek rulers of the 2nd and early 1st centuries BC, as well as by a terracotta fragment of the 3rd/2nd century BC from the citadel of Kampyrtepa. The wearing of such headdresses, what is particularly important, continued in post-Hellenistic times: one sees them on the personages' heads depicted on a "Kushan" terracotta figurine of the 2nd/3rd century AD

from Chakmoktepa, as well as on two silver bowls belonging to the “Nephthalite” toreutic school of the 5th century AD, which are kept now in the State Hermitage and the British Museum.

Furthermore, a very similar kind of male headgear, under the names of *chitrali*, *pakol* and other forms, has survived in Afghanistan and Pakistan until the present day. The *chitrali/pakols* seem to originate from the Macedonian *καυσία*, and in their development from the latter as their prototype they have passed a certain path of evolution to adapt to local, including climatic, conditions. But unlike the *καυσία* that were sewn of felt and leather (and as well, in exceptional cases, could be made of metal) and were exploited in two ways — to protect the head from coercions of the scorching sunlight and bad weather in everyday surroundings and as means of personal defence during military actions and hunting large beasts, the *chitrali/pakols* in their final form were knitted and continue to be knitted of wool, and their purpose no longer involves the use as combat headpieces. Thus, definitely having the identical conformation and appearance — a clear evidence of their common origin, the ancient *καυσία* and modern *chitrali/pakols*, nevertheless, differ from each other in terms of the materials of manufacturing and functionality, and this, in turn, does not allow us to talk about their complete resemblance and may be explained by the adaptive evolution of the latter.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ИСТАХРА ВО II В. ДО Н. Э.

В. А. Дмитриев

Псковский государственный университет, Псков, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-136-138

Ключевые слова: Древний Иран, Истахр, Сасаниды, Аршакиды, фратарака.

После гибели в 330-х гг. до н. э. Ахеменидского государства Парс (греч. Персида) утратил свое бывшее значение и превратился в одну из областей, входивших сначала в состав державы Селевкидов, а затем — Парфянского царства Аршакидов. Степень политической зависимости Парса от центральной власти на протяжении всего этого времени была, судя по всему, во многом номинальной. Как отмечал М. М. Дьяконов, «все это время — от разгрома Александром Македонским Ахеменидской державы до падения Парфянского царства — Парс жил своей самостоятельной жизнью» (Дьяконов 1961: 257).

С административно-территориальной точки зрения Парс в это время представлял собой федерацию, состоявшую из относительно небольших владений, территория каждого из которых ограничивалась городом, являвшимся своего рода местной столицей, и прилегающей округой. Одним из таких владений, с которым оказалось связано будущее Ирана, являлся Истахр. В период правления в Иране династии Селевкидов (III–II вв. до н. э.) владельцы Истахра носили титул фратарака (букв. «правитель», «наместник») (рис. 1) (Wiesehöfer 2000).

Однако со II в. до н. э., после перехода Ирана под власть парфянской династии Аршакидов, политический статус истахрских владельцев претерпел определенные изменения: вместо прежнего титула фратарака, не несшего в себе претензий на политическую самостоятельность (но см.: Soudavar 2009: 422), они начали именовать себя шахами, т. е. «царями».

С одной стороны, к каким-то быстрым и значительным подвижкам в отношениях с центральной властью это не привело, ибо Парс, частью которого являлся и Истахр, по-прежнему входил в состав крупной (в данном случае — Парфянской) державы, а династия Истахра все так же являлись вассалами Аршакидов, к тому же принявших во II в. до н. э. титул «царя царей» (Fowler 2005: 142), что на практике закрепляло их статус как повелителей многочисленных шахов, подобных истахрским.

Рис. 1. Монета фратарака Багадата (III в. до н. э.) [URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3533487&partId=1&people=71869&peopleOA=71869-4-8&page=1 (дата обращения: 30.04.2018)]

В то же время представляется, что в исторической перспективе эта перемена стала событием, имевшим для Истахра весьма важные последствия. Получение местными династиями возможности впервые за почти двести лет, прошедших с момента гибели древнеперсидской державы Ахеменидов, вновь именовать себя царями в сочетании с сохранением здесь воспоминаний о славном прошлом своей страны и ее народа, о былом могуществе персидских царей (Sellwood 1983: 299), содействовало формированию у правителей Истахра представления о себе как наследниках великих иранских владык древности.

Впоследствии этот всплеск этнокультурного и этнополитического (как мы сказали бы сейчас, «национального») самосознания станет одним из ключевых факторов возрождения персидского могущества и прихода в первой половине III в. н. э. к власти в Иране новой династии Сасанидов, являвшихся выходцами именно из Истахра.

Литература

Дьяконов М. М. 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.

Wiesehöfer J. 2000. Frataraka. In: Yarshater E. (ed.). *Encyclopaedia Iranica*. London; etc. Vol. 10/2. P. 195.

Soudavar A. 2009. The Vocabulary and Syntax of Iconography in Sasanian Iran. In: *Iranica Antiqua*. Vol. 44. P. 418–460.

Fowler R. 2005. «Most Fortunate Roots»: Tradition and Legitimacy in Parthian Royal Ideology. In: Hekster O., Fowler R. (eds.). *Imaginary Kings. Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome*. Stuttgart. P. 125–156.

Sellwood D. 1983. Minor States in Southern Iran. In: Yarshater E. (ed.). *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 1: The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge; New York. P. 299–321.

ON THE ISSUE OF CHANGE IN THE POLITICAL STATUS OF ISTAKHR IN THE 2ND CENTURY BC

Vladimir A. Dmitriev

Pskov State University, Pskov, Russia

Keywords: *Ancient Iran, Istakhr, Sasanids, Arshakids, frataraka.*

After the fall the Achaemenid power in the 330 BC province of Pars lost its former significance. From the administrative-territorial point of view, Pars at that time was a federation consisted of relatively small principalities, and Istakhr was one of such possessions. During the reign of the Seleucid dynasty, the rulers of Istakhr bore the title frataraka (literally “ruler”, “governor”). However, from the II century BC, after Iran came under the rule of the Arshakid dynasty, the political status of the Istakhr rulers changed: instead of the previous title of frataraka they began to call themselves shahs, i. e. “kings”.

It seems that these changes had very important consequences for Istakhr as well as the whole Iran from a historical perspective. The acquisition of the new title by local dynasts enabling them to regard themselves as heirs of the great Iranian rulers of ancient times. Subsequently, this surge of national and political identity will become one of the key factors in the coming to power in Iran in 220s AD the Sasanian dynasty that came just from Istakhr.

БУХАРСКИЙ ОАЗИС В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ПАЙКЕНД)

А. В. Омельченко*, Д. К. Мирзаахмедов**

* *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия; ** Институт археологии АН Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-138-141

Ключевые слова: *археология, Центральная Азия, Согд, античность, сарматы, Сасаниды, цитадель, храм, фортификация.*

Пайкенд, древний город на юго-западной границе Бухарского оазиса (Западный Согд), играл важную роль транзитного пункта на пересечении главных торговых путей Евразии. Здесь сходились дороги, ведущие с севера: из Причерноморья в Поволжье и Хорезм, и с востока: из Китая через Восточный Туркестан в Фергану, Чач (Ташкент), Самаркандский Согд. Затем одна ветка направлялась на юго-запад через Мерв в Иран и на Ближний Восток, другая — по Амударье, на юго-восток, в земли Северной Бактрии — Тохаристана и далее в Индию.

Пайкенд лежал за пределами стены, окружавшей центральные районы оазиса, располагаясь в двух караванных переходах от Амуля-Фараба — переправы на Амударье, и в двух переходах (40–45 км) — от столичной Бухары. Место было выбрано очень удачно: на мысу, между протоками Зеравшана, впадавшими в большое озеро — «Бахр ал Бухара» («Бухарское море»), наполняемое также водами р. Кашкадарья.

Легендарные свидетельства говорят о древности Пайкенда: он старше Бухары и был хорошо укреплен, за что получил название «Медного»; позднее город стал одной из резиденций бухархудатов. Здесь Феридуном (Траэтоном) — легендарным иранским царем, был построен один из ранних храмов огня, и зороастрийские маги-жрецы всего оазиса собирались на праздник Н-к-х-Агам.

С 1981 г. систематические исследования городища ведет совместная Бухарская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии Академии наук Узбекистана. Цитадель города была изучена по верхним слоям на три четверти (рис. 1); древнейшие сооружения, связанные с фортификацией и храмом огня, были отнесены к III–IV вв. (Мухамеджанов и др. 1988; Семёнов 1996; Semenov 1996).

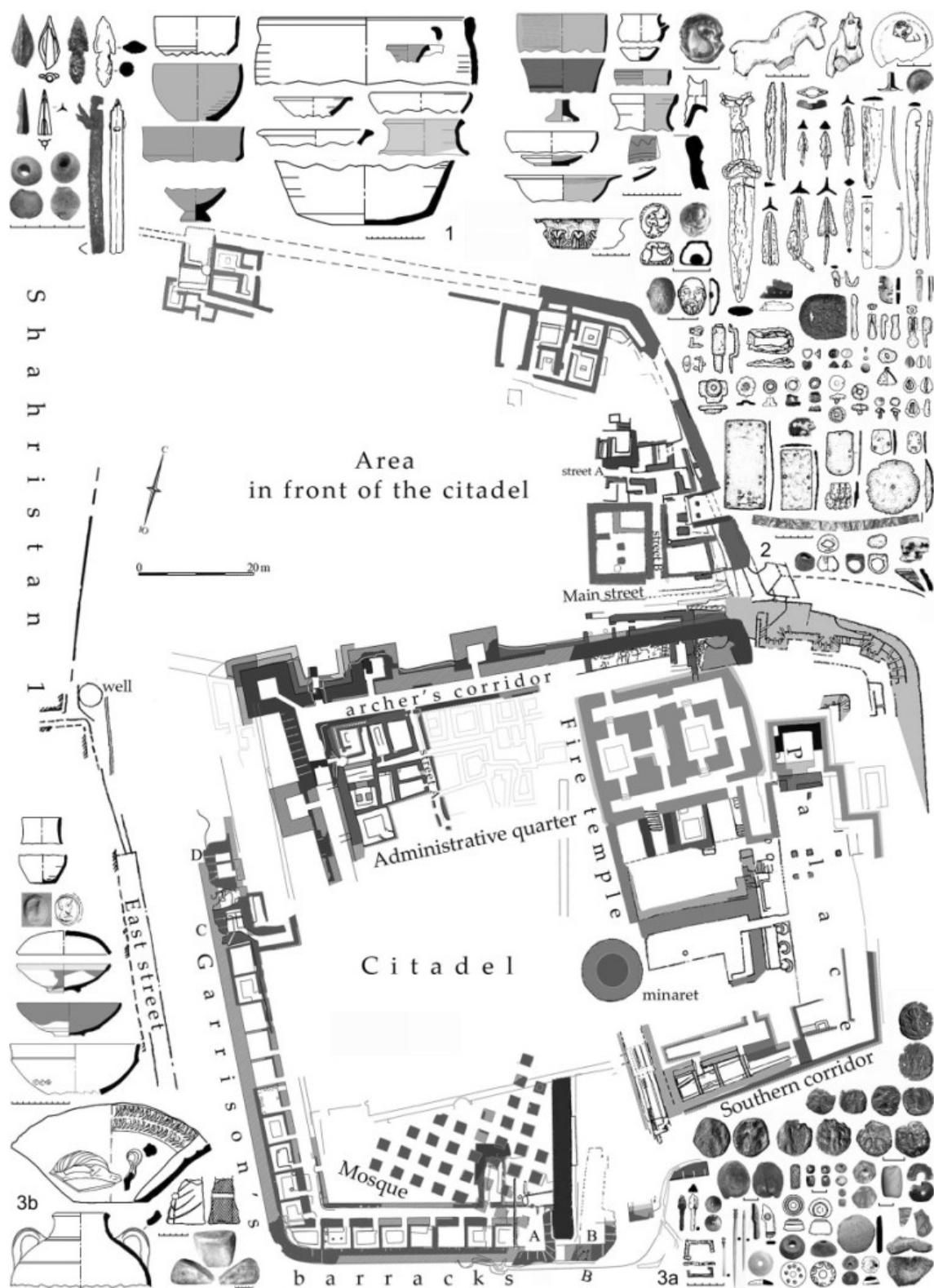

Рис. 1. Цитадель Пайкенда, исследованные на 2018 г. объекты. Археологические комплексы: 1 — III — середина II в. до н. э.; 2 — I в. до н. э. — первая половина II в. н. э.; 3а, 3б — конец III — начало V в. н. э.

Новые раскопки Бухарской экспедиции показали, что первое постоянное поселение возникает на месте цитадели в конце IV в. до н. э., тогда же, видимо, строится первый храм огня. В начале III в. до н. э. крепостные стены, возможно с башнями, обводят площадь около 0,5 га. Местная материальная культура имела в этот период характерный общецентральноазиатский эллинистический облик (рис. 1, 1).

Около середины II в. до н. э. крепость перестраивается, изменения затрагивают керамический комплекс, терракоту. Многочисленны оружие и предметы амуниции из железа, меди, серебра, золота, бирюзы, кости. Большая часть находок происходит из ям-тайников (ботросов); обнаружена также одна фависса. Все они, очевидно, связаны с храмовым жилищем. Подобное открытие впервые сделано на городищах античного Согда, а состав предметов напоминает находки из храма Тахти-Сангин в Бактрии. Изделия обнаруживают многочисленные аналогии в кочевнических комплексах сако-сарматского мира первых веков до — первых веков н. э. как самого Бухарского оазиса (Обельченко 1992), так и всей Евразийской степи — от Бактрии (Тилля-тепе) до Дона и Днестра (рис. 1, 2). Из среды этих племен происходила династия Гиркода, владевшая, видимо, и частью Бухарского оазиса.

В конце III — начале IV в. н. э. цитадель Пайкенда обводится новой крепостной стеной на мощной платформе, причем последняя противостояла стенобитным орудиям. Оборона была трехъярусной, в нижнем ярусе располагалась казарма гарнизона. Перестройки затронули и храм огня, планировка которого находит аналогии в Иране. В настенной живописи в это время заметно влияние Сасанидского искусства, материальный комплекс близок кушано-сасанидскому; денежное обращение переходит на медные подражания великокушанским и кушано-сасанидские монеты (рис. 1, 3a, 3b).

Можно предположить, что при Шапуре I Бухарское владение на какое-то время попало под политический контроль Сасанидов, а крепость Пайкенда стала одним из их важных опорных пунктов.

В первой трети IV в. казарма запустевает, что, видимо, было связано с захватом Бухарского оазиса хионитами. Однако, как показали раскопки Административного квартала цитадели, в конце этого века начинается новый этап ее обживания, также отмеченный Сасанидским влиянием. В V в. застройка переходит за пределы крепости: на примыкающей к ней площадке, имеющей свою оборонительную стену, формируются правильно спланированные кварталы. Пайкенд постепенно превращается в город.

Литература

- Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семёнов Г. Л. 1988. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Л.; Ташкент.
- Обельченко О. В. 1992. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н. э. — VII в. н. э. М.
- Семёнов Г. Л. 1996. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.
- Semenov G. L. 1996. Studien zur sogdischen kultur an Seidnstraße. Wiesbaden. (Studies in Oriental Religions. Vol. 36).

BUKHARA OASIS IN THE ANTIQUE PERIOD (FROM THE EXCAVATIONS OF THE PAYKAND CITY-SITE)

Andrei V. Omelchenko*, Djamal K. Mirzaakhmedov**

* *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*; ** *Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Keywords: archaeology, Central Asia, Sogdiana, Antiquity, Sarmatians, Sasanians, citadel, temple, fortifications.

New excavations at Paykand conducted by the Bukhara Expedition of the State Hermitage Museum (St. Petersburg) and the Institute of Archeology of Uzbekistan have shown that its first fortress with a Zoroastrian fire temple was built at least in the early 3rd century BC. This puts Paykand in a group of other rare sites in Sogdiana and Bactria where an evolution of the material complexes covers the whole Hellenistic period.

Citadel was rebuilt in the second half of the 2nd century BC. Material culture had changed as well; weapons and warriors' accoutrements became major innovations. They were periodically placed from a treasure-trove of the temple in sacrificial pits (βόθροι). The finds have analogies in nomadic complexes, both in the Bukhara oasis in particular and in the Eurasian steppes as a whole — between the Black Sea area and Mongolia.

Later, next new changes in Paykand took place in the late 3rd century AD, and judging by Iranian analogies they could be caused by the Sasanian conquest. It was a starting point for the extensive urbanization in the Bukhara oasis.

КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ (МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ)

С. Б. Болелов

Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-141-143

Ключевые слова: Древний Хорезм, чирикратская археологическая культура, земледелие, ирригация, гончарный круг, обжигательные печи, сырцовая архитектура, культурный импульс, система расселения.

Южное Приаралье, помимо пустынной зоны в северной части Кызыл-Кумов, включает дельтовые области двух великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи. Жизнь в этих районах во все времена практически полностью зависела от водного режима этих водных артерий. На протяжении всей истории среднеазиатского Междуречья гидрографическая ситуация в регионе менялась несколько раз, соответственно, изменялись и условия хозяйствования и проживания.

Изменения водного режима Амударьи, произошедшие не позднее первой трети I тыс. до н. э., привели не только к обводнению территории Левобережного Хорезма (Присаракамышская дельта), но и к радикальным изменениям способа хозяйствования. В VIII — первой половине VII в. до н. э. на этой территории была распространена скотоводческо-земледельческая сако-кюсайская археологическая культура (Кюсайское поселение, могильники Сакар-Чага, Тумек-Кичиджик, Тарым-Кая), что соответствует первому этапу раннего железного века Хорезма (РЖВХ-I).

Во второй половине VII в. до н. э. в низовьях Амударьи происходят резкие изменения в системе хозяйствования и расселения, которые были вызваны не только изменением гидрографической ситуации, но и мощным культурным импульсом из южных областей Центральной Азии, прежде всего, из дельты Мургаба.

В это время в южной части Левобережного Хорезма (Хумбузтепа), а затем и на территории Присаракамышской дельты появляются обжигательные керамические печи, гончарный круг, освоено строительство из форматного сырцового кирпича. К этому же времени относятся и первые ирригационные сооружения.

В конце VII — начале VI в. до н. э. возникает крупный центр городского типа — Кюзелигыр, являвшийся, надо полагать, центром историко-культурной области до завоевания Хорезма державой Ахеменидов. Этот период, соответствующий второму этапу раннего

железного века Хорезма (РЖВХ-II), следует считать началом урбанизации в низовьях Амударьи.

Наиболее ярко изменения в материальной культуре проявляются в археологическом комплексе, полученном в результате раскопок Кюзели-гыр и Хумбузтепа. Ко времени вхождения Хорезма в состав Ахеменидской державы относится археологический комплекс усадьбы Дингильдже в Правобережном Хорезме.

В конце V или в самом начале IV в. до н. э. Хорезм выходит из состава Персидской державы, и в низовьях Амударьи возникает раннее государственное образование, о чем косвенно свидетельствуют письменные источники. В это же время в дельте Амударьи формируется своеобразный археологический комплекс (древнехорезмийский), который с одной стороны генетически связан с предыдущей хорезмийской традицией периода РЖВХ-II (дингильджинский этап), а с другой, явно испытывал влияние позднеахеменидской культурной традиции и, в значительно меньшей степени, опосредованное влияние эллинистической культуры.

В середине I тыс. до н. э. схожие процессы происходят в дельтовой области Сырдарьи, где в конце V — начале IV в. до н. э. формируется чирикратская археологическая культура. В результате резкого изменения режима стока по Жаныдарье и Инкардарье в районе подвижного скотоводства создаются условия для поливного земледелия. Решающую роль на раннем этапе становления земледельческой культуры в низовьях Сырдарьи сыграл мощный культурный импульс из соседнего Хорезма. В IV в. до н. э. в регионе появляется гончарный круг, обжигательные двухъярусные печи, освоены навыки строительства из форматного сырцового кирпича и технология строительства ирригационных сооружений.

Наиболее крупными памятниками чирикратской культуры являются городища Чирик-Рабат и Бабиш-Мулла. Центром области — «столичным городом» было городище Бабиш-Мулла с обширной округой, своеобразной «хорой», площадью не менее 30 км². Чирик-Рабат следует рассматривать как сакральный погребальный культовый центр населения низовий Сырдарьи. В пределах области зафиксирована оазисная система расселения, которая находит прямые параллели в Хорезме.

Становление и развитие чирикратской культуры следует рассматривать как еще один, более поздний относительно Хорезма, этап урбанизации на территории Южного Приаралья. Второй период развития культуры, датированный не ранее начала III в. до н. э., связан с культурными влияниями из южных эллинизированных областей Средней Азии, прежде всего Согда.

В настоящее время можно говорить о двух центрах или очагах древнеземледельческой культуры на территории Южного Приаралья: Древний Хорезм — в низовьях Амударьи и чирикратская культура — в низовьях Сырдарьи.

THE CULTURES OF ANCIENT FARMERS IN THE TERRITORY OF THE SOUTHERN ARAL SEA AREA (MODELS OF THE FORMATION)

Sergei B. Bolelov

State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

Keywords: Ancient Chorasmia, Chirikrat archaeological culture, agriculture, irrigation, potter's wheel, burning furnace, mud architecture, cultural impulse, settlement system.

In the second third — the middle of the 1st millennium BC, in the territory of the Southern Aral Sea area, in the lower reaches of the Amu Darya and Syr Darya, on a local ethno-cultural basis, as a result of radical changes in the water regime and flow direction of the two great Central Asian rivers, favorable conditions took shape for the formation of ancient agricultural cultures of the eastern type,

the economic basis of which was irrigational farming. The formation of material culture and economic structure in these regions was significantly influenced by powerful cultural impulses, as a result of which new advanced technologies were mastered. In Chorasmia, it was an influence from the Murghab delta first and foremost. In the lower reaches of the Syr Darya, at the first stage, it was, without a doubt, a cultural impulse from Chorasmia. Subsequently, the development of the Chirikrabad culture was strongly influenced by the Hellenized regions of southern Central Asia, first of all Sogdiana.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ И ХРОНОЛОГИИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЫ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА

С. Р. Баратов

*Институт археологических исследований АН Республики Узбекистан,
Ташкент, Узбекистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-143-145

Ключевые слова: эпоха раннего железа, древний Хорезм, истоки урбанизированной культуры Хорезмского оазиса.

Самым ранним памятником археологии, принадлежавшим урбанизированной культуре Хорезмского оазиса, является поселение Хумбузтепа (Баратов 2003; 2017). На памятнике, помимо ранее изучавшегося поселения керамистов, сегодня исследуются храм поклонения Мазде и дахма (рис. 1). Древнейшие слои памятника, относящиеся к комплексу Хумбузтепа-1 (Баратов 2017: 3–24), связаны с остатками монументальной дахмы. Стратиграфическими исследованиями на дахме выявлено три строительных периода (VIII–IV вв. до н. э.), на протяжении которых ее конструкция и планировка существенно менялась.

Дахма первого периода была вырублена в материке, состоявшем из отложений глинистого сланца. Расчищена и исследована южная и юго-западная часть стены дахмы, а также большая часть ее западной половины. Стены дахмы, сохранившиеся на высоту 1 м, в основании достигали ширины 5 м. Внутри юго-западной части внешней стены сооружения расчищены остатки прохода шириной 2 м. В нем были устроены две следующие друг за другом широкие и неглубокие (до 30 см) ямы ваннообразной формы. Поверхность их дна темно-зеленого цвета сохранила вымостку из фрагментов керамики. К южной стене сооружения примыкал подиум, сохранившийся на высоту 0,8 м и длиной более 5 м, который вел к расположенному севернее овальному в плане зданию, ориентированному длинной стороной по линии С–Ю. Его размеры по внешнему краю стен составляют 10 м, по внутреннему — 5,5 м. Сохранившиеся части его стен имеют высоту 1,8 м. В северной части подиум завершался двумя сильно стертymi ступенями, по которым осуществлялся спуск в округлое помещение, реконструируемый диаметр которого составлял 5 м. Пол помещения сохранил следы вымостки фрагментами керамики. Еще одна ступень располагалась на западном углу подиума и внешней стены дахмы. «Выставление» тел умерших производили на уровне пола сооружения. На его поверхности были найдены фрагменты костей человека и собаки. К западу и к северу от овального здания, внутри дахмы были расчищены остатки не менее четырех останцов диаметром от 4 до 6 м, сохранившихся на высоту до 0,8 м. В основании останцов и стен дахмы, на уровне пола были вырублены ниши шириной 1,5–2,0 м и глубиной 1,0–4,0 м. Высота их составляла 0,5–0,7 м. Ниши, вероятно, выполняли функции «ката», предназначенные для хранения останков людей, смерть которых приходилась на те времена года, когда не позволяли выставлять тела.

Дахма является монументальным округлым сооружением диаметром более 42 м. Реконструируемая высота стен составляла 2,5 м. В южной половине дахмы располагалось овальное в плане здание с округлым помещением, соединявшееся «подиумом» с южной стеной.

На уровне пола дахмы первого периода, помимо цилиндроконических сосудов времени Яз II, найдены фрагменты гончарных сосудов с желтым черепком. Часть их имела геометрическую роспись, выполненную темно-бордовой краской. Аналогичные сосуды характерны для памятников культуры расписной керамики, имевших распространение на северо-восточных отрогах Копетдага и Мервского оазиса в начале существования комплекса Яз II, который исследователи сегодня относят к X–VIII вв. до н. э. По нашему мнению, фрагменты расписных сосудов, найденные на уровне пола первого строительного периода дахмы, позволяют отнести время ее возведения к началу VIII в. до н. э. С уровня первого строительного периода дахмы получена серия радиоуглеродных анализов, выполненных в лабораториях Германского археологического института и университета Барселоны. Полученные результаты не противоречат предложенным датировкам.

Результаты исследований дахмы Хумбузтепа свидетельствуют, что возникновение монументальных культовых сооружений, связанных с зороастрийскими погребальными ритуалами и практиками (дахма и ката) на территории Хорезмского оазиса происходит уже в VIII в. до н. э. Археологические комплексы поселения Хумбузтепа иллюстрируют появление урбанизированной культуры на территории низовий Амударьи в начале периода Яз II. Древнейшие комплексы городской культуры Хорезма генетически связаны

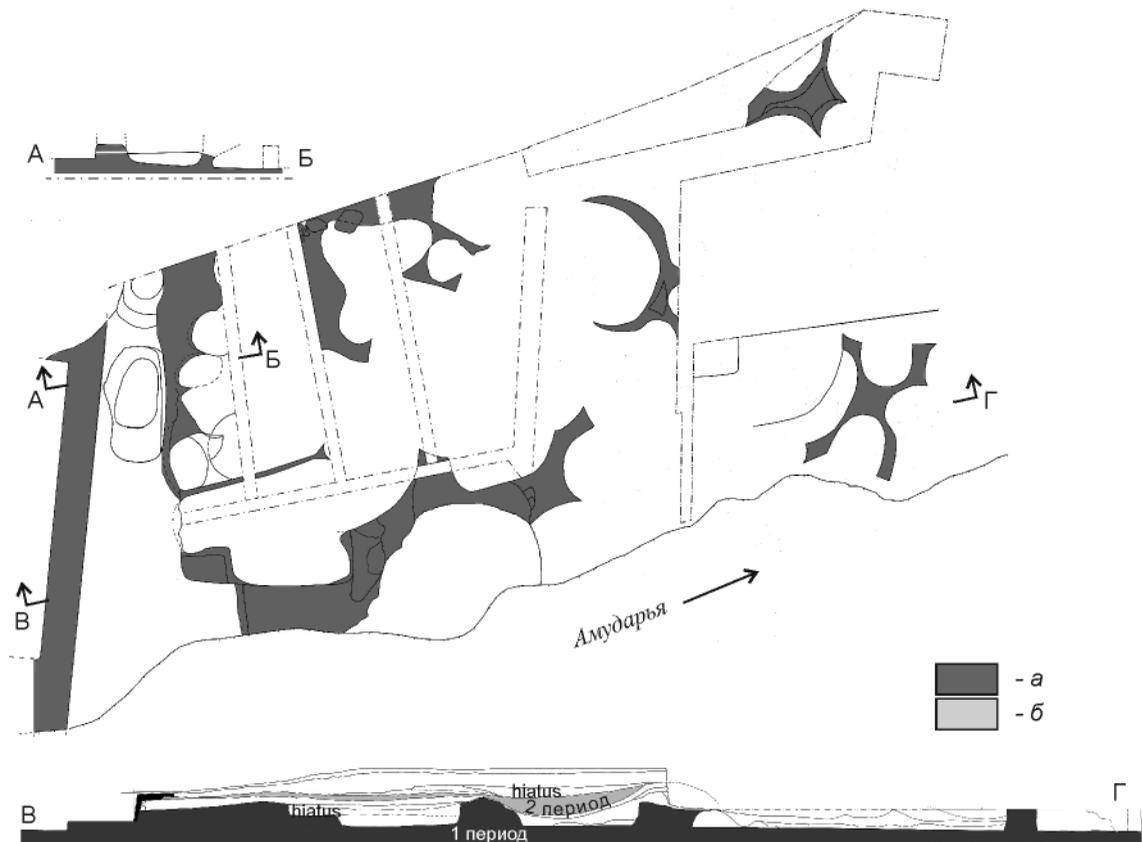

Рис. 1. Поселение Хумбузтепа: а — уровни и конструкции дахмы первого периода; б — уровни и конструкции дахмы второго периода

с древнеземледельческими регионами низовьев Теджена/Герируда, Серахского оазиса и северо-восточных отрогов Копетдага времени Яз I, очевидно являвшихся регионом формирования истоков урбанизированной культуры древнего Хорезма.

Литература

Баратов С. Р. 2003. Археологические исследования в Южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане в 2002 году. Самарканд. С. 38–45.

Баратов С. Р. 2017. О проблеме истоков урбанизированной культуры древнего Хорезма // Археология Узбекистана. Самарканд. 2 (15). С. 3–25.

ON THE PROBLEM OF THE ORIGINS AND CHRONOLOGY OF THE URBANIZED CULTURE OF THE CHORASMIAN OASIS

Sergei R. Baratov

Y. Gulomov Institute for archaeological research of the Uzbekistan Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan

Keywords: *Early Iron Age, Chorasmian oasis, urbanized culture.*

The paper deals with new results of archaeological research obtained during the excavations of a *dahma* of the first period at the settlement of Khumbuztepa in Chorasmia. The excavated materials indicate that the emergence of monumental religious structures associated with Zoroastrian funeral rituals and practices (*dahma* and *kata*) on the territory of the Chorasmian oasis occurred in the 8th century BC. The archaeological complexes of Khumbuztepa illustrate that the emergence of an urbanized culture in the lower reaches of the Amu Darya took place at the beginning of the Yaz 2 period. The early complexes of the settlement show that the urban culture of Chorasmia was genetically related to the ancient agricultural regions of the lower Tedzhen-Herirud, the Serakhs oasis and the north-eastern ridges of the Kopet Dagh of the Yaz 1 period, from the territory of which the urbanized culture of ancient Chorasmia had originated.

GLOBALIZED POTTERY IN BACTRIA? WAS THE LOCAL POTTERY PRODUCTION IN BACTRIA HIGHLY INFLUENCED BY GREEK CERAMICS DURING THE HELLENISTIC PERIOD?

Kristina Junker

Eurasian Department, German Archaeological Institute, Berlin, Germany

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-145-147

Keywords: *pottery, ceramics, Greek influence, Bactria, Hellenistic East, fish plate, Megarian bowl, Bactrian cup, Gray are.*

It is well known that after the conquest of Alexander the Great Bactria (located in the modern states of Afghanistan, Uzbekistan and Tajikistan) became part of the Hellenistic world. The political and economic integration initiated a phase of immigration from the Mediterranean to the Near East and up to Bactria, which resulted in an impact on local cultures. During this phase a new material culture was formed, which is best visible in Ai Khanoum. Here, architecture and building types, as well as Greek motives and iconography, but also Greek inscriptions prove a strong Mediterranean influence. Subsequently the same process was assumed to have highly affected the local ceramic production. But is this actually proven by the ceramic finds from several sites in Bactria? Is a strong dependence between the Mediterranean pottery and the Bactrian production

observable? Was the influence more or less centered in urban settlements? And did political events have an impact on the ceramic development at all?

In general the Bactrian pottery production should be divided into three Hellenistic phases.

The first phase is connected to innovations that led to a change of the local pottery production. Different plate and bowl shapes were made for the first time and some tableware vessels were covered with a red slip. One of these shapes is often referred to as “fish plate”. This vessel type — with a hanging rim and a depression on its inner surface — was known in the Mediterranean world from the 5th century BCE. Because of the depicted marine animals these plates were first named fish plates by archaeologists, even though later examples were only black glazed. In Bactria there are up to three different vessel shapes (rim types, with or without depression) that are referred to as “fish plate”, although all of these do not correspond with the Attic type. Therefore one has to assume, that the Bactrian “fish plate” types were only used as a cultural marker of the settlers from the West, who were living in Bactria during the early Hellenistic phase. But did these Greeks have an impact on the pottery production of the early phase? Most of the new developed shapes — like the assumed fish plate — cannot be clearly associated with Greek vessels and should only be seen as an innovation that indicates a change in the dining traditions.

Similar developments have been observed in Hellenistic Mesopotamia, but in contrast to Bactria some Attic vessel types were found, that can be clearly linked to Greek settlers: kantharoi, ungentaria and lopades. The latter, in particular, serves as an identification marker, which can show differences between local and foreign cooking traditions within the archaeological records. If there had been a formative influence on the Bactrian pottery by the Greek settlers, Greek drinking vessels or cooking pots would have to be expected in the early Hellenistic phase.

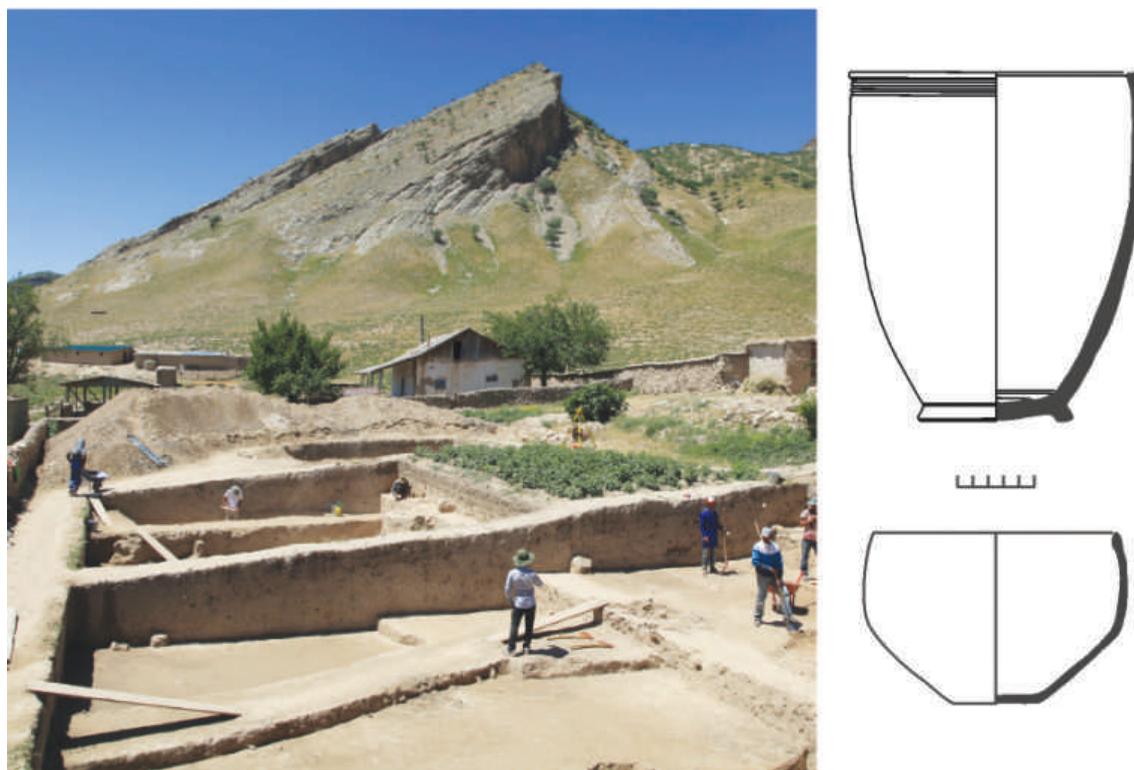

Fig. 1. The pottery repertoire of the rural sanctuary of Torbulok (South Tajikistan, left) consist mostly of local shapes, predominantly by the Bactrian cup (bottom right) and of a lower degree by “newly” developed vessels shapes (upper right)

But up to now they are completely missing. Instead the repertoire of the early phase consists mostly of local vessel types, which were already produced and used in pre-Hellenistic times: Beside the cooking pots, the most important one is the Bactrian cup, which was made in different types until the Kushan era. And even though some vessels were now covered with a red slip, the potters used the same, pre-Hellenistic techniques to prepare the clay and to fire the vessel — not depending of its shape.

During the second phase the reducing atmosphere was first used to fire tableware shapes. As a result these vessels have a grayish body and are in general covered with a black slip. A similar change of production can be observed in the Hellenistic Near East, where these vessels are usually interpreted as an imitation of Attic black glazed pottery. However, that interpretation is far from certain. In Bactria this change could have been also affected by the Greco-Bactrian conquest of the territories south of the Hindu Kush, resulting in an exchange of knowledge and techniques, as well as moving of people and objects. Gray ware tableware was already produced long before and could have been brought to Bactria, which then caused the production of local Gray ware vessels.

Not until the beginning of the 2nd century BCE — or even later — shapes were produced in Bactria, which can be compared with vessels of the Hellenistic Mediterranean world (third phase). These include, in particular, the Megarian bowl, which was first made in Athens at the end of the 3rd century BCE and was later produced in Asia Minor, the Levant and probably also in southern Mesopotamia from the 1st half of the 2nd century BC. In Bactria very few Megarian bowls are known, coming from few sites. Obviously these vessels were made by specialized potters, who imitated Greek (clay and metal?) vessels that were brought to Bactria via (sea) trade. Thus this vessel type cannot be assigned to any identity, but rather should be understood as an expression of a philhellene way of life, in which only a small group of the population was interested.

**ГЛОБАЛИЗИРОВАННАЯ КЕРАМИКА В БАКТРИИ?
ОКАЗАЛА ЛИ ГРЕЧЕСКАЯ КЕРАМИКА
СИЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕСТНОЕ КЕРАМИЧЕСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО В БАКТРИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД?**

К. Юнкер

Германский археологический институт, Евразийский отдел, Берлин, Германия

Keywords: керамика, греческое влияние, Бактрия, эллинистический Восток, рыбные блюда, мегарские чаши, бактрийские чаши, серая посуда.

На протяжении раннего эллинистического периода в производство бактрийской керамики были внедрены новые формы сосудов и технические приемы. Однако эти новые формы, часто упоминаемые как «греческие сосуды», лишь поверхностно связаны с греческими образцами. Их следует скорее интерпретировать как свидетельство глобализованного эллинистического мира, где идеи и знания были очень мобильными. Однако наиболее часто встречающиеся типы сосудов относятся к местной традиции, подобно так называемым бактрийским чашам, и свидетельствуют о истинном характере бактрийской глиняной посуды, а также о незначительном влиянии привнесенных форм в раннеэллинистическое время. Только с появлением греко-бактрийской династии греческое влияние на производство керамики, по-видимому, становится заметным на некоторых поселениях Бактрии. Таким образом, лишь немногие средиземноморские керамические формы были адаптированы в Бактрии, и предполагаемое сильное греческое влияние на бактрийскую керамику не может считаться доказанным.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ, СТАСАНОР СОЛИЙСКИЙ И БАКТРИЙСКАЯ ГЕРОНТОКТОНИЯ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧНОСТИ СЮЖЕТА

Е. О. Стоянов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-148-149

Ключевые слова: *Бактрия, Александр Македонский, Стасанор Солийский, Страбон, Порфирий, ранний железный век, эллинизм, геронтоктония, погребальный обряд.*

История древней Бактрии, как известно, освещена письменными источниками скупо и фрагментарно. В особенности это касается проблем этнокультурной истории региона — поэтому каждое такое свидетельство представляет исключительный интерес. Анализу одного из таких свидетельств и посвящен предлагаемый доклад.

Ряд авторов (наиболее развернуто — Страбон: Strab. XI.11.3) сообщает, что бактрийцы и согдийцы в прежние времена бросали состарившихся и ослабевших на съедение псам (ἀπειρηκότας διὰ γῆρας ἢ νόσον ζῶντας παραβάλλεσθαι τρεφομένοις κυσίν). Конец этой практике, по Страбону, положил Александр Македонский. Альтернативную версию приводит Порфирий (Porphyg. De abst. IV.21.4–5): отменить этот обычай пытался военачальник Александра Стасанор, что чуть было не стоило ему власти (Στασάνωρ ὁ Ἀλεξάνδρου Ὑπαρχος μικροῦ τῆν ἀρχῆν ἀπέβαλεν).

Эти свидетельства ставят перед исследователями три взаимосвязанных вопроса: 1) историчность описанного обряда; 2) историчность предпринятой «реформы»; 3) датировка и исторический контекст последней (Александр или Стасанор, успех или неудача и т. д.).

Специальных исследований проблемы немного (в первую очередь: Пьянков 2005: 360–364; Mendoza Sanahuja 2017: 50–52), при этом практически все авторы, касавшиеся сюжета, склонны признавать его историчность в том или ином варианте, пусть и с определенными оговорками (из недавних работ см. например: Holt 2005: 24–27; Olbrycht 2013: 168). Нам подобный подход представляется слишком опрометчивым.

Прежде всего, обращает на себя внимание неустраняемая противоречивость письменной традиции. Это не только расхождения между Страбоном и Порфирием (при общем первоисточнике — Онесикрите, возможно, воспринятом через Посидония), но и внутренние противоречия в сообщении Порфирия. Расплывчатость терминологии (Стасанор малоинформативно обозначен как Ὑπαρχος) и неясность датировки оставляют широкое пространство для толкований, ни одно из которых, впрочем, не выглядит реалистичным: при Александре Стасанор не имел отношения к Бактрии и Согдиане, а возглавив их после смерти царя, пользовался там мощной поддержкой (Diod. XIX.48), что противоречит указанию Порфирия на чуть было не утерянную власть.

Данные археологии также ничем не подтверждают такое свидетельство письменных источников (о погребальных обрядах региона в раннем железном веке и, в частности, в ахеменидскую эпоху см.: Grenet 1984: 59–79, 213–279 etc.). Вне зависимости от возможности существования в этот период обряда выставления трупов (как например: Пьянков 2005: 361), не стоит отождествлять его с описанным античными авторами умерщвлением стариков и больных.

Не помогает и этнографический материал. Поверья горных таджиков, согласно которым Искандар запретил убивать стариков (Бабаева 1993: 127), едва ли могут рассматриваться как прямой отголосок реальных исторических событий (вопреки мнению: Пьянков 2005: 363): культ Искандара (Искандера) на Ближнем и Среднем Востоке восходит

в конечном счете к эллинистической традиции «романа об Александре» (о позднем происхождении культа в Средней Азии см.: Абашин 2006: 203–204). И в данном случае перед нами скорее типичный «культурный герой», нежели исторический Александр.

Таким образом, приведенные свидетельства о геронтоктонии у бактрийцев и согдийцев заслуживают чрезвычайно осторожного отношения. Характерно, что аналогичные обычаи античная традиция регулярно приписывала самым различным народам окраин ойкумены (Schneider 2006: 43–53). И в данном случае мы имеем дело если не с чистым вымыслом, то, по крайней мере, с существенным искажением исходной информации, вычленение которой едва ли возможно.

Литература

Абашин С. Н. 2006. Культ двурогого Искандара у горцев Центральной Азии // Абашин С. Н., Бушков В. И. (ред.). Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 5: К 100-летию со дня рождения О. А. Сухаревой. М. С. 190–208.

Бабаева Н. С. 1993. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX — начало XX в.). Душанбе.

Пьянков И. В. 2005. О погребальном обряде бактрийцев // Никоноров В. П. (ред.). Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб. С. 360–364.

Grenet F. 1984. Les pratiques funéraires dans l'Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l'Islamisation. Paris.

Holt F. L. 2005. Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley; Los Angeles; London.

Mendoza Sanahuja M. 2017. Stasanor of Soloi and the Government of Bactria during the Wars of the Diadochi. In: *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 8. P. 44–70.

Olbrycht M. J. 2013. Iranians in the Diadochi Period. In: Alonso Troncoso V., Anson E. M. (eds.). *After Alexander. The Time of the Diadochi (323–281 BC)*. Oxford; Oakville. P. 159–182

Schneider P. 2006. L'élimination des vieillards et des malades: regard grec sur les sociétés des confins de l'oïcoumenê. In: Molin M. (dir.). *Les régulations sociales dans l'Antiquité*. Rennes. P. 43–53.

ALEXANDER THE GREAT, STASANOR THE SOLIAN AND THE BACTRIAN GERONTOKTONIA: THE PROBLEM OF HISTORICITY

Evgeny O. Stoyanov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Bactria, Alexander the Great, Stasanor the Solian, Strabo, Porphyry, Hellenism, Early Iron Age, gerontoktonia, funeral customs.*

The paper analyses some classical reports about the Bactrian rite of *gerontoktonia*, when the Bactrians used to leave old and sick persons to be torn by the dogs. This custom was allegedly banned by Alexander the Great (or, according to Porphyry, Stasanor the Solian, Alexander's general, unsuccessfully tried to prohibit it). However, the inner contradictions of the written tradition, along with the absence of any archeological and ethnographical proofs, led the present author to conclude that these testimonies, being very unreliable, are of little use for the reconstruction of the ethnic, cultural and political history of the region.

ДРЕВНЕБАКТРИЙСКИЕ ФЛЯГИ

Т. О. Двуреченская

Институт археологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-150-151

Ключевые слова: Северная Бактрия, керамика, керамические фляги, крепость Узундара.

Керамические фляги являются редким видом посуды в Центральной Азии. Территория Бактрии характеризовалась наличием одной-двух фляг на памятнике (Курганзол — Сверчков 2012; Айханум — Bernard 1973). Однако новейшие исследования в крепости Узундара кардинально изменили ситуацию (Dvurechenskaya 2019: 153–162). Количество керамических фляг на этом памятнике превышает 200 экз., что позволяет детально изучить рассматриваемый вид сосудов.

Фляга является нетривиальным предметом как в наши дни, так и в древности. В древней Бактрии такие сосуды употребляли во время поездок в условиях недостатка воды. Речь идет о передвижении по неизвестной территории, перемещении по пустынной и безводной местности или о преодолении горных дорог. Таким образом, флягу можно определить как атрибут кочевника, торговца или воина.

Вероятность перемещения фляг на большие расстояния осложняет локализацию места происхождения как самой формы фляги, так и конкретных экземпляров этого вида посуды. Существенно затрудняет изучение фляг и малочисленность обнаруженных изделий. Однако при детальном изучении этого вида сосудов появляется возможность определить места появления фляг как формы сосуда и пути их распространения на больших территориях, а также дальнейшее их заимствование и видоизменение.

Фляги, обнаруженные на Узундара, а также происходящие из других памятников греко-бактрийского времени, не являются автохтонными. Известные формы фляг (асимметричная и симметричная) в Бактрию привнесены и до греко-бактрийской экспансии здесь не встречаются. Наиболее древние экземпляры фляг ассиметричной формы найдены под Персепольской платформой и в слое II города Сузы (Воробьева 1973: 137). Их относят к ахеменидскому времени. В V в. до н. э. форма распространяется на территорию Приаралья. В Хорезме этот вид сосудов не только перенят местными мастерами, но и существенно переработан и дополнен под местным влиянием, что отражается в появлении ассиметричных фляг с барельефным орнаментом на уплощенной стороне фляги. Широкое распространение эта форма получает и в кочевнических культурах этого региона (Вайнберг, Левина 1993). Фляги часто встречаются в курганных захоронениях, хотя и являются для кочевников предметом импорта.

Таким образом, фляги попали на территорию Бактрии во время греческой экспансии, но, как и в других регионах, они подверглись местному влиянию. Наиболее разительными свойствами бактрийских фляг ассиметричного типа являются: меньшая, чем у известных аналогов с территории Хорезма и Согда, асимметрия их тулова; наличие сложной профилировки перехода выпуклой части фляги в уплощенную; расположение ручек, которое имеет жесткую привязку к верхней трети тулова. Некоторые особенности прослеживаются и в технологии изготовления фляг. Так, бактрийские сосуды в большинстве случаев выполнены на гончарном круге, их горловины встроены в тулово фляги или прикреплены сверху.

Следует заметить, что ранее фляги, в силу их малочисленности, практически не изучали. Однако планомерное и всестороннее рассмотрение собранного на данный момент материала позволит в будущем на примере одной формы проследить распространение и видоизменение данного элемента культуры на обширной территории и в течение длительного времени.

Литература

- Вайнберг Б. И., Левина Л. М. 1993. Чирикратская культура. М. (Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1).
- Воробьева М. Г. 1973. Дингильдже: Усадьба середины 1 тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М.
- Сверчков Л. М. 2012. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент.
- Bernard P. 1973. Fouilles d'Ai Khanum (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris. (Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan. T. 21).
- Dvurechenskaya N. 2019. The Hellenistic Fortress of Uzundara. In: Baumer Ch., Novák M. (eds.). Urban cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Wiesbaden. P. 153–162.

ANCIENT BACTRIAN FLASKS

Taisiya O. Dvurechenskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Keywords: Northern Bactria, ceramic flasks, fortress at Uzundara.

In 2014–2018, in the course of excavations of the fortified site at Uzundara, an unprecedented for Northern Bactria number of flasks (more than 200) was uncovered. At present, it has been possible to study this kind of ceramic vessels and to reveal their characteristic peculiarities, both in morphology and manufacturing technology, as well as to find analogies for them.

О НОВЫХ ОТКРЫТИЯХ НА СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ БАКТРИИ

О. В. Бельш

Институт археологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-151-153

Ключевые слова: Северная Бактрия, граница, Бактрийский отряд, фортификации.

В 2013 г. Бактрийский отряд САЭ ИА РАН¹ совместно с ТАЭ ИИ АН РУз приступил к стационарным комплексным раскопкам открытой в 1991 г. Э. В. Ртвеладзе крепости Узундара. Памятник расположен в Сурхандарьинской обл. Республики Узбекистан, в районе Байсунских гор, на вершине горы Сусизтаг (Двуреченская, Ртвеладзе 2015: 37). Исследователи отмечали, что крепость Узундара является ключевым звеном в системе пограничных укреплений (Ртвеладзе 1990; Двуреченская 2015). Одним из возможных элементов предполагаемой системы пограничной обороны считалась Дарбандская стена, которая находится в 7 км к северу от крепости.

Первые подтверждения наличия укреплений на горе Сусизтаг, которые были бы системно связаны с крепостью Узундара, были получены в ходе разведок 2016 г., проводимых Бактрийским отрядом. Между ущельем Узундара и ущельем Дари-Об был открыт фортификационный комплекс, состоящий из стены протяженностью в 100 м и башни.²

Весной 2018 г. Бактрийским отрядом была выявлена еще одна оборонительная стена, находящаяся в 5 км к югу от крепости Узундара, недалеко от кишлака Сайроб. Стена начинается возле ущелья Иллалик (Илон-дара) и тянется на восток на 2,67 км. В свете новых открытий назрел вопрос о тщательных исследованиях склона горы на предмет наличия

¹ Руководитель — канд. ист. наук Н. Д. Двуреченская.

² Стена сложена из колотого камня, зафиксированная ширина ее в основании 2 м и высота — около 1,5 м.

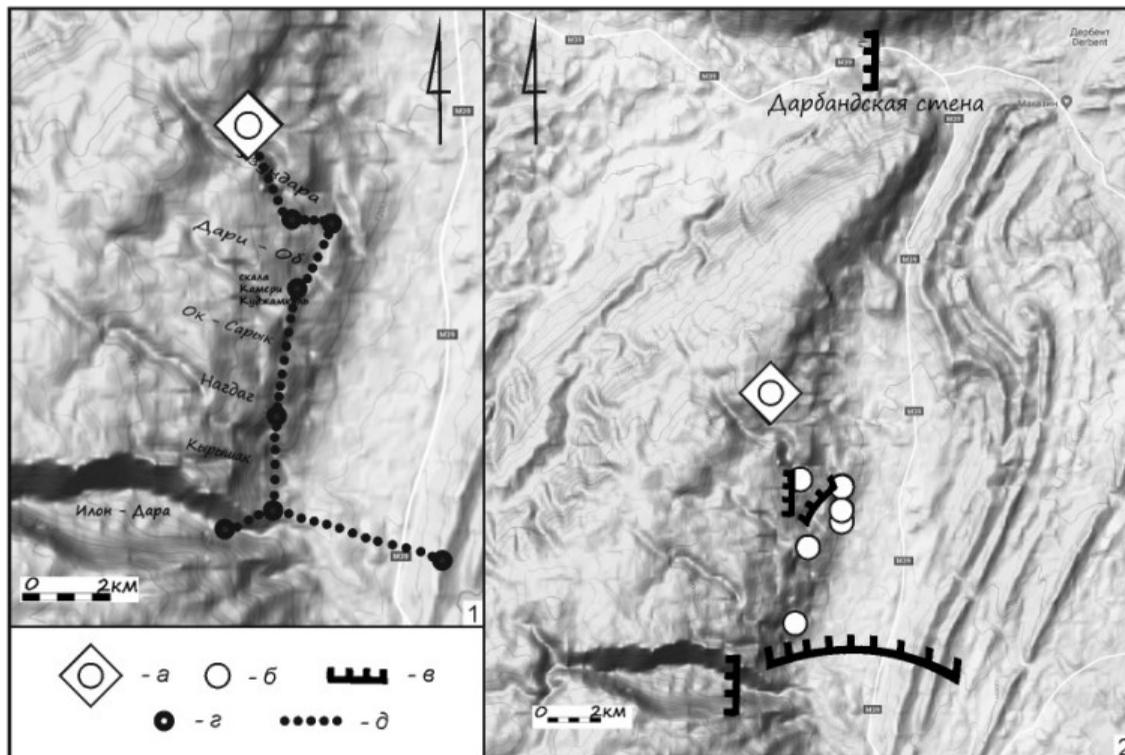

Рис. 1. Укрепленная граница горы Сусизтаг: 1 — укрепленный участок границы, обнаруженный в 2016–2018 гг.; 2 — выявленные фортификационные сооружения на горе Сусизтаг. Условные обозначения: а — крепость Узундара; б — башни; в — стена; г — фортификационные сооружения; д — укрепленный участок границы

пограничной системы заграждений. Осенью этого же года Бактрийским отрядом были проведены рекогносцировочные исследования пятикилометрового отрезка склона горы Сусизтаг. Целью археологической разведки являлось обнаружение и фиксация фортификационных сооружений на этом отрезке и доследование участков обороны, найденных ранее.

При осмотре склона между ущельями Узундара и Дари-Об, в 0,5 км вниз по склону от стены, обнаруженной в 2016 г., была найдена вторая заградительная линия этого участка. Этот комплекс фортификаций состоит из сильно разрушенной стены, отдельно стоящей прямоугольной постройки¹ и двух башен.² Стоит отметить, что указанный склон — это самый удобный и безопасный спуск в долину во всей округе, вплоть до ущелья Иллалик (Илон-дара).

Ущелье Дари-Об образует замкнутую к западу и открытую к востоку котловину. С южной стороны котловину Дари-Об фланкирует скала Камери-Куджамуль с отвесными стенами высотой более 25 м, на вершине которой обнаружена крупная круглая башня диаметром около 20 м.

Дальнейшая разведка склона выявила еще одну башню, которая контролирует тропу Харпариды у ущелья Нагдаг. В силу сложного рельефа спуск по тропе опасен и крайне затруднителен для значительных вооруженных сил и невозможен для конных воинов.

¹ Это помещение, вероятно, выполняло функции пропускного пункта.

² Все выявленные башни округлой формы и диаметром до 15 м.

При обследовании ущелья Иллалик (Илон-дара) были зафиксированы остатки каменной стены, замыкающей километровый узкий коридор располагавшийся в наиболее выгодном и стратегически выверенном месте. С севера и юга ущелья ее фланкируют высокие, отвесные скалы. Фасы двухпанцирной стены были сложены из крупных камней неправильной формы, пространство между которыми забутовано мелким камнем. Высота стены, определенная по характерным врезкам в скалу, составляла около 2 м, а ширина ее в основании — 1,5 м.

По итогу рекогносцировочных исследований горы Сусизтаг (рис. 1) была выявлена сложная сеть пограничных укреплений, в состав которой входили стены и башни, перекрывающие стратегические пути, с контрольно-пропускными пунктами и, очевидно, централизованным управлением. Необходимо не только продолжение исследований, но и более детальное и обстоятельное археологическое изучение уже найденных элементов укрепленной границы, уточнение хронологических рамок и синхронности существования разных участков этого фортификационного комплекса.

Литература

Двуреченская Н. Д. 2015. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. На крепости Узундара // Проблемы истории филологии и культуры. № 1. С. 124–133.

Двуреченская Н. Д., Ртвеладзе Э. В. 2015. Узундара — эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // Археология Узбекистана. № 2 (11). С. 37–46.

Ртвеладзе Э. В. 1990. Из недавних открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции // ВДИ. № 4. С. 135–145.

ON THE NEW DISCOVERIES ON THE NORTHERN BORDER OF BACTRIA

Oleg V. Bel'sh

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Keywords: Northern Bactria, border, Bactrian archaeological team, fortifications.

Between 2016 and 2018 in different parts of the eastern slope of the Susiztag mountain, the Bactrian team (of the Central Asian expedition of the Institute of Archaeology of the RAS) discovered a network of fortifications (Fig. 1), consisting of 3 walls of various lengths (from 0,1 to 2,6 kilometers), 5 towers with a diameter of 15 to 20 meters, and one building that had supposedly been a checkpoint. All identified objects, according to preliminary dating, are synchronous with the Uzundara fortress. This fortification complex, which forms a securely protected border line with a length of 5 kilometers, controlled all possible transitions through the Mount Susiztag in this portion of the road from Sogdiana to Bactria.

ФОРТИФИКАЦИЯ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

Н. Д. Двуреченская

Институт археологии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-153-156

Ключевые слова: Северная Бактрия, граница, Селевкиды, фрурион, фортификация, крепость Узундара, эллинизм, Антиох I, Евтидем I.

Крепость Узундара была открыта Э. В. Ртвеладзе в 1991 г. на юге Узбекистана, в горах Байсуна, на вершине горы Сусизтаг (Ртвеладзе 2002). Совместные российско-узбекские

комплексные археологические раскопки впервые были начаты на памятнике в 2013 г. Бактрийским отрядом САЭ ИА РАН, а также сотрудниками ТАЭ ИИ АН РУз, под руководством академика Э. В. Ртвеладзе.

Крепость Узундара расположена у одноименного ущелья, через которое был возможен переход в долину Сурхандарьи. В настоящее время нет сомнений, что она была одним из звеньев фортификационной системы, контролирующей все возможные горные проходы, ведущие из степных регионов Азии вглубь плодородной долины Сурхандарьи.

Крепость Узундара вписана в сложный горный рельеф. Она перекрывает всё пространство от урочища Кара-Камар на севере до ущелья Узундара на юге (рис. 1). В плане крепость имеет ромбовидную форму с выступающими за ее пределы к северо-западу выносными отрезками крепостных стен и треугольной в плане цитаделью. Общая протяженность крепостных стен составляет более 1000 м. Насчитывается 13 прямоугольных башен. Самыми крупными являются северо-восточная и юго-западная угловые башни.

В округе крепости расположено несколько выносных башен, которые контролировали подступы к стенам. В результате разведок на горе Сусизтаг была открыта пологие спуски и серия стен, которые перекрывали возможность пройти через другие ущелья горы Сузистаг.

Стены крепости визуальны фиксируются в виде крупных развалов обколотого камня. У северо-восточной угловой башни была вскрыта и изучена конструкция западной крепостной стены. Археологические раскопки и георадарные исследования на других участках крепости позволили выяснить, что все ее стены имеют аналогичную конструкцию. Толщина стен составляет 3,5 м, что подтверждено на трех участках раскопок. Стены сложены

Рис. 1. Вид на крепость Узундара с высоты 500 м (фото с квадрокоптера, 2018 г.)

комбинированной техникой: каменная кладка на глиняном растворе мощностью до 1 м с внешнего и внутреннего фаса и плотная бутровка камнем и гравием с глиной между ними. Западная крепостная стена имела галерею. Ближайшими аналогиями по характеру кладки являются пограничная стена Дарбанд и стены на горе Сусизтаг.

За шесть лет исследований полностью вскрыта вся площадь цитадели крепости (более 3000 м²). Подтреугольная в плане, она со всех сторон была опоясана мощными крепостными стенами и укреплена пятью башнями. Три из них являются угловыми, еще две, расположенные на северной стене, имели выносные отрезки стен, создавая лабиринты-ловушки, маскирующие расположение входа в цитадель. Вдоль крепостных стен на юго-западной стороне, обращенной к ущелью, то есть в сторону предполагаемого противника, находилась галерея, разделенная перегородками на отдельные помещения, в которые можно было попасть изнутри филактериона через три калитки. Здесь, в хорошо сохранившейся внешней крепостной стене, были впервые обнаружены девять стрелковых бойниц, предназначенные для ведения подошвенного боя.

В центре цитадели был размещен дом фрурарха (командующего гарнизона). Он представлял собой крупное здание с двумя объемными подвалами, в которых, по всей видимости, хранились запасы продовольствия и, возможно, льда на случаи долговременной осады. На дне этого скального помещения были сделаны также различной глубины желоба, которые делили пол помещения на 14 отсеков. В целом все дно помещения имело уклон в полметра в сторону сбора воды от конденсата. Стены подвала были облицованы крупными свинцовыми пластинами.

Вокруг скального комплекса находились открытые площадки и дворы. К крепостным стенам изнутри по периметру примыкало двенадцать хозяйственных и жилых помещений. Входной комплекс на филактерион был сильно укреплен, он имел взаимосвязанные вход на цитадель и проход в основной четырехугольник крепости.

Воины, защищавшие крепость, в большинстве своем были легко вооружены: лук со стрелами, ядра пращи, дротики (короткие копья) являлись основными видами оружия в крепости. Однако некоторые из ратников носили доспехи. Так в 2018 г. во внутрискладном помещении крепостной стены на цитадели были обнаружены панцирные пластины и два правых железных нащечника от шлемов псевдоаттического типа.

Кроме оружия в крепости выявлена богатая нумизматическая коллекция: на сегодняшний день здесь найдено около 200 монет очень хорошей сохранности: от посмертного выпуска монет Александра Македонского до монет всех правителей Греко-Бактрийского царства (от Диодота до Гелиокла) разного номинала, в большинстве своем мелкого (медные дихалки, геми халки, лепты). Такое разнообразие монет доказывает, что Бактрия в самом начале формирования империи Селевкидов отличалась системой развитого денежного обращения.

В начале III в. до н. э. здесь был расквартирован гарнизон греко-македонян, который выполнял две функции: охранял оазисы Северной Бактрии от набегов кочевников и защищал власть Селевкидов в регионе. Такие крепости были подобием погранзастав и располагались на стратегических участках обширной державы Селевкидов. Они назывались фрурионы. Гарнизон, стоявший в крепости, мог вести дистанционный бой, отражать прорывы кочевников на отдельных участках границы, а также сообщать через систему сигнальных огней о надвигающейся опасности.

Литература

Ртвеладзе Э. В. 2002. Александр Македонский в Согде и Бактриане. Ташкент.

FORTIFICATIONS OF THE FORTRESS AT UZUNDARA

Nigora D. Dvurechenskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Keywords: Northern Bactria, border, Seleucids, frontier, fortifications, fortress of Uzundara, Hellenism, Antiochus I, Euthydemus I.

In the south of modern Uzbekistan, on the border of the Kashkadarya and Surkhandarya regions in the Baysun mountains, a fortress at the Uzundara gorge had been discovered in 1991 by Edvard V. Rtveladze. Thanks to comprehensive archaeological research that started in 2013, it was possible to explore the main elements of its fortifications. It was diamond-shaped in plan and had a triangular-like citadel and projecting sections of additional walls. The fortress was provided with thirteen towers; its area was more than 2 hectares. It was built of stone on clay mortar. The data obtained during the excavations makes it possible to determine that the site dates back to the Hellenistic era. The bulk of the finds from there belongs to the 3rd century BC.

For six years of archaeological research, it has proved to be possible to recreate an architectural plan of the citadel of the fortress at Uzundara, whose fortifications included fortress walls with an internal gallery and five diverse towers, as well as an entrance labyrinth-like complex. The fortress at Uzundara is a striking example of defensive architecture in the early Hellenistic era. It was one of Seleucid fortresses-fortifications erected on the border of Northern Bactria.

БАКТРИЯ-ТОХАРИСТАН В КУШАНО-САСАНИДСКИЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III — КОНЕЦ IV ВВ. Н. Э.)¹

В. А. Завьялов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-156-158

Ключевые слова: Бактрия-Тохаристан, Зартепа, кушано-сасанидский период, монеты, керамика, терракота, надписи, штампованный орнамент, курительницы.

В широчайшей сфере научных интересов В. М. Массона заметное место занимали исследования, направленные на проблематику государственных объединений и кочевнических образований в античную эпоху. Основные достижения ученых разных стран, изучавших различные виды источников, касавшихся археологии, истории и культуры этого региона, были аналитически обобщены моим научным руководителем к середине 1980-х гг. (Массон В. 1985). Дальнейшие шаги по суммированию научных достижений в изучении кушано-сасанидской проблематики были предприняты в последней четверти XX в. и начале XXI в. при публикации результатов исследований Бактрийской экспедиции ЛОИА АН СССР на городище Зартепа в Южном Узбекистане (Завьялов 2008).

Свидетельства письменных и нарративных источников, наряду с фиксацией кушано-сасанидских монет в слоях городищ, поселений, в погребальных сооружениях и кладках на территории Бактрии-Тохаристана, говорят о наличии собственного рынка, относительной экономической и политической автономии региона в этот период. Находки кушано-сасанидских монет в Мерве и Бухарском Согде предполагают конвертацию или обращение их на местных рынках и наличие более тесных культурных связей между соседними регионами

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

(Мирзаахмедов и др. 2016: 248, рис. 2). Дополнительным аргументом в обосновании этого факта служат редкие находки собственно сасанидских монет на территории Бактрии-Тохаристана, отчеканенных при правителях империи, начиная от Шапура I вплоть до Йездегерда I (Массон М. 1974: 143–146).

Экспансия Сасанидов на территорию кушанских владений привела к тому, что в Бактрии-Тохаристане все ярче начинал проявляться закономерный культурный импульс из Ирана, отражающий тенденции развития династической доктрины Сасанидов и смену культурной доминанты. Очень наглядно это наблюдается в подражаниях и инновациях, отмечаемых в кушано-сасанидской керамике (Завьялов 2005).

Стратиграфия городища Зартепа показывает, что эти инновации и подражания фиксируются на протяжении существования обоих строительных горизонтов, достигающих мощности в 1,2 м при общей толщине культурных напластований в центральной части городища не более 5,5 м. Это обстоятельство совершенно не учитывается сторонниками короткого (40–50 лет) обращения кушано-сасанидских монет. Возникновение и существование на протяжении трех строительных периодов поселения Актепе II в Кобадiane (Седов 1987) хорошо согласуется с данными Зартепе и еще раз подчеркивает, что кушано-сасанидский период продолжался не менее сотни лет, возможно, до конца IV в. н. э. Отсутствие этих инноваций и подражаний в более ранних, кушанских, слоях также подтверждает продолжительность кушано-сасанидского периода, для выделения которого вышеописанные инновации являются диагностическими.

Следует подчеркнуть, что начальную стадию формирования сасанидской тореvтики, подражания которой отмечены на некоторых памятниках, исследователи относят к 270–290 гг., опираясь при этом на независимую от кушано-сасанидских монет хронологию самих блюд (Тревер, Луконин 1987: 52–60). Внедрение характерных элементов сасанидских прототипов в керамическое производство Бактрии-Тохаристана происходило либо в это время, либо с некоторым опозданием.

Отличительной чертой керамики Бактрии-Тохаристана является широкомасштабное применение штампованного орнамента (Пидаев 1978: 65–68, рис. 19), некоторые разновидности которого выражают религиозные предпочтения населения, например штамп, интерпретируемый исследователями как «ступня Будды» (Седов 1987: рис. на обложке). На том же сосуде из Кобадiane нанесен штамп в виде ромба, не встреченный пока на кушанских памятниках ранее III в. н. э.

На возможную толерантность в среде древнего населения Бактрии-Тохаристана в кушано-сасанидский период, помимо терракотовой пластики, указывает надпись бактрийским письмом на венчике сосуда, возможно воспроизводящая религиозную формулу: «Бог Шива свидетель» (Завьялов 2008: 97–109; 242–243, рис. 34–52; 67).

Литература

- Завьялов В. А. 2005. Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике // Мкртычев Т. К. и др. (ред.). Центральная Азия. Источники, история, культура: ТД конф., посвящ. 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского. М. С. 340–358.
- Завьялов В. А. 2008. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб. Массон В. М. 1985. Северная Бактрия // Кошеленко Г. А. (ред.). Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М. Гл. 12. С. 250–272, табл. СІХ–СХХІІІ. (Археология СССР).
- Массон М. Е. 1974. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224–651) на территории советских республик Средней Азии // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Т. 15. Ашхабад. С. 140–154.

- Мирзаахмедов Д. А. и др. 2016. Работы Бухарской археологической экспедиции в 2013–2014 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2013–2014 года. Вып. 10. С. 248–266.
- Пидаев Ш. Р. 1978. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.
- Седов А. В. 1987. Кобадан на пороге раннего средневековья. М.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.

BACTRIA-TOKHARISTAN IN THE KUSHAN-SASANIAN PERIOD (SECOND HALF OF THE 3RD — LATE 4TH CENTURIES AD)

Vladimir A. Zav'yalov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Bactria-Tokharistan, Zartepa, Kushan-Sasanian period, coins, ceramics, terracotta, inscriptions, stamped ornament, censers.*

The development of the culture of Bactria-Tokharistan (embracing in Antiquity the modern territories of Northern Afghanistan, Southern Tadjikistan, Southern Uzbekistan and Southeastern Turkmenistan along the Oxus/Amu Darya River) continued after the Sasanian expansion into the territory of the former original core of the Kushan empire. The Sasanian invasion led to the formation of a new territorial unit, Kushanshahr, which was self-governing and had the right to mint money of own, the so-called Kushan-Sasanian coin issues. It should be noted that the culture of Kushanshahr gradually adopted Sasanian influences, but at the same time retained some particular features going back to traditional Kushan stereotypes. The formation and development of Kushanshahr is a striking example of the co-existence of various peoples and religious-ethical trends within the framework of self-government.

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ МЕРВА В ПАРФЯНСКИЙ ПЕРИОД

Р. Г. Мурадов

Независимый исследователь, Ашхабад, Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-158-160

Ключевые слова: *Мерв, Гяур-кала, эллинизация, Парфия, Аршакиды, градостроительство, историческая топография.*

Эпоха Аршакидов в истории Мерва продолжалась между серединой II в. до н. э. и первой третью III в. н. э. Однако основные черты градостроительства сложились здесь еще в эллинистический период: это полис, возникший с возведением самых ранних стен Гяур-калы и появление внешней обводной стены вокруг хоры (Гаиров 1995: 76). Парфянский Мерв был крупнейшим поселением Центральной Азии и относится к числу городов-гигантов в масштабе античной эпохи. Он занимал площадь 340 га, значительно превосходя такие синхронные городища региона, как Афрасиаб (200 га), Эйлатан (200 га), Еркурган (150 га), Айханум (150 га), Бактры (120 га). Гяур-кала лишь немного меньше халдейского Вавилона (410 га — в пределах стены Имгур-Энлиль), но крупнее Хатры (323 га). Однако археологическая изученность Мерва еще слишком мала, несмотря на то что во второй половине XX в. здесь проводились раскопки сначала силами ЮТАКЭ под руководством М. Е. Массона (1950–1979), а затем девять сезонов в рамках Международного Мервского проекта (International Merv Project, 1991–2000) под руководством Дж. Херрманн.

Основным итогом всех этих работ стало тщательное изучение фортификации Гяур-калы (Завьялов 1999; Zavyalov 2007), уточнение ее хронологии по керамическим комплексам и раскопки отдельных сооружений на разных участках внутри города (Усманова 1963; Кацурис, Буряков 1963; Филанович 1989; Симпсон 1994; Herrmann, et al. 1996 и др.). В целом же историческая топография Гяур-калы читается лишь в самых общих чертах, насколько это позволяет современный рельеф (рис. 1). Хотя городище избежало современной застройки или сельскохозяйственного освоения, но его губят грунтовые воды и засоление почвы: пониженные места частично заболочены и густо заросли галофитами.

Первоначальное поселение на месте Эрк-калы получило фортификацию, типичную для ранней древности: форма его плана в виде многоугольной стены близка к овалу, создававшему минимальную протяженность внешнего оборонительного обвода. Это вариант «естественного» развития городского поселения (Бархин 1986: 14–17). Гяур-кала представляет собой другой тип строительства городов: по заранее составленному прямоугольному плану, который можно причислить не к системе Гипподама, а скорее к римской идее регулярного города-военного лагеря, рассеченного двумя основными магистралями на четыре части, чего не было у греков.

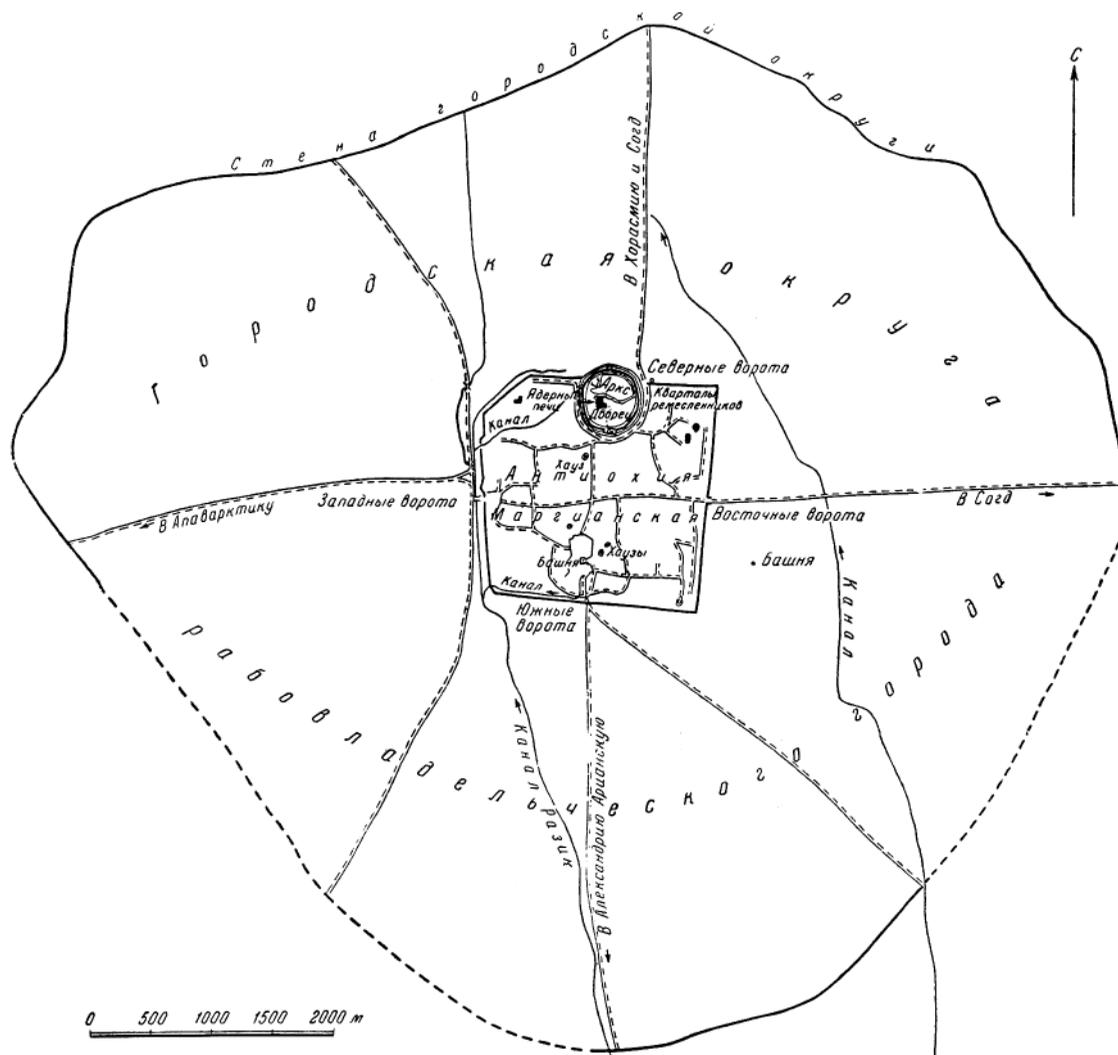

Рис. 1. Парфянский Мерв, план (по: Пугаченкова 1958: 42)

Сочетание овальной конфигурации окружной стены хоры и почти квадратного плана Гяур-калы в сильно увеличенном масштабе воспроизводят старую планировочную схему, известную в Маргиане с эпохи бронзы (городище Гонур-депе). Еще более очевидный источник плана Антиохии Маргианской — прямоугольные города Месопотамии: Вавилон, Дур-Шаррукин, Бурсиппа и др.

Популярные идеи «эллинизации» Востока в последние годы были пересмотрены и в настоящее время сохраняется более дифференцированная картина мультикультурного общества в Селевкидском Иране (Puschnigg 2006: 125). Давно устарело мнение, что влияние эллинизма в среднеазиатском градостроительстве первых веков до и после н. э. сказалось в регулярной планировке — прямоугольном контуре городов, параллельности улиц и кварталов, в фортификационных приемах — выведении квадратных башен взамен прежних полуовальных (Пугаченкова 1994: 56). Но квадратные башни были уже в Маргиане эпохи бронзы, а внутренняя структура Гяур-калы, насколько можно судить по вскрытым фрагментам, скорее говорит о «паутинной», извилистой планировке, как это свойственно всем спонтанно формирующимся массивам. Более того, типология сооружений в «эллинизированных» среднеазиатских городах заметно отличается от чисто греческих — таких как Ай-Ханум.

Парфянский период был временем активного синтеза иранской и греческой традиций, которые при Селевкидах существовали скорее параллельно. Но и при Аршакидах Антиохия Маргианская не утратила черты греческого полиса, чья общинная природа во многом совпадала с местным общественным институтом. Как функциональная единица Гяур-кала представляет собой на редкость крепкий пространственно-коммуникационный каркас города, который функционировал около 12 веков — от Селевкидов до Саманидов. Такое постоянство обусловлено сохранением традиционной социальной организации, позволявшей большому поселению переживать политические и военные катаклизмы. Пример античного Мерва показывает, что размеры города прямо пропорциональны его жизнестойкости. Это эффект увеличения сложности системы, а не просто ее масштабирования. Большой город нужен был прежде всего его обитателям, чья гетерогенность не мешала сосуществованию разных общин на протяжении многих поколений. С одной стороны, они стремились оставаться под защитой мощных крепостных стен, а с другой — их вынужденная консолидация обеспечила такую долгую жизнь городу в пределах Гяур-калы.

Литература

- Бархин М. Г. 1986. Город. Структура и композиция. М.
- Гаибов В. А. 1995. О городах Северного Ирана в селевкидское и парфянское время // Боспорский сборник: В честь 60-летия Г. А. Кошеленко. М. Вып. 6. С. 72–79.
- Завьялов В. А. 1999. Фортификация Эрк-калы и Гяур-калы // Культурные ценности: Международный ежегодник. 1997–1998. СПб. С. 20–35.
- Кацурис К., Буряков Ю. 1963. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Массон М. Е. (ред.). Материалы по археологии Мерва. Ашхабад. С. 119–163. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 12).
- Пугаченкова Г. А. 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма М. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 6).
- Пугаченкова Г. А. 1994. Архитектура как градостроительный фактор. Средняя Азия – античный период // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути: ТД конф., посвящ. 60-летию проф. Ю. Ф. Бурякова. Самарканд. С. 55–56.
- Симпсон Ст.-Дж. 1994. Гяур-кала: раскоп 5 // Мерв в древней и средневековой истории Востока V: ТД. науч. конф. Мары. С. 21–23.

Усманова З. И. 1963. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городише Гяур-кала // Массон М. Е. (ред.). Материалы по археологии Мерва. Ашхабад. С. 164–200. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 12).

Филанович М. И. 1989. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве // Массон М. Е. (ред.). Древний Мерв. Ашхабад. С. 62–121. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 19).

Herrmann G., Kurbanshatov K., Simpson St. J. 1996. The International Merv Project. Preliminary report on the Fourth Season (1995). In: Iran. 35. P. 1–22.

Puschnigg G. 2006. Ceramics of the Merv Oasis. Left Coast Press.

Zavyalov V. A. 2007. The Fortification of the City of Gyaur Kala, Merv. In: Cribb J., Herrmann G. (ed.). After Alexander. Central Asia before Islam. Oxford; New York. P. 313–329.

THE EVOLUTION OF THE CITY BUILDING STRUCTURE OF MERV IN THE PARTHIAN PERIOD

Ruslan G. Muradov

Independent researcher, Ashgabat, Turkmenistan

Keywords: *Merv, Gyaur-kala, Hellenization, Parthia, Arsacids, city building, historical topography.*

The paper deals with revealing the features of the planning structure of ancient Merv. It notes that a combination of the oval configuration of the circumferential wall of its chora and the almost square plan of Gyaur-kala on a multi-scale scale reproduce the old planning scheme known in Margiana since the Bronze Age. The concept of Hellenism and its influence on Central Asian urban planning are criticized. The Parthian period is characterized as a time of the active synthesis of the Iranian and Greek traditions, which earlier, under the Seleucids existed rather in parallel. As a functional unit Gyaur-kala was a solid spatial and communication framework of the city that had been functioning for about 12 centuries. This constancy is due to the preservation of the traditional social organization allowing a large settlement to survive political and military disasters. The example of Merv shows that dimensions of a city are directly proportional to its vitality. This is an effect of increasing the complexity of a system, not just scaling it.

THE APARNOI IN THE ARSACID HISTORY

Marek J. Olbrycht

University of Rzeszów, Rzeszów, Poland

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-161-165

Keywords: *Aparnoi, Dahai, Parthia, Strabo, Abarshahr, Iran*

In early Arsacid history, a particular role was played by the nomadic Aparnoi (Greek Ἄπαρνοι, Parthian **Aparna*), part of the Dahan Confederacy (see Olbrycht 1998a; 1998b; 1999; 2000). There are only two Classical authors who know of the Aparnoi in Central Asia, namely Strabo (11.7.1 C508, 11.9.2 C515), and Ptolemaios (*Geogr.* 6.10.2). Another well-informed author, Justin, although he describes the beginnings of the Arsacids, does not know the name of the Aparnoi. In *Iust.* 41.1.10, the emended *Apartani* (as a variant of *Apa[va]rtani*, viz. the inhabitants of Apavortene) seems to be the correct form, instead of the alleged *Sparni*, proposed by an unlikely analogy to Strabo's evidence in 11.7.1 C508 that in fact deals with the Aparnoi (Wolski 1969: 206, n. 36). However, the recent editions of the *Philippic Histories*, including that by O. Seel (1972), prefer the form *Sparni* (Acc. *Sparnos*), attested to in one of the manuscript traditions, whereas other traditions offer *Aparthanos* and *Hypartanos*. Alternatively,

this variant may be linked to the name of *Sparioi* or *Parioi* in Strab. 11.9.3 C515 (subdivision of the Dahai).

The Aparnoi appeared as the most powerful tribe in the Dahan confederacy, claiming a leading position in the steppes to the north of Parthia and Hyrcania in the mid-3rd century BC. The nomadic peoples of central Eurasia were often subdivided into several tribes. As a rule, a select tribe within a confederacy regarded itself as a privileged or royal group, claiming rule over other groups and clans. Thus, we know of the Royal Scythians (Hdt. 4.19–20) alongside the «Scythian nomads» and other dependent groups. Likewise, there were the Royal Sarmatians (Ptol. *Geogr.* 5.8.16) and the Royal Iazyges (Strab. 7.3.17; App. *Mithr.* 12.67.2). A similar internal division existed within the Dahan Confederacy that embraced the Xandioi (Xanthioi), Aparnoi, and Sparioi/Parioi (Pissouroi?) (Strab. 11.9.3 C515; for further details see Harmatta 1970: 13; Olbrycht 1998b: 57–58).

By the middle of the 3rd century BC, the Aparnoi gained a predominant position after the Dahan migration from Transoxania to the Trans-Caspian steppes. Their genuine role during the imperial Arsacid era (from the 2nd century BC.) remains virtually unknown. It may be surmised that following the conquest of Parthia some clans of the Aparnoi retained their identity and formed the chiefdom within the Arsacid Empire. This process was perhaps similar to the political career of the Sakai in Sakastan, who settled there in the late 2nd century BC and retained political power as a kingdom until the 4th century AD. The Sasanian inscription of Shahpur I (ŠKZ), inscribed in the 3rd century AD, points to the Aparnians' significant political role and persistence during the Arsacid age.

The ŠKZ inscription names a kingdom called *Abrēnag* (Greek Ἀβρηναχ) located in Khorasan (Middle Persian *'plynk* [ŠKZ mpI 28]; Parthian *'prynk* [ŠKZ paI 23]; Greek Ἀβρηναχ [ŠKZ grI 55]). The king of *Abrēnag* named Sadāluf (Sadāraf?) had a high-ranking position among the rulers that were subordinate to the Sasanian King Ardashir I, and is listed next to the king of Marw (Merv), the king of Kerman, and the king of the Sakai (Back 1978: 349). The political context implies that his dominion encompassed Khorasan. Some scholars rightly identify *Abrēnag* as the land of the Aparnoi in terms of etymology (Sprenghling 1940: 352 f. [**Aparnia*]; Eilers 1954: 373). In fact, the etymology of *Abrēnag* is the same as **Aparna* — both terms go back to Old Iranian **uparainaka*, meaning «upper», both literally and metaphorically; the latter sense pertained to the most distant locations (from a given point of view) (Huysse 1999: § 3.5 [II, 28–29]; Back 1978: 186, no. 33 «oben befindlich, von oben, vom Hochgebirge her kommend, östlich»). Eilers [1954: 373] cites New Persian *abar*, «over, upper» [Middle Persian *apar*, Old Iranian *upari*]), hence the possible meaning «eastern» (or «northeastern») from a Persian perspective. A similar semantic principle appears in the Islamic period; early Islamic usage perceived lands lying to the east of western Persia, i. e. Djibāl or 'Irāk 'Adjami, as Khorasan (Middle Persian *Xwarāsān*; Persian ناسارخ *Xorāsān*)).

The Sasanian ŠKZ inscription lists the land of *Abaršahr* as encompassing most of Khorasan (Middle Persian (MpI): *'pr štry*; Parthian (paI 2): *'prhštr*; Greek (grI 4): τὰ ἀνωτάτω ἔθνη). Ph. Huysse translates the name as «die oberen/obersten Länder». *Abaršahr*'s center was at Nishapur (Markwart 1931: 12). Huysse (1999: Bd. II, 28, Anm. 64) erroneously identifies *Abaršahr* with Achaemenid Haraiva (Areia). W. B. Henning (1958: 95, n. 1) and Ph. Huysse (1999: Bd. II: 131) do not see any link between *Abrēnag* and *Abaršahr*. The term was formed after the designation **Apar-na* (*Abrēnag*), sharing its twofold meaning, i. e. «upper», and «distant». The Greek variant of the inscription provides the phrase τὰ ἀνωτάτω ἔθνη, which echoes the Seleucid term ἄνω σατραπείαι, i. e. the «upper satrapies» (Huysse [1999: Bd. II, 29] sees here a reminiscence of the Seleucid use). The term «upper satrapies» referred in the Hellenistic period to the lands located east of the Euphrates River (or east of the Tigris River), in the highlands of Iran and Bactria. It may be a rendition of an ancient Persian term (see, for example: Diod. 18.3.3; 20.47.5; App. *Syr.* 57; Strabo 15.2.1). Crucial is the Greek word ἄνω denoting «upper»; however, it also had the meanings «distant», and «easternmost» or «northernmost» (as viewed from Babylonia or Northern Syria as the

focal imperial areas of the Seleucids), depending on the perspective (for *Abaršahr* as «the Upper/Eastern Country» see Лившиц 2014: 73).

Abaršahr appears among the early Sasanian provinces in the ŠKZ inscription that provides a list of the lands ruled by Shahpur I (242–271). The list entails Persis, Parthia, several countries from Khuzestan to Armenia, the Gates of Alania, «all of the mountain range of Pareshwar, Media, Gorgān/Hyrkania, Marw (Merv), Areia (Haraiwa), and all of Abaršahr, Kerman, Sistan, Turan (...)». Clearly, the term *Abaršahr* refers to the region of Khorasan, located between Gorgān, Areia, Media, and Marw; it is preceded by the term *hmk* (Parthian) / *hmky* (Middle Persian), i. e. «all of», indicating that it consists of different subregions and tribes. The term «Parthia» (Middle Persian *plswby*, mpI2; Parthian [*pr*]tw, paI1) is not used here for Khorasan as it appears at the very beginning of the inscription as part of the general designation for the early Sasanian Empire, including its most important components, i. e. Persis and Parthia; alternatively it may refer generally to Northern Iran, including Parthia proper, Greater Media, or Media Atropatene as the power base of the western Arsacids, contrary to Persis (Fars). A similar, but not identical, view about the meaning of «Parthia» presents M. Ghodrati-Dizaji (2016). Greater Media, Media Atropatene and Armenia, in addition to Parthia proper, formed the core of the Arsacid empire since Vologases I (AD 50–79).

Significantly, the term *Abaršahr* appears in place of the older name *Abrēnag* in the Sasanian inscriptions. Initially, *Abaršahr* meant «not the Upper Country but the Country of the *Aparnak*, i. e., the Aparnoi» (so rightly in Markwart 1931: 52, but this is wrongly rejected by Lecoq 1987). W. Eilers (1954: 373) accepts Markwart's proposal and points to a second meaning for *Abaršahr*, viz. «Oberland» (after Marquart 1901: 74). In the early Sasanian period, when the power of the Arsacid Parthians and Aparnoi in Khorasan was declining, the term *Abaršahr* began to be understood as the «Upper» or «Eastern» country from a Persian point of view. W. Eilers (1954: 373–374) ascribes to *Abaršahr/Aparšahr* two meanings, i. e. «Upper Land» («Oberland, Hochland»), and the «Land of the Aparnoi» (das «Land der Aparner»).

Additional evidence pointing to a significant role of the Aparnoi in the Arsacid period is provided by the *Bundahishn* in what Sām gave to Dastān the province of Sagistān (Sagān-sēh) and the «region of the South». Furthermore, Sām «gave the landlordship of *Aparšahr* to Aparnak (*Bundahishn* XXXV 43–44; Anklesaria 1956: 299; see Markwart 1931: 52, § 15). *Aparšahr* is said to be *Aparnak-šahr* (the country of the Aparnak)». Sām distributed four other regions to his children, namely Ray, Pārišxvar (Tabaristan), Isfahan, and Asorestan (*Bundahishn* XXXV 42–50; Anklesaria 1956: 299–300). This tradition reflects a special role of the Aparnoi in Arsacid Parthia and highlights their dominance in Khorasan/Abaršahr. Besides, the account suggests an association between the Sakai of Sakastan and the Aparnoi. A similar tradition is transmitted by al-Ṭabarī, who names *Abarnag* as the father of Narīmān, i. e. Sāma Kresāspa (al-Ṭabarī [ed. De Goeje. Leiden, 1879]: vol. I, 598; see Christensen 1931: 131, n. 2; Shahbazi 1994: 162, n. 109). Quite apart from possible legendary elements, the quoted evidence suggests that the Aparnoi were a strong political entity within the Arsacid Empire. The relationship between the Aparnoi and the Sakai, dating back to the period of their neighborhood in the steppes, may be historic in general terms. Moreover, this legendary relationship may refer to the special role of the Sūrēn clan, originating from the Dahai, in Sakastān from the 2nd century BC.

To recapitulate, the notion of *Abaršahr*, attested to in the ŠKZ, arose from the designation *Aparna* and included a twofold meaning, first the Aparnian land and, second, a country situated in the eastern fringes of the Sasanian Empire. The Arsacid Aparnoi must have had a major political center, a principality, within Khorasan, probably in the Sumbar valley or in the middle Atrak valley. In Islamic times, *Abaršahr* was perceived as the ancient name of the city of Nishāpur, which was the capital of one of the parts of Greater Khorasan.

References

- Лившиц В. А. 2014. Парфянские топонимы // Молодин В. И., Епимахов А. В. (ред.). Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул. С. 73–84.
- Anklesaria B. T. (transl.). 1956. Zand-Ākāsīh. Bombay.
- Back M. 1978. Die sassanidischen Staatsinschriften: Studien zur Orthographie und Phonologie des Mittelpersischen der Inschriften zusammen mit einem etymologischen Index des mittelpersischen Wortgutes und einem Textcorpus der behandelten Inschriften. Téhéran; Leiden (Acta Iranica. 18).
- Christensen A. 1931. Les Kayanides. København (Kgl. Danske videnskabernes selskab. Historisk-filologiske meddelelser. 19/2).
- Eilers W. 1954. Der Name Demawend. In: Archiv Orientální. Praha. 22. S. 267–374.
- Ghodrat-Dizaji M. 2016: Remarks on the Location of the Province of Parthia in the Sasanian Period. In: Curtis V. S., Pendleton E. J., Alram M., Daryaee T. (eds.). The Parthian and Early Sasanian Empires: Adaptation and Expansion. Proceedings of a Conference held in Vienna, 14–16 June 2012. Oxford; Philadelphia. P. 42–46.
- Harmatta J. 1970. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged.
- Henning W. B. 1958. Mitteliranisch In: Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Bd. IV: Iranistik. Abschn. 1: Linguistic. Leiden. S. 20–130.
- Huyse Ph. 1999. Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'bai-i Zardušt (ŠKZ). Bd. I–II. London (Corpus Inscriptionum Iranicarum Pt. III: Pahlavi Inscriptions. Vol. 1: Royal Inscriptions, with Their Parthian and Greek Versions. Texts. I).
- Lecoq P. 1987. Aparna In: Encyclopædia Iranica Vol. 2. P. 151.
- Markwart J. 1931. A Catalogue of the Provincial Capitals of Ērānshahr (Pahlavi Text, Version and Commentary). Roma (Analecta Orientalia. 3).
- Marquart J. 1901. Ērānshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin, 1901 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. Neue Folge. Bd. III/2).
- Olbrycht M. J. 1998a. Die Kultur der Steppengebiete und die Beziehungen zwischen Nomaden und der sesshaften Bevölkerung (Der arsakidische Iran und die Nomadenvölker) In: Wiesehöfer J. (Hrsg.) Das Partherreich und seine Zeugnisse. The Arsacid Empire: Sources and Documentation. Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27.–30. Juni 1996). Stuttgart (Historia-Einzelschriften. Ht. 122). S. 11–43.
- Olbrycht M. J. 1998b. Parthia et ultiores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München.
- Olbrycht M. J. 1999. The Significance of the Arsacid Kingdom in the History of Central Asia In: Массон В. М. (ред.). Изучение культурного наследия Востока: Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Междунар. конф. в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.). СПб. P. 101–104 (Археологические изыскания. Вып. 61).
- Olbrycht M. J. 2000. Central Asia and the Arsacid Kingdom // Березкин Ю. Е. (ред.). Взаимодействие культур и цивилизаций: В честь юбилея В. М. Массона. СПб. (Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия. Вып. 1). P. 177–193.
- Seel O. 1972. M. Ivniāni Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi Accedunt Prologi in Pompeium Trogum. Stuttgart.
- Shahbazi A. Sh. 1994. The Parthian Origins of the House of Rustam In: Bulletin of the Asia Institute. Vol. 7 [1993]. P. 155–163.

Sprengling M. 1940. Shahpuhr I, the Great on the Kaabah of Zoroaster (KZ) In: The American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago. Vol. 57/4. P. 341–429.

Wolski J. 1969. Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran im 3. Jh. v.Chr. In: Altheim F. Rehork J. (Hrsg.). Der Hellenismus in Mittelasiien. Darmstadt. S. 188–254.

АПАРНЫ В ИСТОРИИ АРШАКИДОВ

М. Я. Ольбрыхт

Жешувский университет, Жешув, Польша

Ключевые слова: *апарны, дахи, Парфия, Страбон, Абаршахр, Иран.*

В ранней истории Аршакидов особую роль играл кочевой народ апарнов (парф. **Aparna*), входивший в состав дахской племенной конфедерации. Только два классических автора знают об апарнах в Средней Азии — Страбон и Птолемей. У апарнов аршакидского периода в пределах Хорасана был крупный политический центр. Понятие «Абаршахр», подтвержденное надписью Шапура I (ŠKZ), происходит от названия **Aparna* и включает в себя двойное значение: во-первых, территория апарнов; во-вторых, страна на восточной окраине Сасанидской империи.

ГОСУДАРСТВО КАНГЮЙ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ, ПАЛЕОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

А. Н. Подушкин

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-165-168

Ключевые слова: *Кангюй, арысская культура, археологические комплексы, прото-содийское письмо, нумизматика, хронология.*

Археологический контекст. В рамках программы «Археологические и письменные памятники государства Кангюй (Канцзюй) II в. до н. э. — IV в. н. э.» продолжают исследования эталонных памятников арысской культуры Южного Казахстана (Podushkin 2013), включая опорное городище Культобе, новое крупное городище Ушбастобе, а также катакомбные могильники Культобе и Кылышжар. В результате получены полноценные комплексы, позволяющие дополнить информацию о государстве Кангюй, его роли в экономической, этно-социальной и политической истории региона Центральной Азии, а также его участия в миграционных процессах и международных контактах на северной ветви Великого Шелкового пути (Подушкин 2015).

В этом плане представляет интерес материал из городища Ушбастобе, который включает: керамический комплекс (сотни сосудов различного функционального назначения), земледельческие орудия труда из камня, металла, кости (зернотерки и песты, жернова; серпы с костяными ручками), оружие (железные наконечники стрел, костяные накладки на сложно-составной лук), украшения и предметы быта (сурьматаши, железные ножи, иглы; рис. 1, 1–13). Отметим прочерченные на сосудах и объемно вылепленные антропоморфные, зооморфные изображения, а также многочисленные тамгообразные кангюйско-сарматские знаки на керамике (рис. 1, 1).

Выделяются и катакомбные археологические комплексы: качественная керамика местного производства, полные комплекты дистанционного (лук, стрелы) и клинкового (мечи, кинжалы, боевые ножи) вооружения, украшения (наборные ожерелья, браслеты из бус

Рис. 1. 1-13 — городище Ушбастобе, археологический комплекс (1-3, 6 — без масштаба); 14-16 — городище Культобе, палеолингвистический материал; 17 и 18 — кушанская и раннеачская медные монеты

и подвесок), бытовые и ритуальные артефакты (бронзовые зеркала и каменные сурьматаши к ним; курильницы и амулеты). Эти комплексы имеют кангюйско-сарматское и суннуское происхождение.

Материалы городища Культобе связаны с находками керамики (в том числе со знаками кангюйско-сарматского круга), некоторыми значимыми артефактами (бронзовый амулет-подвеска в виде человеческой фигуры), причем в одном культурном слое одновременно были зафиксированы хум с сарматским знаком на плечике, фрагмент письма № 16 и кушанская медная монета.

Палеолингвистический контекст. Эталонный объект арысской культуры Южного Казахстана городище Культобе известно тем, что здесь обнаружено уникальное прото-согдийское (кангюйское) письмо на керамических кирпичих-таблицах, аналогов которому в Центральной Азии пока нет. Письмо прочитано Н. Симс-Вильямсом, который определяет его как созданное на арамейской алфавитной основе (с использованием идеограмм), и маркирующее один из восточных диалектов древнего иранского языка (Sims-Williams 2009). При этом подлинное назначение фрагментов текстов этого письма пока не определено, отмечены только варианты (архивное, демонстрационно-информационное). Письмо как автохтонный и абсолютно новый на фоне ханьских хроник письменный источник несет ценнейшую информацию историко-культурного, социального и этнического содержания о некоторых древних государствах Центральной Азии и Казахстана (Кангюй, Согдиана и Чач). Палеолингвистический материал, полученный на городище Культобе, в течение 2013–2018 гг. пополнился тремя фрагментами (№ 15–17), включающими 25 читаемых и реконструируемых знаков, оформленных в семь «строк». Отметим неординарность фрагмента № 17, где текст обрамлен особой рамкой (рис. 1, 14–16).

Нумизматический контекст. Нумизматические материалы для региона Южного Казахстана в период существования государства Кангюй (II в. до н. э. — IV в. н. э.) — крайне редкое явление. При раскопках арысских городищ Культобе и Ушбастобе (долина р. Угам), в их культурных слоях впервые найдены две медные монеты. Первая (культобинская) монета по метрическим, сюжетно-иконографическим составляющим и тамге, относится к раннему чекану Великой Кушанской империи и связана с именем правителя Вима I Такто («Soter Megas» с титулом «царь царей, великий спаситель», середина — вторая половина I в. н. э.; рис. 1, 17).

Параметры второй (ушбастобинской) монеты позволяют уверенно отнести ее к чекану одного из правителей раннего Чача (Ташкентский оазис) и датировать первыми веками нашей эры (рис. 1, 18).

Таким образом, перечисленные материалы иллюстрируют соответствующий уровень развития экономических и культурных отношений в Кангюй, проясняют политические и этно-социальные контакты этого государства с другими древними государствами и союзами племен в Центральной Азии. Наличие письменности, монетного обращения говорят о высокой степени развития цивилизации в Кангюй, который играл важную роль в системе Великого Шелкового пути.

Указанные материалы позволяют решать вопросы локального характера, например, обнаружение монеты чекана Вима I Такто в Южном Казахстане свидетельствует о том, что северо-восточные границы Великой Кушанской империи простирались в то время до Кангюй (Ставиский 1961: 110–114). Это объективно предполагает наличие экономических, культурных, и, возможно, и политических контактов между двумя мощными государствами древности.

Кроме всего, эти материалы уточняют хронологию как кангюйских культурных слоев, так и датировку протосогдийского письма на ключевых памятниках арысской культуры, причем эта датировка укладывается в рамки середины — второй половины I в. н. э.

Литература

Подушкин А. Н. 2015. Археология Казахстана и современность: основные открытия и перспективы // ЗВОРАО. Новая серия. Т. 3 (28). С. 639–653.

Ставиский Б. Я. 1961. О северных границах Кушанского государства // ВДИ. № 1. С. 108–114.

Podushkin A. 2013. Der Staat der Kangju aus Sicht der Archäologie. In: Stöllner Th., Samasev Z. (Hrsg.). Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26 Januar bis zum 30 Juni 2013. Bd. 2. Bochum. P. 793–809.

Sims-Williams N. 2009. The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary // Тр. Центрального музея: музейное дело, история, этнология, фольклористика, археология, антропология историография, источниковедение, нумизматика. Алматы. Т. 2. С. 153–171.

THE KANGYUY STATE IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL, PALEOLINGUISTIC AND NUMISMATIC DATA

Alexander N. Podushkin

South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

Keywords: *Kangyuy, Arys culture, archaeological complexes, Proto-Sogdian writing, numismatics, chronology.*

The paper deals with the complex analysis of new materials obtained as a result of excavations at monuments of the Arys culture of Southern Kazakhstan, which shed more light on the Kangyuy state (2nd century BC to 4th century AD) in archaeological, paleolinguistic and numismatic contexts. The archaeological complexes (ancient settlements, funerary catacomb-type monuments, inscriptions written on ceramic bricks-tables, coins) illustrate an appropriate level of the development of economic, cultural and ethno-social relations in Kangyuy. This realm played an important role in the Great Silk Road system and had stationary international political and economic contacts with other ancient states and tribal unions in the Central Asian region in the first centuries AD. The new materials have clarified the chronology of the Kangyuy cultural layers and as well the dating of the Proto-Sogdian writing on the key monuments of the Arys culture, which fit into the framework of the middle — second half of the 1st century AD.

ГОРОДИЩЕ УШБАСТОБЕ — НОВЫЙ ЦЕНТР ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

А. В. Донец*, А. Н. Подушкин**, Б. А. Раев***

* *Историко-краеведческий музей Южно-Казахстанской обл., Шымкент, Казахстан;*

** *Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Казахстан;* *** *Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-168-171

Ключевые слова: *Южный Казахстан, городище, планировка, железоплавильные печи.*

Городище Ушбастобе находится в 1,1 км к ВСВ от пос. Угам в долине одноименной реки. Исследование памятника начато в 2013 г. и продолжается до настоящего времени на центральной площадке цитадели. Итоги работ на городище были изложены в ряде публикаций, посвященных как общей характеристике памятника (Подушкин и др. 2013а; Подушкин и др. 2014а; Подушкин 2015), так и отдельным находкам из слоя (Подушкин и др. 2013б; Подушкин и др. 2014б).

Городище располагается на мысу, образованном склоном террасы к пойме реки и безымянным саем, прорезающим террасу к 3 от городища, и состоит из цитадели, рабада и нескольких рвов.

Ров 1 отрезает городище от террасы, ограничивая его с В, ЮВ, и СВ. Ров 2 находится к ЮВ от рва 1, будучи отделенным от него перешейком шириной 18–20 м и длиной более 100 м, причем направление оси рва 2 параллельно оси рва 1. В ЮЗ части перешейка в 2014 г. был заложен раскоп, выявивший на глубине 0,40–0,45 м контуры трех железоплавильных печей, из которых полностью исследована печь 1.

Впущенная в материк на 0,6 м она имеет в плане округлую форму, а в разрезе — колоколовидную. Ее стенки выложены уложенными спиралью снизу вверх глиняными лентами, которые дополнительно были обмазаны глиной. Стенки утолщаются от дна к верху

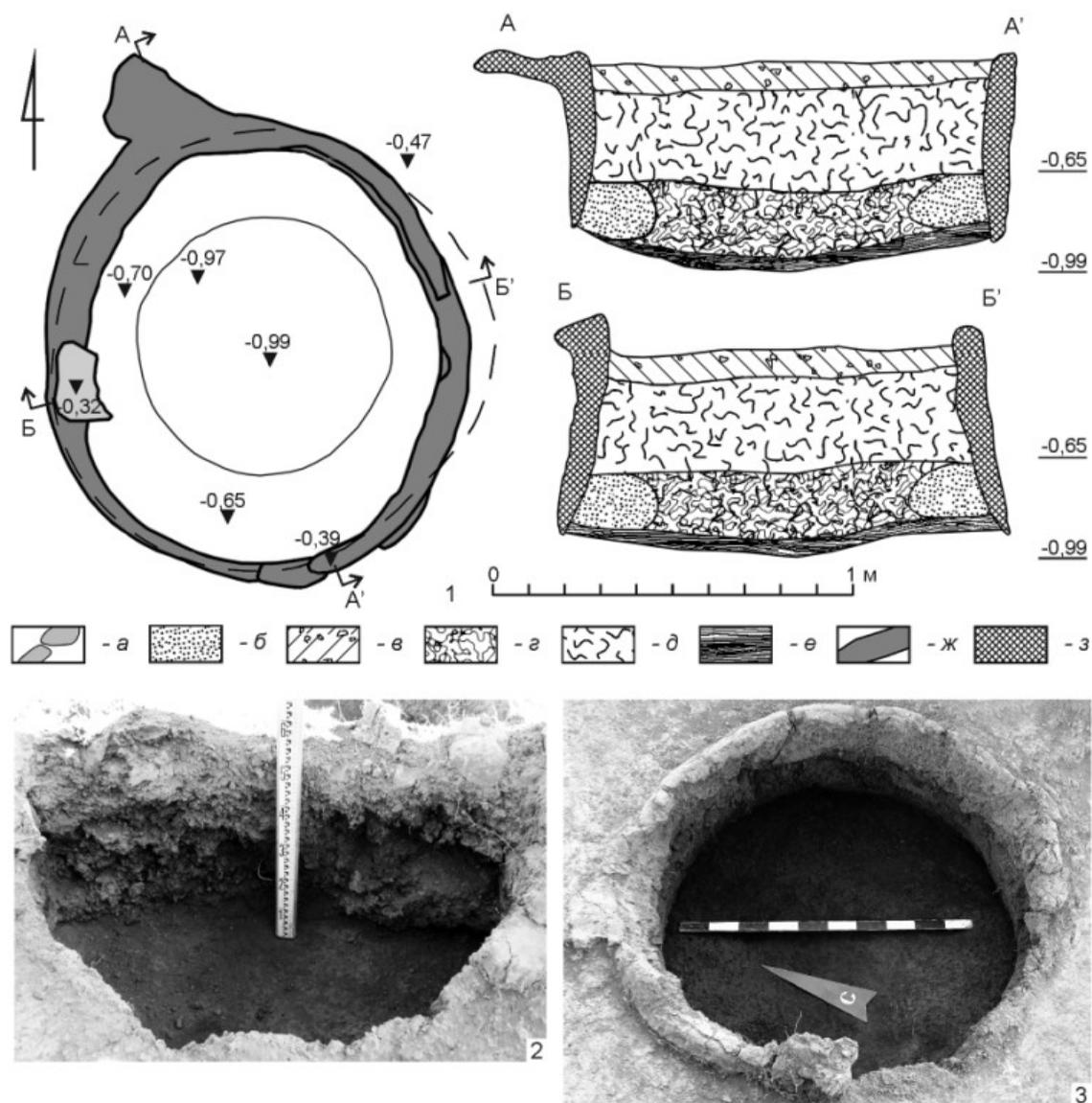

Рис. 1. Городище Ушбастобе, Южно-Казахстанская обл., раскоп 3 (2014 г.), железоплавильная печь 1: 1 — план и разрезы (а — камни; б — глина с угольками; в — рухнувший свод; г — плавленная крица; д — спекшийся шлак; е — древесный уголь; ж — пахса [план]; з — пахса [разрез]); 2 — заполнение, вид с ЮВ; 3 — общий вид после расчистки заполнения, вид с ЮЗ

от 3–4 см до 12 см у верхнего устья печи (рис. 1). В ее СЗ части устроен продух для подачи воздуха, от которого сохранилась нижняя часть (дно).

Заполнение печи от верха к дну включает (рис. 1, I, разрезы): слой гумусированного суглинка желто-серого цвета с камнями, деталями рухнувшего свода стен и шлаками (толщина 0,15 м); спекшийся монолитом слой пережженного сырья и древесного угля (шлак) (толщина 0,30 м); остатки крицы, просевшей в пережженную глину с черной древесной золой (толщина 0,15–0,20 м). Вдоль стен ямы прослежен валик (0,15 × 0,20 м) из глины с угольками, отделяющий верхнюю часть, куда загружалось сырье, от нижней, куда стекал металл; прослойки непрогоревшего и неспекшегося с железорудным сырьем древесного угля (толщина 2–3 см).

В этой печи обнаружены остатки древесного угля. Можно предположить также использование каменного угля: выходы пластов которого обнаружены на противоположном берегу р. Угам, в прямой видимости от холма Ушбастобе. С точки зрения обнаружения источников сырья особый интерес представляет серия ям разного диаметра и глубины на дне рва 2.

Отметим продуманное расположение печей: они находятся на узком перешейке между рвами и надежно отделены от жилой части городища и от залесенной террасы. Такая планировка производственной зоны минимизировала риски распространения пожара (в случае его возникновения) на жилую часть поселения и на окружающие леса.

Представляется, что городище Ушбастобе выполняло две важные функции: фланкировало проход в долину на ее восточной границе и являлось ремесленным центром первичной выплавки железа. Отсюда крицу переправляли ремесленникам поселений равнинной части региона для дальнейшей обработки и изготовления металлических орудий и оружия.

Литература

- Подушкин А. Н., Сулейманов Р. Х., Раев Б. А., Рустемов А. А., Донец А. Г., Белов М. А. 2013а. Археологические работы в Угамском урочище в 2013 г. // Тр. ФИАМ. Астана. Т. 2. С. 140–155.
- Подушкин А. Н., Раев Б. А., Белов М. А. 2013б. Знаки на керамике городища Ушбастобе (Южный Казахстан) (по материалам исследований 2013 года) // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы Междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар. С. 117–121.
- Подушкин А. Н., Раев Б. А., Белов М. А., Рустемов А. А., Донец А. Г., Шымырбеков М. Л. 2014а. Археологические исследования в Угамском урочище в 2014 году // Тр. ФИАМ. Астана. Т. 3. С. 144–166.
- Подушкин А. Н., Раев Б. А., Донец А. Г. 2014б. Керамика городища Ушбастобе (к вопросу о связях Южного Казахстана с Причерноморьем) (по материалам раскопок 2013 года) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 6. С. 65–76.
- Подушкин А. Н. 2015. Угамская долина Сайрам-Угамского национального природного парка в историко-культурном и археологическом контекстах // Сайрам-Угамский государственный национальный природный парк. Шымкент. С. 138–150.

THE USHBASTOBE SETTLEMENT — A NEW CENTER OF IRON-SMELTING PRODUCTION IN SOUTHERN KAZAKHSTAN

Andrey V. Donets*, Aleksandr N. Podushkin**, Boris A. Raev***

* *Museum of Regional History of South Kazakhstan, Shymkent, Kazakhstan*; ** *South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan*; *** *Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-upon-Don, Russia*

Keywords: South Kazakhstan, ancient settlement, planning, iron-smelting kilns.

The Ushbastobe settlement is situated in the Ugam river valley (Southern Kazakhstan) on the edge of the river terrace, and consists of a citadel located on a cape spur, and a residential area (*rabad*) surrounded by deep ditches that isolate the settlement from a terrace from southeast, east and northeast.

Archaeological works of 2013–2018 revealed at the settlement three functionally different zones: the citadel, where the warehouse was situated; the residential area; an area between the ditches 1 and 2. Excavations at the last one unearthed three round-shaped melting kilns separated from the residential part and a forested slope of the terrace by the ditches with the aim to minimize any risk of the spreading of fire in case of its occurrence. When smelting the ball iron there was used both coal and charcoal, the outlets of which are located near Ushbastobe. As a source of raw materials for iron-smelting production of big interest is a series of pits of different diameters and depths at the bottom of the ditch 2.

In addition to controlling a pass to the river valley, the Ushbastobe settlement played a significant role as a center of primary iron-smelting.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ХРИСТИАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

А. А. Михеева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-171-174

Ключевые слова: Центральная Азия, раннее средневековье, христианство, погребальная традиция, характеристика погребального обряда, архивная работа, личный архив Л. Р. Кызласова.

Актуальность представленной темы обусловлена необходимостью пересмотра известных на настоящий момент археологических памятников, свидетельствующих о погребальном обряде христиан Центральной Азии начиная с IV в. до начала XIII в. Учитывая небольшое количество памятников, их территориальный и хронологический разброс, необходимо, по мере возможности, выявить особенности и закономерности в христианской погребальной практике.

Изучение этого вопроса начинается с конца XIX в., когда впервые Ф. В. Поярковым и В. А. Андреевым в Семиречье, около Пишпека (ныне Бишкек) и Токмака были обнаружены надгробные камни с сирийскими надписями и крестами (Пантусов 1886; 1887; Дресвянская 1968: 4; Кольченко 2018: 79–95). В начале XX в. В. Каллауром в Джамбуле (совр. Тараз) были обнаружены захоронения, частично раскопанные и изученные в 1927 г. М. Е. Массоном. Выяснилось, что в погребениях при обкладке могил использовали жженный кирпич, на одном из которых, расположенном в изголовье умершего, был изображен рисунок, напоминающий монограмму Христа. Исходя из этого и ряда других оснований М. Е. Массон пришел к выводу, что данные захоронения можно считать христианскими (Ремпель 1957: 109; Дресвянская 1968: 10–11). В 1954 г. в Киргизии было открыто кладбище при церкви на городище Ак-Бешим (Кызласов 1959). Отдельные захоронения христиан были открыты также недалеко от Самарканда, на городище Дурмен-тепа (Наймарк 1991; Шишкина 1994) и на могильнике Дашти-Урдакон в Таджикистане (Беленицкий и др. 1976: 217–218; 1981: 149, 177–178; Распопова 2014: 155–158). При охранных раскопках в Самарканде на площади Регистан были выявлены надгробные сооружения с христианскими символами (Бурякова, Буряков 1973: 209–211). В Туркмении к вопросу о христианских захоронениях на территории Древнего Мерва обращалась Г. Я. Дресвянская (1989). Однако вопрос принадлежности отдельных захоронений некрополя к христианскому культу до сих пор остается открытым (Михеева (Китаева) 2017: 304).

Отдельно упомянем об открытии оссуарных захоронений с вырезанными или прорезанными крестами на стенках этих оссуариев и хумов (Пенджикент, Миздакхан, Ак-Бешим (объект III) (Ягодин, Ходжайов 1970: 145–155; Кызласов 2006б: 314–322). Можно ли считать эти захоронения христианскими, учитывая, что оссуарный обряд характерен для зороастрийского культа, или это скорее манихейская традиция (Кызласов 2006а)?

В работе вводятся в научный оборот материалы из личного архива Л. Р. Кызласова о раскопках церкви с кладбищем на городище Ак-Бешим (Козенкова 1954: 109–123). При первой публикации в 1959 г. была дана краткая информация о кладбище. Работа же с архивными материалами позволила уточнить высказанные ранее выводы и предложить новые интерпретации материала. Также была проведена исследовательская работа в Архиве Гос. Музея Востока, по раскопкам на городище Дурмен-тепа. В рукописном архиве ИИМК РАН были просмотрены отчеты по раскопкам на могильнике Дашти-Урдакон. В архиве ИА РАН, помимо личного архива Л. Р. Кызласова, исследован материал по раскопкам на Байрам-алинском некрополе.

По результатам проделанной работы можно сделать следующие выводы. Остается спорным вопрос об интерпретации захоронений в Джамбуле (ныне Тараз) и на Байрам-алинском некрополе. Принадлежность оссуарных захоронений христианскому культу до настоящего времени также не ясна. Тем не менее, некоторые признаки, характерные именно для христианского захоронения по обряду труположения, выделить можно: христиан хоронили в могильных ямах, при этом строительная конструкция ямы сильно варьировалась; ориентацию положения тела соблюдали строго — с запада на восток; умершего укладывали в деревянный гроб или просто в могилу; отмечено, что часто в изголовье покойника клали кирпич-подушку; как правило, христианские погребения были безынвентарные, за исключением нательных крестов или украшений. Хронологически вышеприведенные признаки христианского захоронения на территории Средней Азии прослеживаются не ранее VII в. (Михеева (Китаева) 2017: 303).

Предложенная характеристика христианского обряда погребения не сильно отличается от классического обряда захоронения христианина, известного по письменным источникам (Владимирский 1870а; 1870б; 1870в). Учитывая традиционность и консервативность погребального обряда в целом (Никитина 1985: 3), можно предположить, что пришлые христиане просто продолжили свою традицию в новой среде обитания. При этом все же необходимо учитывать возможное влияние местного населения и небольшое общее количество раскопанных археологических памятников.¹

Литература

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. 1982. Раскопки Древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. Вып. 16. С. 197–221.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. 1981. Раскопки Древнего Пенджикента в 1981 г. // АРТ. Вып. 21. С. 149–185.

Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. 1973. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969–1971 гг.) // Афраси-аб. Ташкент. Вып. 2. С. 209–211.

Владимирский В. 1870а. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 1. С. 38–50.

Владимирский В. 1870б. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 2. С. 46–55.

¹ Выражаю особую благодарность за возможность работы с архивными материалами: И. Л. Кызласову (ИА РАН), С. Б. Болелову (Гос. музей Востока), В. П. Никанорову (ИИМК РАН) и сотрудникам архивов ИА РАН, Гос. музея Востока и рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН.

- Владимирский В. 1870в. Погребение у древних христиан // Душеполезное чтение. Ч. 3. С. 201–209.
- Дресвянская Г. Я. 1968. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: Дис. ... канд. ист. наук. В 2-х т. Ташкент.
- Дресвянская Г. Я. 1989. Некрополь Старого Мерва // Массон М. Е. (ред.). Древний Мерв. Ашхабад. С. 122–163. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 19).
- Кольченко В. А. 2018. Кыргызстан // Искандерова А. (ред.). Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд. Вып. 4. С. 48–103.
- Козенкова В. И. 1954. Отчет о раскопках объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. // НОА ИА РАН. Личный фонд Л. Р. Кызласова. Ф. 37. Папка 38.
- Кызласов Л. Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–54 гг. // Дебец Г. Ф. (ред.). Тр. ККАЭЭ. М. Т. 2. С. 231–233.
- Кызласов Л. Р. 2006а. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2. С. 138–150.
- Кызласов Л. Р. 2006б. Тюрко-согдийский город Суяб — столица Западно-тюркского каганата // Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М. С. 219–354.
- Михеева (Китаева) А. А. 2017. К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва: история взглядов и комплексный подход к изучению памятника // КСИА. Вып. 247. С. 296–313.
- Наймарк А. И. 1991. Могильник Дурмен // Культура и искусство Древнего Узбекистана: Каталог выставки. М. Кн. 2. С. 165–168.
- Никитина Г. Ф. 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Пантусов Н. Н. 1886. Христианское кладбище близ г. Пишпека в Чуйской долине // Розен В. Р. (ред.). ЗВОРАО. СПб. Т. 1. С. 74–83.
- Пантусов Н. Н. 1887. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища. СПб. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1884. № 406. С. 1–7.
- Распопова В. И. 2014. Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Алёшкин В. А. и др. (ред.). Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929–19.02.2010). С. 154–160 (Тр. ИИМК РАН. Т. 42).
- Ремпель Л. И. 1957. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69. С. 102–110.
- Шишкина Г. В. 1994. Несторианское погребение в Согде самаркандском // Жукова Л. И. (ред.). Из истории древних культов. Христианство. Ташкент. С. 56–63.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. 1970. Некрополь Древнего Миздахкана. Ташкент.

THE FUNERARY RITES OF THE CHRISTIANS OF CENTRAL ASIA IN PRE-MONGOL TIMES

Anna A. Mikheeva

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Central Asia, Early Middle Ages, Christianity, funerary tradition, characteristics of funeral rites, archival work, L. R. Kyzlasov's personal archives.

Based on working with materials from the famous archaeological sites, the author works out the issues of generalization, systematization and identification of the characteristic signs of the funeral rites of the Christians who lived in early medieval and medieval times within the historical-cultural regions of Central Asia. She introduced into scientific circulation the materials from the personal archives of L. R. Kyzlasov, the archives of the Institute of Archaeology of the RAS, the archives of the State Museum of

the East and the manuscript archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. As a result, it proved to be possible to identify the main characteristic features of the burial rites of the Christians of Central Asia, which in whole did not differ much from the classical rites of the burial of a Christian, known from written sources.

ХРОНОЛОГИЯ БОРИЖАРСКОГО МОГИЛЬНИКА

А. А. Ержигитова*, А. И. Торгоев**

* *Историко-краеведческий музей Южно-Казахстанской обл., Шымкент, Казахстан;*

** *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-174-175

Ключевые слова: Южный Казахстан, Борижарский могильник, хронология, грунтовые ямы, катакомбы, наземные склепы.

Борижарский могильник находится в Южном Казахстане, в среднем течении р. Арысь, правом притоке р. Сырдарья и является здесь крупнейшим погребальным комплексом. В могильнике, насчитывающем более 2000 погребальных сооружений, исследовано более 100 разновременных погребальных комплексов.

Самыми ранними погребениями Борижарского могильника следует считать погребения в грунтовых ямах. По сохранившемуся инвентарю эти погребения могут датироваться II в. до н. э. — I в. н. э. Известен случай, когда катакомба Т-образной схемы прорезает такое погребение.

Следующим типом захоронения являются катакомбы Т-образной схемы, появление которых следует относить ко времени не ранее середины — конца II в. н. э. Основной блок катакомб этого типа относится к III–IV вв. н. э.

На рубеже IV–V вв. катакомбы Т-образной схемы сменяются наземными склепами. Наиболее ранние склепы были несколько углублены в землю. Склепы, предназначенные, как и ранее катакомбы, для коллективных захоронений, обычно представляли собой прямоугольную паховую постройку со входом. Все склепы в разной степени ограблены. В некоторых склепах не найдено даже костей, однако в ряде склепов сохранились представительные серии материала для датировки этих погребальных сооружений.

Помимо однокамерных известно несколько двухкамерных склепов, существовавших короткий промежуток времени (V–VI вв.). Из них происходит довольно значительный по объему материал, в том числе и большинство ювелирных украшений. Позднее VI в. двухкамерные склепы пока неизвестны.

Однокамерные склепы, разнящиеся между собой размерами и сохранностью, существуют вплоть до конца VII в. Также не исключено, что последние по времени склепы перестали использовать в начале VIII в., но это предположение основано лишь на косвенных данных.

Городище Джуван-тобе, некрополем которого считаются склепы Борижарского могильника, погибло в большом пожаре в середине — третьей четверти VIII в. В последний период существования городища Борижарский могильник уже не использовали для погребений, и где в это время хоронили умерших жители указанного поселения — неизвестно.

CHRONOLOGY OF THE BORIZHAR BURIAL GROUND

Aisulu A. Erjigitova*, Asan I. Torgoev**

* *Local History Museum of the Southern Kazakhstan Region, Shymkent, Kazakhstan;*

** *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

Keywords: Southern Kazakhstan, Borizhar burial ground, chronology, ground pits, catacombs, above-ground crypts.

The Borizhar burial ground is the largest burial complex in Southern Kazakhstan, with more than 2000 burial structures, of which more than 100 have been explored. The paper deals with its chronology. The earliest burials are ground pits (2nd century BC — 1st century AD). They were followed by T-shaped catacombs (mid-2nd — 4th centuries AD). At the turn of the 4th–5th centuries the catacombs of the T-shaped scheme were replaced by above-ground crypts that since the 5th century became the main kind of the burial structures at Borizhar and existed there up to the turn of the 7th and 8th centuries.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАВЕРАННАХРА (VII — НАЧАЛО VIII В.)¹

Д. Абдуллоев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-175-178

Ключевые слова: Авеста, Видевдат, Мавераннахр, зороастризм, склеп, оссуарий, ката, дахма, астадан.

В настоящее время, опираясь на археологические материалы, в погребальном обряде оседло-земледельческого населения Мавераннахра (VII — начало VIII в.) можно выделить два типа погребальных сооружений. Первый тип представлен наземными склепами, воздвигнутыми из сырцового кирпича и блоков пахсы. Они имели прямоугольную, реже квадратную и крестообразную планировку, часто со сводчатым, иногда с плоским или купольным перекрытием. Склепы были однокамерными (видимо, семейная усыпальница) (рис. 1, 1), двухкамерными или многокамерными (вероятно, усыпальница большого рода) (рис. 1, 2). Судя по археологическим данным, этот тип погребальной постройки был широко распространен в Мавераннахре в рассматриваемое время: склепы некрополей Байрам-Али в Мерве (Ершов 1959), Миздахкан (Ягодин, Ходжайов 1970: 144–150) и Ток-кала в Хорезме (Гудкова 1964: 90–110), Шураб курган в Тохаристане (Абдуллоев 2015), Пенджикент (Ставиский и др. 1953; Маршак и др. 2006: 50–65) в Согде, Пскентские (Буряков 1968: 131–136) и Ахангаранские (Агзамхаджаев 1962) склепы в Чаче. Второй тип склепов представлен сооружениями, вырубленными в песчаных холмах и горных склонах (рис. 1, 3, 4). Они встречаются лишь в горных местностях. К ним относятся Биттепинские склепы в Тохаристане (Ртвеладзе 1986) и Куркатские в Уструшане (Мирбабаев 1994: 5–35) склепы. Для обоих типов погребальных построек характерны два способа захоронения. Первый способ отличается захоронением предварительно очищенных костей покойника в керамических, каменных и алебастровых гробиках с крышкой. Эти гробики известны в археологической науке как оссуарии. Они имеют различную форму, ширина их варьирует от 20 до 30 см, а длина — от 45 до 50 см. Большинство гробиков, включая крышки, были богато украшены рельефами и росписью. На некоторых указаны имена покойников и даты их смерти. Гробики с очищенными костями человека и сопровождающим погребальным инвентарем помещали на суфах склепов. В каждом склепе покоились остатки 10–12 человека разного пола и возраста. Этот способ погребения представлен

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

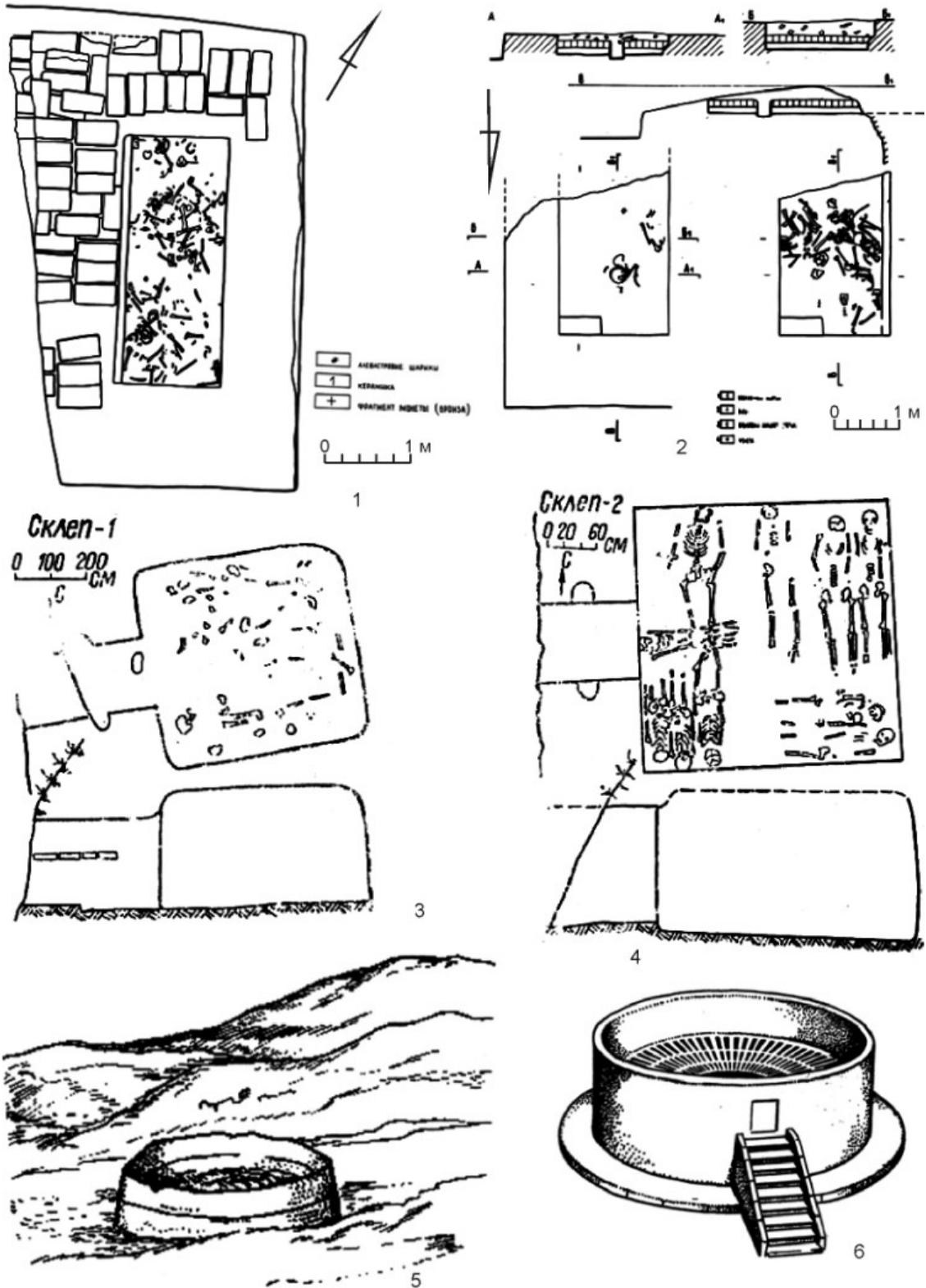

Рис. 1. Типы склепов в Мавераннахре (VII — начало VIII в.): 1, 2 — наземные склепы (1 — однокамерные; 2 — двухкамерные и трехкамерные); 3, 4 — склепы, вырытые в песчаных холмах и вырубленные в горных склонах. 5, 6 — дахмы: 5 — зороастрийская «Башня молчания» возле Рея; 6 — «Башня молчания» на Малабарском холме возле Бомбея

на некрополях Древнего Пенджикента, Кафыр-калы вблизи Самарканда в Согде, Пскента и Ахангарана в Чаче, Миздахкана и Ток-калы в Хорезме, Курката в Уструшане и Байрам-Али в Мерве. Второй способ захоронения характеризуется труположением покойника на полу склепа в положении на спине и в сопровождении погребального инвентаря. Второй способ погребения зафиксирован как в склепах первого типа (Древний Пенджикет в Согде, Шураб-курган в Тохаристане), так и в склепах второго типа (Бит-тепе в Тохаристане).

Таким образом, судя по археологическим данным, в Мавераннахре в VII — начале VIII в. представлены два типа погребальных построек, для которых характерны два способа захоронения.

Сравним археологические материалы со сведениями письменных источников. Известно, что христиане своих покойников хоронят в гробах в могильных ямах. Мусульмане также хоронят своих умерших в могильных ямах, заворачивая тела в саван и укладывая лицом в сторону Мекки. В Центральной Азии, так же как и в Иране до принятия ислама, исповедовали зороастризм. Согласно учению пророка Заратуштры, смерть является злом и труп считался наделенным нечистой силой. В зороастризме четыре природных стихии — огонь, воздух, вода и земля — являлись священными. Поэтому зороастризм категорически запрещал захоронение человека в могильной яме, так как труп, соприкасаясь с землей, осквернял эту природную стихию. Согласно Видевдата — священной книги зороастрийцев, для каждого этапа погребального обряда существовали специальные постройки. Вначале тело переносили в помещение, которое называлось «ката». Ката служила для оставления трупа в тех случаях, когда его нельзя было сразу же перенести на дахму (рис. 1, 5, 6). Дахма является сооружением, на котором оставленное тело терзали обученные хищные птицы. Кости оставались в дахме около года, после чего их собирали и помещали в астадан, то есть костехранилище (Иностранцев 1909; Хисматулин, Крюкова 1997: 169–263).

Таким образом, сравнивая археологические материалы с данными письменных источников, можно сказать, что погребальный обряд оседло-земледельческого населения Мавераннахра в VII — начало VIII в. был зороастрийским. Склепы, в которых наблюдается способ захоронения по обряду труположения, возможно, одновременно выполняли функцию и дахм, и астаданов. Склепы, в которых обнаружены гробики, содержащие предварительно очищенные кости покойника, бесспорно, являлись астаданами.

Литература

- Абдуллоев Д. 2015. Раскопки некрополя городища Шуробкурган на юге Узбекистана // ЗВОРАО. Новая серия. Т. 3. С. 11–22.
- Агзамхаджаев Т. 1962. Ахангаранские наусы близ Чирчика // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент. Вып. 3. С. 20–35.
- Бураков Ю. Ф. 1968. Пскентские наусы // СА. № 3. С. 131–142.
- Гудкова А. В. 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Ершов С. А. 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Т. 5. Ашхабад. С. 45–60.
- Иностранцев К. А. 1909. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Ч. 20. С. 95–121.
- Маршак Б. И., Распопова В. И., Абдуллоев Д., Хасанов М. Х., Шкода В. Г. 2006. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2005 году. СПб.

Мирбабаев А. 1994. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в северной Средней Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе.

Ртвеладзе Э. В. 1986. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. № 4. С. 194–209.

Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. 1953. Пенджикентский некрополь // Якубовский А. Ю. (ред.). Тр. Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж. ССР и ГЭ. Т. 2. 1948–1950 гг. М.; Л. С. 64–98 (МИА. № 37).

Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю. 1997. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.

Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.

FUNERARY RITES OF THE SETTLED AGRICULTURAL PEOPLE OF TRANSOXIANA IN THE 7TH — EARLY 8TH CENTURIES

Davron Abdulloev

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Avesta, Vendidad, Transoxiana, Zoroastrianism, crypts, ossuary, kata, dakhma, astadan.*

Funerary rites of the settled agricultural people of Transoxiana in the 7th — early 8th centuries can be divided into two types of funeral buildings — surface crypts, as well as crypts both dug in the sandstone hills and cut in the mountain slopes. In all the types of funeral buildings there observed are two methods of burials. The first method is the burial of previously cleaned bones of the dead in ceramic, stone and alabaster small coffins covered with a lid. The second method is the placement of the deceased's body on the back on the crypt floor, accompanied by funerary equipment. Comparing the archaeological evidence with the data of written sources, one can say that the funeral rites of the settled agricultural population of Transoxiana in those times was Zoroastrian. The crypts with the on-back-placed dead may have simultaneously performed the functions of both the *dakhma* and *astadan*. The crypts, where the burials of previously cleansed bones of the deceased were found in coffins, were undoubtedly *astadans*.

SASANIAN FOOD AND FIBRE INDUSTRIES AT MERV

St. John Simpson

The British Museum, London, Britain

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-178-179

Keywords: *Sasanian, Merv, agriculture, textiles, written sources, archaeological evidence.*

Excavations conducted at ancient Merv (1992–2000) provided many results on the economy of the ancient city. This paper looks at new evidence for the Sasanian food and fibre industries arising from detailed analyses of the excavated environmental remains, the first to be examined from a Sasanian city-site.

Large quantities of seeds prove cotton was a major summer crop already by the Sasanian period, long before the historically attested early medieval industry and contradicts the hypothesis that cotton was only introduced after the Islamic Conquest. The finds prove that Sasanian textile industries were not simply limited to the production of patterned silks. The seventh century Chinese history known as the *Chou-shu* gives a list of Persian products and places “white cotton cloth” along with “damask brocade ... felt, [and] woollen rugs”, perhaps reflecting the fact that undyed cotton gives a purer white than either wool or linen. However, as cotton absorbs dyes better than bast fibres like linen, it is not surprising to see why it would have appealed

to cloth manufacturers. The analysis of faunal remains suggests herding of sheep/goat not only for their meat but also for their wool. The frequency of spindle whorls implies that spinning was a common household activity.

There was also cultivation of bread wheat, emmer wheat, six-row hulled barley, broomcorn millet, lentil, pea, cucumber/melon, almond, peach, grape and hackberry, implying intensive all-year round agriculture and developed arboriculture. Almonds offer a rich source of protein and were a popular export item from Herat according to early medieval accounts. They were represented in the flotation samples as fragmented shells, implying that they had been bought in shelled form. Peach/apricot and vine were represented as woody charcoal, proving them to be local cultivars rather than imported fruits.

Excavated charcoals indicate a variety of local and imported wood and/or charcoal fuels. Some must have been local and this applies to the ash, elm, maple and plane: these probably also supplied the poles used in construction as the excavated buildings were originally single-storeyed with flat roofs. Plane trees are also grown to offer shade and pollen core evidence from lake Maharlou (Fars) indicates an increase in the cultivation of plane trees between then and the Sasanian period. Other fuels derived from local orchards as there was evidence for apple, peach/apricot and vine. Grapes may have been consumed fresh or dried as raisins but the existence of a wine industry at Merv is mentioned in Classical and later times: given the popularity of wine in the Sasanian empire it is likely that this was a major reason for its cultivation. Other species were probably collected from riverbanks: willow/poplar, tamarisk and black Saxaul, but the Karakum desert beyond was the likely source for white Saxaul. Some of these may have had multiple uses as tamarisk leaves are also used as an analgesic and the probable source of a yellow dye used on a Sasanian woollen textile found in the salt mine near Zanjan in northwest Iran. The presence of pistachio and juniper fuels and hackberry fruits are interesting as the closest source of these would have been the Kopet Dagh, implying a longer-distance trade in fuels as well as presumably nuts and berries.

The evidence indicates that Merv was part of a supply network which extended beyond its immediate rural hinterland and included steppe, piedmont and upland zones and within the oasis irrigation agriculture was highly developed. The archaeological evidence strongly suggests a Sasanian precursor for the elaborate practices described in later written sources. Yazdgerd's murder at a mill near the head of the oasis underlines this as it implies the existence of industrialised agricultural facilities associated with water-powered mills and independently suggested from the Deh Luran, the Kur River and Gorgan plains of Iran.

ПРОИЗВОДСТВО ПИЩИ И ВОЛОКНА В САСАНИДСКОМ МЕРВЕ

Ст.-Дж. Симпсон

Британский музей, Лондон, Великобритания

Ключевые слова: сасанидский Мерв, земледелие, текстиль, письменные источники, археологические данные.

В докладе освещаются результаты исследований окружающей среды по материалам сасанидских элитных контекстов VI/VII в. на территории Эрк-Калы в Старом Мерве. Семена, уголь и кости животных предоставляют дополнительные данные, доказывающие существование высокоразвитой сельскохозяйственной базы города с торговлей определенными продуктами питания из соседних регионов и эксплуатацией лесных ресурсов в Каракумах и речных долинах.

ICONOGRAPHICAL DEVELOPMENTS AND DISTRIBUTION OF THE IRANIAN DEITIES IN CENTRAL ASIA DURING ARSACID AND SASANIAN ERAS

Najme Mahdi

Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-180-181

Keywords: Iconography, Iranian Deities, Zoroastrianism, Central Asia, Arsacid and Sasanian Periods, Kushan and Sogdian Art.

Cultic iconography is of tremendous significance for the study of human beliefs during different historical periods. It shows even greater importance when it comes to supposed “oral societies”, the cultures of which depend mostly on oral traditions, due to the missing or lack of written records. Contrary to Mesopotamian, Egyptian and Greek religions, contemporary texts referring to Iranian religions and cults are extremely scarce and fragmentary; therefore it makes artworks the most important element for cognizing religious and cultural history of pre-Islamic Iranian world. However, in the studies concerning cultic iconography in the ancient times, the Iranian world is almost absent and the iconographic repertoire of Iranian deities has not received much attention.

Despite the always-claimed opinion that the anthropomorphic figuration of deities is not a characteristic of Iranian culture, there are some principal expressions of Iranian deities manifested in precise anthropomorphic forms which cannot be disregarded. This is probably true for the skythians, various deities manifested on the Kushan coins, the gods represented on all sorts of media and locations in Sogdian art and the gods of Zoroastrian Sasanian pantheon. Thus it seems that despite the apparent aniconic trends in the religious art of the Iranian people, the anthropomorphic manifestation of deities is considerably rich especially in Eastern Iran.

The Iranian tradition of pictorial representations, in sharp contrast with ancient Egyptian and Greek ones, was usually not provided with a corresponding text explaining the pictures. Fortunately in this case, there exists the great treasury of Kushan coins, on which all the participants of the extraordinary local pantheon are labeled. The language used on these coins, from Kanishka's reign onwards, is Bactrian, a local Iranian language, which makes it possible to identify the figures represented with the Iranian gods introduced in the extant Zoroastrian texts. This magnificent set of labeled deities makes a unique key for recognizing other figures demonstrated in artworks throughout the vast Iranian world and especially the ones manifested in Sogdian paintings.

The main concern of this paper is to focus on the Iranian motifs and iconographic pantheon demonstrated and identified in the pictorial evidence accumulated from Central Asia. The unique geographic location of this vast area, along the so called “silk road” and at the fringes of rich cultural-political units with strong religious traditions, led to the emergence of a multi-cultural area and therefore flourishing marvelous artworks and outstanding set of religious, artistic and cultural elements of the surrounding civilizations. The material of religious imagery in Central Asia is rather excessive, the first example of which assumable obtained from BMAC (2300–1700 BC). This article therefore will exclusively consider the Arsacide and Sasanian eras and mainly the rich treasury of Kushan, Kushano-Sasanian and Sogdian art.

РАЗВИТИЕ ИКОНОГРАФИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИРАНСКИХ БОЖЕСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В АРШАКИДСКИЙ И САСАНИДСКИЙ ПЕРИОДЫ

Н. Махди

Университет имени Шахида Бехешти, Тегеран, Иран

Ключевые слова: *иконография, иранские божества, зороастризм, Центральная Азия, аршакидский и сасанидский периоды, кушанское и согдийское искусство.*

Иконографические исследования являются одним из важнейших способов знакомства с человеческими мыслями и верованиями в разные исторические периоды. Изучение произведений искусства Центральной Азии доисламского времени из-за их обилия и разнообразия, с одной стороны, и из-за четкого отражения в них религиозных концепций, с другой, имеет очень большое значение. Эти произведения, особенно те, что происходят из двух важных регионов — Согда и Кушанского царства — являются великолепным тому подтверждением. Особое географическое расположение этих культурно-политических образований, а также важность культурных контактов вдоль трасс так называемого Шелкового пути привели к появлению и расцвету некоторых выдающихся и разнообразных художественных образов. Исследуя эти произведения искусства и имеющиеся в них иранские элементы, можно добиться точного понимания представлений древних иранцев относительно их божеств и того, как они изображались в искусстве двух вышеназванных областей. Эта цель была достигнута путем сбора серии произведений искусства из Согда и Кушанской империи, а также при помощи последовательного и систематического изучения религиозных концепций и иконографии иранских божеств на основе библиотечных и описательно-аналитических исследований. В результате было выявлено значительное число образов иранских божеств в древнем центральноазиатском искусстве, которые, что особенно интересно, в некоторых случаях соответствуют их описаниям в зороастрийских письменных источниках. Кроме того, полученные результаты и, в частности, их сравнение с памятниками искусства из западных регионов Ирана, указывают на фундаментальные различия в трактовке иконографии божеств на востоке и западе иранского мира.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ БОЛЬШОЙ КЫЗ-КАЛЫ В МЕРВЕ

М. А. Мамедов

Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-181-182

Ключевые слова: *Древний Мерв, Большая Кыз-кала, датировка.*

Большая Кыз-кала — один из самых известных памятников Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв», внесенного в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Изображения Большой Кыз-калы растиражированы во многих туристических изданиях, ей посвящено большое количество научных исследований и публикаций в периодической печати. В то же время Большая Кыз-кала остается едва ли не самым загадочным объектом Древнего Мерва — некогда одного из самых процветающих среди знаменитых городов на Великом Шелковом пути.

Вопрос о датировке этого уникального сооружения на юге-востоке Туркменистана оставался предметом дискуссий среди исследователей на протяжении более ста лет.

В конце XIX в. профессор Санкт-Петербургского университета, исследователь Древнего Мерва В. А. Жуковский, первым включивший в научный оборот Большую и Малую Кыз-калы, не выдвинул четкой версии о времени их возведения. Однако, обратив внимание на схожесть приема оформления гофрами стен Кыз-калы с гофрами сельджукского башен-

ного мавзолея в Радкане (Иран), предположил, что, возможно, рассматриваемые мервские сооружения также были построены в сельджукский период.

Академик В. В. Бартольд в 1922 г. указал на необходимость подробного изучения среднеазиатских древностей и, в частности, «укрепленных замков дворян-землевладельцев домусульманского периода и первых веков ислама», очертив этим примерные хронологические рамки функционирования построек, подобных Кыз-кала.

Изучая в 1937 г. Большую и Малую Кыз-кала с точки зрения архитектуры (с соответствующими обмерами планов и конструктивных узлов), профессор Ленинградского научно-исследовательского института строительства В. И. Пилявский вначале предложил датировать эти памятники XI–XII вв., затем внес коррективы и датировал их VIII–XII вв.

В 1950-е гг. академик Г. А. Пугаченкова провела тщательное обследование памятников Кыз-кала и Нагим-кала (Мервский оазис) и на основе анализа архитектурно-планировочных и конструктивных особенностей и сопоставления размеров кирпича и строительных приемов датировала их VI–VII вв. Эта датировка на протяжении десятилетий оставалась неизменной.

В конце XX столетия профессор Лондонского университета Дж. Херрманн предположила, что Большая Кыз-кала могла быть построена в VII–IX вв.

Однако все предложенные исследователями в разные годы датировки Большой Кыз-калы строились на догадках или, в лучшем случае, на результатах сравнительного анализа памятника с аналогичными постройками других регионов.

В 2011 г. на Большой Кыз-кале впервые начались масштабные археологические исследования, в результате которых собрано большое количество новых данных, позволяющих глубже познать архитектурно-конструктивную и планировочную структуру этой неординарной постройки. Полученные туркменскими исследователями сведения позволяют датировать начало строительства Большой Кыз-калы концом VIII — началом IX в. и подтверждают проведение различных ремонтных работ объекта на протяжении всего периода бытования, вплоть до начала XIII в.

ON THE DATING OF BIG KYZ-KALA IN MERV

Muhammed Mamedov

National Office for the Protection, Study and Restoration of Historical and Cultural Monuments of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Keywords: Big Kyz-kala, Old Merv, dating.

Big Kyz-kala is one of the most famous monuments of Old Merv, included in the list of UNESCO World Heritage Sites. The question of dating this unique structure in the southeast of Turkmenistan for over a hundred years has remained a subject of debate among the researchers. The first assumptions were put forward in the late 19th century.

In 2011, large-scale archaeological investigations began at Big Kyz-kala for the first time, as a result of which a large amount of new data has been collected. This made it possible to better understand the architectural, structural and planning structure of this extraordinary building. The information obtained by Turkmen researchers allows us to date the beginning of the construction of the Big Kyz-kala with the late 8th — early 9th century, and as well confirm the implementation of various repairs of the object throughout the entire period of its existence, up to the early 13th century.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ КОНЦА КУШАНО-САСАНИДСКОГО ПЕРИОДА В БАКТРИИ¹

В. А. Паршуту

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-183-186

Ключевые слова: Бактрия, Кушано-Сасаниды, Кидариты, документы из Северного Афганистана, письма, источниковедение.

Вадим Михайлович Массон нигде не употреблял термин «Кушано-Сасаниды», но, тем не менее, трактует его вполне в русле современных концепций, утверждая, что Сасаниды при Шапуре I (241–272) закрепились на время в Балхе, а во время Шапура II им пришлось бороться за власть в Бактрии с Кидарой, правителем новых кочевников, пришедших на территорию нынешних Афганистана и Средней Азии. Современные данные, в том числе бактрийские документы Северного Афганистана, часть из которых относится как раз к IV в., во многом подтверждают и расширяют идеи В. М. Массона (Массон, Ромодин 1964: 165–168).

Среди документов на бактрийском языке, найденных в 1990-х гг. в Северном Афганистане, есть серия писем Кушано-Сасанидского периода, делящаяся хронологически на две группы — **вХ** и **сХ**, датируемые соответственно 350-ми и 370-ми гг. н. э. (Sims-Williams, de Blois 2018: 82). Среди группы **сХ** есть одно необычное письмо **ch** (текст и перевод см.: табл. 1). В общих чертах его содержание сводится к следующему: землевладелец Наваз просит правителя Вахшгуля разрешить некоему умирающему Раштену направиться к принцу Ванафару. В случае, если Вахшгуль будет благосклонен, Наваз обязуется быть благодарным ему всю жизнь и поступать так, чтобы господин Вахшгуль был доволен.

Обратим внимание на приветствие, с которым Наваз обращается к Вахшгулю. Среди всех писем того же периода оно самое длинное, а аналогии его второй части не встречаются в бактрийском материале. Уникальная часть приветствия, с середины 5-й строчки и до начала 9-й, выделена **жирным шрифтом**.

Суть его необычности в «славе» — фаро, в которой господин Вахшгуль поддержан богами. Исходя из контекста письма, можно сделать заключение о высоком положении Вахшгуля: он имеет власть над Раштеном, который вряд ли является просто слугой, так как за него просит значительный землевладелец Наваз (о нем см.: Паршуту 2019). Рассмотрим то же словоупотребление в других документах. Ближайший пример — надпись Канишки в Рабатаке:

1. ...βωγο στορυο κανηρκε ι κοβανο ραρταγο ладегго хоаζарго βαγ(ο)?...
2. ηζνογο кидι асо vavo одо асо оіспоано μι βαγано ι ραοδανι абордо...

1. Спасителю (?) великому, Канишке Кушану, праведному, законному, автократору, господину...

2. знатному, который от Наны и от всех богов получил царство... (Чтение и перевод по: Sims-Williams 2008).

Жирным выделена аналогия, суть которой в том, что в обоих случаях правителя поддерживают боги, но если в письме **ch** они не персонафицированы, то здесь речь идет конкретно о Нане.

¹ Этот доклад, как и многое другое, не был бы возможен без чуткого и трудозатратного научного руководства Павла Борисовича Лурье (Государственный Эрмитаж).

Таблица 1
Документ sh, текст (по: Sims-Williams 2007: 83) и перевод на русский язык (П. Б. Лурье, В. А. Паршутю)

Документ sh, чтение	Документ sh, перевод
<p>1) Αβο ι μανο αζιαδγιο χοηο αβο οαχβογολο χοηο ναζαρ- 2) ο βηοαρο λροδο ναμωσο ασο ναααζο χα- 3) ροуαno ηοβο μαρηγο οταno οαλο βαταραno 4) καλδано αζο μαρηγο μαρδο αβο το χοηο χοαδο 5) λρογο οηуαno μωιδο σαγωndο το χοηο λροуα- 6) до οτασο εδοуαno βуаγano πiдо φарηго тадо- 7) mo νηуаnо такалδano ασο το χοηο λροуοαcтаn- 8) ο νηуаnо oдо πiдоφаро тадо χοζο βαдо βoo- 9) аno μωιδο το χοηο ζαno коадо maно νуаto коа- 10) δ(α)no ρарηгηno μордо ωσιδoμηno νηаto коад- 11) ο λарсгηго χοζο πiдо μорло ωσιдо το χοηο πiдо 12) χοβο φаро κiρο тадо νiρζο аto ηρсадо коадо o- 13) аnαφаро οισβοργо οto {χο} φаро το χοηοινдо 14) тадио νiρζο аto ηρсадо таλдо βаγo κiрадо коадо 15) ζοοινдого μαρο аγαдо βiαдо тадо аζiсо μαρηго 16) μαρдо κiραno σiдо το χοηο βадо βooηго 17) οto πiдо ζаοι аχνаро ζаnаno οto 18) αζο μαρηго μαρдо ναμoπaλo πiдоβaν- 19) до κiραno тадо πiсо το χοηο φοpгηп- 20) mo коадо το χοηο асамаго μαρηго 21) μαρдо аζаро ναζаηηго 22) Αβ[ο]ι-μα[no α]ζ[ιαδι]γ[ο] 23) χοηο αβο οαχβογo- 24) λο χοηο λρ[ο]до va- 25) μω~</p>	<p>1) К моему милостивому государю, Вахшуглю, господину (χοηο), тысяча, 2) десять тысяч здравец, поклон от Наваза 3) Харугана, собственного [твоего] слуги и буду ещё счастливее 4) когда я, служивый человек тебя, господин, сам 5) здоровым увижу. И вот, насколько ты, господин, здоров 6) и этими богами во славе [держишься], то 7) мне напиши, чтобы когда если о твоём, господин, состоянии здоровья 8) услышу и о славе, тогда сильно счастлив 9) буду. И вот, ты, господин, знай, что я слышал, что 10) Раштен будто бы умер. Сейчас мы слышали, что он очень 11) болен, почти мёртв. Сейчас ты, господин, по 12) своей славе поступи и разреши дай ему отправиться туда, где 13) Ванафар, принц [находится]. Твое величество, господин, 14) так разреши отправиться. И если боги сделают так что 15) он сможет живым туда прийти, тогда я со своей стороны, служивый 16) человек, сделаю так, что ты, господин, будешь доволен 17) и на всю жизнь я буду благодарен 18) и я, служивый человек, отвечу соответственно [твоему поступку]. 19) Так вот, к тебе, господин, посылаю это письмо, 20) чтобы ты, господин, мною, служивым 21) человеком, не был недоволен. 22) К моему милостивому 23) государю, к Вахшуглю, 24) господину, здоровья, 25) поклон</p>

Другой пример — из согдийских документов: обращение пāртанского государя Рēвахшійāна к самаркандскому государю Дēвāштйчу:

Nov. 2

... rtkδ tyw 'LH βγυ
pr prn šyr'kw <'skwy> rtβγ 'zw wγš'm...

...и если ты, (мой) господин, со славой благоденствуешь, то, господин, я радуюсь. ...
(Чтение и перевод по: Лившиц 2008: 109–113)

Здесь аналогия состоит в самой структуре фразы, а также в использовании фразы «во славе», по-согдийски «pr prn», по-бактрийски «лѣдо фаро».

Сравнив три текста титулования, можно сделать вывод о том, что письмо **ch** адресовано властителю, Вахшгулю, который до находки бактрийских писем оставался неизвестным.

Дополнительным свидетельством царственности Вахшгуля могут служить другие письма того же периода, например, пара **bg** и **ci** (суть событий см.: Sims-Williams 2007: 64–65, 84–85), отражающая последовательное владение одной и той же землей в округе Юхшвирл, что в Ризме (названия не идентифицируются с современными) разными людьми с разницей в 20 лет: **bg** в 350-е гг., **ci** в 370-е гг. Сравнение этих писем приводит к следующему выводу: владения в Юхшвирле перешли из одних рук в другие, а более мелким землевладельцам пришлось доказывать свои имущественные права новым лордам. Скорее всего, это случилось вследствие смуты, фиксируемой по документам **ca** и **cb**, также относящихся к 370-м гг. В первом из них речь идет о сборе войск, во втором — о том, как один командир увещевает другого не покидать позиций перед лицом врага. Стоит также сказать, что имя Вахшгуль (oαxpoγoλo) точно не относится к Сасанидским, так как первая часть имени — теофорная, посвященная бактрийскому богу Вахшу, а вторая, вероятно, восходит к какой-то среднеиндийской праформе (Sims-Williams 2010: 322)

В итоге можно сделать вывод, что около 370-х гг. н. э. в Бактрии правил неизвестный ранее правитель, следы которого обнаруживаются пока лишь в документах, о которых речь шла выше. Кроме того, можно с точностью сказать, что в это же время Бактрия погрузилась в смуту, которую, вероятно, можно соотнести со временем падения династии Кушано-Сасанидов.

Литература

Лившиц В. А. 2008. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.

Массон В. М., Ромодин В. А. 1964. История Афганистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI века. М.

Паршутто В. А. 2019. Жизнеописание двух знатных бактрийцев как иллюстрация социальной структуры Бактрии Кушано-Сасанидского времени (сер. III — конец IV вв.); по документам из Северного Афганистана // Алешковский И. А., Андриянов А. В., Антипов Е. А. (ред.). Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019». М. [Электронный ресурс — опт. диск]

Sims-Williams N. 2007. Bactrian documents from Northern Afghanistan. Vol. 2: Letters and Buddhist texts. London.

Sims-Williams N. 2008. The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading. In: Bulletin of the Asia Institute. 18. P. 53–68, 80.

Sims-Williams N. 2010. Bactrian Personal Names. Wien (Iranisches Personennamenbuch. Bd. 2: Mitteliranische personennamen; Fasz. 7, Bd. 806).

Sims-Williams N., de Blois F. 2018. Studies in the Chronology of the Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Wien.

NEW DATA ABOUT THE POLITICAL PROCESS OF THE LATE KUSHANO-SASANIAN PERIOD IN BACTRIA

Vikentii A. Parshuto

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Keywords: Bactria, Kushano-Sasanians, Kidarites, documents of Northern Afghanistan, letters, source studies.

The report is devoted to one Bactrian letter (**ch**), the sender of which, Nawaz Kharagan, addresses an unknown ruler, Wakshgul, with a unique epistolary formula and asks him to give permission to Rashten that he may come to the prince Wanafar. In the letter Wakshgul functions as a ruler and we do not know him from any other source. His ruling position was discovered when making a comparison of the words which are used to address a ruler in one earlier Bactrian inscription (Rabatak) and in the later Sogdian one (the Mugh letter **Nov. 2**). Other Bactrian documents (**bg, ca, cb, ci**) indirectly confirm this statement by revealing a turmoil in the 370s AD in Bactria. Apparently, that period could be called the time of the fall of the Kushano-Sasanians and as well of an ephemeral interregnum.

НОВЫЙ БУДДИЙСКИЙ ХРАМ НА ГОРОДИЩЕ АК-БЕШИМ

Л. М. Ведутова

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Киргизии, Бишкек, Киргизия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-186-188

Ключевые слова: раннесредневековый Кыргызстан, буддизм, урбанизация, архитектура.

Геополитическое положение Кыргызстана — между тюркским и индоиранским мирами, отразилось на естественных путях развития государственности и зафиксировано в социально-экономических и политических событиях, происходивших в различные времена на территории Внутреннего Тянь-Шаня, Центральной Азии и за ее пределами. Отзвук этих событий прослеживается в археологических памятниках и находках, идентификация которых бывает порой очень сложной. Особенно это касается некоторых имеющих культурно-культовые характеристики архитектурно-археологических комплексов на раннесредневековых городищах времени формирования первых государств.

Роль религии в концепции становлении раннефеодального централизованного государства прослеживается на примере переходного формационного общественно-экономического состояния. Этот переходной этап исторического развития характеризовался наличием двух способов производства — кочевого скотоводства и оседлого земледелия, между которыми существовали интенсивные и систематические связи, однако еще не связанные в единую хозяйственную систему.

Наиболее распространенными религиозными системами на территории Западного и Восточного Туркестана в VI — первой половине X вв. были тюркское идолопоклонство и буддизм (и в том, и в другом случае объектом поклонения служили художественно выполненные скульптуры).

Богато оснащенные религиозными атрибутами буддийские храмы, имевшие индивидуальную монументальную архитектуру с ритуальной планировкой, выделялись среди городских построек раннесредневекового города.

В каждом крупном городе имелось по несколько буддийских храмов, что объясняется и другим их назначением — быть торговыми факториями и гостеприимными домами для путешествующих по Великому Шелковому пути торговцев-земляков. Таковы буддийские храмы на городищах Чуйской долины (Красная Речка, Ак-Бешим и Бурана).

В это время роль буддизма как религии, противостоящей многобожию местного язычества, распространенному в тюркских каганатах, была очень велика. Будучи важным философским и культурно-религиозным алгоритмом среди других религий Западного Туркестана (зороастризма, христианства, манихейства и митраизма), буддизм явился стимулятором закона дальнейшего совершенствования и развития религиозно-идеологической надстройки.

На фоне этой сложной взаимосвязанной семиотико-синтаксической культурной целостности и в результате археологических исследований на городище Ак-Бешим появляется объект, имеющий все признаки буддийской храмовой архитектуры, но идентифицированный одним из исследователей как раннесредневековый христианский храм (Семёнов 2002: 44–114, рис. 1, 2). Основным базовым доказательством идентификации объекта как христианского храма служат находки керамических плакеток с изображениями крестов (Там же: 93, рис. 54, 1, 2).

В то же время намогильные камни с гравированными изображениями подобных крестов и сопроводительными сиротюркскими и сирийскими эпитафиями, найденные как на территории рабада городища Ак-Бешим, так и на Пишпекском (Кара-джигачском) кладбищах датируются только XIII–XIV вв. (Klein 2000: 158–176), временем, когда ранее плотно застроенный рабат был уже разрушен, не функционировал в качестве центральной городской структуры и использовался христианами как кладбище. Симптоматично, что кресты плакеток и намогильных кайраков имеют одинаковые петлеобразные «украшения» на концах крестов: таковы камни 12, 14, 30, 34, 35, и др. (Klein 2000: Abb. 42, 44, 60, 64, 65; 2004: 152–154, Abb. 1–5). Кроме того, орнаментальные украшения крестов на плакетках имеют плотно заштрихованное поле, что характерно для орнаментов XIV в. В то же время на одной из стен сохранилась орнаментальная розетка, (Семёнов 2002: 52, рис. 9), но она характерна не для христианской символики, а для буддийского настенного декоративно-прикладного искусства, названного А. Грюнведем росписью «уйгурского стиля» (Литвинский, Пичикян 1986: 113). Другой фрагмент росписи на стене помещения 3, выполненный красной и синей краской, характерной для буддийского декоративно-прикладного искусства, представлен рисунком складок одежды персонажа.

Именно геополитическое положение территории средневекового Кыргызстана стало здесь местом спасения христиан несторианского толка в XIII в., когда монголы вторглись в Иран, сея смерть и разрушение на своем пути. Позднее Тамерлан также жестоко расправился с христианами, что вынудило их спасаться на иных территориях. В 1219–1227 гг. монгольские всадники наводнили и основательно разрушили Самарканд, Бухару (то есть Согд), Мерв. Маркером территориального согдийского, а этнически сирийского происхождения несториан служит и согдийская орнаментация, украшающая несторианские кресты на плакетках и сирийские надписи на могильных кайраках.

По прибытии иноэтничные беженцы поселились в заброшенном буддийском храме в Ак-Бешиме, где, собрав уже разрушенные к тому времени скульптуры и упавшую штукатурку с остатками цветных росписей, выбросили их в разрушенные помещения бывшего жилого дома, расположенного на противоположной стороне этой же улицы. Фрагменты некогда великолепных скульптур и других атрибутов декоративного убранства буддийского храма, составлявших в прошлом единое целое с монументальной архитектурой, были найдены при раскопках объекта X, непосредственно под дерновым слоем, среди кухонной

утвари и утилитарной обстановки жилища горожанина (Ведутова, Куримото 2014: 120–127, рис. 17).

Несомненно, что раскопанный в 1996–1997 гг. объект VIII и идентифицированный Г. Л. Семёновым как христианский монастырь, был задуман и построен как буддийский храмовый комплекс в одном ряду с такими престижными и знаковыми для VII–VIII вв. монументальными сооружениями в раннесредневековых городах Семиречья и Кыргызстана, как замок-фактория (цитадель) и монументальный караван-сарай.

Литература

Ведутова Л. М., Куримото Ш. 2014. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек.

Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. 1986. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана // Литвинский Б. А. (ред.). Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М. С. 81–125.

Семёнов Г. Л. 2002. Объект VIII. Церковный комплекс // Суяб Ак-Бешим. СПб. С. 44–114. (Археологические экспедиции ГЭ).

Klein W. 2000. Das Nestorianische christentum an den handelswegen durch kyrgystan bis zum 14. Jh. (Silk Road Studies. 3).

Klein W. 2004. Ein Kreuz mit sogdischer Inschrift fus Ak-Beschim Kyrgyzstan. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 154. S. 147–156.

A NEW BUDDHIST TEMPLE ON THE SITE OF ANCIENT SETTLEMENT OF AK-BESHIM

L. M. Vedutova

Institute of History, Archeology and Ethnology named after B. Dzhangerchinov of the National Academy of Sciences of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

Keywords: early medieval Kyrgyzstan, Buddhism, urbanization, architecture.

The paper deals with the early medieval Buddhist cult architecture, which was necessary for the functioning of the urban organism. The problems of identification and chronology of architectural objects in the context of urbanism of the 7th–8th and 13th–14th centuries are considered.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ТИП ОБЪЕКТА IV ГОРОДИЩА АК-БЕШИМ: ЧАСОВНЯ С ДВОРОМ ИЛИ ЗАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ?

В. А. Кольченко

Институт истории, археологии и этнологии Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-188-190

Ключевые слова: Кыргызстан, Чуйская долина, городище Ак-Бешим, Объект IV, христианская церковь с нефом, часовня.

В 1954 г. Ак-Бешимский отряд (руководитель Л. Р. Кызласов) в составе Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР проводил исследования городища Ак-Бешим, включая Объект IV — «Христианская церковь и кладбище». Публикации о нем очень компактные, сжатые и обобщенные — скорее тезисы, чем издание материалов.

Объект располагался на шахристане-2 (рабад киданьского квартала) Ак-Бешима, в 165 м к востоку от стены шахристана-1 и примерно в 60 м от северной стены шахристана-2, то есть в северо-западной части этой структурной единицы памятника. Раскопками, вскрывшими объект частично, была выявлена планировка разрушенного монументального сооружения. Оно было ориентировано в широтном направлении и состояло из трех пространств, обозначенных при публикации как «двор», «центральное помещение» и «боковое помещение». Анализ опубликованной текстовой информации, а также планов и разрезов привел меня к заключению, что объект имеет более сложную строительную историю, чем отмечено при его издании. В просмотренных после этого архивных документах я нашел подтверждение своим выводам.

В первичной публикации Л. Р. Кызласов называет пространство перед «Центральным» алтарным помещением «открытым двором с навесами вдоль стен». С. Г. Хмельницкий, непосредственно принимавший участие в исследованиях 1954 г., сформулировал свое восприятие объекта еще более категорично: «Строго говоря, церковь — вернее, часовней — в этой структуре был не двор, а восточное квадратное помещение с алтарем»; «двор» же, по С. Г. Хмельницкому, это «обширное преддверие, по западной терминологии, атрий или нартекс». Боковое помещение интерпретируется как баптистерий (Л. Р. Кызласов) или ризница (С. Г. Хмельницкий). Последний допускает наличие симметричного ему помещения в северо-восточном углу объекта, с тем, чтобы комплекс принял прямоугольные очертания.

Я же полагаю, что рассматриваемый объект был христианской зальной церковью с выделенным в отдельное помещение алтарным пространством, перекрытым куполом. Зал, называемый при публикациях «двор», имел крышу с черепичным двускатным покрытием, которое покоилось на деревянном каркасе. В целом именно такой тип характерен для христианских строений.

Конечно, перекрыть 12 м зала двумя стропилами, сходящимися под углом в середине этого пролета, — задача трудновыполнимая для региона: стропила должны быть не менее 8 м длиной. Следовательно, должны быть дополнительные опоры. Вероятно, речь идет о паре колонн, делящих единый зал на три нефа. Теоретически можно допустить, что в нераскопанной части зала-«двора» остались базы таких опор. Если допустить, что пролет между ними составляет около 4–5 м (как в ранних иракских церквях), то для перекрытия 27 м потребуется 5 пар колонн, которые с небольшими нарушениями регулярности хорошо размещаются на нераскопанных участках.

Мое утверждение о покрытии храма черепицей китайского образца основывались первоначально на обнаружении в районе расположения объекта, ныне распахиваемого, фрагментов такой черепицы. Позже я нашел подтверждение этому в описании раскопок в рукописном архивном документе «Отчет о раскопках Объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г.», составленном В. И. Козенковой, тогда еще студенткой 5 курса МГУ, которой Л. Р. Кызласов поручил исследовать данный объект. В рассматриваемом в настоящей работе контексте важны указания архивного документа на нахождение черепицы во всех трех вскрытых пространствах, что однозначно говорит о покрывавшем храм материале. Также важна ремарка о завале в раскопанной восточной части двора: завал *«состоял из крупных обломков блоков, многочисленных разбитых сырцовых кирпичей, мягкой земли и многочисленных следов углей, золы, обгорелого дерева. В южной части двора была обнаружена обгорелая балка, прямоугольная в сечении (22 × 15 см)»*. Судя по размерам, возможно, этот деревянный обгорелый фрагмент принадлежал не балке перекрытия, а колонне.

Боковое помещение, как я ранее писал, было пристроено к зданию церкви. Исходя из наличия в нем остатков суф-лежанок оно, по моему мнению, могло использоваться как жилое помещение церковного служителя или охранника.

AN ARCHITECTURAL TYPE OF THE OBJECT IV AT THE URBAN SETTLEMENT OF AK-BESHIM: A CHAPEL WITH A COURTYARD OR A HALL CHURCH?

Valerii A. Kol'chenko

Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kirghiz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Keywords: Kyrgyzstan, Chuy valley, urban medieval settlement of Ak-Beshim, Object-IV, Christian hall church, chapel.

The paper disputes interpretations of Object IV partially excavated in 1954 at the Ak-Beshim urban settlement. The director of the excavations, Leonid R. Kyzlasov, believed it to have been a Christian church with an open courtyard. Sergei G. Khmel'nitskii, who took part in the works of the 1954 year, interpreted it as a chapel with a vestibule-narthex/atrium.

In the 1970s, Object IV was demolished and ploughed up. Currently, this part of the site is an arable field. However, in this area medieval tile fragments were discovered. This fact, together with an analysis of the typology of Christian buildings, has led to a conclusion that the temple was covered by a gable roof with a tiled coating. The confirmation of such a conclusion has been found in an archival manuscript report on the excavations at Object IV, which in 1954 was composed by Valentina I. Kozenkova as the head of these works. It appears to be plausible that Object IV at Ak-Beshim was a hall church with an altar space allocated as a separate room.

ЗНАКИ НА КУВШИНАХ РУБЕЖА ЭР ИЗ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

С. А. Ярыгин

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-190-193

Ключевые слова: Средняя Азия, Северный Казахстан, кочевники, знаки, керамические сосуды, рубеж эр.

Вопросы взаимоотношений кочевников на рубеже эр с оазисами Центральной Азии неоднократно поднимались в литературе. Данная проблематика продолжает оставаться актуальной для изучения.

В Северном Казахстане исследование и основной анализ памятников рубежа эр был проведен М. К. Хабдулиной (1994). Автору известно 17 курганов, которые датируются II в. до н. э. — I в. н. э. За прошедшее время их численность увеличилась до 19. Культура населения этого времени ярко характеризуется группой воинских погребений в подбоях и ка-такомбах. В состав погребального инвентаря входили колчаны со стрелами с трехлопастными наконечниками, длинные луки с костяными накладками, длинные мечи и кинжалы. Встречаются коллективные захоронения в одной яме. Преобладает ориентировка умерших в южный сектор (Там же: 26–27, 71–73, 86).

В 2010 г. сотрудники Ишимской стационарной археологической экспедиции исследовали кург. 1 могильника Айдарлы. Памятник расположен на выровненной площадке террасы левого берега р. Кошкарбай в районе ее излучины, в 3 км на СВ от с. Айдарлы Акмолинской обл. Республики Казахстан. Погребение было совершено в подбое, умерший лежал на спине в вытянутом положении, головой на ЮЗ. В состав инвентаря входили железный однолезвийный нож, кольцо из бронзовой проволоки, серьга, железное кольцо, видимо являвшееся деталью пояса, три железных трехлопастных черешковых наконечника стрел, жертвенная пища и три керамических сосуда.

Интерес представляет сосуд, поставленный в южном углу подбоя. Речь идет о столовом одноручном кувшине с шаровидным туловом, высокой цилиндрической горловиной и широким дном. Ручка кувшина шириной 1,1 см сливается с венчиком. Диаметр горла сосуда составляет 4,7 см, диаметр венчика — 6,8 см, диаметр донца — 7 см, максимальный диаметр тулова — 14,5 см. Высота сосуда от донца до высокого края горлышка достигает 18,5 см. В придонной части сосуда нанесен знак в виде парных пересекающихся линий, размеры знака — 2 × 1,5 см (рис. 1, 2 — Сакенов и др. 2019: рис. 4, 6).

Сосуд импортный. Подобный ему экземпляр со знаком в виде гребенки в придонной части обнаружен в нижнем погребении кург. 4 урочища Саркара (рис. 1, 3 — Хабдулина 1994: табл. 59, 40). Аналогии таким кувшинам известны в Центральной Азии, в том числе и в Тулхарском могильнике (Северная Бактрия). Стоит отметить, что еще один сосуд этого периода со знаком в виде стрелки (или «птичьей лапы») был обнаружен в катакомбе кург. 36 урочища Тасмола (Центральный Казахстан). Это темно-серое плоскодонное изделие вазообразной формы с узким горлом и высокой выгнутой шейкой. По основанию шейки проходит налепной валик, на котором нанесен знак (рис. 1, 1) (Хабдулина 1994: 64, 71–73, табл. 59, 40).

Таким образом, в нашем распоряжении имеются два знака из Северного Казахстана и один из северо-восточных районов Центрального Казахстана — стреловидный, гребенковидный и решетчатый. Аналогии этим знакам встречены от Северного Причерноморья до Центральной Азии и Монголии. Однако наибольшую близость демонстрируют знаки из Южного Казахстана (район г. Туркестан или арыско-бадамского оазиса), территории, которая на рубеже эр входила в государство Кангюй.

Стреловидный знак обнаружен на небольшом камне в коллективном погребении катакомбы 5 могильника Культобе (рис. 1, 4) (Подушкин 2017: 63, рис. 12). Идентичный ему знак известен в коллекции раннесредневекового святилища Сидак, расположенного в 18 км к северо-западу от города Туркестан (рис. 1, 5) (Яценко, Смагулов 2008: рис. 13, 25).

Решетчатый знак обнаружен на фляге из катакомбы 3 могильника Каратобе (рис. 1, 6) (Подушкин 2017: 63, рис. 2, 18) и в святилище Сидак (рис. 1, 7) (Яценко, Смагулов 2008: рис. 13, 25).

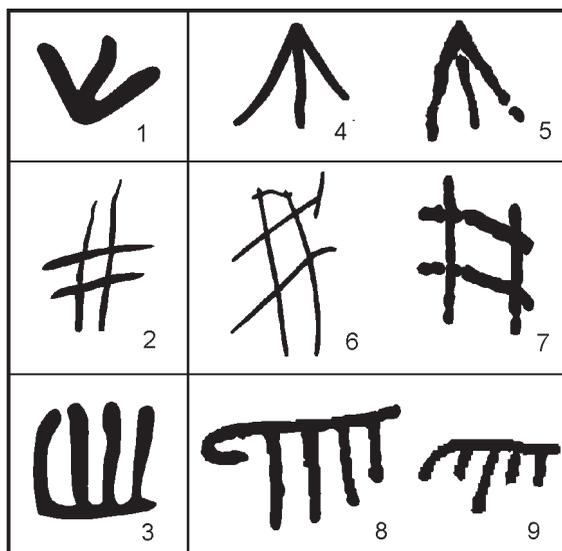

Рис. 1. Знаки рубежа эр и их аналогии:

1 — Тасмола, кург. 36; 2 — Айдарлы, кург. 1; 3 — Саркара, кург. 4; 4 — Культобе, катакомба 5; 5, 7, 8 — Сидак; 6 — Каратобе, катакомба 3; 9 — Шага

Гребенковидный знак является более редким, но и он встречается в раннесредневековом Сидаке (рис. 1, 8), который, как считают исследователи, служил святилищем для потомков кочевников, ранее входивших в состав Кангюя (Яценко, Смагулов 2008: рис. 13, 3). Такой же знак обнаружен на сосуде из расположенного в 20 км от Сидака некрополя городища Шага (рис. 1, 9 — Смагулов, Яценко 2014: рис. 6, 4).

В отношении стреловидного знака и близких к нему по форме А. Н. Подушкин отмечает, что они могут рассматриваться в качестве общекангюйской тамги. Решетчатый знак включен в группу «племенных, родовых и клановых тамг» (Подушкин 2017: рис. 18). К последним мы можем отнести и гребенковидный знак из Саркары.

На основании полученных данных можно говорить о связях (культурных, кровнородственных, политических) у кочевников Северного и Центрального Казахстана с государствами Южного Казахстана и Центральной Азии на рубеже эр.

Литература

Хабдулина М. К. 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Подушкин А. Н. 2017. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н. э. — IV в. н. э. // *Үлкен Алтай әлемі — Мир Большого Алтая — World of Great Altay*. 3 (4). С. 60–102.

Сакенов С. К., Свиридов А. Н., Ярыгин С. А. 2019. Погребение рубежа эр на могильнике Айдарлы // *Маргулановские чтения-2019: Материалы Междунар. археологической науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева*. Нур-Султан. С. 378–384.

Смагулов Е. А., Яценко С. А. 2008. Святилище Сидак — один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V — нач. VIII вв.) [Электронный ресурс] // *Transoxiana* 13. Agosto 2008. Index 13. URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (дата обращения: 11.03.2019).

Смагулов Е. А., Яценко С. А. 2014. Новые серии клановых знаков на доисламской керамике Сидака и Туркестана на средней Сырдарье // *Вестник МИЦАИ*. Вып. 19. С. 47–67.

SIGNS ON JARS OF THE TURN OF THE ERAS FROM NORTHERN KAZAKHSTAN

Sergey A. Yarygin

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Keywords: *Central Asia, Northern Kazakhstan, nomads, signs, ceramic vessels, turn of the eras.*

The paper deals with the nomads of Northern Kazakhstan at the turn of the eras. This chronological period in Northern Kazakhstan is represented by two dozens of funeral monuments, the funeral rites and remnants of the material culture of which testify to cultural ties with the tribes of Southern Siberia, Southern Urals and Central Asia. This is evidenced by a specific set of weapons, jewelry, and ceramics.

In 2010, the archaeological expedition of the Eurasian University conducted research at the Aydarly burial ground in the Akmola region of the Republic of Kazakhstan. One of the barrows was excavated there, in which a male burial was discovered, accompanied by a small set of iron three-bladed arrowheads, an iron knife and a ceramic set including a one-handed jug with a spherical body, a high cylindrical neck and a wide bottom; the handle was a continuation of the top of a rim. In the bottom of the jug there is a sign in the form of paired intersecting lines. Another similar jug was discovered in the 20th century, in the barrow no. 4 of the Sarkar burial ground, a sign in the form of a comb was fixed in the bottom part of the vessel.

These vessels were imported; analogies to both the jugs and signs are known in Southern Kazakhstan and Central Asia, where at the turn of the eras and later they are found on the dishes and other

objects. The presence of such representations indicates the cultural ties between the Northern Kazakhstan nomads and the population of the southern oases and cities that were part of Kangyu and other states or unions of the region.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТОПОГРАФИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕНДЖИКЕНТА

Ш. Ф. Курбанов*, П. Б. Лурье**

* *Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан;* ** *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-193-194

Ключевые слова: Древний Пенджикент, раннесредневековая согдийская археология, городская застройка.

Семьдесят три года продолжается археологическое изучение городища Древнего Пенджикента — эталонного памятника раннесредневековой согдийской археологии. Несмотря на то, что его библиография насчитывает почти тысячу наименований и раскрыто более половины площади городища VIII в., новейшие раскопки позволяют внести существенные дополнения в изучение застройки Пенджикента. Пять замечаний, основанных на раскопках авторов последних лет, будут освещены в этом сообщении на конференции памяти Вадима Михайловича Массона, всегда глубоко интересовавшегося и горячо поддерживавшего исследования Пенджикента.

Небольшая площадь в северо-восточной части городища (объект XXVI-С). При известной кучности застройки города наличие открытого пространства 7 × 12 м, в котором сходились три улицы, совершенно необычно. В отличие от базарной площади на объекте XVI, тут мы видим лишь одну (кратковременную) лавочку. Быть может, торговля невдалеке от Восточных ворот проходила на тротуарах по периметру площади?

Недавно был доисследован объект XXVI — квартал у восточной стены городища. В южной его части на площади 50 × 14 м раскрыто четыре или пять домовладений разных габаритов, относившихся к первой половине VIII в., позднейший небольшой дом, заходивший на стену. Кроме того, во многих местах у стены имелись обмазанные гипсом лари для хранения зерна. Мы не нашли связей ларей с домами у стены и полагаем, что они относились к хозяйству защитников крепости, а в известных случаях были разрушены при устройстве домов квартала.

В западной части нового объекта XI-В, расположенного между храмовым кварталом и северной стеной города, находятся несколько небольших домовладений схожей планировки и разного объема. Все они состоят из двух сводчатых помещений, кухни — распределительного блока, пандуса на второй этаж (от которого мало что сохранилось) и выхода на улицу. Постройка их относится к первой четверти VIII в., жизнь продолжалась до 740-х гг. Такого рода модульное жилье, нередкое на других раннесредневековых памятниках Центральной Азии, встречено в Пенджикенте впервые.

В восточной части того же объекта было раскрыто общественное сооружение. Пока расчищены часть центрального открытого айвана с каменными базами колонн, распisanная капелла за ним и два помещения с северной стороны. Планировка комплекса напоминает сельские храмы Согда и, в миниатюре, городские храмы I и II. Слой в святилище невыразительный и бедный, но, кажется, можно говорить, что оно функционировало и во второй четверти VIII в., когда один из основных храмов лежал в руинах после пожара, а второй был приспособлен под другие цели.

С 2017 г. начаты раскопки на крайнем северо-западе городища — на объекте XXX. Большая часть небогатого домовладения сгорела в пожаре 722 г. и позднейшее обживание перекрывает слой пожарища, в котором найден весьма обильный и точно датированный керамический материал.

NEW DATA ON TOPOGRAPHY OF EARLY MEDIEVAL PANJAKENT

Sharof F. Kurbanov*, Pavel B. Lurje**

* *A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan*; ** *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

Keywords: *Ancient Panjakent, early medieval Sogdian archaeology, urban building.*

The excavations of Panjakent, a primary reference site of early medieval Sogdian archaeology, last for 73 years already. Despite almost one thousand units of bibliography and excavations covering more than a half of the 8th-century layers, the most recent digs permit to add significant new data on the question of the internal structure of Panjakent. Five of these additions will be delivered by us at the conference in the memory of Vadim M. Masson, who always expressed keen interest in and whole heart support to study Panjakent. We will discuss an open place in the area XXVI-North, interrelation of private houses and storage facilities of the garrison in the area XXVI, modular households and a small sanctuary in the area XI, as well as a burned household in the area XXX.

КАНА И СУМХУРАМ — ДВА ДРЕВНИХ ПОРТА ЮЖНОЙ АРАВИИ¹

Ю. А. Виноградов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-194-196

Ключевые слова: *Индийский океан, международная торговля, торговые порты, археологические раскопки.*

Для понимания международной торговли в бассейне Индийского океана огромное значение имеет археологическое изучение двух портов — Кана (на территории Йемена) и Сумхурам (на территории Омана). Основание обоих было связано со стремлением Хадрамаута упрочиться на торговых путях, поставляя на внешний рынок ладан и благовония.

О порте Кана на берегу Индийского океана упоминает Плиний Старший (Plin. NH. VI. 104). Более подробная информация содержится в «Перипле Эритрейского моря» (§ 27–28). Остатки этого порта расположены в 3 км к ЮЗ от современной деревни Бир ‘Али, у подножия скалы Хусн аль-Гураб (Грязневич 1995: 275–276). Городище Кана было одним из основных археологических объектов, на котором проводились исследования Российско-Йеменской (Советско-Йеменской) комплексной экспедицией в 1985–1988, 1991 и 1993–1994 гг. (см.: Виноградов 1993; Седов 2005: 309–355; Salles, Sedov 2010). Благодаря раскопкам было установлено, что время функционирования порта приходится на конец I в. до н. э. — начало VII в. н. э. (Седов 2005: 328). Важную часть товаров, доставлявшихся кораблями из Аравии на рынки Средиземноморья через Кану, составляли благовония.

В начале III в. н. э. во время рейда войск царя Саба’ и зу-Райдан в бухте Каны было сожжено несколько десятков кораблей (Грязневич 1995: 278). Порт, однако, продолжал существовать и активно функционировать. В слоях IV–VI вв. н. э. присутствуют материалы, свидетельствующие об эфиопском проникновении на юг Аравии.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Не меньшее значение для понимания международной торговли в регионе имеют исследования древнего Сумхурама, находящегося в Омане (местность Хор Рори). В 1952 г. это городище раскапывала американской экспедицией (Albright 1982), с 1996 г. здесь ведут работы итальянские специалисты (Аванцини 2003; Avanzini 2002). В отличие от Каны, Сумхурам являлся прекрасно укрепленным поселением.

Есть основания считать, что этот порт был основан раньше Каны. А. Аванцини полагает, что время существования Сумхурама приходится на III–II вв. до н.э. — III в. н.э. (Avanzini 2008: 637). Показательных эллинистических слоев на городище, однако, пока не обнаружено, возможно, за исключением участка в районе городского храма. Исследовательница допускает, что первоначально это был пункт на морских путях в Индию или сухопутных в Северный Оман для торговли различными товарами, в том числе металлами (Avanzini 2002: 15).

Несмотря на различия в хронологии, а также в облике поселений, оба порта демонстрируют общие черты материальной культуры. Находки местной керамики здесь относительно немногочисленны, преобладают материалы, поступавшие из Средиземноморья, Индии и Персидского залива. Монеты, однако, почти исключительно относятся к южно-аравийской чеканке.

Литература

- Аванцини А. 2003. Исследования итальянской миссии в Дофаре (Султанат Оман) // ВДИ. № 1. С. 141–148.
- Виноградов Ю. А. 1993. Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н.э.) // АВ. № 2. С. 72–79.
- Грязневич П. А. 1995. Морская торговля на Аравийском море: Аден и Кана // Грязневич П. А., Седов А. В. (ред.). Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М. (Тр. Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. 1). С. 273–301.
- Седов А. В. 2005. Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М. (Тр. Российской археологической миссии в республике Йемен. Т. 3).
- Albright F. P. 1982. The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953. Washington. (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. 6).
- Avanzini A. 2002. The history of the Khor Rori area. New perspectives // Avanzini A. (ed.). Khor Rori Report 1. Arabia Antica 1. Pisa. P. 13–28.
- Avanzini A. 2008. Notes for a History of Sumhuram and a New Inscription of Yushhur'il // Avanzini A. (ed.). A port of Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC — 5th c. AD). Roma. P. 609–641.
- Salles J.-F., Sedov A. (eds.). 2010. Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94. Brepols.

TWO ANCIENT PORTS OF SOUTH ARABIA (KANA AND SUMHURAM)

Yuriy A. Vinogradov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Indian Ocean, international trade, trade ports, archaeological excavations.*

Archaeological study of the South Arabian ports (Kana and Sumhuram) is important for understanding international maritime trade in the Indian Ocean basin. Both the ports were founded by the kings of Hadramawt who sought to establish their position in the trade of incense. Kana, which was built near the volcanic outcrop of Husn al-Ghurab, did not have defensive walls. Sumhuram was a powerful fortress. Kana existed from the late 1st century BC to the early 7th century AD. The date of the founding of Sumhuram has not fully clarified, perhaps this happened as far back as the 3rd century BC,

but the port ceased to exist much earlier than Kana, in the 5th century AD. In the composition of ceramic materials obtained during the excavations at these ports, there are not so many materials characteristic for the cultures of the states of Southern Arabia. The products that dominated there came from the Mediterranean, the Persian Gulf and India. The coins, on the contrary, belong almost exclusively to Southern Arabian coinages.

ДЕФОРМАЦИЯ ГОЛОВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ СОГДЕ КАК ПОПУЛЯЦИОННЫЙ МАРКЕР

А. В. Громов, А. А. Казарницкий

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-196-197

Ключевые слова: Шуллиуктепа, искусственная деформация черепа, краниометрия, геометрическая морфометрия.

Могильник Шуллиуктепа является кладбищем средневекового города Несеф, располагавшегося на левом берегу р. Кашкадарья в 130 км к ЮЗ от Самарканда, в южной части древней исторической области Согд. Краниологические материалы XI–XII вв. из этого могильника хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (колл. № 7275). Численность использованной в работе серии составила 105 индивидов (58 мужчин, 47 женщин).

Значительная часть краниологической выборки имеет следы прижизненной искусственной деформации мозгового отдела разной степени выраженности — от едва заметного до очень сильного уплощения теменных костей и/или верхней части чешуи затылочной кости при уменьшении высоты свода на уровне краниометрической точки лямбда. Для оценки изменчивости формы нейрокраниума были использованы методы геометрической морфометрии. На фотографиях черепов в правой латеральной норме на равном расстоянии друг от друга по контуру мозгового отдела от точки назион до основания сосцевидного отростка с помощью программы tpsdig расставлялись 15 точек (Landmarks). Дальнейшая обработка полученных конфигураций точек проводилась в программе MorphoJ. В результате анализа главных компонент (ГК) и у мужчин, и у женщин первая ГК отражает увеличение уплощенности теменного сегмента сагиттального контура, вторая ГК — увеличение уплощенности верхней части чешуи затылочной кости и заднего участка теменной дуги. Выборки обоих полов разделились на три почти равные по численности группы каждая — черепа без деформации, черепа с затылочно-теменной деформацией и черепа с теменной деформацией (с небольшой трансгрессией).

Внутригрупповой анализ мужской и женской серий по 11 краниометрическим признакам лицевого скелета показал, что в обоих случаях основную роль в изменчивости играют одни и те же признаки. Это высоты лица и носа, углы горизонтальной профилированности, общий лицевой угол, угол выступания носа. Большая часть деформированных черепов в пространстве первых ГК группируется в соответствии с вариантом деформации. Распределение координат недеформированных черепов не обнаруживает четкой закономерности. Отмечено наличие статистически значимых корреляций между ГК по данным геометрической морфометрии мозгового отдела и ГК анализа измерительных признаков лица. Скорее всего, это связано с тем, что тип искусственной деформации в данной выборке маркирует популяционные подгруппы разного происхождения.

Для межгруппового сопоставления мужские и женские выборки из Шуллиуктепа были разделены на три каждая (недеформированные, с теменной и с затылочно-теменной

деформацией). В анализ были также включены еще 18 мужских и 15 женских краниологических серий развитого средневековья Средней Азии. Отмечена морфологическая специфика лицевого отдела мужских согдийских и тохаристанских серий из-за наиболее клиногнатного на уровне орбит лица и самого высокого в среднем переносья. При этом облик женских серий является промежуточным между более западными группами из Хорезма и более восточными группами с территории Караханидского государства, что совпадает с географическим положением Согда и Тохаристана почти в центре рассматриваемого региона. Если опираться на результаты межгруппового анализа мужских групп — несколько более контрастных, чем женские, — то серии из Шуллуктепа без деформации и с теменным вариантом деформации имеют некоторое сходство лицевых характеристик с хорезмскими группами, что может объясняться участием последних в формировании населения средневекового Несефа. Шуллуктепская группа с затылочной уплощенностью как среди мужчин, так и среди женщин пока не находит прямых аналогий вне согдийских популяций Средней Азии.

Таким образом, мужская и женская краниологические серии из могильника Шуллуктепа характеризуется наличием двух видов искусственной деформации черепа. По признакам строения лицевого скелета они в целом сходны с другими городскими согдийскими сериями, не испытывавшими сколько-нибудь значительной инфильтрации монголоидных групп. Вероятно, также, что некоторое влияние на облик населения Несефа XI–XII вв. оказали связи с Хорезмом.

TYPES OF ARTIFICIAL CRANIAL DEFORMATIONS AND BIOLOGICAL AFFINITIES OF THE MEDIEVAL SOGDIAN POPULATION

Andrey V. Gromov, Alexey A. Kazarnitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Shulluktepa, artificial cranial deformation, craniometry, geometric morphometrics.

A cranial series from the Shulluktepa burial ground (1000–1200 AD), the cemetery of the medieval city of Nesef has been studied. Mid-sagittal profiles of the skulls have been analyzed by means of geometric morphometrics. The series consists of three almost equal in number sub-groups, viz. non-deformed skulls, skulls with occipital-parietal deformation, and skulls with parietal deformation. It has been hypothesized that the type of artificial deformation labels population sub-groups of the different origins. To test this suggestion we have compared data on facial cranial measurements of these three sub-groups and others Central Asian medieval series. The results of the canonical analysis have revealed that the non-deformed sub-group of skulls and those with parietal deformation are similar to each other and can be related to the medieval population of Khorezm, while the sub-group with occipital-parietal deformation does not demonstrate close biological affinities with any of non-Sogdian cranial series.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА: 2013–2018 гг.

Н. В. Семёнов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-197-199

Ключевые слова: Согд, Древний Пенджикент, Согдийская фортификация.

В 2013 г. были начаты работы на северном склоне холма цитадели Древнего Пенджикента с целью изучения соотношения между дворцовым комплексом правителей Пенджикента, раскопанным А. Исаковым в 1960-е гг., и сооружениями на Кайнаре.

В результате был открыт северный фас крепостной стены, ранее никем не выявленной и относящийся к средней линии укреплений цитадели. С южной внутренней стороны этих укреплений были зафиксированы остатки сооружений VI в. и, вероятно, еще более ранних построек, граничащих с раскопками А. Исакова. Дальнейшие работы велись в нескольких помещениях к югу от крепостной стены — в пом. 22, в котором была обнаружена живопись, и расположенных к востоку от него пом. 23, 24 и 25. В восточной части раскопа была выявлена массивная стена, ориентированная по оси С–Ю и относящаяся к нескольким строительным периодам, так как на юге она соединяется с платформой дворца Деваштича (пом. 23), а на севере ее основание соответствует более раннему уровню пола пом. 25 и граничит с южным фасом исследуемой крепостной стены цитадели. Здесь в плоскости массивной стены был расчищен *арочный проход* высотой 4 м, соединяющий пом. 25 с внутрискладным коридором (пом. 26), расположенным под открытыми пом. 22 и пом. 24. Суммировав полученные данные, можно с большой долей вероятности утверждать, что выявленные здесь перестройки соотносятся с результатами исследований Г. Л. Семёнова на цитадели в 1980-х гг. (Семёнов 1996: 21, 68–82). Следуя его периодизации, следует отметить:

1. Самый поздний, VI строительный период маркируется характерным паховым панцирем и фрагментами керамики в кладке, относящимися ко времени не позднее начала VIII в. В 2015 г. в кладке панциря была найдена тюркешская монета. К этому же времени относится и возведение паховой платформы для дворца Деваштича, перекрывающей остатки пом. 22 и пом. 24;

2. Предшествующие IV–V периоды связаны с запустением и последующей забутовкой пом. 22 и пом. 24. К этому времени относят также и постройку донжона в юго-восточной части цитадели;

3. III период связан с масштабной перестройкой как на цитадели, так и на шахристане городища, причем происходит возведение охватывающих большой периметр новых крепостных стен и последующая застройка образовавшейся между этими стенами территории. На цитадели к этому периоду относится возведение кайнарского дворца, возведение новых стен внутренних укреплений, забутовка внутрибашенных помещений и постройка на образовавшейся платформе помещений-казарм. Этот строительный период повсеместно представлен грубой и небрежной кладкой из разноформатного кирпича с раствором, что было выявлено при разрезе средней линии укреплений в 2015 г. и при расчистке забутовки внутрискладного коридора (пом. 26). В заполнении был собран керамический материал, соответствующий I и II комплексам, в том числе, чаша с ангобным крестом. Толща северной крепостной стены по верху составила около 5 м. Вероятнее всего, возведение пом. 22 также относится к этому периоду. Из фрагментов керамики, найденных здесь, следует упомянуть черепок тонкостенной посуды с полосчатым лощением по коричневому ангобу, характерной для IV в. Аналогичная керамика зафиксирована на полу коридора внешней крепостной стены II строительного периода;

4. II строительному периоду соответствует, вероятно, заклад более раннего внешнего фаса крепостной стены кирпичной кладкой из кирпича необычного формата — $35 \times 50 \times 10$ см. Кирпич с пропорциями 1 : 1,5, как правило, не встречается после V в. В соседней Уструшане он зафиксирован в конструкциях и крепостных стенах IV в.;

5. Более ранние периоды — I и Ia, согласно сложившейся периодизации перестроек городища — были зафиксированы только на цитадели Древнего Пенджикента. Мы склонны относить к ним нижние слои внутрискладного сводчатого коридора (пом. 26). На северной стене куртины под ремонтной штукатуркой скрывались заделанные обломками кирпича проемы бойниц — на разобранном участке выявлено три прямоугольных отверстия

высотой около 60 см и шириной 30 см. В заполнении были найдены фрагменты стенок сосудов с ангобом и лощением, вряд ли позднее, чем I–II комплексы керамики Пенджикента.

Хронологии строительных периодов. При отсутствии монетных находок и чаш с крестом среди керамического материала I и Ia строительных периодов, к которым следует относить стрелковый коридор с заложенными бойницами и находками в нем позднеантичных форм (фрагмент венчика тагоры из заполнения платформы — пом. 24; ножка бокаловидного кубка — пом. 25; стенка с полосчатым лощением — пом. 22), которые аналогичны материалам I строительного периода внешней северной линии укреплений, следует принять более раннюю дату двух вышеуказанных периодов по сравнению с I комплексом керамики Пенджикента. II и III строительные периоды, судя по представленным в этих слоях фрагментам посуды, не выходят за рамки I и II комплексов керамики Пенджикента и, следовательно, могут датироваться V — началом VI вв.

Если предположение о связи стрелкового коридора (пом. 26) со строительным периодом I верно, то сведения о фортификации Древнего Пенджикента пополнились новыми уникальными данными. Прежде всего это относится к конфигурации бойниц, которые для этого периода ранее зафиксированы не были. Дальнейшие исследования позволят более точно соотнести открытые сооружения с другими постройками на цитадели и уточнить хронологию их возведения.

Литература

Семёнов Г. Л. 1996. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.

THE INVESTIGATIONS OF THE CITADEL OF ANCIENT PANJIKENT IN 2013–2018

Nikita V. Semenov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Keywords: Sogdiana, ancient Panjikent, Sogdian fortifications.

In 2013, the works began on the northern hillside of the citadel of ancient Panjikent in order to study the relationship between the palace complex of the Panjikent rulers excavated by A. Isakov in the 1960s and the structures on the Kainar spring. As a result of the works there was found the northern wall of the middle line of the citadel fortifications. On the south side of this wall there were discovered some structures of 5th and 6th centuries AD — a room with fragments of murals, a six-meter-high vault and a shooting gallery inside the wall. The stratigraphy and some finds indicate that the citadel was in existence for more than four construction periods, from the 4th to the 8th centuries AD.

ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕНДЖИКЕНТ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Ф. Ш. Аминов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-199-201

Ключевые слова: средневековая археология, Центральная Азия, Древний Пенджикент, Куктош, материальная культура домонгольского времени, средневековая керамика, хронология.

Планомерное исследование домонгольского Пенджикента является новым направлением в археологии, хотя среднее течение р. Зеравшан (Таджикистан), где расположен Пенджикент, археологически изучается с 1946 г. За это время были проведены разведки на правом берегу и левом берегу реки и выявлено большое количество разновременных

памятников, многие из которых впоследствии стали объектами археологического изучения.

Основное внимание специалистов направлено на изучение памятников согдийской археологии и искусства. Однако с 2015 г. Пенджикентская археологическая экспедиция ГЭ начала планомерное археологическое исследование домонгольских слоев Пенджикента.

Этим работам предшествовали немногочисленные находки средневековой керамики на территории современного города. В начале 1990-х гг. Н. Ф. Саввониди раскопал у подножия цитадели Древнего Пенджикента раннесредневековые здания с настенной росписью, которые, судя по керамике, были заброшены в IX — начале X в. Здесь были обнаружены лишь остатки стен небольшого помещения (Саввониди 1991). В 1997 г. И. К. Малкиель изучил случайные находки X–XI вв. в частном доме у стадиона (в 800 м к СВ от подножия Древнего Пенджикента) (Малкиель 1997). В 2013 г. автор исследовал случайные находки X — начала XIII в. в двух домовладениях на востоке Пенджикента (Аминов 2014).

В 2015 г. были заложены два шурфа в месте обнаружения вышеупомянутых находок, изученных И. К. Малкиелем (объект Стадион). Здесь удалось зафиксировать только поливную и неполивную керамику, а также стекло. Все эти артефакты датированы X–XI вв. (Аминов 2016).

В 2016 г. в 1,2 км к востоку от стадиона автор заложил шурф в местности Куктош, где ранее местные жители обнаружили артефакты (объект Куктош). В шурфе были найдены остатки архитектурных сооружений, а также большое количество археологического материала. Судя по поливной, неполивной и расписной керамике, объект датируется X — началом XIII в. (Аминов 2017).

В 2017 г. раскопки были продолжены в 350 м к З от места исследования 2016 г., в заброшенном котловане, ныне используемом под посевы (объект Куктош-2). В южной стене котлована зафиксированы два ряда кладки из жженого кирпича, свидетельствующие о двух периодах обживания. В этом месте было заложено два шурфа.

В 2018 г. работы продолжались на объекте Куктош-2, а также на новом объекте — Куктош-3. На Куктоше-2 заложены три шурфа (5 × 5 м) и доисследован шурф № 2, заложённый в 2017 г. Результаты изучения материалов объекта Куктош-2 позволяют датировать его IX — началом XIII в. На объекте Куктош-3 были заложены два небольших шурфа. В шурфе № 1 зафиксированы два слоя обживания, датированные IX — началом XI и XI — началом XIII в.

В настоящее время можно утверждать, что поселение (или небольшой город) IX — начала XIII в. располагалось в восточной части современного г. Пенджикент.

Литература

Аминов Ф. Ш. 2014. К исследованию памятников предмонгольского времени в округе Пенджикента // Богуславский О. И. (отв. ред.). Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и конфликте: Тезисы МНК молодых ученых, Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2014 г. СПб. С. 20–25.

Аминов Ф. Ш. 2016. Отчет о раскопках на объекте Стадион в 2015 г. // П. Б. Лурье (ред.). МПАЭ. Вып. 19. СПб. С. 22–26.

Аминов Ф. Ш. 2017. Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 году // П. Б. Лурье (ред.). МПАЭ. Вып. 21. СПб. С. 31–38.

Малкиель И. К. 1997. Новые находки поливной керамики саманидского времени из Пенджикента // 50 лет раскопок Древнего Пенджикента: Сб. тез. науч. конф. Пенджикент. С. 42–43.

Саввониди Н. Ф. 1991. Керамика IX–X вв. Древнего Пенджикента // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Проблемы хронологии и периодизации в археологии: Сб. тр. молодых ученых. Л. С. 77–86. (Археологические изыскания. Вып. 3).

PRE-MONGOL PENJIKENT IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL DATA

Firuz S. Aminov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Medieval archaeology, Central Asia, Ancient Panjikent, Kuktosh, material culture of the pre-Mongol period, Medieval pottery, chronology.*

Archaeological investigations of pre-Mongol Panjikent (The Republic of Tajikistan) started in 2015. Since then, several areas were excavated, where found were architectural structures, glazed, unglazed and painted pottery vessels, coins, glass and metal objects. It turned out that Panjikent of the 9th — early 13th centuries was situated in the eastern part of the modern city of Panjakent.

ОБЪЕКТ «ПАНЧМАНОР» НА ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КУХНА (КАРОН) В ДАРВАЗЕ

Л. О. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-201-203

Ключевые слова: *«Панчманор», Дарваз, Чор-минор, Бухара, мечеть.*

Городище Калаи Кухна (Каррон) находится в Дарвазском р-не Горно-Бадахшанской обл. Республики Таджикистан, в 2 км от кишлака Рузвай и в 8,5 км от районного центра, г. Калаи-Хумб. На картах советского времени это место помечено как «перевал Кеврон».

Самое раннее упоминание памятника в литературе относится к 1880-м гг. О развалинах и о связанной с ними легенде писал А. Э. Регель. Я. И. Беляев изложил легенду о возникновении названия «Дарваз», связанную с памятником Калаи Кухна (Карон). На археологической карте М. А. Бубновой памятник назван также Кала-и хана (Мудукакай, Калаи хун, Калаи кун) (Бубнова 1997: 54–56)

В 2012–2014 гг. под руководством академика АН Республики Таджикистан Ю. Я. Якубова городище Калаи Кухна (Карон) исследовал Дарвазский археологический отряд, в работах которого приняли участие А. Б. Никитин и автор настоящей статьи. Были раскопаны несколько объектов: дворец на вершине южного холма, мавзолей (Айванный дом), винодавильня, «Красный зал» и лестница в малом комплексе террас, архитектурное сооружение условно названное «Панчманор»; изучены составляющие памятник террасы, описаны и другие, видимые на поверхности остатки построек; сделаны архитектурные планы и разрезы объектов и всего городища в целом (Якубов 2016; Якубов и др. 2017).

Объект «Панчманор» (рис. 1) раскопан в 2012 г. под руководством Ю. Я. Якубова и доисследовали в 2014 г. Ю. Я. Якубов на основании монет, найденных в шурфе у северо-западной башни (Канишка I) и в нише центральной башни по южному фасаду (кай юань тун бао), считает, что «башня существовала в кушанском периоде и является зороастрийской башней священного

Рис. 1. «Панчманор», вид с южной стороны

огня. По существу она имеет 5 башенок и не находит прямых аналогий среди культовых памятников — зороастрийских храмов. К сожалению, верхняя часть башни не сохранилась, поэтому ритуал разведения огня восстановить не удастся... Башня относится к раннему периоду зороастризма — времени, когда огонь разводился на вершине горы, на каменных алтарях под открытым небом» (Якубов 2016: 151). В качестве аргументов в пользу такой интерпретации «Панчманора» он упоминает каменные алтари с башенками по углам, найденные в горах Пасаргады, башня Саманган в Афганистане, а также письменные источники (Там же: 151–152).

Однако, монетные находки, на наш взгляд, недостаточны для обоснования датировки «Панчманора» (Никитин, Смирнова 2019). Основанием для сомнений в интерпретации и датировке «Панчманора» стали сходство кладки, конструкции фундамента и размера кирпича «Панчманора» и однопортального мавзолея (Айванного дома), найденного на городище и датированного нами второй половиной XIV–XV вв. (Никитин, Смирнова 2017).

Ближайшей аналогией для «Панчманора» видится бухарский Чор-минор. В настоящее время Чор-минор датируется 1809 г. Однако О. А. Сухарева в 1976 г. и Анке фон Кюгельген в 2001 г. усомнились в датировке Чор-минор (Сухарева 1976: 305; Хисматулин 2001: 313). О. А. Сухарева высказала мнение, что памятник был создан ранее конца XVII в.

Для обоснования предполагаемой датировки «Панчманора» были выделены признаки, рассмотренные по отдельности: планировка здания; строительные материалы и кладка стен «Панчманора»; гофры, украшающие боковые башни-колонны; расположение лестницы и ее конструкция; двухуровневая конструкция здания; композиция фасада. Датировка объекта дана по самому позднему признаку. Сделана также попытка выстроить небольшой типологический ряд, вписывающий исследуемый объект в архитектурный контекст.

В результате появилась возможность датировать «Панчманор» XV в. и предположить, что объект являлся мечетью-усыпальницей.

Литература

Бубнова М. А. 1997. Горно-Бадахшанская область. Западный Памир (памятники II тыс. до н. э. — XIX в.). (Археологическая карта Таджикистана). Душанбе.

Хисматулин А. А. (сост.). 2001. Анке фон Кюгельген (Берн, Швейцария) Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII — до начала XIX вв.: опыт детективного расследования // Хисматулин А. А. (ред.). Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб. С. 275–330.

Никитин А. Б., Смирнова Л. О. 2017. О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе // Каримова Г. Р. (ред.). Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80-летию со дня рожд. акад. АН Республики Таджикистан Ю. Я. Якубова. Душанбе. С. 94–102.

Никитин А. Б., Смирнова Л. О. 2019. Нумизматические находки с городища Калаи Кухна (Карон) и проблема датировки сохранившихся архитектурных сооружений // КСИА. В печати.

Сухарева О. А. 1976. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.

Якубов Ю. Я. 2016. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // АРТ. Вып. 38. С. 145–181.

Якубов Ю. Я., Смирнова Л. О., Никитин А. Б. 2017. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна (Карон) в 2013 г. // АРТ. Вып. 39. С. 157–183.

THE STRUCTURE OF “PANJMANOR” AT KALA-I KUKHNA (KARON) IN DARWAZ**Larisa O. Smirnova***The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia***Keywords:** *“Panjmanor”, Darwaz, Chor Minor, Bukhara, Charminar, Hyderabad, mosque.*

The paper expresses doubt about the Kushan-period dating of the “Panjmanor” structure discovered at Kala-i Kukhna (Karon) in Tajikistan, which was proposed by the director of the excavations, Yu. Ya. Yakubov. The present author dates the structure to the 15th century.

DECORATIVELY CUT NARROW RIDGES OF ONE TYPE OF SASANIAN HELMETS AS A MARKER OF CONTACTS BETWEEN IRAN, CENTRAL ASIA AND EASTERN EUROPE**Adam Lech Kubik***University of Siedlce, Siedlce, Poland*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-203-205

Keywords: *arms and armour, Helmets, Sasanian Iran, Central Asia, Eastern Europe, Nomads.*

The decoratively cut edges of ridges constitute an evident eastern borrowing, which appear in Iran, Central Asia and Eastern Europe in Sasanian period. While the mere appearance of decorative cut-outs on segments cannot be the basis for the dating of Euro-Asiatic helmets (Бобров, Худяков 2006), some specific forms allow for the grouping of findings and their chronology (Kubik 2017: 33–42; Kubik, Nicolle 2018: 19–20). In the following paper current author will examine a number of findings from the area of Greater Iran, Central Asia and Eastern Europe with the type of decorative cut-outs that first appeared on the Iron and copper alloy helmet with remains of iron ring-mail neck-guard stated to be from Kuyunjik, suggesting that it was found during Layard’s excavations of Nineveh, Northern Iraq, in late 19th century (James 1986: 118–119; Nicolle 1996: Fig. 34g), currently held in the British Museum (BM. 22495). The author is familiar with more findings with similar form of cut-outs visible on the edges of segments. Second find of such helmet came from the David Collection, Copenhagen (Inv. nr. 24/2005). The helmet itself is of a fourpiece spangenhelme construction, where the main triangle-shaped pieces of the main bowl are conjoined by decorative, spade-form ridges (Kubik 2018; Kubik, Nicolle 2018). According to the David Collection Museum, this helmet was discovered in what is now Iranian territory but was bought from a private collection so the precise location of the find is unknown. Third, similar in construction, came from Perm region, Russia, currently held in Perm Museum, firstly published by M. V. Gorelik (Горелик 2002: 75). Fourth was discovered in Ryelka cemetery and firstly published by L. A. Chindina (Чиндина 1977: рис. 10), currently held in Tomsk University Museum. All of those helmets share some common characteristic: the rivets on the sides of the ridges are placed in vertical lines and grouped in three groups of one (with frontal exception) and there are two decorative cuts between these groups of rivets. We can also observe such decorative cut-outs on segments of the mentioned spangenhelme type helmet in the scenes depicted in the Hall of the Ambassadors of the Afrāsiāb painting (Kubik 2017: rys. 58), date to the mid. — 3/4 of the 7th century. Such form of decorative cut-outs could be observed also on the segments of later helmet constructions (up to the 9th century very beginning of the 10th century), for example on finds from Diurso cemetery in Krasnodar Krai or on the helmet discovered close to the village Moldovanovskoe, Krasnodar Krai territory. We can state that in the 7th–9th century on the territory between current South

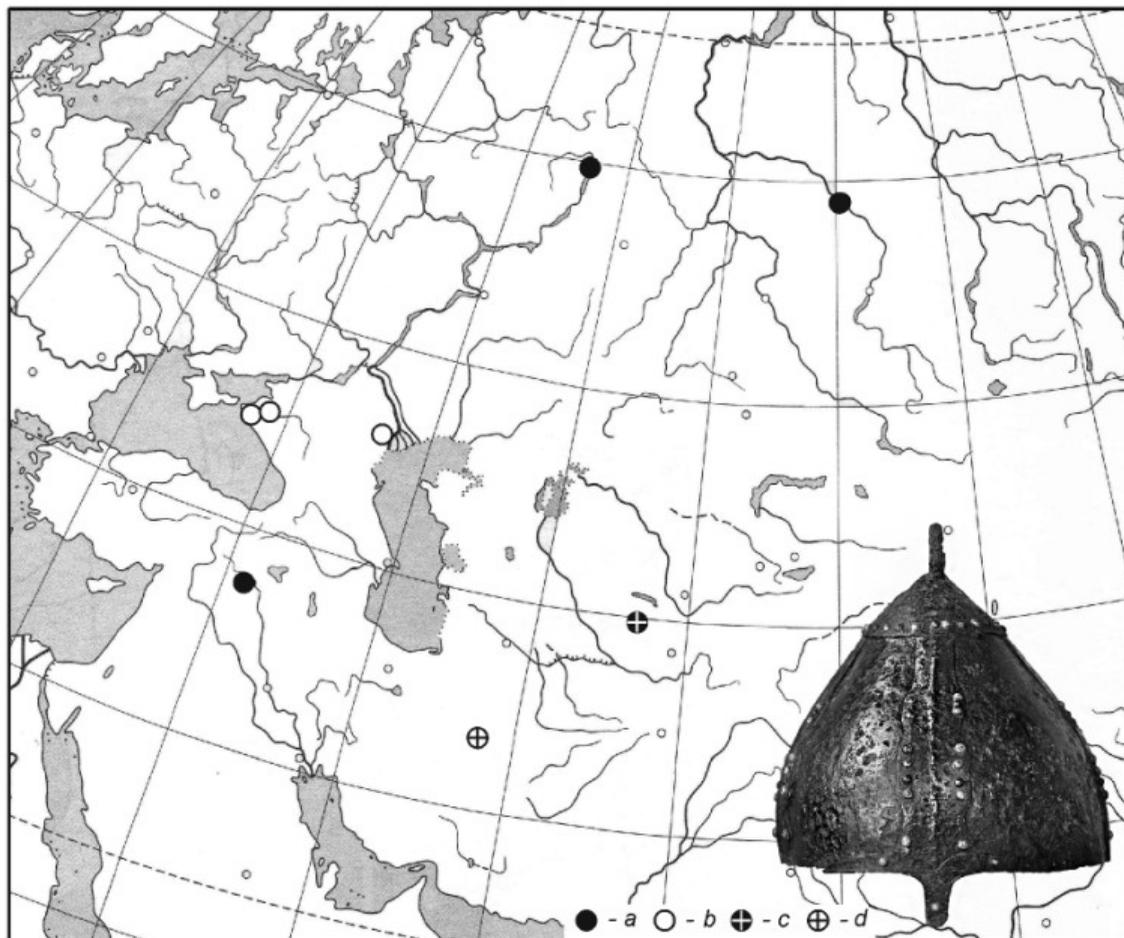

Fig. 1. A map with marked finding sites of helmets with Nineveh type cut-outs: *a* — early Nineveh type helmets; *b* — later forms; *c* — depicted helmet; *d* — the David Collection helmet hypothetical location

Eastern Russia, Central Asia and Iran such decorative cut-outs were quite common form of helmet decoration and that particular form of helmet decoration can be basis for the dating of Euro-Asiatic helmets.

In addition a map (Fig. 1) with marked finding sites of helmets with Nineveh type cut-outs (black dot — early Nineveh type helmets, red dot — later forms, violet dot — depicted helmet, blue dot — the David Collection helmet hypothetical location).

References

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. 2006. Пластины-накладки с вырезным краем на средневековых схемах степной полосы Евразии и прилегающих территорий // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: история, филология 5. 3. Археология и этнография. С. 87–105.
- Горелик М. В. 2002. Армия монголо-татар X–XIV веков, воинское искусство, оружие, снаряжение. М.
- Чиндина Л. А. 1977. Могильник Рёлка на средней Оби. Томск
- James S. 1986. Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets. In: Syria. Année 63. P. 107–134.
- Kubik A. L. 2017. Hełmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI–VIII w. n. e. zarys problematyki. Siedlce.

Kubik A. L. 2018. The Kizil Caves as an *terminus post quem* of the Central and Western Asiatic pear-shape spangenhelm type helmets The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets. In: *Historia i Świat*. 7. P. 141–156.

Kubik A. L., Nicolle D. 2018. The helmet from Multa river reconsidered// Двуреченская О. В. (ред.). *Военная археология*. М. Вып. 4. С. 17–30.

Nicolle D. 1996. *Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid 7th century AD*. Stockport.

ФИГУРНО ВЫРЕЗАННЫЕ УЗКИЕ ГРЕБНИ ОДНОГО ТИПА САСАНИДСКИХ ШЛЕМОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КОНТАКТОВ МЕЖДУ ИРАНОМ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ

А. Л. Кубик

Естественно-гуманитарный университет в Седльце, Факультет истории и международных отношений, Седльце, Польша

Ключевые слова: *оружие и доспехи, шлемы, раннее средневековье, сасанидский Иран, Средняя Азия, Восточная Европа, кочевники.*

В работе рассматривается ряд шлемов из Ирана, Центральной Азии и Восточной Европы, которые отличаются фигурно вырезанными узкими конькообразными накладками на стыки сегментов, формирующих тулью боевых оголовий. Сделан вывод, что в VII–IX вв. н. э. на указанных территориях такие декоративные вырезы были довольно распространенной формой украшения шлемов, что, в свою очередь, может служить основой для датировки раннесредневековых головных доспехов Евразии.

СЕКЦИЯ III

**Искусство древнего населения Центральной Азии, Ближнего
и Среднего Востока от неолита до раннего средневековья**

SECTION III

**The art of ancient population of Central Asia, the Near and Middle East
(from the Neolithic period through the Early Middle Ages)**

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

И. В. Палагута

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им.
А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-207-209

Ключевые слова: доисторическое искусство, раннеземледельческие культуры, мелкая пластика, проблема интерпретации, культурный контекст, иконографический анализ, сравнительный анализ.

Проблема реконструкции духовной культуры в доисторической археологии и смежных гуманитарных дисциплинах остается одной из актуальных. При отсутствии письменных источников здесь ключевую роль играют памятники изобразительного искусства. В широком поясе раннеземледельческих культур, охватившем в VII–IV тыс. до н. э. пространства Евразии от Атлантического до Тихого океана, доминирующей формой изобразительного искусства, изготовленной из стойких материалов — глины, кости, камня — и поэтому дошедшей до нашего времени, стала мелкая пластика. За последние 150 лет в ее интерпретации обозначились несколько, порой взаимоисключающих, путей. В монографии Р. Лижера (2011) они были обозначены как «универсалистские» и «контекстуалистские»: один путь исходит из априорного положения о неких культурных универсалиях, другой — из конкретного культурного и археологического контекстов (Палагута 2012). Истоки этих направлений были заложены еще в XIX в. (Hutton 1997).

Несмотря на то что дискуссия здесь в последние десятилетия развернулась преимущественно в рамках англо-американского научного сообщества, где долгие годы доминировали идеи М. Гимбутас, в рамки этих подходов можно включить и работы авторов из России и стран Восточной Европы. Так, интерпретации Б. А. Рыбакова (1981), следующие, как и трактовки М. Гимбутас, принципу использования свободных ассоциаций вместо доказательств, долгое время оказывали существенное влияние на представления о духовной культуре ранних земледельцев, отраженные в работах советских исследователей. Принцип обращения к внешним идеям, при достаточно поверхностном изучении контекста и иконографии конкретных материалов, сохраняется и сейчас. Наиболее ярко он представлен в работах ряда украинских исследователей, где место обращения к постулатам Б. А. Рыбакова заняло использование идей «сакральной антропологии» М. Элиаде (Бурдо 2001; 2007). При этом сами идеи «волшебника из Бухареста», взятые в основном по переводам, не рассматриваются в контексте развития культурной антропологии, а искусственно присоединяются к материалу. Поэтому мужская статуэтка с изображением фаллоса может легко превратиться в «женщину, обвитую змеями» (Бурдо 2004: 404). Такой подход в настоящее время распространен и среди румынских исследователей, где «палеомифология», обращающаяся, в том числе, и к идеям М. Элиаде, также приобрела широкую популярность. Негативным результатом таких исследований стало отношение к любой реконструкции как к очередному субъективному мнению того или иного автора.

Тем не менее в исследовании мелкой пластики доисторических культур Ближнего Востока и Средиземноморья отчетливо обозначается линия, связанная с П. Акко (1968), которая стала важной вехой в изучении анализируемых памятников. В том же ключе, основываясь на анализе конкретного материала, используя в комплексе элементы искусствоведческого анализа (подходя к статуэткам как к памятникам искусства), не избегая широких аналогий, но оговаривая конкретные исключения, выстроена работа по раннеземледельческой пластике Средней Азии В. М. Массона и В. И. Сарияниди (Массон, Сарияниди 1973). Линию этих исследований проводит и Е. В. Антонова (1977; 1984). Таким образом, путь объективного анализа материала, в той или иной мере, был реализован в отечественных востоковедческих исследованиях.

Разрыв между эмпирикой и теорией, наблюдаемый во многих современных исследованиях, можно преодолеть через тщательное исследование археологического контекста, выявление связей находок в его пределах; через иконографический анализ материала; через реконструкцию социального контекста и рассмотрения предметов искусства в качестве средства социальной коммуникации. Использование сравнительного анализа не должно исчерпываться поиском подходящих аналогий из круга материалов, накопленных в области истории и этнографии. Это — сравнительно-иллюстративный метод, представленный, например, в трудах Дж. Дж. Фрэзера, показавший свою несостоятельность еще в начале XX в. (Эванс-Притчард 2004). Избежать этого позволяет сопоставление не только самих находок, но и их контекстов.

Литература

- Антонова Е. В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е. В. 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.
- Бурдо Н. 2007. Сакральний світ трипільської цивілізації. Київ.
- Бурдо Н. Б. 2004. Сакральний світ трипільської цивілізації // Відейко М. Ю. (ред.). Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 1. Київ. С. 344–419.
- Бурдо Н. Б. 2001. Теракота трипільської культури // Рижов С. М., Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю., Магомедов Б. В. Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. Ч. 1. Київ. С. 61–146.
- Массон В. М., Сарияниди В. И. 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.
- Палагута И. В. 2012. Интерпретируя древние статуэтки: от «универсалистских» интерпретаций к искусствоведческому подходу (Рец. на: Lesure R. G. *Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.) // Российский археологический ежегодник. СПб. 2. С. 734–737.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.
- Эванс-Притчард Э. 2004. Теории примитивной религии. М.
- Hutton R. 1997. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition. In: *Antiquity*. 71 (271). P. 91–99.
- Lesure R. G. 2011. *Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art*. Cambridge.
- Ucko P. J. 1968. *Anthropomorphic figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with comparative material from the prehistoric Near East and Mainland Greece*. London.

ON THE PROBLEM OF THE METHODOLOGY OF RESEARCHING WORKS OF PREHISTORIC ART

И́я V. Palaguta

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

Keywords: *prehistoric art, early agricultural cultures, figurines, interpretation, cultural context, iconographic analysis, comparative analysis.*

The dominant form of fine arts in the Eurasian early agricultural cultures was “mobile” small sculptures: anthropomorphic and zoomorphic figurines, and different kinds of models. Their studies may be defined as universalist and contextualist approaches (Lesure 2011). Such approaches can be traced as well in the studies of Russian and Eastern European scholars. In addition, since the late 1960s, an integrated approach emerged, being reflected both in archaeological and oriental studies. Problems in the interpretation of figurines can be overcome within the framework of this approach that is based on a thorough study of the archaeological context, iconographic analysis; reconstructions of the social context, and a consideration of objects of art as means of social communication. The use of comparative analysis is also quite productive one, but under the condition of a comparison not only of the finds themselves, but of their contexts.

«ДЫХАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-209-212

Ключевые слова: *Южная Сибирь, эпоха ранних скотоводов, окуневская культура, искусство, восточные цивилизации, традиция.*

Произведения искусства окуневской культуры отличаются удивительным разнообразием изобразительной деятельности, включающим статуарные памятники (каменные изваяния и стелы), предметы мелкой пластики, гравировки на кости и наскальные изображения. Не менее различны упомянутые находки по условиям их обнаружения и по представленным в них сюжетам. Создается впечатление, что окуневская культура вобрала в себя все художественное наследие древней Сибири, при том, что подобных произведений нет ни в предшествующей афанасьевской, ни в последующей андроновской культурах. Это обстоятельство требует какого-то внятного объяснения, которое до сих пор так и не появилось.

Судя по имеющимся материалам, вряд ли можно предполагать наличие одного места исхода окуневской изобразительной традиции. Это естественным образом сопряжено с решением проблемы происхождения окуневской культуры, что само по себе составляет еще более сложную, нерешенную проблему. Более оправданным представляется нарративный подход при рассмотрении окуневского искусства: а именно компонентный анализ составляющих его элементов, условий их появления и контаминации в единый изобразительный пласт.

Окуневский культурный комплекс *a priori* является двухкомпонентным образованием, сочетающим местный (неолитический?) компонент и пришлый компонент, связанный с приходом нового скотоводческого населения, что подтверждается и данными антропологии. К местному компоненту, помимо основных категорий сопроводительного инвентаря, можно отнести изображения «ангарского» стиля; правда, в арсенале окуневского искусства они крайне немногочисленны. Все остальное есть результат различного рода

инноваций. Однако прямых аналогов им в окружающем мире более высоких культур нет, поэтому образное выражение М. Д. Хлобыстиной — «дыхание восточных цивилизаций» — представляется особенно удачным.

Начало этого процесса было положено еще в эпоху первого широкого расселения ранних скотоводов, крайним форпостом которых на востоке стала афанасьевская культура на Енисее. До недавнего времени считалось, что изобразительное (фигуративное) искусство вообще не было свойственно для афанасьевцев (или следы его остались невыявленными). Сейчас благодаря работам Ю. Н. Есина и других специалистов, положение изменилось. К эпохе ранних скотоводов (афанасьевцы в Южной Сибири) можно отнести загадочные «решетчатые» женские фигуры из Колбак-Таша (Горный Алтай), имеющие, с точки зрения содержания, параллели в изобразительных материалах Ближнего Востока периода Джемдет-Наср (так называемые «хижины для рождения» и связанные с ними изображения животных). По условиям нахождения в афанасьевском слое с ними связаны такие же изображения из Кучерлы (В. И. Молодин), а по стилистическим особенностям — петроглифы «минусинского» стиля на Енисее.

Имеются основания полагать, что расселение ранних скотоводов происходило в полосе предгорий Средней и Центральной Азии, вблизи от мест расселения ранних земледельцев, что подтверждается неоднократными находками афанасьевской керамики в древних земледельческих центрах, в особенности открытиями последних лет погребений ямно-афанасьевского типа в Восточном Казахстане и на Иртыше (В. К. и И. В. Мерц). Такое расселение создавало наилучшие условия для восприятия основных (канонических) ценностей из зоны высоких цивилизаций. Можно предполагать, что таким же образом продвигались и носители окуневской традиции (вторая волна расселения ранних скотоводов, по И. П. Лазаретову).

По данным радиоуглеродного анализа, опубликованным в работах А. В. Полякова и С. В. Святоко, общая продолжительность существования окуневской культуры составляла около 600 лет (по крайним датам XXV–XIX вв. до н. э.). За это время окуневская культура на Енисее прошла через несколько этапов (не менее трех), для каждого из которых вопрос о составе (и происхождении?) образов окуневского искусства должен решаться по-своему.

В памятниках тас-хазинского или уйбатского этапа, где контакты с населением афанасьевской культуры еще наиболее ощутимы, проявляются не менее далекие и опосредованные параллели, уже привлекавшие к себе внимание исследователей (А. Н. Липский, Л. Р. Кызласов, В. Д. Кубарев). К ним относятся фас-профильное изображение «шагающих» фигур-маскоидов, близко напоминающее древнеегипетские изображения; также, возможно, сама идея изображения культовых сооружений, отраженная в рисунках каркасных построек из Тас-Хазы, но уже, конечно, в новом, местном исполнении.

Основное количество памятников окуневского искусства относится к «классическому» (черновскому) этапу культуры. Среди них можно выделить целый ряд сюжетов, навеянных влиянием восточных цивилизаций. Одни из них пока можно относить к универсальным, другие имеют более конкретный источник происхождения. Перечислим наиболее очевидные из них и предполагаемые параллели.

Геральдические композиции (Аскиз I, кург. 2) принадлежат к очень широкому, в том числе и значительно более раннему кругу параллелей. То же можно сказать о сцене «заглавования» (в окуневской культуре — навершие рогового жезла из Черновой VIII — самая ранняя композиция подобного рода в искусстве древней Сибири). У изображения «божества» со змеями из ул. Онхаков круг западных аналогий достаточно широк — от печатей из Древней Бактрии — до богини со змеями из Кносского Дворца. Изображение хищника с раскрытой пастью и длинным высунутым языком встречено на окуневских плитах

неоднократно (Черновая VIII, Есино II, Бырганов, Аскиз I, кург. 2). Наиболее близкие параллели им представлены на глиняных печатях из Древней Бактрии. Более поздние и более западные аналогии имеются в Михайловском кладе, в изображениях на керамике геометрического стиля, на беотийских фибулах, в кобанских бронзах; более восточные — в так называемом шичжайшаньсий хищнике и еще более поздние в Китае, в изображениях периода царства Дянь.

К позднему (разливскому) этапу относятся изображения в стиле «тощих быков» и способ запряжки быков с кольцом в носу, имеющие, скорее всего, анатолийское происхождение (по Е. А. Миклашевич).

Особого внимания заслуживают изображения на лицевой стороне каменных изваяний, представляющие пример трехчастной вертикальной композиции. Посередине показана личина яйцевидной формы с бычьими рогами и «третьим» глазом (в этом отношении возможно прав Д. А. Мачинский, указавший на сходство этих личин с яйцевидной формой афанасьевских сосудов). Объединение образов быка и сосуда является явным отражением индоевропейской мифологии генеалогического цикла. В верхней части, с различной степенью детализации, помещен образ змея, заглатывающего «нечто». В нижней находится солярный знак, как символ противопоставления угрожающей силе змея. Эта мифологема, полностью или частично, иногда со значительными добавлениями, повторяется на большинстве окуневских изваяний (вариант — голова «заглатывающего» хищника в нижней части камня, солярные знаки на боковых сторонах).

Говорить о точной датировке приведенных и еще не упомянутых аналогий трудно, большинство из них относятся к разному времени, но в целом они «укладываются» (кроме самых поздних) в общий период существования окуневской культуры и могли отразиться в искусстве населения Южной Сибири на разных этапах ее развития. Это вполне соответствует динамике расселения ранних скотоводов, справедливо названной В. А. Новожезовым «эпохой фургонов». Ближайшим источником этих инноваций могла быть Древняя Бактрия, в искусстве которой на том же хронологическом срезе располагается большинство из приведенных параллелей, но вполне возможны и другие решения данного вопроса.

Важно отметить, что все (или, во всяком случае, большинство) из приведенных выше случаев являются не только отдельными образами, а уже сложившимися композициями, выполненными во вполне «узнаваемом» окуневском стиле. Это является свидетельством того, что на территорию Южной Сибири, как и на все промежуточные территории, проникли не сами изображения, а исходные мифологемы, транслировавшиеся в определенной этической среде на очень далекие расстояния и затем уже воплощенные в местной изобразительной традиции.

“A BREATH OF THE EASTERN CIVILIZATIONS” IN THE MONUMENTS OF ART OF THE OKUNEV CULTURE

Dmitrii G. Savinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Keywords: Southern Siberia, epoch of early cattle-breeders, Okunev culture, fine arts, Eastern civilizations, tradition.

The paper discusses the origin and development of the Okunev art, whose figurative monuments include stone sculptures, steles, small plastic objects, engraving on bones and rock paintings. These monuments of art are very diverse, both in the place of their manufacture and in the topics and images embodied in them. In his interpretation of the origin of the Okunev art the author uses a multicomponent analysis. A conclusion is made regarding reflections in the monuments of the Okunev

culture of figurative traditions of the agricultural population of the Eastern civilizations of the Early Bronze Age. On the other hand, it is emphasized that the Okunev art was already an independent and absolutely established figurative tradition of the ancient art of Southern Siberia.

ОБРАЗ БЫКА В ИСКУССТВЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов¹

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-212-213

Ключевые слова: Центральная Азия, Алтын-депе, Тува, эпоха бронзы, изображения быка, наскальные рисунки.

В 1971 г. одному из авторов довелось работать в экспедиции В. М. Массона на Алтын-депе (Южный Туркменистан). На этом памятнике был открыт уникальный комплекс, включавший небольшую золотую головку быка, что являлось событием сенсационным. Эта вещь, опубликованная в научных трудах В. М. Массона, конечно известна всем археологам, имеющим отношение к азиатской археологии, но все же осмелимся напомнить о некоторых ее стилистических особенностях, в частности, о том, что у фигурки были вставные рога и уши, морда слегка вытянутая, заканчивалась круглым «пяточком». Эта культовая вещь находилась в древнем святилище, датируемом временем Намазга V, то есть последними веками III тыс. до н. э.

Аналог этому изделию был обнаружен далеко от Туркмении в центрально-азиатской Туве. Здесь в пос. Хадын был найден фрагмент каменной чаши с ручкой (?), выполненной в виде головы быка. Рога не изображены, но показаны широко раскинутые, как у алтынского быка, уши, глаза и нос «пяточком». Разница в материале и разрыв во времени (хадынский бык датируется первой третью — серединой II тыс. до н. э.) позволяют рассматривать оба изображения с точки зрения идентификации как общую идею быка-«бога», быка-жертвы, быка-спасителя или переносчика душ умерших из одного каршвара в другой. Этим объясняется большое количество образов быка, представленных на скалах Центральной Азии в эпоху бронзы, исчезающих с наступлением скифского времени, когда на смену изображению быка приходит образ оленя.

THE IMAGE OF THE BULL IN THE ART OF THE BRONZE AGE OF CENTRAL ASIA

Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Central Asia, Altyn Depe, Tuva, Bronze Age, bull representations, rock drawings.

In 1971, one of the authors happened to work in the expedition of Vadim M. Masson at Altyn Depe (Southern Turkmenistan). It is in this settlement that there was found a small golden head of a bull with insertable horns and ears, a slightly elongated muzzle of which ends with a round patch. This cult thing dates back to the last centuries of the 3rd millennium BC.

An analogue to this work of art was discovered in Tuva. There, in the village of Khadyn, a fragment of a stone bowl with a handle (?) was found, which had been made in the form of a bull's head with the wide-spread ears, eyes and nose in the shape of a "snout": in a word, all the features are like those

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

of the bull from Altyn Depe. Although the Khadyn bull dates from the first third — middle of the 2nd millennium BC., both these images should be considered as a general idea of the bull-“god”, bull-“victim”, bull-“saviour” or bull-“carrier” (to bring the souls of the dead from one *karshvar* to another).

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ БИТРЕУГОЛЬНОГО СТИЛЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

К. И. Ташбаева

*Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Киргизии,
Бишкек, Киргизия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-213-215

Ключевые слова: Саймалы-Таш, петроглифы, битреугольный стиль, чувская культура, энеолит, эпоха бронзы, Ошское поселение, Дальверзин.

Среди наскальных рисунков Центральной Азии встречаются изображения животных и людей, выполненные в битреугольном стиле. Наибольшее распространение этот стиль получил в петроглифах Саймалы-Таша (Кыргызстан).

А. Н. Бернштам одним из первых обратил внимание на изображения в битреугольном стиле среди петроглифов Саймалы-Таша и отметил их сходство с рисунками на керамике типа Сузы I и II (A и D) в Иране, которые датируются IV–III тыс. до н. э. Однако, он не решился синхронизировать эту группу петроглифов с керамическими сюжетами и осторожно датировал их II тыс. до н. э. (Бернштам 1952). Датировку А. Н. Бернштама приняла Г. А. Агафонова (Помаскина), исследовавшая Саймалы-Таш в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (Агафонова 1977). В. М. Массон подверг сомнению эту отдаленную аналогию и датировку, предложенную А. Н. Бернштамом (Массон 1959: 73).

Ю. Н. Голендухин впервые предложил датировать выполненные в геометрическом стиле рисунки Саймалы-Таша III тыс. до н. э. Он также отметил, что расцвет искусства петроглифов соответствует именно этому древнейшему этапу функционирования «горного храма» (Голендухин 1971). Дату древнейших рисунков Саймалы-Таша III тыс. до н. э. детально обосновывал Я. А. Шер. Правильность такого вывода он аргументировал тем, что в памятниках чувской культуры Ферганской долины, нижняя дата которой приходится на середину II тыс. до н. э., нет образцов расписной керамики с подобными изображениями (Шер 1978; 1980: 205–207).

Однако, в 1979 и 1982 гг. при раскопках Ошского поселения чувской культуры были найдены два фрагмента керамики с фигурками животных, выполненных в битреугольном стиле, что дало основание Ю. А. Заднепровскому датировать такую манеру изображений II — началом I тыс. до н. э. (Заднепровский 1997).

На мой взгляд, два фрагмента керамики с изображениями животных не могут влиять на датировку огромного пласта наскальных рисунков, выполненных в типичном для Саймалы-Таша геометрическом стиле, который не характерен для чувской керамики. Например, керамическая коллекция Дальверзина составляет более 60 000 экз., а Ошского поселения — около 15 000 экз., среди которых имеется около 6000 расписных фрагментов. И только на двух из них нанесены изображения животных в рассматриваемом стиле.

В Южном Туркменистане зооморфный орнамент характерен для росписи глиняных сосудов, найденных на поселениях в слоях Намазга III и IV. Это же традиция представлена и в орнаментации керамики таких памятников как Сузы, Гиан, Сиалк (Иран). В целом все эти изображения относятся к IV–III тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. в Центральной Азии

зооморфные мотивы на посуде исчезают вместе с прекращением обычая украшать сосуды росписью.

Необходимо объяснить причину появления этих двух образцов керамики в чустской культуре. Их можно трактовать как результат связей местных племен с населением древнеземледельческих оазисов или, учитывая культовый характер Ошского поселения, как сохранение реликвии, доставшейся от предшественников.

Таким образом, в датировании битреугольных рисунков наметились две основные тенденции. Одни исследователи — А. Н. Бернштам, Г. А. Агафонова, Ю. А. Заднепровский — относили группу изображений, выполненных в этом стиле, ко II — началу I тыс. до н. э., а другие — Я. А. Шер, Ю. Н. Голендухин, К. Ташбаева (Ташбаева 2004; 2006 и др.; Tashbaeva et al. 2001) — к III тыс. до н. э.

Древнейшую группу петроглифов, выполненных в геометрической манере, пока преждевременно «омолаживать» на основании находок лишь двух фрагментов керамики. Для этого необходимо наличие многочисленных образцов расписной чустской керамики, орнаментированных в зооморфном стиле. Датировка петроглифов битреугольного стиля III — началом II тыс. до н. э. пока остается в силе и по другим признакам. И, конечно, интересен вопрос, что было первичным: роспись на керамике или выбивка рисунков на камнях.

Литература

- Агафонова Г. А. 1977. Наскальные изображения Тянь-Шаня эпохи бронзы и раннего железного века как исторический источник: автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Бернштам А. Н. 1952. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 2. С. 50–68.
- Голендухин Ю. Н. 1971. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таш // Васильевский Р. С. (ред.). Первобытное искусство. Новосибирск. С. 181–202.
- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. (МИА. 73).
- Заднепровский Ю. А. 1997. О датировке изображений геометрического стиля Саймалы-Таш // Курылев В. П. (ред.). Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1994–1995 гг.: краткое содержание докладов. СПб. С. 26–27.
- Ташбаева К. 2004. Памятники Кыргызстана // Рогожинский А. Е. (ред.). Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное мнение, менеджмент, консервация, документация. Алматы. С. 93–106.
- Ташбаева К. 2006. Высокогорная галерея Саймалы-Таш — культурное наследие Кыргызстана // Джуманалиев А. Дж. (отв. ред.). Кыргызстан: история и современность. Бишкек. С. 246–256.
- Шер Я. А. 1978. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша // Луконин В. Г. (ред.). Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л. С. 163–171.
- Шер Я. А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
- Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z. 2001. Petroglyphs of Central Asia. Bishkek.

ON THE PROBLEM OF DATING THE BI-TRIANGULAR STYLE IN THE ROCK ART OF CENTRAL ASIA

Kadicha I. Tashbaeva

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Keywords: *Saimaluu-Tash, rock carvings, petroglyphs, bi-triangular style, Chust culture, Aeneolithic, Bronze Age, Osh settlement, Dal'verzin.*

Among the rock carvings of Central Asia, including Saimaluu-Tash, there are a huge number of images made in the bi-triangular style, which, in particular, is typical for the images of animals harnessed to chariots. This style also has close analogies in the paintings of ceramic vessels originating from the monuments of ancient agricultural regions of the Near East and Central Asia (Turkmenistan, 4th — 3rd millennia BC). There is no consensus among the scholars about the dating of such rock carvings. The present author suggests to attribute the bi-triangular style to the 3rd — 2nd millennia BC, based on the analysis of materials of the Chust culture of Ferghana and analogies in the painting of the ceramic vessels.

МОДЕЛЬ ПАЛЬМИРСКОЙ СТЕЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Э. В. Ртвеладзе, В. Р. Цилицкая

*Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан,
Ташкент, Узбекистан*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-215-218

Ключевые слова: Средняя Азия, Туркестанский кружок любителей археологии, модель стелы, Пальмира, Восточное Средиземноморье.

В экспозиции одного из залов Государственного музея истории Узбекистана (Ташкент) выставлен любопытный предмет шириной 13 см и высотой 12,5 см, выточенный из камня темного цвета и представляющий собой, вероятнее всего, уменьшенную модель стелы с рельефным парным изображением мужчины и женщины в момент прощания (инв. № 321/1) (рис. 1). Особый интерес представляет арамейская надпись на постаменте, расположенном под персонажами. Насколько нам известно, ни сам этот предмет, ни надпись на нем еще не были объектом специального исследования.

По данным хранителя археологических фондов В. Миносяна, данный артефакт поступил в собрание музея из Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА). В 1900 г. в Ташкенте была издана отдельная брошюра, посвященная описанию археологической и нумизматической коллекций как упомянутого музея (тогда — Народного музея Туркестана), так и ТКЛА (Остроумов, Аничков 1900). Однако в их составе исследуемый нами предмет не числится.

ТКЛА прекратил свое существование в 1918 г. Следовательно, наша модель поступила в музей между 1900 и 1918 гг. Также хорошо известно, что, за редчайшими исключениями (в число которых входит найденное вблизи Хотана в Восточном Туркестане глиняное изображение человеческого лица, переданное в музей П. А. Дьячковым, — см.: Остроумов, Аничков 1900: 25), археологическую коллекцию музея и ТКЛА составляли предметы, найденные в основном на территории Узбекистана, Киргизии и юга Казахстана. Это позволяет предполагать, что публикуемая находка была обнаружена где-то в Средней Азии, возможно, в Северной Бактрии или Согдиане, которые, наряду с Парфиеной и Маргианой, были тесно связаны торговыми путями с Восточным Средиземноморьем, Малой Азией и Закавказьем.

Публикуемый предмет представляет собой подквадратную с округлым верхом (аркой) плитку с барельефными поясными изображениями мужского (слева) и женского (справа) персонажей, сидящих в нише, обрамленной аркой, в креслах с округлой спинкой. Фигуры развернуты в три четверти и обращены друг к другу, соприкасаясь как бы в жесте «прощания». Мужской персонаж одет в халат (?) с рукавами, на голове круглая шапочка с шишаком, из-под которой ниспадают волосы. На женском персонаже одеяние в виде

накидки с капюшоном, увенчанным шаром. Под фигурами — прямоугольный постамент, по верхнему краю которого проходит полоса, состоящая из отдельных выпуклин.

В центре постамента помещена курсивная арамейская надпись в две строки. В первой строке имеется шесть букв, во второй — семь. Исходя из особенностей начертания арамейских букв, я предлагаю следующую транскрипцию надписи, хотя вероятны и другие варианты:

- zny/hlbn
- ny/hndy/hnz

Возможно, надпись содержит имена мужского персонажа и его отца (в этом убеждает наличие слова BN — «сын» в конце первой строки надписи), а также имя женского персонажа. Наличие слова BN в конце первой строки, означающего в языках семитского происхождения слово «сын», позволяет считать, что это не согдийская надпись, за какую ее можно было бы принять, учитывая близость начертания согдийских букв и букв в рассматриваемой надписи, а арамейская.

Отметим также, что как по форме, так и по композиции и особенностям изображения данный предмет весьма схож с надгробными памятниками Восточного Средиземноморья, особенно Пальмиры. Так, среди изображений на пальмирских стелах нередки парные изображения женских и мужских персонажей, помещенных, как и на вышеозначенном предмете, в нише под арочной рамой (см., например: Тапабе 1986: nos. 177, 181, 209–210). Также нередки на пальмирских надгробных рельефах и женские образы, представленные в одеянии в виде накидки (плаща?) с капюшоном. Надписи на пальмирских стелах чаще всего нанесены вверху, но имеются стелы, где таковые размещены внизу на основании рамы (Тапабе 1986: nos. 335–361).

Надгробные стелы с различного рода изображениями были широко распространены среди населения Восточного Средиземноморья и Малой Азии, а также среди римских легионеров (Голубцова 1977: 115–116, 168, 191 и сл.; Перевалов 2007: 9). Однако такого рода погребальные стелы совершенно не свойственны населению Средней Азии, погребальные сооружения и погребальные обряды которого эпохи античности хорошо изучены.

Таким образом, наличие арамейской надписи, сходство деталей надгробий и изображений позволяет предположить, что анализируемый предмет поступил в Среднюю Азию из Восточного Средиземноморья или, возможно, был изготовлен в одном из городов Средней Азии лицом арамейского происхождения, более того, возможно, выходцем из Пальмиры, подавляющее большинство населения которой составляли арамеи. Вероятнее всего, данный предмет представляет собой уменьшенную копию надгробной стелы пальмирского стиля, которая, возможно, предназначалась для установки в домашнем святилище или же для подношения в храм в качестве вотива.

Рис. 1. Модель пальмирской стелы из собрания Государственного музея истории Узбекистана (Ташкент)

Весьма важно, что в Маргиане найдены две пальмирские погребальные стелы с арамейскими надписями (Массон 1966; Masson 1967). На одной из них имеется горельефное изображение девочки в полный рост, в поле справа — надпись: «Байт, дочь Хайрана, потомка Тиймарцу. Увы!». На другой — бюст мужчины и надпись: «Портрет Мезаббана, сына Борей, (сына) Ниха. Увы!» (о художественной значимости этих скульптур см.: Пугаченкова 1967: 53–55).

Эти плиты были выкопаны в 1959 г. в Векиль-Базаре, по-видимому, на месте бывшей усадьбы князя М. Алиханова-Аварского. Однако их открытие состоялось еще в конце XIX в., а прочтение арамейских надписей на них по фотографиям было осуществлено М. В. Никольским (1896) и уточнено П. К. Коковцовым (1908: 277). После отъезда начальника Мервского округа М. Алиханова-Аварского в Тифлис эти плиты были закопаны в его поместье, а затем вновь открыты в 1959 г., как это и показал М. Е. Массон на основе архивных и опросных данных (Массон 1966; Masson 1967). На основании находок этих стел Г. А. Кошеленко полагал, что в Мерве могла существовать торговая фактория пальмирских купцов (Кошеленко 1966: 76).

Особо следует отметить, что в одном из арамейских документов позднеахеменидского времени, происходящих с территории древней Бактрии, упоминается храм (иранск. *bagina*) Бела (Shaked 2004: 45), что свидетельствует о почитании там этого семитского божества. Культ Бела был широко распространен среди сирийцев и других западносемитских народов. Известно, что в Пальмире Бел был верховным божеством, возглавлявшим триаду богов (Бел, Ёарихбол, Аглибол) (Мелетинский 1990: 92–93).

Литература

- Голубцова Е. С. 1977. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I–III вв. М.
- Коковцов П. К. 1908. К пальмирской археологии и эпиграфике // Известия Русского археологического института в Константинополе. София. Т. 13. С. 277–302.
- Кошеленко Г. А. 1966. Культура Парфии. М.
- Массон М. Е. 1966. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса // ИАН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. Ашхабад. № 1. С. 55–62.
- Мелетинский Е. М. (гл. ред.). 1990. Мифологический словарь. М.
- Никольский М. В. 1896. Две новооткрытые пальмирские надписи // Древности восточные: М. С. 163–164 (Тр. Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 2/1).
- Остроумов Н. П., Аничков И. В. (сост.). 1900. Описание археологической и нумизматической коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку / При участии студентов Императорского Санкт-Петербургского университета М. и А. Ульяновых и Н. Остроумова. Ташкент.
- Перевалов С. М. 2007. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ. Т. 7/4. С. 2–12.
- Пугаченкова Г. А. 1967. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.
- Masson M. E. 1967. Two Palmyrene Stelae from the Merv Oasis // East and West. New Ser. Rome. Vol. 17/3–4. P. 239–247.
- Shaked Sh. 2004. Le satrape de Bactriane et son gouverneur: Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. Conférences données au Collège de France 14 et 21 mai 2003. Paris (Persika. 4).
- Tanabe K. (ed.). 1986. Sculptures of Palmyra. Tokyo. I (Memories of the Ancient Orient Museum. Vol. I).

A PALMYRENE STELE MODEL FROM THE COLLECTION OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF UZBEKISTAN

Edward V. Rtveladze, Violetta R. Tsilitsskaya

Fine Arts Research Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Keywords: *Central Asia, Turkestan Study Group of the Devotees of Archeology, stele model, Palmyra, Eastern Mediterranean.*

The exposition of the State Museum of History of Uzbekistan (Tashkent) exhibits a curious object, never published before, which is a slab (13 cm wide and 12,5 cm high) with a rounded top (arch), carved from a stone of dark colour. On it, there is the relief paired image of a man and a woman at the moment of parting. Of particular interest is an Aramaic inscription on the pedestal placed below the personages. This artifact entered the museum's collection from the Turkestan Study Group of the Devotees of Archeology between 1900 and 1918. It was discovered somewhere in Central Asia, possibly in Northern Bactria or in Sogdiana. Both in the form and composition and image features, this piece of funerary art is very similar to the tombstones of the Eastern Mediterranean, especially of Palmyra. The presence of the Aramaic inscription, the similarity of many details of the tombstones and images suggests that the analyzed object came to Central Asia from the West, or, possibly, was made in one of the cities of Central Asia by an Aramean who could be, moreover, an emigrant from Palmyra. Most likely, the object in question is a small copy of a Palmyrene-style tombstone stele, which may have been intended to be installed in a home sanctuary or to be brought as a votive offering to a temple.

АТТРИБУТЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В СОГДИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ V–VIII ВВ.¹

В. И. Распопова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-218-219

Ключевые слова: *Согдиана, V–VIII вв., Древний Пенджикент, живопись, атрибуты власти.*

Живопись V–VIII вв. показывает нам почти исключительно представителей высших слоев согдийского общества, включавших сословие знатных землевладельцев, известных арабо-персидским авторам под названием дехкан, и богатое купечество, а также жречество. Для представителей этих групп населения было важно зафиксировать свое положение в обществе, свое социальное лицо, что и нашло отражение в точности передачи художниками сословных атрибутов и места каждого персонажа в той или иной церемонии. Согдийские художники обычно изображали реально существовавшие вещи с большой точностью. Это показало сравнение изображений с вещами, найденными при раскопках.

Исследованы тронные залы во дворцах правителей в Варахше, Пенджикенте и Шахристане. При этом в отличие от подлинно царского династийного искусства Ирана в Средней Азии, например, в Пенджикенте в подобных композициях нет центральной фигуры царствующего государя. Во дворце Деваштича росписи боковых стен тронного зала, по видимому, передавали события недавнего прошлого: осаду Самарканда арабами и коронацию царя (самого Деваштича в 718 г.?), однако, по своим композиционным принципам

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

эти росписи мало в чем расходились с иллюстрациями к эпическим повествованиям. В нескольких домах Пенджикента открыты композиции пира и конной охоты, связанные с представлениями о счастливой «царской» жизни.

В работе анализируются такие атрибуты царской власти как трон, корона, булава, пояс, подушки, а также разобран вопрос о масштабе изображенных персонажей.

ATTRIBUTES OF ROYAL POWER IN SOGDIAN PAINTING OF THE 5TH — 8TH CENTURIES

Valentina I. Raspopova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: Sogdiana, 5th — 8th centuries, Ancient Panjikent, painting, attributes of power.

The author analyzes such attributes of royal power as the throne, crown, mace, belt, pillows, and discusses as well the question of the scale of the personages depicted.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ РОСПИСЕЙ ДРЕВНЕГО ЭРЕБУНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГМИИ ИМ. А. С. ПУШКИНА

О. Н. Беляевская*, Е. Л. Малачевская*, А. А. Ясеновская**

** Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва, Россия; ** Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-219-220

Ключевые слова: археология, монументальная живопись, исследования, красочные слои, пигменты, грунт, связующее, сохранение.

В ГосНИИР выполнено исследование нескольких фрагментов древних урартских монументальных росписей (VIII–VII вв. до н. э.) из коллекции отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, представляющих большую историческую и художественную ценность. Фрагменты росписей были найдены при археологических раскопках цитадели древнего Эребуни на склонах холма Арин-Берд недалеко от Еревана. Эти полевые изыскания в 1951–1968 гг. проводили Институт археологии и этнографии АН Армении и ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством К. Хованисяна и И. Лосевой. Для долговременного сохранения фрагменты с росписями сразу после раскопок были заключены в специальные контейнеры, впоследствии проведена превентивная консервация живописного слоя с тонировкой.

Росписи выполнены на глинобитном основании с включениями резаной соломы. На выровненной лицевой поверхности основания частично сохранились орнаменты и сюжетные сценки. Полихромные росписи имеют следующие основные цвета: сине-голубой, красный, желтый, коричневый, зеленый, черный. В живописных сюжетах фрагментов преобладают сине-голубые тона (рис. 1).

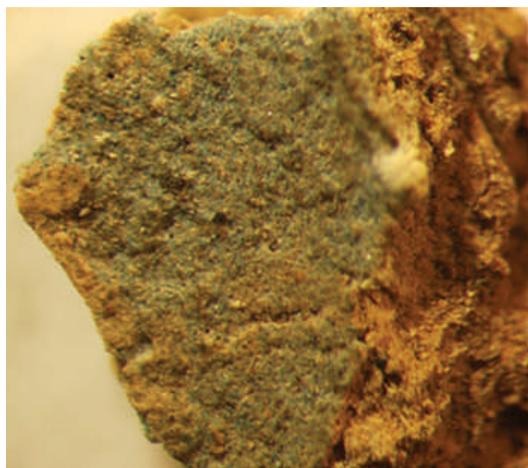

Рис. 1. Эребуни, фрагмент стенописи с голубым красочным слоем (крупный план)

Изучение фрагментов из коллекции ГМИИ им. Пушкина представляет большой интерес для выполнения последующих консервационных работ и изучения приемов и техники древней стенописи.

Исследования проводились методами микроскопии, гистохимического, термического, микрокапельного и физико-химических анализов, включая методы ИК-спектроскопии и ИК-микроскопии, тонкослойной хроматографии и рентгено-флуоресцентного анализов. Микро-рентгено-флуоресцентный анализ проб выполнялся на приборе M4 TORNADO (Bruker AXS, Германия); состав элементов определялся для участка размером 20 μm без разрушения образца с точностью измерения 0,01 %.

В результате исследований проведен стратиграфический анализ красочных слоев, определен химический состав штукатурной основы, живописного слоя фрагментов стенописи и использованных при их консервации укрепляющих составов. Показано, что большая часть изученных фрагментов является подлинными фрагментами стенописи, другую часть представляют отпечатки живописного слоя на штукатурках того же состава и глинистом материале в основании памятника, образовавшиеся при обрушении декора стен помещений.

В штукатурной основе присутствуют кварц, алюмосиликаты, гидроокислы железа, карбонаты кальция и гипс. Установлено, что для выполнения росписей изученных фрагментов были использованы Cu-содержащий пигмент, гематит, красная охра в разбеле с кальцитом, гипс. В голубом красочном слое присутствует Cu-содержащий пигмент в виде мелких прозрачных стекловидных зерен с высокой отражающей способностью голубого цвета, который предположительно соответствует известному с древнейших времен пигменту $\text{CaCuSi}_4\text{O}_{10}$ под названием «Александрийская фритта», или «Египетская синяя».

По предварительным данным пигмент представляет комплексное соединение с переменным составом и, вероятно, может содержать несколько минеральных фаз и стеклообразную фазу, что может быть связано, как с условиями долгого нахождения в грунте и процессами разрушения этого синтетического пигмента, так и с исходным способом его получения.

Проводится сравнение с результатами выполненного другими исследователями анализа фрагментов, найденных при более поздних археологических раскопках Эребуни, а также с данными по росписям Аяниса и Бастама (670 г. до н. э.).

THE INVESTIGATION OF ANCIENT EREBUNI MURAL PAINTING FRAGMENTS FROM THE COLLECTION THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Olga N. Belyaevskaya*, Elena L. Malachevskaya*, Anastasia A. Yasenovskaya**

* State Institute of Restoration, Moscow, Russia; ** Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

Keywords: archeology, mural painting, investigations, painting layers, ground, pigments, binder, storage.

The paper has to do with more than 12 fragments of ancient Urartian mural paintings (8th–7th centuries BC) from the collection of the Department of the Ancient East of the Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow), which were uncovered in 1951–1968 in the course of archaeological excavations at ancient Erebuni on the slopes of the Arin-Berd hill near Yerevan (Armenia).

The fragments were studied by using electron microscopy methods, X-ray fluorescence and histochemical analyzes, and IR spectroscopy. The chemical composition of the plaster base, soil and pigments in the colorful layer of murals of the fragments under examination has been determined. Based on the results obtained and as well according to the stratigraphic analysis of the painting layer, conclusions have been drawn concerning possible technological methods used when executing the paintings of this ancient monument.

ХТОНИЧЕСКИЕ ХИЩНИКИ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ И ИХ КИТАЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ¹

А. В. Варёнов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-221-223

Ключевые слова: оленные камни, хтонические хищники, наскальные изображения, неолитическая крашеная керамика, семантика.

В верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра, что в Хубсугульском аймаке Монголии, выбита сцена с двумя похожими на крупных собак пятнистыми хищниками, пожирающими коня (рис. 1, 3). На оленном камне № 4 из этого же памятника изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь (Волков, Новгородова 1975: 81–82). Стилистически близкая композиция встречена в ущелье Суюйкоу (Нинся-Хуэйский автономный р-он КНР). Там стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 1, 2), где два хищника, похожие на псов, приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 1, 1).

Д. Г. Савинов, анализировавший рисунки хищников на оленных камнях, считал их персонажами «скорее всего, хтонического происхождения» (Савинов 1994: 132). Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Суюйкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении М1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань КНР (Шанцуньлин 1959: 27). Она изображает двух хищных зверей, готовых растерзать (или сцелиться из-за) травоядного (рис. 1, 4). Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Суюйкоу. Большинство его погребений датируется второй половиной IX — первой половиной VIII в. до н. э. (Комиссаров 1985: 9–10).

Но корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На расписном неолитическом сосуде стоянки Дадивань в уезде Цинъань пров. Ганьсу выполнены две собаки, готовые подрасться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 1, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями и может представлять Преисподнюю (нижний мир).

По данным В. В. Евсюкова, в китайском неолите образ рыбы символизировал человеческую душу (Евсюков 1988: 84–85, 89–90). Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела посмертные испытания души в Преисподней, возможно, как залог ее будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, так же, как и изображения на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение. Древнекитайская иконографическая традиция доживает, как минимум, до IV–III вв. до н. э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погр. 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 1, 6) (Пилацзоли 1990: 81).

Литература

- Волков В. В., Новгородова Э. А. 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Мандельштам А. М. (ред.). Первобытная археология Сибири. К 70-летию М. П. Грязнова. Л. С. 78–84.
- Евсюков В. В. 1988. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

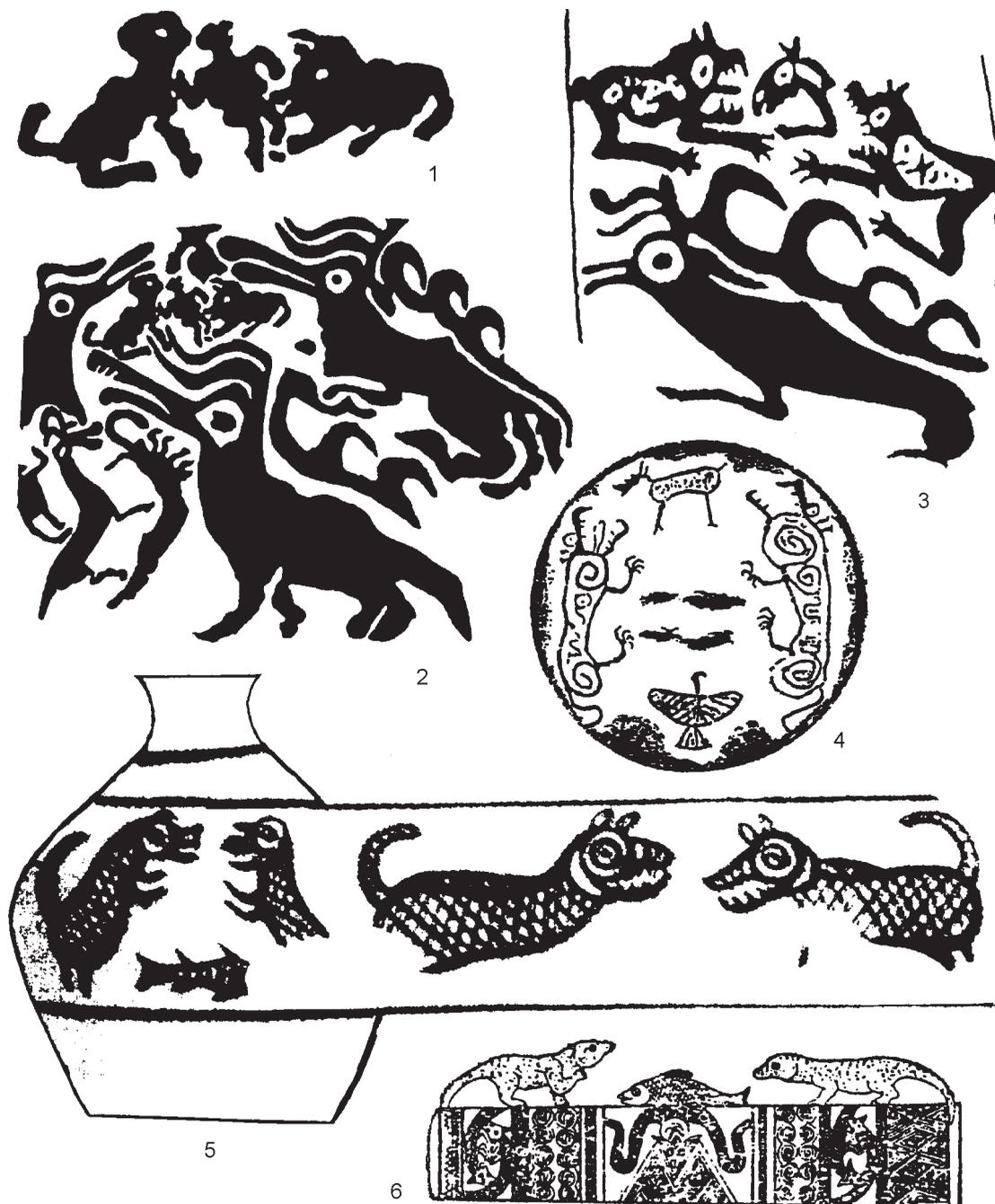

Рис. 1. Сцены с двумя хтоническими хищниками: 1, 2 — из Суюйкоу, уезд Хэлань, пров. Нинся (по: Гай Шаньлинь, Гай Чжихао 2002: 408); 3 — Ушкийн-Увэр, Хубсугульский аймак, Монголия (по: Волков, Новгородова 1975: 82); 4 — Шанцуньлин, пров. Хэнань (по: Шанцуньлин 1959: 27); 5 — Дадивань, уезд Циньань, пров. Ганьсу (прорисовка по фотографии, сделанной А. В. Варёновым в Музее пров. Ганьсу); 6 — Шичжайшань, пров. Юньнань (по: Пилацзоли 1990: 81). 1-3 — наскальные изображения, 4, 6 — бронза, 5 — керамика; масштабы разные. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Варёновым

Комиссаров С. А. 1985. Шанцуньлин — опорный памятник конца Западного Чжоу // Зотов О. В. (ред.). Дальний Восток и Центральная Азия. М. С. 3–12.

Савинов Д. Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Гай Шаньлинь, Гай Чжихао. 2002. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林·盖志浩·内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин (на кит. яз.).

Пилаццолли Мисеэр (Pirazzoli Michele). 1990. Дянь вэньхуа дэ няньдай вэньти [皮拉左里·米歇尔·滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь. In: Каогу. 1 (на кит. яз.).

Шанцуньлин Гого муди [上村嶺虢國墓地]. 1959. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин (на кит. яз.).

CHTHONIC PREDATORS OF MONGOLIAN STAG STONES AND THEIR CHINESE COUNTERPARTS

Andrei V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Keywords: stag stones, chthonic predators, rock carvings, Neolithic painted pottery, semantics.

On the upper part of the stag stone no. 15 from the Ushkijn-Uver a scene depicting two beasts of prey devouring a horse is engraved. On the stag-stone no. 4 from the same site one can see a pack of five similar beasts chasing a horse. V. V. Volkov and E. A. Novgorodova have described them as feline predators and called them “spotty predators, highly likely snow leopards”. However, all the real feline predators (except for cheetahs) never chase their prey or (except for lions, rather lionesses) hunt in groups. Chasing prey in packs is specific for dogs and dog-like creatures. Compositionally much the same scenes like those on the stag-stone no. 15 from Ushkijn-Uver are depicted in the Suyuikou gorge of the Helan Mountains, as well as on the back surface of a bronze mirror found in Tomb M1612 of the Shangcunling burial ground (PRC). The roots of the tradition to portray two dog-like beasts ready to tear their prey go back to the Chinese Neolithic era and, according to the present author, reproduce the posthumous trials of the soul in the Underworld.

ПЕТРОГЛИФИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ ИЗ ЗАПАДНОГО КИТАЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕВРАЗИИ¹

Д. П. Шульга

Сибирский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-223-225

Ключевые слова: Западный Китай, петроглифическое изображение «плана деревни», дома, столбы, горные тропы.

Наиболее яркое петроглифическое изображение «плана деревни» в западном Китае представлено в Цанььюане, провинция Юньнань (рис. 1). Потому целью настоящей работы является краткое описание наскального произведения для введения в научный оборот. В центре изображения находится овальное кольцо, означающее границы деревни. Также оно, возможно, означает стену или ров, используемые в качестве укрепления. Внутри деревни находится шестнадцать хорошо различимых построек (хижины на сваях). Сваи нижней

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

части дома соединены с представленными овальным кольцом границами деревни. Поэтому дома сверху и по бокам перевернуты. Таким образом, на изображениях переднего края крыши обращена вверх, столбы стоят на нижней части овального кольца; у дома на заднем плане крыша «смотрит вниз», а столбы соединены с верхним краем овала, то есть «вверх ногами»; у дома слева столбы также соединены с боковой линией, поэтому здание изображено как бы лежа. Видимо, намерение автора состояло в том, чтоб показать, что овал представляет собой ограду деревни и дома соотносятся с ней. Каждый дом построен на земле в пределах кольца, поэтому одни здания ровные, вторые — «на боку», третьи — «перевернутые».

Из изображения видно, что дома расположены упорядоченно, что может свидетельствовать о развитой социальной организации деревни. Большой дом, расположенный в ее центре представляет собой место для общественных собраний или место проживания лидера, меньшие хижины вокруг являются жилыми домами, строения за пределами деревни могут служить зернохранилищем или «постом охраны».

Примечательно, что дома внутри деревни можно разделить на две группы: расположенные слева не покрыты краской, а хижины, расположенные справа, окрашены. То же самое относится к двум большим домам в центре деревни. Возможно, это обстоятельство отражает некоторую социальную дифференциацию, причем скорее горизонтальную, чем вертикальную.

Стоит отметить, что на композиции четко показаны дороги (тропы) вокруг деревни, их много и они пересекаются. Пунктирные линии, вероятно, означают обрывистые горные тропы. С левой стороны деревни показаны две дороги; с правой стороны петроглифическая композиция повреждена, но можно распознать четыре тропы; также есть дорога сверху. На всех тропах изображены люди, которые несут оружие и гонят скот по направлению к деревне. В деревне находятся люди, которые толкут рис (Чжу Инци и др. 2016: 47–49), словно готовясь к пиршеству. Приблизительное значение изображения в целом: воины взяли в качестве военной добычи домашний скот, они ведут его в родное селение, где их ждут соплеменники (Chen Zhaofu 2009).

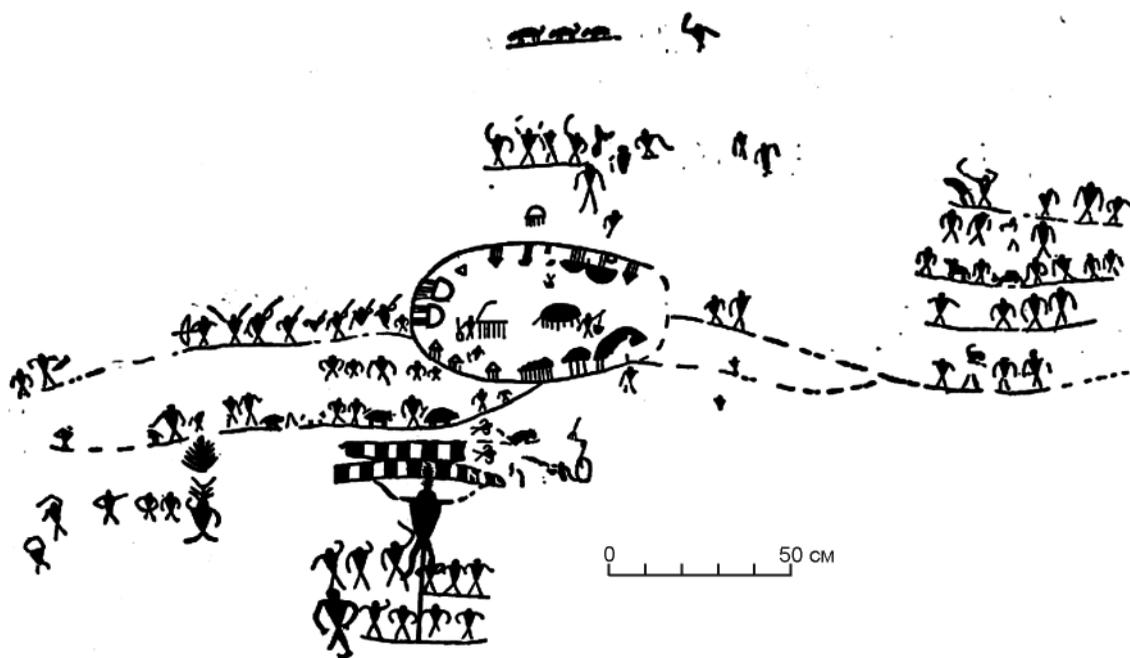

Рис. 1. Петроглифический «план деревни», Западный Китай, Цанъюань-Ваский автономный уезд (городской округ Линьцан провинции Юньнань)

Литература

Chen Zhaofu. 2009. Food, Clothing, Shelter, Transportation — basic necessities of life in rock art. [Электронный ресурс] URL: http://http://www.bradshawfoundation.com/china/life_in_rock_art.pdf. (Дата обращения: 18.06.2019).

Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн. 2016. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу даоцзо иши тань-цзю [朱颖祺·秦莹·黎恒·云南人口较少民族稻作仪式探究 // 云南农业大学学报 (社会科学), 2016, №10 (3): 46–49] Углубленное изучение рисоводческой обрядности у малых районов провинции Юньнань // Вестник Юньнаньского аграрного университета (Общественные науки). № 10 (3). С. 46–49.

A PETROGLYPHIC COMPOSITION FROM WESTERN CHINA AS A SOURCE FOR STUDYING THE ANCIENT SETTLEMENTS OF EURASIA

Daniil P. Shul'ga

Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Keywords: *Western China, petroglyphic depiction of “village plan”, houses, poles, mountain pathways.*

The most striking petroglyphic depiction of the “village plan” in Western China is presented in Canyuan (Yunnan Province). In the center of the painting is an oval ring indicating the borders of the village. Also possibly, it means a wall or moat used as a fortification. Inside the village, there are sixteen clearly visible buildings (huts on piles). The composition shows clearly the roads (pathways) around the village. On all the pathways there are people who are carrying weapons and driving a livestock herd towards the village. In the village there are people pushing rice, as if preparing for a feast. The painting as a whole seems to imply that the warriors are driving the livestock taken as a military booty to their native village, where their fellow tribesmen are waiting for them.

ИСТОКИ ТЮРКСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СКУЛЬПТУР-БЮСТОВ: УЙГУРО-КИМАКСКАЯ ВЕРСИЯ И «КЫПЧАКСКИЙ СТЕРЕОТИП»

А. В. Евглевский

Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная республика

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-225-227

Ключевые слова: *истоки тюркских скульптур, фигуры-бюсты, этнокультурные гипотезы, кыпчакский стереотип.*

Тюркские неполнофигурные изваяния — фигуры-бюсты (в литературе часто не совсем удачно именуемые как лицевые, стеловидные, погрудные стелы/скульптуры и т. д.), на которых, кроме отсутствующих изображений рук и ног, как правило, нет и каких-либо других иконографических деталей (головных уборов, костюма, оружия и украшений), представляют собой немалые трудности для интерпретации. Более того, поскольку изваяния обычно находят вне археологического контекста, а в случаях *in situ* вещевой материал присутствует редко, то анализ источника многократно усложняется.

Есть несколько версий об изготовлении первых фигур-бюстов уйгурами, карлуками, кимаками, огузами и другими тюркскими племенами, но всем интерпретациям недостает глубины аргументации. Из-за упомянутых трудностей многие исследователи вынуждены датировать тюркские изваяния-бюсты довольно широко — в рамках 500–600 лет, что годится лишь для введения памятника в научный оборот. В связи с этим Я. А. Шер пишет, что на имеющемся «материале трудно определить, какие статуи относятся ко времени Западного,

а какие — к периоду Тюркешского каганата» (Шер 1966: 72). Неясно, по мнению Я. А. Шера, и то, какие тюркские племена играли в эти периоды ведущую роль в формировании этнокультурного облика народов, населявших Семиречье. Действительно, территориальное распространение тюркских племен в Семиречье и прилегающих регионах, засвидетельствованное историческими источниками, пока не позволяет сделать однозначные выводы. Исследователям остается лишь на основе пополнения базы источников продолжать выстраивать гипотезы, которые в столкновении между собой могут постепенно пролить свет на происхождение тюркских изваяний и этнические привязки типологических групп.

Накопившаяся обширная база источников тюркских изваяний дает возможность критически рассмотреть все имеющиеся этнокультурные гипотезы. Например, согласно китайским источникам, кимаки (имеки, кимеки) ведут свое происхождение от телесских племен, обитавших в начале VII в. в Северо-Западной Монголии. В эту конфедерацию «входили семь племен: эймюр, имек, татар, кыпчак, баяндур, ланиказ, аджлар» (Кумеков 2006: 459–460). Такой пестрый состав, а в дальнейшем теснейшие этнокультурные связи между кимаками и кыпчаками, с одной стороны, и огузами — с другой, не могли не наложить отпечаток на их этнокультурные процессы. Не потому ли у исследователей пока нет весомых аргументов в пользу того, какие племена первыми начали изготавливать фигуры-бюсты, а также какова их генетическая связь с древнетюркскими изваяниями с асимметричным положением рук.

Версия об уйгурском происхождении изваяний по-прежнему перспективна, но никто до сих пор убедительно не связал с этим этносом конкретные типы скульптур. Памятники кочевников-карлуков слабо выявляются, хотя еще в 1951 г. практически одновременно А. Х. Маргулан и Л. Р. Кызласов предположили карлукскую принадлежность некоторых изваяний Восточного и юго-восточной части Центрального Казахстана (Маргулан 1951: 35, 37; Кызласов 1951: 56). Накопившиеся данные позволяют усилить карлукскую версию относительно изготовления ими изваяний вообще и фигур-бюстов в частности. Не столь убедительны аргументы относительно принадлежности каких-либо типов изваяний огузам, но и отбрасывать их полностью не стоит, как и версии по некоторым другим этносам.

Автор тезисов не только предлагает развернутый анализ всех точек зрения, но и дает свое видение проблемы, сконцентрировав внимание на так называемом кыпчакском стереотипе, в основе которого лежит субъективная уверенность в изготовлении всех изваяний кыпчаками, с чем согласиться нельзя.

Литература

- Кумеков Б. 2006. Кимаки и кыпчаки. Кимакский каганат // Усманов М., Хакимов Р. (гл. ред.). История татар. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань.
- Кызласов Л. Р. 1951. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана: (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // ИАН Казахской ССР. Вып. 3. Серия археологическая. Алма-Ата. С. 53–63.
- Маргулан А. Х. 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Там же С. 3–52.
- Шер Я. А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. Л.

THE SOURCES OF TURKIC MEDIEVAL BUST SCULPTURES: THE UYGURO-KIMEK VERSION AND THE “KIPCHAK STEREOTYPE”

Alexander V. Yevglevsky

Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic

Keywords: sources of Turkic sculptures, bust figures, ethnocultural hypotheses, Kipchak stereotype.

Turkic incomplete sculptures — bust figures, on which, besides the missing arms and legs, there are, as a rule, no other iconographic details, present considerable difficulties for their interpretation. There are several versions about the manufacture of the first bust figures by the Uyghurs, Karluks, Kimeks, Oguzes and other Turkic tribes, but all these interpretations lack the depth of argumentation. The present author not only offers a detailed analysis of all the points of view, but also gives his vision of the problem, focusing on the so-called “Kipchak stereotype” that is based on the subjective confidence of researchers that it is the Kipchaks who manufactured all the sculptures in question.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОДЕЖДЫ ИЗ КОЖИ И МЕХА (КАТАНДИНСКИЙ ХАЛАТ IV–III ВВ. ДО Н. Э.)

А. В. Савёлова, Е. М. Волкова, А. А. Мамонова

Государственный исторический музей, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-227-228

Ключевые слова: пазырыкская культура, история костюма, Катандинский халат, археологический костюм.

В Государственном историческом музее (г. Москва) хранится уникальная одежда из кожи и меха (Катандинский халат), найденная среди прочих предметов в Большом Катандинском кургане на Алтае в 1865 г. академиком В. В. Радловым. находка датируется примерно IV–III вв. до н. э. В 1930-х гг. халат был отреставрирован, позже, в связи с ошибками, допущенными при этом и активным использованием халата для экспонирования, он начал менять свое физическое состояние.

В 1990-х и 2000-х гг. были проведены многочисленные исследования, нацеленные на выявление степени и причин разрушения халата и выработки дальнейших действий для стабилизации его состояния. Тогда же были проведены первые материаловедческие исследования изделия.

Специалистами из ГИМ, МГУ, Научно-исследовательского и учебно-методического центра биомедицинских технологий ВИЛАР (НИЦ БМТ), Института теоретической и прикладной электродинамики РАН (ИТПЭ РАН), НИФХИ им. Л. Я. Карпова были изучены причины разрушения кожи и меха халата, а также выработаны методы его консервации.

По рекомендациям микробиологов МГУ реставраторами проведена обработка поверхности этой одежды биоцидом. Специалистами ИТПЭ РАН осуществлена ее консервация полимером.

После окончания обработки в ИТПЭ РАН продолжено изучение материалов и технологии изготовления халата. За последний год были проведены следующие исследования: для установления природы меха д-р биол. наук О. В. Чернова (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцева РАН) изучала волосы на нескольких участках халата; Л. Н. Соловьева (ИА РАН) анализировала деревянные нашивные бляшки одежды; реставраторы Исторического музея (ГИМ) проводят работы по описанию и реконструкции технологии пошива Катандинского халата.

Работа по его изучению еще не завершена, в результате всех исследований предмет будет всесторонне изучен и описан, будут реконструированы древние швейные технологии.

THE STUDY OF SOME MATERIALS AND MANUFACTURING TECHNOLOGY OF LEATHER AND FUR CLOTHES (THE KATANDA ROBE, 4TH — 3RD CENTURIES BC)

Anastasia V. Savelova, Evgenia M. Volkova, Anna A. Mamonova
State Historical museum, Moscow, Russia

Keywords: Pazyryk culture, history of costume, Katanda robe, archaeological costume.

This paper is a continuation of the comprehensive long-term research of the Katanda robe, including the technology of its manufacture and search for methods of restoration of this unique clothing article related to the Pazyryk culture.

О ПРЕДМЕТАХ ИСКУССТВА И ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ КЫРГЫЗСТАНА

К. Ш. Табалдиев, Т. К. Абдиев

Киргизско-турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-228-230

Ключевые слова: средневековые города Кыргызстана, предметы искусства, руническая надпись.

Начиная с эпохи раннего средневековья в городских центрах Семиречья возникли различные направления искусства. Их элементы отражены на керамических изделиях. Например, на парадных сосудах представлены простые и сложные орнаментальные мотивы, переданные тонкими линиями, штампом, резьбой. Часть орнаментации объемна, то есть содержит сложные рельефные или скульптурные изображения животных, человеческих лиц и фигур. Гончарство развивалась не только путем увеличения разнообразия изделий из глины и усложнения их оформления. В декоре посуды частично заметны элементы искусства досредневекового и раннего средневековья, которые возникли под влиянием прошлых культур с юга, востока и запада. Увеличение разнообразия таких элементов связано с внедрением в местную среду новых религиозных течений.

Особое внимание следует уделять памятникам письменности, найденным в городах и предгорных поселениях. Известно, что таласские валуны с руноподобными текстами найдены не в горах, а вблизи поселений и их появление можно связать с городской культурой. После посещения этих мест мы убедились, что здесь было поселение, возникшее в раннем средневековье и переросшее затем в крупное поселение в эпоху Караханидского каганата.

Недавно нами обнаружена руническая надпись, выполненная на венчике хума, происходящего из села Саргата (рис. 1). Рунические надписи, начиная с конца XIX в., найдены в Таласской и Кочкорской долинах, на Иссык-Куле и в Баткенской обл. Кыргызстана. Хотя Кетмен-Тюбинская долина, где находится село Саргата, благодаря превосходным географическим условиям, всегда была заселена, ранее здесь не находили письменных свидетельств. Таким образом, упомянутая надпись является первым руническим памятником, обнаруженным в этой долине.

Надпись из села Саргата состоит из 11 букв (рис. 1). Руны были нанесены путем вдавливания на поверхность хума до его обжига. Короткие линии исполнены однократным вдавливанием, а длинные — двукратным. Некоторые буквы представлены небольшими углублениями или отдельными черточками. Таким образом, данная надпись по технике письма и использованному материалу отличается от прочих надписей Кыргызстана, которые, как известно, в большинстве случаев были нанесены на камни или на скалы путем выбивания.

В городских центрах находят мусульманские эпитафии, редко оформленные дополнительными орнаментальными мотивами.

Художественное литье как особая отрасль средневекового искусства получила яркое воплощение в поясной гарнитуре (наборный пояс), декоре конского убранства и предметах бытового назначения. Все эти изделия украшены орнаментальными мотивами и различными изображениями. В городах Семиречья тюркские культурные традиции тесно переплетались с согдийскими.

Особо примечательные украшения из металла произведены в тюркских городских центрах. После публикации серии предметов торевтики, найденных на Краснореченском городище, стали известны новые формы бронзовых декоративных изделий. Судя по матрицам, предназначенным для литья предметов торевтики, в предгорье Чуйской долины существовали узко специализированные мастерские.

При их сравнительном анализе мы находим массу аналогий на соседних территориях. Новые находки показывают, что художественное литье тюркского времени тесно связано с культурой предтюркского и аварского времени Западной Европы. Часть рассматриваемых изделий по формам и орнаментам близки алтайским и южносибирским, что хорошо согласуется с исторической хроникой времени тюркских каганатов (VI–X вв). Важную роль играли материалы периода миграции тюрков на запад, дипломатические взаимоотношения тюрков Восточного и Западного каганатов. Значительное сходство некоторых металлических декоративных изделий, обнаруженных на Енисее и в Семиречье, вероятно, является результатом близких союзнических отношений между тюркешами и кыргызами.

Для раннесредневековых металлических пряжек и накладок, украшавших наборные пояса, характерно эклектичное сочетание элементов анимализма и геометрического орнамента. Изредка встречаются зооморфные и антропоморфные сюжеты. Главным элементом украшения поясных бляшек была их форма, так как поверхность большинства этих изделий оставалась гладкой, неорнаментированной.

Украшения сбруи отличаются сочетанием округлых сферических и трапециевидных бляшек, которые были широко распространены в периоды существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. Поясные украшения этого времени выделяются гладкими бляхами оправы с прямоугольной прорезью в ее нижней части и подвесными ремешками.

Орнаментальные композиции изготавливали из бронзы, реже, из благородных металлов техникой литья и штамповки в низком рельефе или гравировкой. Часть предметов неорнаментирована.

Обилие и разнообразие сюжетов свидетельствует о расцвете художественной обработки металла. Рост числа сюжетов во многом происходил за счет заимствования инокультурных

Рис. 1. Долина Кетмень-Тюбе, сел. Саргата, венчик сосуда с руноподобными знаками

образцов. Несмотря на смену культурной ориентации, связанную с принятием ислама, многие традиции древнетюркского искусства сохранили свое значение в художественном творчестве кочевого населения Притяньшанья в периоды развитого и позднего средневековья и в качестве реминисценций в культуре кыргызов до этнографической современности.

ON WORKS OF ART AND MONUMENTS OF WRITTEN TRADITION IN THE MEDIEVAL CITIES OF KYRGYZSTAN

Kubatbek Sh. Tabaldiev, Taalaibek K. Abdiev
Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan

Keywords: the medieval cities of Kyrgyzstan, art objects, runic inscription.

The art casting as a special branch of medieval Turkic art was vividly embodied in the belt set (composite belts), horse-harness decor and household items. All these products were decorated with ornamental motifs and various images. In the cities of Semirechye Turkic cultural traditions were closely intertwined with Sogdian ones. A special branch of medieval Turkic art, as an artistic casting is vividly reflected in the belt headsets (composite belts), on horse decorations and household items. They contain a lot of ornamental motifs and various images. In the cities of Zhetysu Turkic traditions mixed with Sogdian culture. The most eye-catching metal decorations were made in Turkic urban centers. More forms of bronze decorative products were revealed after publishing a series of toreutic items found within the territory of Krasnorechensk settlements. According to the casting forms of the items, found in the foothills of the Chui valley, there were workshops of highly specialized masters.

Under their comparative analysis we find a lot of analogies in the neighboring territories. New finds show that the artistic casting of the Turkic age is partly closely related to the culture of pre-Turkic and Avar times of Western Europe. Some of the items in question are close in shape and ornament to those from the Altai and South Siberian, and this is in good agreement with the historical chronicle of the period of the Turkic Khaganates of the 6th–10th centuries. An important role was played by the materials of the period of the Turkic migration westwards. A significant similarity of some metal ornaments found on the Yenisei and in the Semirechye is probably the result of close allied relations between the Türgesh and the Kyrgyz.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ АДЕПТОВ ГОРНОГО СВЯТИЛИЩА ЭКЛИЗИ-БУРУН (ЮЖНЫЙ КРЫМ) ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА ВОТИВОВ — МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ КОСТЮМА¹

А. В. Лысенко*, В. И. Мордвинцева**

* *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Республика Крым, Россия;*

** *Институт всеобщей истории РАН, Центр античной и восточной археологии
Института классического Востока и античности Национального исследовательского
университета Высшей школы экономики, Москва, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-230-233

Ключевые слова: святилище, украшения костюма, римское время, Горный Крым, скифотавры, Боспор, Херсонес.

Металлические украшения костюма, обнаруженные в «варварском» горном святилище Эклизи-Бурун, датируются римским временем (конец I — III в. н. э.). Большинство этих

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы НИР Отдела археологии раннего железного века ИА Крыма РАН и при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

предметов соотносится с женским костюмом, зафиксированным по «варварским» погребальным контекстам Крыма, различающимся локализацией (Крымское Предгорье и Южнобережье), а также особенностями обряда (труположения и трупосожжения). Небольшая их часть характерна лишь для могильников Южнобережья с захоронениями остатков кремаций. Это позволяет заключить, что адепты святилища Эклизи-Бурун римского времени обитали на южном макросклоне Главной гряды Крымских гор.

Святилище располагалось в исторической области Таврика, между полисом Херсонес и Боспорским государством, у юго-восточной границы ареала позднескифской археологической культуры. Сопоставление данных археологии и письменных источников делает вероятным предположение о том, что этот комплекс использовало население, в античной нарративной традиции упоминавшееся как «тавры» или «скифо-тавры» (Plin. NH. IV, 85–86; Arr. PPE. 30). Это население с начала I до рубежа II–III/первой трети III в. н. э., фигурирует в источниках с одной стороны — как агрессоры против Рима (Тас. *Ann.* XII, 17) и Херсонеса (IOSPE: I², 562), с другой — как объект дипломатического давления и завоевания (КБН: № 39, 40, 1237) для Боспора, что свидетельствует об обладании им политической субъектностью.

В результате изучения металлических элементов костюма из Эклизи-Бурун появились основания полагать, что «тавры» («скифо-тавры», «тавро-скифы»?) римского времени помимо горных святилищ (Новиченкова 2002: 171–172) использовали южнобережные могильники с кремациями. Материалы их исследования широко привлекаются для реконструкции этнополитической ситуации в Крыму позднеримского времени. О происхождении некрополей Чатыр-Даг и Ай-Тодор, появившихся во второй трети III в., а также подобных им объектов существует два основных мнения: 1) традиция кремирования умерших распространилась среди «варварского» населения Таврики либо в результате влияния на регион Херсонеса, либо в процессе романизации (Блаватский 1951: 274; Орлов 1987: 131; Юрочкин 1999: 280); 2) обряд кремации привнесен в середине III в. н. э. «варварами» — дальними мигрантами с северо-запада. Авторы второй версии определяли пришельцев как носителей черняховской культуры — славян (Веймарн, Стржеleckий 1952). Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения принадлежат германцам — участникам «готских» походов («Скифских» войн) (Пиоро 1990: 89–108; Сидоренко 1994: 66–68; Храпунов 2016: 125–127; Айбабин, Хайрединова 2017: 22–25, 33 и др.). Однако после открытия могильников с кремациями Лучистое-2 (Лысенко и др. 2015; Мордвинцева, Лысенко 2016), а также в Байдарской и Варнутской долинах (нижняя дата — рубеж II–I вв. до н. э. или рубеж эр) (Нессель 2017; 2018а; 2018б; Савеля О., Савеля Д. 2018), возникших за пределами хоры Херсонеса, до оккупации ее Римской империей, а также до «Скифских» войн, перечисленные версии и основанные на них схемы развития культурно-исторической ситуации в Таврике (Лысенко 2015: 74–76) нуждаются в пересмотре. Судя по новым данным не исключено, что использовавшее локализованные в Горном Крыму святилища с остатками сожжений животных и могильники с захоронениями остатков кремаций население переместилось в Таврику из области распространения латенизированных археологических культур еще по крайней мере во II в. до н. э. (Мордвинцева 2017), чему не противоречат находки на относительно ранних памятниках (Туар-Алан, Гурзуфское Седло) (Гаврилов, Труфанов 2014: 110–114; Новиченкова 2015: 111–112; 2017: 13–14). Позже эти социумы, видимо, остались на полуострове, расселились по его горной части и оказались вовлечены в разнообразные культурно-исторические процессы позднеэллинистического (см. например: Arr. *Mith.* 15.67, 69.13) и римского времени в Северном Причерноморье. Отдельные группы потомков этих людей сохраняли культурное своеобразие до начала V в. н. э. (Ай-Тодор).

Литература

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь.
- Блаватский В. Д. 1951. Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1. С. 250–291 (МИА. 19).
- Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. 1952. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. 4. С. 94–99.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А. 2014. Святилище Туар-Алан II в. до н. э. — первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Симферополь. № 1. С. 73–152.
- Лысенко А. В. 2015. История исследования Южной части Горного Крыма римского времени // Тесленко И. Б. (ред.). Древняя и средневековая Таврика: Сб. ст., посвящ. юбилею Е. А. Паршиной. Киев. С. 55–107 (Археологический альманах. 32).
- Лысенко А. В., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И. 2015. Могила № 1 некрополя Лучистое-2 (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2. С. 295–333, 620–628.
- Мордвинцева В. И. 2017. Культурно-исторические процессы в «варварских» социумах Крыма III в. до н. э. — III в. н. э.: по материалам погребальных комплексов элиты // Иванчик А. И., Мордвинцева В. И. (ред.). Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). Симферополь; М. С. 183–224, 290–299.
- Мордвинцева В. И., Лысенко А. В. 2016. Исследования могильника римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // Болтрик Ю. В. (ред.). Археологічні дослідження в Україні 2015. Київ. С. 7–10.
- Нессель В. А. 2017. Могильник рубежа эр в горном Крыму // Костромичев Д. А. (ред.). Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: ММНК. Саки. С. 183–185.
- Нессель В. А. 2018а. Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. 19. С. 217–228.
- Нессель В. А. 2018б. Новые данные о варварском населении Юго-Западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя) // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб. С. 225–230.
- Новиченкова Н. Г. 2015. Горный Крым II в. до н. э. — II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь.
- Орлов К. К. 1987. Ай-Тодорский некрополь // Высоцкая Т. Н. (ред.). Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев. С. 106–133.
- Пиоро И. С. 1990. Крымская Готия. Киев.
- Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. 2018. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. 19. С. 269–288.
- Сидоренко В. А. 1994. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Айбабин А. И. (ред.). Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы Междунар. конф. Симферополь. С. 65–69.
- Храпунов И. Н. 2016. Население горного Крыма позднеримского времени // ВДИ. № 1. С. 118–134.
- Юрочкин В. Ю. 1999. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Толочко П. П. (отв. ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье. С. 279–281.

CULTURAL IDENTITY OF THE ADEPTS OF THE MOUNTAIN SANCTUARY
EKLIZI-BURUN (SOUTH CRIMEA) ACCORDINGLY TO THE ANALYSIS
OF VOTIVES — METAL JEWELLERY

Aleksandr V. Lysenko*, Valentina I. Mordvintseva**

* *Institute of archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Republic of the Crimea, Russia*; ** *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Centre of Classical and Oriental Archaeology of the Institute of Classical Orient and Antiquity of the National Research University of the Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Keywords: *sanctuary, jewellery, Roman period, Mountain Crimea, Scythian-Tauri, Bosporos, Chersonesos.*

Metal jewellery objects discovered at the barbarian mountain sanctuary of Eklizi-Burun (Crimea) are dated from the 1st to the 3rd centuries AD. Most of these items belong to the female costume known from barbarian funerary contexts of Central Crimea, which differ by their localization, as well as by the peculiarities of the burial rites.

An analysis of the cultural niches in which the jewellery items from Eklizi-Burun were produced and used suggests that its adherents belonged to the societies inhabiting the Southern macro-slope of the Main ridge of the Crimean mountains and practiced a cremation of the dead. Apparently, these people got in the Greco-Roman narrative tradition and local epigraphic documents of Roman times the names of “Tauri”, “Scythian-Tauri”, “Tauro-Scythians” (?). Presumably, they appeared in the Mountain Crimea in the 2nd or 1st centuries BC (migrating from the areas of La Tène-like archaeological cultures?) and maintained their cultural identity until the early 5th century AD.

СЕКЦИЯ IV

**Скотоводы евразийских степей, их контакты с населением
земледельческих оазисов в бронзовом и железном веках**

SECTION IV

**The cattle-breeders of the Eurasian steppes, their contacts with
the population of agricultural oases in the Bronze and Iron Ages**

PRELIMINARY RESULTS OF NEW ARCHAEOLOGICAL SURVEYS IN THE NURATAU MOUNTAINS, UZBEKISTAN¹

Elise Luneau*, Nona A. Avanesova**

* German Archaeological Institute, Eurasian department, Berlin, Germany; ** Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-235-237

Keywords: Central Asia, Uzbekistan, Nuratau Mountains, Bronze Age, landscape archaeology, settlement pattern, GIS, surveys.

The perception of past human societies and economies in ancient Central Asia has long relied on the distinction between fully sedentary agricultural and mobile pastoral lifestyles (Luneau 2017). South of the Syr-Darya River — in the so-called “sown” or “oasis” area — the mobile groups have been unevenly studied in favor of urban sedentary cultures. In addition, mobile pastoralists are often viewed as having lived in peripheral or marginal areas – especially in mountainous regions, a view that limits our understanding of the global context of an integrated society with various communities over time (Hammer 2014).

As a matter of fact, the Nuratau Mountains located in the Samarkand province of the present-day Republic of Uzbekistan has been largely unexplored up to now, although the whole province has proved to be promising for the detection of a dense prehistoric occupation and for the examination of interactions between various human groups (Avanesova 2010; 2016). The findings of two unique burial complexes investigated by the Department of Archeology of the Samarkand State University (2011, 2014) and related to the “Andronovo” cultures in the Koshrabad district have revealed the potential of this area for investigating the development of Bronze Age groups.

Situated north of the Zerafshan valley and east of the Kyzylkum Desert, the Nuratau Mountains form the far western point of the Pamir-Alay system. Mostly covered by mountain steppe, the Nuratau ridge does not reach very high altitudes and, thus, was particularly suitable for the occupation by pastoralists.

A joint program of survey led by the Eurasia Department of the German Archaeological Institute and the Samarkand State University focuses on Bronze Age features and landscape use. This project was recently initiated in the region for the search, fixation and study of prehistoric monuments, as well as for the examination of the organization of the archaeological landscape. All with the goal to better define population movements and cultural evolution in the area between the rivers Syr-Darya and Amu-Darya.

The use of satellite imagery, UAV and pedestrian surveys, geomorphological investigations as well as GIS enabled preliminary assets to be drawn on the distribution and structuration of the past archaeological feature over time in the area. Fieldwork revealed abundant traces of past occupation and land-use from the Paleolithic period (caves, various stone and/or earth mounds, stone

¹ This research is funded by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG, German Research Foundation) – Projektnummer 392943887.

Fig. 1. Standing stone in the Nuratau Mountains of Uzbekistan possibly dated from the Bronze Age

burial structures, tent platforms, stone houses, standing stones, field arrangements, rock carvings and wall paintings, among others). The standing stones and megalith structures discovered represent unique features in the southern part of Central Asia. Parallels to such complexes are known on the eastern slopes of the Urals (Potemkina 2011) and in central Kazakhstan (Margulan 1979: 275–296).

As a recurrent issue in the investigation of mobile groups, most of the recorded features are of unknown date, due to the common use of light-weight installations harder to detect and to the lack of material recorded on the surface. In all, the discovered archaeological features challenge us in framing the time of occupation and the lifestyles of the ancient inhabitants, which possibly vary between mobile and sedentary occupation. Issues on cultural affiliation and dating will be resolved after future large-scale excavations.

Nevertheless, preliminary outputs may be drawn from patterns of distribution of the various sites and structures around the area. The different spaces — funerary or living areas — relate to their local environment. Specific geographical features, like water resources, play a fundamental role in the distribution and the long-run occupation in the area. The analysis also tends to identify some archeological structures as possible landscape anchors, around which a long-term use of the area has been evidenced. The new research contributes towards a better perception of the archeological structures within an integrated space over time and towards better highlighting the diverse environmental, economic, symbolic and social aspects of the pastoral landscape in this part of Eurasia.

References

- Аванесова Н. А. 2010. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб. С. 334–363 (Тр. МарАЭ. Т. 3).
- Аванесова Н. А. 2016. Зеравшанский вариант андроновской историко-культурной общности // Бердимуратов А. Э. Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы. ММНК, посвященной 25-летию Независимости Республики Узбекистан. Самарканд. С. 34–37.

- Маргулан А. Х. 1979 Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Потемкина Т. М. 2011. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2 (15). С. 11–35.
- Hammer E. 2014. Local landscape organization of mobile pastoralists in southeastern Turkey // Journal of Anthropological Archaeology. 35. P. 269–288.
- Luneau E. 2017. Transfers and Interactions between North and South in Central Asia during the Bronze Age // Allinger E., Grenet F., Jahoda C., Lang M.-K., Vergati A. (eds.). Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity, Proceedings of the Third International SEECNAC Colloquium. Vienna. P. 13–23.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГОРАХ НУРАТАУ, УЗБЕКИСТАН

Э. Люно*, Н. А. Аванесова**

* Германский археологический институт, Евразийский отдел, Берлин, Германия; ** Самаркандский государственный университет, Самарканд, Узбекистан

Ключевые слова: Центральная Азия, Узбекистан, горы Нуратау, бронзовый век, ландшафтная археология, схема расселения, ГИС, разведки.

В докладе представлены предварительные результаты новых исследований, проведенных в горах Нуратау (Узбекистан). Эта невысокая горная область ранее не исследовалась на предмет изучения системы расселения. Тем не менее, регион показал высокий потенциал для выявления плотного его обживания в бронзовом веке и для изучения взаимодействия между различными группами людей в это время. Используя спутниковые снимки, полеты беспилотников и пешие разведки, а также геоморфологические исследования, уже первые сезоны полевых работ позволили обнаружить многочисленные следы древнего обживания и землепользования. Статистический и пространственный анализы также дают важные предварительные данные о схемах распределения и структуризации различных поселений и сооружений в этой области на протяжении длительного времени.

ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ТАДЖИКИСТАНА¹

Ю. Г. Кутимов*, Э. Люно**

* Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;

** Германский археологический институт, Евразийский отдел, Берлин, Германия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-237-239

Ключевые слова: Таджикистан, бронзовый век, культурные контакты.

Бронзовый век на территории Центральной Азии характеризуется активным культурным взаимодействием различных по происхождению, образу жизни, хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры местных оседлых и пришлых

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

степных групп населения. В настоящее время на территории Центральной Азии известно значительное число археологических комплексов степного типа, свидетельствующих об активных миграциях номадов из зоны Евразийских степей и освоении ими глубинных районов Центральной Азии.

Одним из наиболее интересных регионов Центральной Азии в плане исследования культурных связей и взаимодействия разнородных групп населения является территория современного Таджикистана. Наибольшее число археологических комплексов бронзового века Таджикистана относится к памятникам древнеземледельческой культуры, появление которых здесь связано с миграционным распространением населения в IV–II тыс. до н. э. из различных древнеземледельческих центров Центральной Азии, Афганистана и Ирана. Одновременно с миграциями древнеземледельческого населения, во II тыс. до н. э. на территорию Таджикистана из степной зоны Евразии приходят группы андроновских племен фёдоровского типа. Своеобразная культурная группа мобильного населения, обитавшего на территории Таджикистана в эпоху поздней бронзы, представлена памятниками бишкентско-вахшской культуры, возникновение которой связано с процессом выделения отдельных групп племен из среды древних земледельцев Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Заключительный период бронзового века на территории Центральной Азии, в том числе и Таджикистана, связан с распространением общности культур лепной расписной керамики (типа Яз I).

Происхождение данных культур носит нелокальный характер, все они появились на территории Таджикистана в результате широкомасштабных миграционных передвижений разнообразных культурных групп населения из различных регионов Евразии, пришедших сюда и обитавших здесь в условиях значительного удаления или даже в отрыве от своей основной территории обитания. В процессе жизнедеятельности на территории Таджикистана данные группы населения вступали друг с другом в активное культурное, социальное и хозяйственное взаимодействие. Особенно заметно данный процесс отражается в археологических материалах позднего бронзового века.

Одной из наиболее активных зон культурных контактов в эпоху поздней бронзы на территории Таджикистана являются западные районы Гиссарской долины. С 2012 г. по настоящее время здесь проводятся археологические исследования памятников бронзового века, в ходе которых получены новые материалы, свидетельствующие об активных контактах различных культурных групп населения — местного оседло-земледельческого и степного андроновского. В числе особо ярких и интересных находок следует отметить археологические материалы из могильников позднего бронзового века Кумсай и Тандыр-йул, которые демонстрируют высокий уровень культурного взаимодействия, как в сфере погребального обряда, так и в плане заимствования отдельных технико-технологических и орнаментальных принципов изготовления керамической посуды.

MARKERS OF CULTURAL INTERACTION IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE BRONZE AGE OF TAJIKISTAN

Yuri G. Kutimov*, Elise Luneau**

* *Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;* ** *German Archaeological Institute, Berlin, Germany*

Keywords: Tajikistan, Bronze Age, cultural contacts.

One of the most active areas of cultural contacts in the Late Bronze Age in Tajikistan was the western part of the Hissar Valley. Since 2012 to the present the archaeological excavations at sites of the Bronze Age are carried out here. During these investigations the new materials were obtained that

testify to active contacts between various cultural groups of the population — the local settled agriculturalists and the Andronovo steppe people. The most striking and interesting finds came from the Late Bronze Age burial grounds of Kumsay and Tandyryul. These materials demonstrate a high level of cultural interaction, both in the sphere of funerary rites and in borrowing some technological and ornamental principles for the ceramic production.

РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ «NOMAD STATE FORMATION AND URBANIZATION: THE EARLY MEDIEVAL TOWN OF DZHANKENT (ARAL SEA REGION, KAZAKHSTAN)»

И. А. Аржанцева*, Г. Х. Херке**, А. Тажекеев***

* Институт этнологии и антропологии РАН; Центр Античной и Восточной археологии Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, Москва, Россия; ** Тюбингенский университет, Тюбинген, Германия; Центр Античной и Восточной археологии Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, Москва, Россия; *** Кызылординский Государственный университет им. Коркыт Ата, Кызыл-Орда, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-239-241

Ключевые слова: Восточное Приаралье, Джанкент, кочевники, раннее средневековье, города, естественнонаучные методы.

Городище Джанкент принадлежит к группе так называемых болотных городищ. Термин «болотные городища» был впервые введен С. П. Толстовым в 1946 г. для памятников, расположенных в районе старого русла р. Сырдарьи (Казахстан). К «болотным» городищам были отнесены Джанкент, Кескен-Куюк-кала и Большая Куюк-кала. В последние годы интерес к этим памятникам возобновился. Их исследование стало одним из приоритетных направлений в средневековой археологии Казахстана, так как именно этот регион и «болотные» городища с большой долей вероятности связывают с огузами, причем Джанкент считается резиденцией царя огузов (Толстов 1947: 56; Бартольд 1963: 235; Байпаков 2007: 51, 52).

Основные работы по проекту сосредоточены на указанном городище (рис. 1), так как именно оно упоминалось несколько раз в письменных источниках как крупный торговый центр и порт, а также в качестве вероятной ставки огузского ябгу (сообщения Ибн-Русте, Ибн Хаукал, Ал-Макдаси — Струве 1939: 150, 184, 217).

Крупномасштабные работы на памятнике начались в 2005 г. (Аржанцева, Тажекеев 2014), но только в 2011 г. приступили к широкому применению междисциплинарных методов исследования, давших обширную информацию по истории возникновения, функционирования, планировке, структуре и датировке Джанкента.

Полученные в ходе многолетних работ материалы позволяют возобновить дискуссию о хронологии, происхождении и роли «болотных» городищ в раннесредневековой и средневековой истории не только Приаралья, но и Юго-Восточной России.

Цели и основные задачи настоящего проекта, который начат в 2018 г., находятся в центре нескольких дискуссий, представляющих значительный интерес: степная урбанизация, кочевые государства, опустынивание в восточной части региона Аральского моря и изменение стока дельтовых русел Сыр-Дарьи.

Массовый материал с городища Джанкент датируется в основном IX–X вв. Тем не менее, радиоуглеродные даты нижних слоев, полученные при бурении культурного слоя

Рис. 1. Цитадель Джанкента с расчищенными башнями, раскопами и разрезом 2, вид с С.
Фото М. Гоффриллер

в нескольких разрезах, показывают, что памятник существовал и в более раннее время — в VI–VII вв. н. э.

В ходе планомерных раскопок Джанкента выяснилось, что краснолощенная керамика, в чем-то схожая с античной посудой Хорезма, встречается вместе с керамикой, датировать которую можно VII–X вв. по характерным формам сосудов с «пышным» орнаментам (преимущественно X в.) и по аналогиям с поздним этапом (VI–VII вв.) джетыясарской культуры. Таким образом, очевидна связь и преемственность «болотных городищ» со среднеафригидским периодом Хорезма и поздним этапом джетыясарской культуры. Откуда и когда именно происходила миграция населения в дельтовую область Сырдарьи, предстоит выяснить в ходе дальнейших работ.

Структура и планировка Джанкента были определены и продолжают пополняться новыми деталями благодаря геофизическим, топографическим и фотограмметрическим методам. По результатам геоморфологических и почвенных исследований, которые ведутся на памятнике также с 2011 г., реконструированы палеоклиматические условия времени существования Джанкента. Начиная с 2018 г. на памятнике проводятся археозоологические исследования для определения состава стада, диеты жителей и выявления основных направлений торговли скотом в раннем средневековье в зоне контакта земледельцев и скотоводов.

Литература

Аржанцева И. А., Тажекеев А. (отв. ред.). 2014. Комплексные исследования городища Джанкент. Алматы.

- Байпаков К. М. 2007. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН Республики Казахстан. 1 (253), январь–февраль. С. 35–61.
- Бартольд В. В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М.
- Струве В. В. (отв. ред.). 1939. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л. Т. 1.
- Толстов С. П. 1947. Города гузов // СЭ. № 3. С. 68–71.

PROJECT “NOMAD STATE FORMATION AND URBANIZATION: THE EARLY MEDIEVAL TOWN OF DZHANKENT (ARAL SEA REGION, KAZAKHSTAN)”

Irina A. Arzhantseva*, Heinrich Heinz Haerke**, Azilkhan Tazhekeev***

* *Institute Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Center for Antique and Eastern Archeology of the Institute of the Classical East and Antiquity of the National Research University of the Higher School of Economics, Moscow, Russia;* ** *Tubingen University, Tubingen, Germany; Center for Antique and Eastern Archeology of the Institute of the Classical East and Antiquity of the National Research University of the Higher School of Economics, Moscow, Russia;* *** *Kyzyl-Orda State University named after Korkyt Ata, Kyzyl-Orda, Kazakhstan*

Keywords: *Jankent, Eastern Aral Sea area, nomads, Early Middle Ages, cities, natural-science methods.*

The paper presents the results of interdisciplinary research at the ancient urban settlement of Dzhankent (Eastern Aral Sea area, Kazakhstan). The goals and main issues of this project are at the center of several intersecting discussions of international scientific interest: steppe urbanization, nomadic states, desertification in the eastern part of the Aral Sea area and changes in the flow of the Syr Darya delta channels. The structure and layout of the site were determined by using geophysical, topographic and photogrammetric methods. According to the results of geomorphological and soil investigations, paleoclimatic reconstructions of the conditions, in which Jankent functioned, were made.

ИЗ ОНТОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОГО НОМАДИЗМА — РОЖДЕНИЕ СМЫСЛА

И. В. Брумяко*, Е. П. Секерская**

* *Одесский археологический музей НАН Украины, Одесса, Украина;* ** *Южноукраинский Национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Одесса, Украина*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-241-243

Ключевые слова: *номадизм, кочевники, степь, Евразия, скотоводство, миграция.*

Номадизм как социокультурный стандарт, венчавший тысячелетнюю историю евразийского пастушества — явление моноцентричное, хотя и с обширным первичным ареалом. Попытки как-то ограничить этот ареал пока следует признать безуспешными. На сегодня он делегируется целому ряду областей Центральной Азии, у каждой из которых приблизительно равные шансы быть признанной в качестве такового (Алтай, Синцзян [Джунгария], Восточный Казахстан, Семиречье, Тува).

Предпосылки возникновения номадизма могут составлять более или менее значительный перечень различных состояний. Что же касается факторов, вызвавших к жизни данный феномен, то главным здесь видится природно-климатический. А его паневразийский характер был обусловлен такой универсальной формой организации культурного пространства, как миграция.

С экономической точки зрения номадизм, в особенности на ранней стадии, — явление маргинальное. И распространение такой формы хозяйственной стратегии в сочетании

с новыми поведенческими стереотипами и стандартами повседневного образа жизни вряд ли произошло бы столь стремительно, если бы на пути этого широтно заданного импульса в разных районах Великой Степи не имелось бы условий для их восприятия. Эти локальные предпосылки можно называть региональными проявлениями прото-номадизма (или предномадизма). Они сформировались в результате оптимизации хозяйственно-экономической стратегии в ответ на экологический вызов, из-за которого Великая Степь оказалась в целом непригодной для жизнедеятельности, даже исходя из субсистентного минимума ресурсной базы. Степные социумы распадаются, их представители рассеиваются в диаспоры, которые формируются в районах с более стабильными условиями. Так, вслед за смещением к северу ландшафтных зон какая-то часть бывших степняков вливается в сообщества земледельцев-скотоводов лесостепных областей. Последние, хотя и в меньшей степени, также испытывают экономический дискомфорт. И под влиянием двух факторов происходят депопуляция степной полосы и расселение какой-то части бывших ее обитателей в лесостепных районах, где хозяйственно-экономическая деятельность приобретает новые формы, адаптирующие ее к новым условиям. Возникают ландшафтно-трансзональные отгонные циклы скотоводства, маршруты которых в основном привязаны к руслам крупных рек. По всей вероятности, формируется (выделяется) и особая социальная группа, отвечающая за это направление хозяйственной деятельности.

Кое-где в ограниченных, относительно благоприятных анклавах степной полосы потомки населения эпохи поздней бронзы образуют локальные союзы скотоводческого населения. Такие своего рода ландшафтные рефугиумы, как правило, тяготели к предгорным районам (Северный Кавказ, Предгорный Крым, предгорья Копетдага), либо к долинам (устьям) крупных рек (Дон, Волга, Приаралье с Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, Дунай). В таких ареалах очевидно существовали микроклиматические зоны с более мягкими условиями и относительным разнообразием биоресурсов.

Таким образом, в европейской части Великой Степи вполне отчетливо прослеживается наличие двух групп населения, одну из которых можно считать реликтовой степной, а другую наоборот — вновь образованной в составе традиционных земледельческих сообществ. Они были максимально экономически и социально предрасположены к восприятию нового типа культуры. Именно их представители легче всего интегрировались (самостоятельно либо принудительно) в новый мир, рождение которого произошло в результате мощного миграционного импульса широтной направленности на рубеже II–I тыс. до н. э.

FROM THE ONTOLOGY OF EURASIAN NOMADISM — THE BIRTH OF MEANING

Igor V. Bruyako*, Elena P. Sekerskaya**

* *Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, Odessa, Ukraine;*

** *K. D. Ushynsky South Ukrainian National Pedagogical University, Odessa, Ukraine*

Keywords: nomadism, steppe, Eurasia, cattle breeding, migration.

Nomadism is a monocentric phenomenon, albeit with an extensive primary range. To date, this area covers a number of areas of Central Asia. Among the factors that brought the phenomenon of nomadism to life, the main one is natural-climatic. As for the continental, pan-Eurasian nature of this phenomenon, it was stipulated by such a universal form of organization of the cultural space as the migration. Simultaneously with this fundamental factor in various regions of the Great Steppe, there were certain prerequisites for the perception of new cultural standards, which can be called manifestations of protonomadism. So, the farmers of the forest-steppe expanded the area of their economic activity at the expense of deserted steppe regions, thereby creating a new, much more mobile, form of cattle-breeding. In relatively favourable, against a general negative landscape-climatic background, steppe zone enclaves, small-sized local groups of cattle breeders — the original inhabitants of the steppes —

could be preserved as relic ones. It is these groups that were most easily integrated (independently or forcefully) into the new world, the birth of which took place as a result of a powerful cultural impulse of the latitudinal direction at the turn of the 2nd — 1st millennia BC.

РЕПОВИДНЫЕ СОСУДЫ МАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СВЯЗЕЙ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ

В. Я. Стеганцева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-243-244

Ключевые слова: реповидные сосуды, манычская катакомбная культура, эпоха средней бронзы, связи с земледельческими культурами.

Реповидная керамика составляет почти треть керамических изделий, найденных в погребениях манычской катакомбной культуры. Сосуды, которые входят в эту категорию — широкие, тяжелые, с усиленным венчиком — выглядят весьма странно для обихода кочевников (Стеганцева 2004: 439), в котором скорее можно ожидать емкости более легкие, тонкостенные, скорее деревянные, кожаные или металлические.

Ряд признаков — форма тулова, венчика, орнамент и их сочетание, составляющие образ тарной керамики, позволяют предположить происхождение реповидной керамики из земледельческих культур. Раздутая и приземистая форма в сочетании с массивным плоским венчиком-ободком более всего напоминают сосуды-пифосы, известные в культурах Крита, Южного и Северного Кавказа.

Более половины этих сосудов орнаментированы. Большая часть орнаментов представлена налепными валиками, расчлененными насечками или пальцевыми вдавлениями. Валики обычно расположены выше наибольшего диаметра, в нижней части плечиков сосуда. Сосуды-пифосы из кладовых дворца Миноса украшены орнаментом из налепных валиков с насечками. Там этот орнамент назван «веревочным» и считается, что он имитирует веревочные сети, которые применяли для переноски больших сосудов (Пендлбери 1950: 152, рис. 54, 2; Evans 1930: 264, fig. 179). Гораздо меньшее количество реповидных сосудов орнаментировано по верхней части плечиков заштрихованными треугольниками, вершины которых направлены вверх или вниз. Особое внимание вызывают крестообразные фигуры из налепных валиков с пальцевыми вдавлениями, расположенными на внутренней стороне дна и, изредка, на наружной.

Мотивы и приемы нанесения орнамента реповидных сосудов находят аналогии в куро-аракской культуре Северного (Мунчаев 1994б: 218, табл. 60, 2; 220, табл. 61, 8) и Южного Кавказа (Кушнарева 1993: 70, рис. 26, 40, 62; Мунчаев 1994а: 19, табл. 1, 1–6), новосвободненской культуре (Резепкин 2012: 145, рис. 16, 3; 250, рис. 122, 5–6) и материалах курганов Триалети (Джапаридзе 1994: 76, табл. 18, 27; 82, табл. 21, 31, 36–38).

Литература

Джапаридзе О. М. 1994. Триалетская культура // Марковин В. И., Кушнарёва К. Х. (ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 75–92 (Археология СССР. Т. 14).

Кушнарёва К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб. (Археологические изыскания. № 9).

Мунчаев Р. М. 1994а. Куро-аракская культура // Марковин В. И. Кушнарёва К. Х. (ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 8–57 (Археология СССР. Т. 14).

- Мунчаев Р. М. 1994б. Майкопская культура // Там же. С. 158–225.
- Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М.
- Резепкин А. Д. 2012. Новосвободненская культура. СПб.
- Стеганцева В. Я. 2004. Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Вишняцкий Л. Б. и др. (ред). Археолог: детектив и мыслитель (к 77-летию Л. С. Клейна). СПб. С. 437–444.
- Evans A. 1930. The Palace of Minos at Knossos. London. Vol. 3.

THE NAPIFORM VESSELS OF THE MANYCH CATACOMB CULTURE AS THE EVIDENCE OF RELATIONS WITH AGRICULTURAL CULTURES

Veronika Ya. Stegantseva

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *napiform vessels, Manych catacomb culture, Middle Bronze Age, connections with the agricultural cultures.*

The napiform pottery makes up almost a third of the ceramic products found in burials of the Manych catacomb culture. The vessels forming this category — wide, heavy, with the reinforced rim — look very strange for household utensils of the nomads, who, it seemed, would have used containers that were lighter, thin-walled, made rather of wood, leather or metal.

A number of features such as the shape of the body and rim, as well as the ornament, which in combination make up the kind of ware ceramics, suggest the origin of the napiform ceramics to have been connected with the agricultural cultures. The bloated and squat shape in combination with the massive flat rim most closely resembles the pythos-type vessels known in the southern cultures of Crete, the Southern and the Northern Caucasus.

More than half of these vessels are ornamented. Most of the ornaments are represented by stuck-on rollers partitioned by notches or finger impressions. The rollers are usually located above the largest diameter, in the lower part of the shoulder space. A much smaller part of the vessels is ornamented on the upper part of the shoulders by shaded triangles, whose apices are directed up or down. Particular attention is paid to cross-shaped figures of stuck-on rollers with finger impressions located on the inside of the bottom and, occasionally, on its outside.

The motives and methods of applying the ornaments have analogies in the Kura-Araxes culture of the North and South Caucasus, Novosvobodnaya culture, the materials of Trialeti burial ground and “corded pithoi” of the Palace of Minos at Knossos.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ОЦЕНОК ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ЖИЗНЕННЫХ УКЛАДОВ НАСЕЛЕНИЯ САБАТИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. А. Черниенко

Одесский археологический музей НАН Украины, Одесса, Украина

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-244-247

Ключевые слова: *сабастиновская культура, степное (пастушеское) общество; относительно оседлое население; демографический взрыв.*

Беспристрастная социально-экономическая оценка сабастиновской культуры, данная В. М. Массоном (Массон 1998: 260, 262–264), на мой нынешний взгляд, близка к истине. Время восторгов по поводу более 2000 якобы долговременных поселений этой культуры, в том числе протогородов и т. п. (Черниенко 2000: 483, 484, 500–501) прошло. Но часто

неубедительны и альтернативы традиционным оценкам ее населения как оседлоземледельческо-скотоводческого (при демографическом взрыве), пусть вызывающим ныне некоторые вопросы, например: какова была роль земледелия у сабаатиновских племен при условии, что их памятники были изучены неравномерно во времени и пространстве? Как минимум для двух сабаатиновских поселений, которые раскапывались, изучение палеоботаниками сотен черепков (а для одного из них — и результатов флотации) не выявило отпечатков (остатков) культурных злаков (Пашкевич 1992: 190). Сравним с некоторыми палеоботаническими сведениями по другим эпохам (см.: Черных и др. 1997: 28). На поселениях сабаатиновской культуры находят больше костей домашних животных, чем, скажем, на трипольских. В степи от ямной культуры до сабаатиновской относительно стабилен состав стада (но в катакомбной культуре почему-то заметно меньше доля лошади), в котором гораздо меньше, чем в лесостепных культурах «западной культурной зоны», доля свиньи и (чаще) больше — лошади (см.: Дергачёв 2006: 63–71, 73). Это ни отнесению сабаатиновского общества к степным (пастушеским) (Массон 1998: 263–264), ни представлениям о смешанном образе жизни сабаатиновцев (см., например: Бунятян 2001) не противоречит. Но деятельность подвижных скотоводов какой-либо сабаатиновской общины пока труднее засвидетельствовать археологически. Сабаатиновские стойбища, возможности наличия которых я не отрицаю, выделяются в основном по разведкам, но не в результате исследований, которые бы доказали, что конкретный памятник — явно стойбище (выселок — небезынтересный подход см.: Gershkovich 2003: 307, 310, стоянка, сезонный лагерь и т. п.), а не периферия стационарного поселения, территория, примыкающая к последнему, объект с уничтоженным культурным слоем (Черниенко 2000: 484).

Называть сабаатиновскую культуру полуоседлой (Агульников 2008: 229), с доминирующей ролью полукошевого скотоводства, частой сменой мест обитания (а не демографическим взрывом) и т. д. (Sava 2003: 33–36; Горбов 2000: 58) при малоизученной относительной хронологии памятников преждевременно. Малочисленность предшествовавших поселений убеждает в гораздо меньшем количестве населения, чем в сабаатиновское время, особенно оседлого (см.: Черняков 1985: 48 и др.). Вопреки некоторым мнениям (Sava 2003: 20, 34–36; Сава, Кайзер 2011: 452–456, 470–471; Агульников 2007: 246, 248), большинство раскапывавшихся поселений сабаатиновской культуры, особенно со сложной архитектурой — Вороновка II, Виноградный Сад и др., не ассоциируется с сезонными лагерями, а большинство изученных строительных остатков (хотя, пожалуй, не все (см., например: Агульников 2006: 225–227)) — с пастушескими домиками, с шатрами или шалашами с укрепленными камнями краями. Если, конечно, чертежи таких домиков не сопоставлять подобно Е. Сава и Э. Кайзер — с фасировками стен помещений 1 и 7 поселения Вороновка II (Сава, Кайзер 2011: 455), а с планом архитектурных блоков, в состав которых входят эти помещения (см., например: Ванчугов и др. 1991: 10, рис. 3; 4). По-разному оценивается долговременность поселений с углубленными жилищами (Sava 2003: 35, 36), построенными без применения камня (в целом нетипичными для сабаатиновской культуры (см., например: Черниенко 2000: 484 и сл.)), и опора на характер и насыщенность находками (Агульников 2007: 248; 2006: 237–239, 248), пусть нередко неравномерную и в пределах одного памятника, на мой взгляд, перспективна.

Для носителей сабаатиновской культуры пока придется довольствоваться осторожной терминологией типа «относительно оседлое население».

Литература

Агульников С. 2006. Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи. In: *Revista Arheologică*. Vol. 2. С. 217–262.

- Агульников С. 2007. Памятники эпохи поздней бронзы микрозоны Верхнее-Пугаченского массива. In: *Revista Arheologică*. Vol. 3. С. 231–251.
- Агульников С. М. 2008. Археологическое наследие Буджака. Краткий очерк археологических памятников Буджакской степи. In: *Revista de etnologie și culturologie*. 3. Р. 227–243.
- Бунятян К. П. 2001. Генеза кочового скотарства у Пінічному Надчорномор'ї // *Магістеріум*. 6. С. 101–105.
- Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Горбов В. Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Крыжицкий С. Д. (ред.). *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк. С. 55–59.
- Дергачёв В. А. 2006. Динамика развития домашнего стада неолита — бронзы юга Восточной Европы как возможный индикатор климатических изменений прошлого. In: *Revista Arheologică*. Vol. 2. С. 56–77.
- Массон В. М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // *АВ*. 5. С. 255–267.
- Пашкевич Г. О. 1992. До реконструкції асортименту культурних рослин епохи неоліту — бронзи на території України // Паньков С. В. (ред.). *Стародавнє виробництво на території України: Зб. наук. праць*. Київ. С. 179–194.
- Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). Chişinău (Biblioteca “Turagetia”. 19).
- Черниенко Ю. А. 2000. Некоторые итоги и проблемы изучения строительного дела на сабаатиновских поселениях Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus*. 2. С. 483–504.
- Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В. 1997. К проблеме истоков земледелия в Восточной Европе // Ключинцев В. Н. (ред.). *Сабаатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: ТД I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г.* Киев; Николаев; Южноукраинск. С. 27–28.
- Черняков И. Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев.
- Gershkovich Ya. P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M. A., Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge. P. 307–317 (McDonald Institute Monograph. Ch. 20).
- Sava E. 2003. Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatynovka): Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chişinău.

APROPOS SOME ASSESSMENTS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AND LIFESTYLES OF THE POPULATION OF THE SABATYNOVKA CULTURE

Yuri A. Chernienko

Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine

Keywords: *Sabatynovka culture, steppe (shepherd) society, relatively settled population, demographic explosion.*

The time of elations for about 2000 allegedly long-term settlements of the Sabatynivka culture has passed. However, alternatives to the traditional assessments of the population of this culture as a settled agricultural-pastoral one (with a demographic explosion) are often unconvincing. Campsites of the Sabatynivka culture probably existed, but they are distinguished mainly during the explorations,

but not as a result of researches, which would convincingly prove that a certain monument is certainly the camp or the like, but not the periphery of the stationary settlement or other. Contrary to some opinions, most of the excavated settlements of the Sabatynivka culture are not associated with seasonal camps, and the majority of the studied building remains are not associated with shepherd lodges. Therefore, it is prematurely to call this culture semi-settled one, with the dominant role of semi-nomadic cattle breeding, frequent change of habitat (but not with a demographic explosion), etc. For now cautious terminology such as “relatively settled population” is apposite.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

С. К. Сакенов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-247-249

Ключевые слова: *бронзовый век, поселение, степные племена, древнеземледельческие центры, степная лепная керамика, станковая керамика, гончарный круг.*

В 2014–2015 гг. на поселении эпохи бронзы Шагалалы II (Акмолинская обл., Северный Казахстан) была исследована гончарная мастерская, ее следы хорошо сохранились благодаря пожару. Речь идет о прямоугольном сооружении каркасно-столбового типа (рис. 1).

По сохранившимся остаткам следов от столбовых ям удалось выявить план и размеры строения. Длина его северо-западной и юго-восточной стен составляли 5 м, а юго-западной — 6 м. В северо-восточном углу имеется проход коридорного типа, длиной 2 м и шириной 1,1 м. Северо-восточная стена коридора и собственно самого строения были единими со стеной коридора. Размеры внешнего строения, без учета коридора, составляли 5 × 6 м, общая площадь мастерской достигала 30 м². В ее центральной части сохранились следы от четырех столбов, которые служили опорой для кровли. В северо-восточной части хорошо сохранились остатки рухнувшего после пожара каркаса двухскатной кровли, который состоял из поперечных и продольных балок, опиравшихся на центральную балку. Стены постройки, судя по их остаткам, были сделаны из плетня и оштукатурены раствором глины с добавлением навоза. Вентиляция и дневное освещение помещения были возможны через отверстия в торцовых стенах и в легкой сборной части в центре крыши. Внутри сооружения не обнаружены остатки каких-либо теплотехнических конструкций, что свидетельствует о сезонной работе мастерской в теплое время года.

Внутри помещения зафиксирована конструкция, сложенная из вертикально вкопанных гранитных плит. Она имела двойную структуру, при этом первая внешняя стена П-образной формы выложена из крупных гранитных плит, щели между которыми заделаны мелкими камнями. Длина стенок составляла 3 м, ширина торцовой части — 1,6 м. Вторая часть конструкции представлена каменным сооружением, которое напоминает небольшой прямоугольный бассейн (0,5 × 3,0 м), сложенный из ровных, вкопанных вертикально гранитных плит. Все сооружение утоплено в материк на глубину 0,5 м (Сакенов 2015: 168). Обнаруженная емкость служила для просеивания и замачивания сырой глины. Во внутренней части емкости находился слой чистой глины, а также засохшие корки и глиняные комки со следами отпечатков пальцев. В устье каменного бассейна пол немного углублен, именно там было собрано значительное количество фрагментов станковой керамики.

Интерес представляет стратиграфия северо-западной части помещения. Его пол в этом месте был очищен от глиняного слоя, который имел напластования разных оттенков (светло-

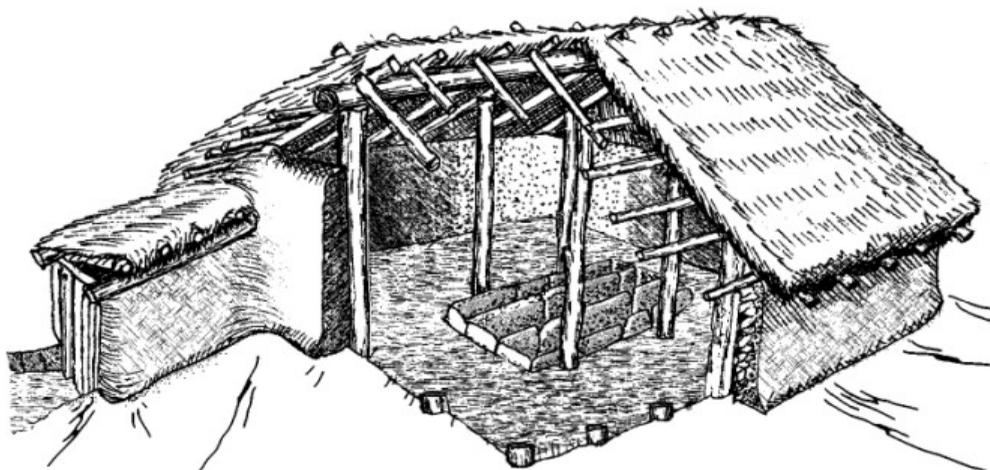

Рис. 1. Графическая реконструкция гончарной мастерской по материалам поселения эпохи бронзы Шаггалалы II. Автор реконструкции — С. К. Сакенов, художник — В. С. Меденко

красный, светло-желтый и темно-коричневый). Скорее всего, здесь находилось дополнительное рабочее пространство для сушки, сортировки и хранения сырья.

Исследование площадки вокруг мастерской выявило еще одно строение каркасно-столбового типа, непосредственно связанное с мастерской. С ее западной стороны на площади 12×9 м, на уровне древней поверхности зафиксированы два ряда столбовых ям, расположенных параллельно друг другу. Между ними встречаются остатки поперечных полуобгоревших балок, а в центральной части обнаружено скопление камней. Очевидно, здесь находилась прямоугольная хозяйственная постройка наземного типа, длина стен которой составляла 4 м, а ширина — 2,5 м. Вероятно, речь идет о навесе, предназначенном для сушки сосудов (Сакенов 2019: 267).

Возле входа был найден бронзовый нож и лепной котловидный сосуд с лощеной до блеска поверхностью. Эти находки позволяют датировать все сооружение концом эпохи бронзы (Сакенов 2015: 168).

Широкое распространение сосудов, изготовленных на гончарном круге, отмечено для всех поселений позднебронзового века Казахстана, а также на сопредельных территориях. Появление станковой керамики в степи в начале II тыс. до н. э. непосредственно связано с торгово-экономическими отношениями пастушеского и древнеземледельческого населения. Наличие мастерских по производству станковой керамики в степных районах в эпоху позднего бронзового века указывает на глубокие интеграционные процессы, в результате которых в степи стали проникать конкретные технологии (Ломан и др. 2017: 34).

Гончарная мастерская, исследованная на поселении Шаггалалы II, является ярким примером такого распространения новой технологии (производства станковой глиняной посуды) из южных древнеземледельческих оазисов Центральной Азии далеко на север, в области обитания пастушеских племен.

Литература

Ломан В. Г., Папин Д. В., Федорук А. С. 2017. Связи населения юга западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник Томского ГУ. История. 49. С. 32–36.

Сакенов С. К. 2015. Мастерская на поселении Шаггалалы II (Павловка) (предварительные итоги исследования) // Таиров А. Д. (ред.). Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск. С. 160–168.

Сакенов С. К. 2019. Дома эпохи бронзы Северного Казахстана // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 1 (17). <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1038>. (дата обращения 11.06.2019 г.). Алматы.

A POTTERY WORKSHOP RECONSTRUCTION BASED ON THE MATERIALS FROM THE SHAGALALY II SETTLEMENT

Sergazy K. Sakenov

Eurasian National University L. N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan

Keywords: *Bronze Age, settlement, steppe tribes, ancient agricultural centers, steppe stucco ceramics, easel ceramics, pottery wheel.*

The paper deals with reconstructing a pottery workshop, which is based on the specific archaeological materials obtained during archaeological excavations at the Bronze Age settlement of Shagalaly II in Northern Kazakhstan. This workshop specialized in the production of easel ceramics. The penetration into the steppe of new technologies for the production of the ceramics having no local traditions was a result of thousands-year interrelationships between the ancient pastoral and agricultural populations. The author raises questions concerning the role of easel ceramics among the pastoral population. The ceramics and a bronze knife found in the course of the excavations of the workshop permit to date its functioning from the 13th through the 9th centuries BC.

ГОРОДСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ КАЗАХСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н. Э.¹

В. В. Варфоломеев

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова, Караганда, Казахстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-249-251

Ключевые слова: *Казахстан, эпоха бронзы, города, культурно-хозяйственные центры, урбанизация, цивилизация.*

Во второй половине II тыс. до н. э. в степях Казахстана появляются памятники, характеризующиеся признаками города. Методические основы выделения городов по археологическим данным четко сформулировал В. М. Массон, который полагал, что городам присущи следующие признаки: 1) площадь обитания более 15 га; 2) численность населения более 5000 человек; 3) сельскохозяйственная округа; 4) ремесленные кварталы; 5) торговая деятельность; 6) храмовая архитектура (Массон 1976). Фортификация исключена из этого перечня как неуниверсальный признак.

Городище Кент находится в 220 км к ВЮВ от г. Караганды, в Кентском горнолесном массиве. Его площадь определена не менее чем в 30 га, на поверхности фиксируются остатки не менее 120 сооружений. По предварительным подсчетам численность обитателей Кента ограничена 2500–3000 человек, так как неизвестно точное число жилищ, погребенных под культурным слоем. Вокруг Кента на берегах р. Кызылкеныш зафиксировано восемь небольших синхронных поселков, составлявших сельскохозяйственную округу городища. В левобережной части памятника на участке Алат раскопаны металлургические печи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект № AP05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)».

и обнаружены отходы литейного производства (медные и железные шлаки). Кроме того, в большом количестве найдены изделия и заготовки косторезного ремесла. То есть здесь зафиксированы следы деятельности литейщиков и косторезов, мастерские и жилища которых составляли ремесленный квартал в составе города.

Торгово-обменная деятельность жителей Кента отразилась в находках импортной керамики. Эта категория керамической утвари представлена двумя группами глиняной посуды. Часть сосудов имеет определенные аналогии в керамике западносибирских андронидных культур поздней бронзы. Другая импортная керамика, изготовленная на гончарном круге, имеет аналогии в памятниках Средней Азии.

Город — центр религиозной деятельности, что в археологических памятниках отражается в храмовых постройках. Но храмы появились не сразу, их предшественниками были культовые места, святилища, часто — специальные площадки. Три такие площадки, огороженные стенами из гранитного камня, известны в Кенте. Они находятся на восточной окраине городища, две из них раскопаны. Ограда 1 (57,0 × 42,5 м) вытянута в направлении ЮЗ–СВ. Ее стены сформированы рядами каменной кладки. Ограда 2 (55,0 × 26,5 м) ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Внутреннее пространство оград свободно, в их стенах иногда сооружали каменные ящики. Вероятно, в оградах проводили какие-то общественные культовые, обрядовые или религиозные церемонии, а сами ограды по функциональному назначению идентичны храмовым постройкам (Варфоломеев и др. 2017).

Поселения Талдинского археологического микрорайона находятся в бассейне р. Талды, в Шетском р-не Карагандинской обл., на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. В радиусе 5–7 км известно шесть поселений: Аккезен, Шортандыбулак (исследования Центрально-казахстанской археологической экспедиции), Шокпартас, Ажар, Ажар 2, Саурамбай (открыты экспедицией Карагандинского ГУ им. Е. А. Букетова) (Варфоломеев 2019; Маргулан 1979). Все поселения оставлены населением, изготавливавшим валиковую керамику. Самым крупным памятником является Аккезен, площадью около 10 га. На его поверхности зафиксировано 80 построек с каменной облицовкой стен котлованов. На поселениях Шортандыбулак, Шокпартас, Ажар 2, кроме валиковой, найдена андронидная и южная станковая керамика. На Шокпартасе отмечены остатки металлургического производства. Вероятно, памятники Талдинского микрорайона образуют компактный культурно-хозяйственный центр.

Семиярское поселение локализуется в Бескарагайском р-не Восточно-Казахстанской обл., в 3,5 км к В от с. Семиярка, на высокой коренной террасе правого берега р. Иртыш. Площадь поселения оценивается в 672 000 м². Здесь фиксируется уличная планировка и многокомнатные дома площадью от 800 до 600–400 м². На западной окраине памятника находится земляное сооружение (50 × 60 м), вероятно, функционально близкое каменным оградкам Кента. Поселение не раскопано, артефакты из него представлены сборами с поверхности памятника. Керамический комплекс характеризуется валиковой посудой с включением андронидного компонента (Мерц 2017).

По ряду признаков функции культурно-хозяйственных центров выполняли поселения Атасуского микрорайона в Центральном Казахстане, Шагалалы 2 в Северном Казахстане и Рублево 6 в Алтайском крае. Все они могут быть выделены в особый — кентский — тип памятников. Наиболее полно признаки древнего города проявляются в Кенте и Семиярке. Обитатели поселений кентского типа составляли социальную и политическую элиту населения, использовавшего в быту валиковую керамику (бегазы-дандыбаевская или саргаринско-алексеевская культура). Погребальные памятники элиты представлены сооружениями типа мавзолеев: девять могильников у Кента; могильник Караоба Кривинско-Семиярского археологического микрорайона; могильники Каражартас, Керпей 2, Танкара, Танкара 2 Талдинского микрорайона.

Формирование городских центров свидетельствует о зарождении своеобразной цивилизации в степной зоне Казахстана во второй половине II тыс. до н. э.

Литература

Варфоломеев В. В. 2019. Поселения Талдинского археологического микрорайона. Предварительные результаты исследований // Маргулановские чтения 2019: Материалы Международ. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан. С. 74–87.

Варфоломеев В. В., Ломан В. Г., Евдокимов В. В. 2017. Кент — город бронзового века в центре Казахских степей. Астана (Материалы и исследования по культурному наследию. Т. 11).

Маргулан А. Х. 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.

Мерц В. К. 2017. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир большого Алтая. № 3(4). Усть-Каменогорск. С. 494–509.

URBAN AND CULTURAL-ECONOMIC CENTERS OF KAZAKHSTAN IN THE SECOND HALF OF THE 2ND MILLENNIUM BC

Viktor V. Varfolomeyev

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

Keywords: *Kazakhstan, Bronze Age, cities, cultural-economic centers, urbanization, civilization.*

At the later stage of the Bronze Age, cities and cultural-economic centers emerged in the steppe zone of Kazakhstan. Urban-like features are characteristic for such sites as Kent and Semiyarka. Close to them are the settlements of the Atasusk district in Central Kazakhstan, Shagalaly 2 in Northern Kazakhstan, and Rublevo 6 in the Altai Krai. They may be singled out in a special, Kent, type of the monuments. Inhabitants of Kent-type settlements constituted a social and political elite of the population of the roller ceramics culture (the Begazy-Dandybai and Sargarinsko-Alekseyevskaya cultures). Funerary monuments of the elite are represented by mausoleum-type structures: nine burial grounds near Kent; the Karaoba burial ground of the Krivinsko-Semiyarsky archaeological district; the Karazhartas, Kerpei 2, Tankara, and Tankara 2 burial grounds of the Taldinsk district. The formation of urban centers definitely testifies to the origin of a peculiar civilization in the steppe zone of Kazakhstan in the second half of the 2nd millennium BC.

ЯМНАЯ КУЛЬТУРА СКОТОВОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А. А. Файзуллин, Н. Л. Моргунова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-251-254

Ключевые слова: *Волжско-Уральское междуречье, ямная культура, классификация курганов и трудовых затрат, половозрастная структура, социальная структура.*

Современное состояние источников (накопление археологического материала, естественно-научные исследования) делает актуальным изучение социальной структуры

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ.

населения ямной культуры Волго-Уралья, отразившейся в погребальных ритуалах. Методика палеосоциологического анализа включала несколько основных этапов: 1) разработка классификации погребальных комплексов по наличию трудовых затрат на совершение захоронения; 2) рассмотрение половозрастной структуры ямного общества; 3) выявление компактных серий захоронений, свидетельствующих о наличии определенных социальных групп в ямном обществе.

Классификация погребального обряда по степени трудовых затрат проведена по материалам 394 погребений из 281 кургана (Моргунова, Файзуллин 2018). Анализ погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья позволяет сделать вывод о связи различных подходов к возведению курганов и сооружению погребальных камер с социальным статусом погребенных в них индивидов, на что указывает наличие небольших насыпей диаметром 7–10 м и больших курганов диаметром 110 и высотой до 8 м. В зависимости от увеличения размеров погребальных сооружений возрастает количество дополнительных элементов, оформляющих подкурганную площадку и могилы, а также число металлических изделий в погребениях.

По данным хронологии наблюдается постепенная эволюция погребальной обрядности в сторону усложнения, а затем упадка, что является свидетельством развития производственных и социальных процессов, происходивших в ямном обществе на протяжении раннего и среднего бронзового веков.

Общественные отношения у племен ямной культуры носили патриархальный характер, а профессия и социальный статус родителей могли передаваться по наследству. Об этом свидетельствует доминирование мужских захоронений относительно детских и женских. Кроме того, погребения мужчин выделяются трудоемкостью погребального сооружения, престижным инвентарем и человеческими жертвоприношениями.

В ямном обществе существовала социальная стратификация, основанная как на половозрастных особенностях, так и на специфике хозяйственной деятельности и общественно-значимых функциях членов коллективов, в которых профессия и социальный статус передавались по наследству. Возможность появления таких социальных слоев обусловлена спецификой экономического развития региона. Общие экономические интересы, а именно снабжение скотоводческого хозяйства металлическими предметами и изделиями из дерева, способствовало большей мобильности кочевого скотоводческого населения (Моргунова, Файзуллин 2018).

Среди носителей ямной культуры Волго-Уралья в результате социального расслоения образовались социально-значимые группы. Захоронения служителей культа отличаются неординарностью (погребения черепов на постаменте, расчлененные захоронения), а также сакральными наборами инвентаря. К погребениям мастеров-металлургов можно отнести комплексы с литейными формами, а также захоронения с готовыми изделиями и производственным ломом. В погребальных обрядах ямной культуры отражено особое отношение к лицам, так или иначе связанным с плотничеством. Большие насыпи и могилы сложной конструкции с воинскими символами позволяют считать эти погребения социально-значимыми и указывают на выделение воинской группы. Власть в обществе принадлежала вождям-лидерам, которые концентрировали в своих руках руководство общественным производством и распределение общественного продукта (Файзуллин 2017). Это доказывается сложностью архитектуры вождеских погребальных комплексов Волго-Уралья (рис. 1).

По отношению к ямному обществу Волго-Уралья наиболее применим термин «ранние комплексные общества». Археологическими критериями таких обществ, по мнению В. М. Массона, являются: наличие монументальных культовых центров и экстраординарных погребальных комплексов; социальная стратификация, отраженная в погребальных

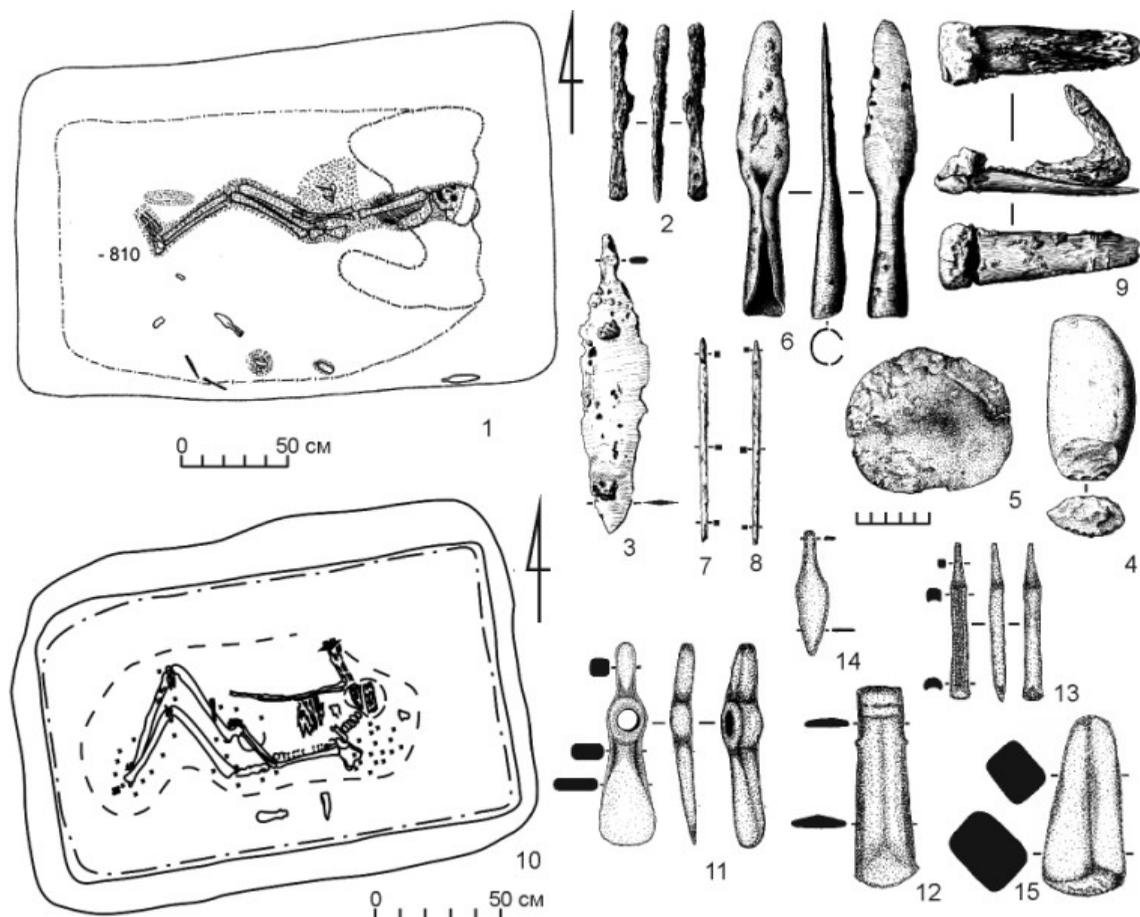

Рис. 1. Погребения с символами вождества: 1–9 — курганный могильник Болдыреве 1/1 (2 — железная стамеска; 3 — медный нож; 4 — речная галька; 5 — железный диск; 6 — копье; 7, 8 — медные шилья; 9 — биметаллический рубанок) (по: Моргунова 2000: 61–63, рис. 3–5); 10–15 — курганный могильник Барышников 6/3: 11 — медное тесло-молоток; 12 — медное тесло с цапфами; 13 — медное долото; 14 — медный нож; 15 — каменный пест-молот (по: Моргунова, Турецкий 1998: 14–15, рис. 5–6)

обрядов; специализация производств и выделение социальных групп, связанных с отдельными производствами. Все эти признаки в полной мере присущи ямной культуре Волго-Уралья (Массон 1991; 2000).

Интенсификация скотоводства и освоение новых меднорудных месторождений явились основополагающими факторами для развития социальной структуры общества ямной культуры.

Литература

- Массон В. М. 1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Кулаков С. А., Массон В. М. (ред.). Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб. С. 3–9.
- Массон В. М. 2000. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Массон В. М. (ред.). Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. СПб. С. 135–166.
- Моргунова Н. Л. 2000. Большой Болдыревский курган // АПО. Вып. 4. С. 55–64.
- Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. 1998. Курганный могильник у хут. Барышников // АПО. Вып. 2. С. 3–16.

Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А. 2018. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // *Stratum plus*. 2. С. 35–60.

Файзуллин А. А. 2017. Погребения вождей в ямной культуре Волго-Уралья // *Известия Самарского НЦ РАН*. Т. 19. 3 (2). С. 389–397.

THE PIT-GRAVE CULTURE OF CATTLE BREEDERS OF THE VOLGA-URAL STEPPES: A SOCIOLOGICAL ASPECT

A. A. Fayzullin, N. L. Morgunova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Keywords: Volga-Ural interfluvium, pit-grave culture, classification of barrows and labor costs, age-and-sex structure, social structure.

Based on information about the degree of labor costs for completing burial complexes, as well as implements and data of the natural-scientific methods, the social organization of the population of the Volga-Ural pit-grave culture is reconstructed. The funeral complexes are considered for the three stages of its existence in the Volga-Urals. According to the funeral rites, social roles and statuses of men, women and children are studied. The characteristics of social groups — leaders-chieftains, ministers of worship, representatives of the society industrial sphere is given. By such archaeological criteria as the availability of extraordinary burial complexes, social stratification reflected in the funeral rites, specialization of production and allocation of social groups associated with individual industries the pit-grave society of the Volga-Ural region is assigned to the early phase of the steppe complex societies according to V. M. Masson.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФАЛЛИЧЕСКИЕ АМУЛЕТЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НОМАДАМИ И ОСЕДЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ IV–VII ВВ. Н. Э.

Е. В. Вдовченков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-254-256

Ключевые слова: антропоморфные фаллические бронзовые амулеты, Восточная Европа, Кавказ, аланы, гуннская эпоха.

Среди антропоморфных предметов особое место принадлежит фаллическим фигуркам, широко распространенным в период Великого переселения народов. Иконографический образ этот довольно устойчив и представляет собой фигуру обнаженного мужчины с широко расставленными ногами и руками, параллельными туловищу. Узкий вытянутый торс переходит в его нижней части в гиперболизированный фаллос, или же фаллос может быть обозначен рельефно (рис. 1).

Узнаваемая иконографическая традиция неоднократно воспроизводилась в следующих предметах: односторонние литые или штампованные фигурки из бронзы и, редко, из серебра, длиной, как правило, 4–5 см; насечки на керамике (кувшин из Мокрой балки); налпы на керамике (джетгасарская культура); клеймо на дне сосуда (сосуд из Горькой Балки); изображения на кожаных мешочках-амулетах (аланские древности Северного Кавказа); каменная стела из Донецкой обл., найденная близ хут. Пикузы на р. Кальмиус (Вдовченков 2010).

Эти категории находок уже неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Кругликова 1957; Левина 1968; Ковалевская 1983; Шелов 1984 и др.), регулярно появляются

и публикации новых находок. Типология их разработана В. Б. Ковалевской, которая, изучая амулеты Кавказа, разделила антропоморфные изображения на несколько типов. Рассматриваемое нами изображение относится к первому типу по Ковалевской, и, отчасти, к четвертому (такие же фигуры, но вписанные в круг) (Ковалевская 1983: 44–46).

Бронзовые антропоморфные амулеты находят на обширной территории. Большая часть их происходит с Северного Кавказа. Известны экземпляры в Крыму, на Нижнем Дону, в Донецкой обл., Восточном Приаралье, Прикамье и Приуралье.

Это явление сложно датировать, поскольку часть таких предметов найдены случайно, а остальные обнаружены в слое поселений вне закрытых комплексов. Традиционно амулеты относят к IV–VII вв. н. э. Существуют трудности с датировкой находок в памятниках джетыясарской культуры. Самые ранние находки могут относиться к началу IV в. н. э. (Кругликова 1957, Шелов 1984: 243).

Из трех версий происхождения (гуннская, кавказская, сармато-аланская) более вероятной представляется именно иранская, то есть связь амулетов и изображений с сармато-аланским миром накануне и в эпоху Великого переселения народов. Об этом говорит география распространения находок: Крым, Донецкая область, Северный Кавказ, Дон, Сыр-Дарья, Прикамье. Все эти области так или иначе связаны с иранским населением. Находки на Боспоре можно объяснить процессами сарматизации.

Этот узнаваемый образ существовал в нескольких видах: глиняные налепы, металлические фигурки, нашивки, но наибольшую популярность приобрела металлическая форма. Столь широкое распространение этих поделок в разных обществах и на столь обширной территории обусловлено, вероятно, тем, что всем было понятно значение этих фигурок, которое может быть связано с идеей плодородия. Популярность такой вещице придавала и удачная форма компактного металлического изделия. Распространение находки связано с миграциями иранских кочевников, которые смогли реализовать образы своей культуры в металлургических центрах Восточной Европы. Но истоки этой миграции — отдельная проблема.

Простота подобной фигурки может предполагать ее повсеместное изготовление, но все же логичнее было производить ее в местах, традиционно связанных с металлургией. Такими центрами могли стать античные города.

Следует обратить внимание на аланские городища как центры производства этих предметов. Так, в 1987 г. на Зилгинском городище был найден один из таких амулетов (рис. 1 — Аржанцева 1987: рис. 473). Необработанные края изделия свидетельствуют, что оно было произведено на месте и попало в слой до того, как заготовка была доделана. На Северном Кавказе эта традиция обрела новую жизнь, широко распространилась и эволюционировала в дальнейшие формы.

Эти амулеты повлияли на металлическую пластику раннесредневековых обществ. Так, антропоморфные фигурки известного Мартыновского клада из Поднепровья, а также другие находки из лесостепной и лесной зоны Украины свидетельствуют об очевидном

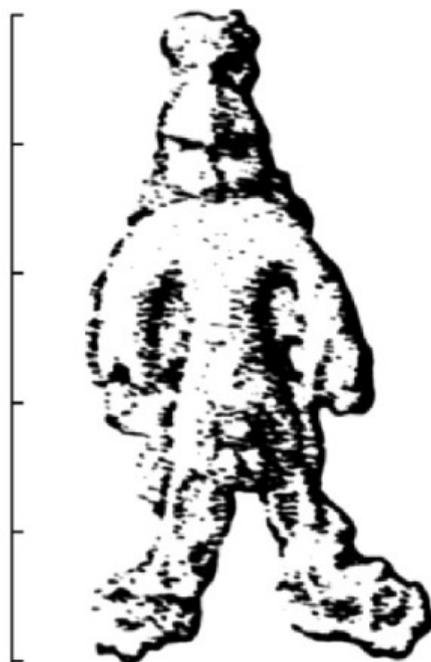

Рис. 1. Зилгинское городище, антропоморфный амулет

влиянии антропоморфных образов иранской среды на появление близких им изображений (Корзухина 1996; Спасеных 2019).

Таким образом, бронзовые амулеты связаны как с кочевым, так и оседлым населением, и являются свидетельством культурных контактов в период Великого переселения народов.

Литература

Аржанцева И. А. 1987. О работах на Зилгинском городище в 1987 г. Т. 5. Керамика. Индивидуальные находки // НОА ИА РАН. Р-1. № 13146.

Вдовиченков Е. В. 2010. Антропоморфные фаллические амулеты как свидетельство миграции // Кадырбаевские чтения-2010: Материалы II междунар. конф. Актобе. С. 135–139.

Ковалевская В. Б. 1983. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176. С. 43–50.

Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «Древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Айбабин А. И. (ред.). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь. Вып. 5. С. 352–425, 525–705.

Кругликова И. Т. 1957. Погребение IV–V вв. н. э. в дер. Айвазовское // СА. № 2. С. 217–231.

Левина Л. М. 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // Виноградов А. В. и др. (ред.). История, археология и этнография Средней Азии. М. С. 167–178.

Спасеных А. Н. 2019. Первые боги славян. Славянские древности с сакральной символикой.

Шелов Д. Б. 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса // Мелюкова А. И., Мошкова М. Г., Петренко В. Г. (ред.). Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 241–244.

ANTHROPOMORPHIC PHALLIC AMULETS AS EVIDENCE OF CULTURAL CONTACTS BETWEEN THE NOMADS AND THE SETTLED POPULATION IN THE 4TH — 7TH CENTURIES AD

Evgenii V. Vdovchenkov

Southern Federal University, Rostov-upon-Don, Russia

Keywords: *anthropomorphic phallic bronze amulets, Eastern Europe, Caucasus, Alans, Hunnish era.*

Anthropomorphic phallic bronze amulets are fairly common finds in the steppes of Eastern Europe, in Crimea and the Northern Caucasus. This iconographic image is well known on other objects as well: notches on ceramics, stigma at the bottom of vessels, representations on leather amulets (Alan antiquities of the Northern Caucasus), a stone stele found near the farm of Pikuzy on the Kalmius river (in the Donetsk region).

Of the three versions concerning the origin of this image (Hunnish, Caucasian, Sarmatian-Alan) the last is more preferable. Its Iranian origin is also confirmed by the distribution of objects with the same image in Crimea, the Donetsk region, the Caucasus, the Don, the Syr Darya, the Prikamye. All of these areas are somehow related to the Iranian population.

The distribution of the objects in question in the steppes is apparently connected with the migrations of Iranians to Eastern Europe, where we see a wide distribution of bronze amulets since the 4th century AD. In the Northern Caucasus, this tradition spread in the monuments of the Alan culture. Bronze amulets were associated with both the nomadic and settled population, and are the evidence of cultural contacts during the Great Migrations Period.

ШЕРСТЯНЫЕ ТКАНИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

Н. И. Шишлина*, О. В. Орфинская**, Н. Ю. Петрова*, О. В. Кузнецова***

*Государственный исторический музей, Москва, Россия; ** Центр Египтологических исследований РАН, Москва, Россия; *** Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-257-258

Ключевые слова: текстиль, Южная Сибирь, бронзовый век, технологический и изотопный анализы.

В памятниках бронзового века Южной Сибири шерстяные ткани появляются в андроновской (федоровской) культуре. Это детали одежды, включающие плетеные пояса и шнуры (Ужур), фрагмент ткани (Усть-Ерба). Шерстяные детали головных уборов известны и в памятниках карасукской культуры (Уйбат). Технологический анализ текстиля и дополнительное исследование изотопного состава позволяют дополнить историю распространения технологии производства шерстяных тканей Северной Евразии.

Самые ранние материалы происходят из могильников андроновского времени. Могильник Усть-Ерба располагается на правом берегу р. Ербы в Хакасии (Киселёв 1935: 206–207). На поверхности могил сохранились оградки из плиток. В оградке 1 найдены два фрагмента ткани. Могильник Ужур находится на севере Минусинской котловины в Красноярском крае (Членова 1962: 68–74; 1966). В могиле 2 кургана 47 лежал мужчина, над его тазовыми костями найдены пояса, возле ног и перед грудью — шнуры.

Могильник Чирков Уйбат карасукской культуры расположен рядом с Уйбатским Чаатасом в Хакасии. В могиле 3 найден скелет женщины. На конце бронзового ножа сохранились фрагменты ткани (Киселёв 1936: 1, 25).

Все фрагменты текстиля сделаны из шерстяных нитей: фрагмент тесьмы диагонально-саржевого плетения (Усть-Ерба) (рис. 1, 1); фрагменты трех поясов, выполненных в технике диагонального плетения, и шнуры (Ужур); фрагменты тканей полотняного переплетения, тесьмы диагонально-саржевого плетения и шнура с проколами иглой (Уйбат) (рис. 1, 2). Используются нити S- и Z-крутки, толщина нитей неравномерная, плотность ткани варьирует. Преобладание в образцах из Уйбата пуховых волокон указывает, что шерсть

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00015.

Рис. 1. Фрагменты тесьмы диагонально-саржевого плетения, шерсть: 1 — могильник Усть-Ерба; 2 — могильник Уйбат

не срезали, а выдергивали; с пухом. В образцах из Усть Ербы и Уйбата выявлены волокна мертвого волоса. Это делало спряденную нить более прочной. Возможно, часть волокон темно-коричневого цвета в образцах из Усть Ербы и Уйбата были окрашены.

Определение изотопного состава шерстяного волокна из памятников Южной Сибири позволяет определить те природные регионы, где могли располагаться угодья для выпаса овец/коз. Полученные данные дают лишь общее представление об изотопном составе сырья и тех пастбищах, где животных могли выпасать, а не характеризуют каждый индивидуальный фрагмент (Szpak et al. 2015). Однако, сравнительный анализ изотопных данных позволяет выявить разный рацион животных и предположить, в каких зонах могли располагаться ресурсные ареалы.

Шерстяные пояса из Ужура, вероятно, сделаны из руна овец предгорных лесостепных/лесных пастбищ; фрагменты ткани из Уйбата и Усть-Ербы — из руна овец степной зоны, один фрагмент из Уйбата — из руна овцы аридной полупустынной зоны.

Главным стимулом появления шерстяных тканей в Северной Евразии бронзового века стало специализированное овцеводство/козоводство. Шерстяной текстиль из памятников Южной Сибири сохранил «изотопную» подпись, которая позволяет очертить несколько ресурсных ареалов, откуда могло происходить сырье.

Литература

Киселёв С. В. 1935. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. № 4–5. С. 206–210.

Киселёв С. В. 1936. Отчет о работе Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМК и ГИМ в 1936 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 255.

Членова Н. Л. 1962. Отчет о работе Чулымского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1962 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3808, альбом № 3808а.

Членова Н. Л. 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Пронина Г. И. (ред.). Сибирский археологический сборник. Новосибирск. С. 212–228.

Szpak P., Millaire J.-P., White Ch. D., Lau G. F., Surette F., Longstaffe F. J. 2015. Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses. In: *Current Anthropology*. Vol. 56, no. 3. P. 449–459.

WOOLEN TEXTILES OF THE BRONZE AGE OF SOUTHERN SIBERIA

Natalia I. Shishlina*, Olga V. Orfinskaya**, Natalia Yu. Petrova*, Olga V. Kuznetsova***

* *State Historical museum, Moscow, Russia*; ** *The Center of Egyptian investigations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*; *** *Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Keywords: *textile, Southern Siberia, Bronze Age, technological and isotopic analyses.*

The main stimulus for the appearance of woollen textiles in Northern Eurasia in the Bronze Age was specialized sheep/goat breeding. Woollen textiles, braid and cords are known in the burials of Southern Siberia. The woollen textiles have preserved an “isotopic” signature that allows us to outline several resource areas where raw materials could come from: the arid semi-desert zones, steppe and forest-steppe/forest zones.

ВОРСОВЫЕ ТКАНИ ИЗ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ: ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

С. В. Панкова, Е. В. Степанова, Л. С. Гавриленко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-259-260

Ключевые слова: пазырыкская культура, скифское время, текстиль, ворсовые ткани, технология, красители.

Благодаря образованию льда в погребальных камерах, в элитных курганах пазырыкской культуры на Горном Алтае хорошо сохранились различные предметы из органических материалов. Они дают представление об изделиях местного и импортного производства, бывших в употреблении у социальной верхушки Алтая скифского времени.

В курганах 2, 3 и 5 могильника Пазырык и кург. 2 могильника Башадар были найдены фрагменты неорнаментированных текстильных изделий с петельчатым и, возможно, разрезным ворсом (Руденко 1968: 55, 62; Полосьмак и др. 2006: 250–251). Эти изделия хранятся в Государственном Эрмитаже. Другие образцы ворсовых тканей происходят из кург. 11 Берельского могильника в Восточном Казахстане и из могильника Верх-Кальджин-2 на плато Укок (Полосьмак, Баркова 2005: 190–191).

Большинство образцов ворсовых тканей обнаружены в колодах и представляют собой фрагменты покрывал или ковриков, которыми были укрыты мумии и выстлано дно колод (Пазырык, кург. 2 и 3, Башадар, кург. 2). В кург. 2 Пазырыка были найдены два таких коврика, каждый шит из узких полотнищ двух видов ткани, различающихся цветом и схемой переплетения. По краю и по периметру центрального поля они отделаны витыми шерстяными шнурами или войлочными кантами. Длина лучше сохранившегося изделия составляет около 2,3 м (рис. 1). Ткани центрального поля и каймы этих ковриков окрашены в оттенки красного цвета с использованием различных красителей — марены, кермеса и китайской лаковой кошенили.

Красные ворсовые ткани использовали также для оформления конского снаряжения. В кург. 5 Пазырыка кусочки такой ткани были нашиты на приструги и нагрудник одного из седел, в курганах могильников Берель и Верх-Кальджин-2 они использованы для изготовления декоративных покрывшек седел.

Рис. 1. Пазырык, кург. 2, коврик из петельчатых тканей, шерсть, 228 × 120 см

Технологически и по составу красителей ворсовые изделия неоднородны, а их находки имеются как в ранних, так и поздних курганах пазырыкской культуры, датируемых с конца VI — начала V в. до н. э. (Башадар, кург. 2) до середины III в. до н. э. (Пазырык, кург. 5). Можно предположить, что на протяжении всего времени существования пазырыкской культуры имелись постоянные источники поступления ворсовых тканей, а часть их, возможно, была изготовлена самими носителями пазырыкской культуры.

Литература

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Балакина Г. Г., Маматюк В. И., Васильев В. Г., Карпова Е. В., Малахов В. В., Власов А. А., Краевская И. Л., Довлитова Л. С., Королюк Е. А., Царева Е. Г. 2006. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования). Новосибирск.

Руденко С. И. 1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Алтая. М.

PILE TEXTILES FROM THE PAZYRYK BARROWS: TECHNOLOGY FEATURES AND A PROBLEM OF THE ORIGIN

Svetlana V. Pankova, Elena V. Stepanova, Ludmila S. Gavrilenko

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Keywords: Pazyryk culture, Scythian times, textiles, pile fabrics, technology, dyes

The paper presents systematized data on the one-coloured pile products from the monuments of the Pazyryk culture. Considered are the scope of the application of such textiles, options for the technology used, and data on the composition of the dyes. A review of close-in-time finds of pile products from the territories of Central Asia and the Near East is given.

МАССАГЕТЫ ГЕРОДОТА И САКИ ТИГРАХАУДА АХЕМЕНИДСКИХ НАДПИСЕЙ: СООТНОШЕНИЕ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

А. С. Балахванцев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-260-262

Ключевые слова: массагеты, саки тиграхауда, ортокорибантии.

В науке существуют самые разнообразные мнения относительно локализации упоминаемых в царских надписях Ахеменидов саков тиграхауда: Памир, Тянь-Шань, Семиречье, Ташкентский оазис, правобережье Сырдарьи, западные районы Восточного Туркестана, запад или северо-восток Средней Азии (Литвинский 1972: 159–161). Столь же разнятся взгляды исследователей на то, являются ли саки тиграхауда и массагеты античной нарративной традиции одним народом или не имеют между собой ничего общего.

Анализ сохранившихся у греческих и латинских авторов сведений о массагетах VI–IV вв. до н. э. показывает, что наиболее обоснованной является их локализация к северу от Узбоя, между Каспийским морем и Южным Приаральем. Вместе с тем присутствие в Мидии племени ортокорибантиев, имя которых являлось калькой с древнеперсидского *tigrahaudā* и означало «острошапочные», свидетельствует, что они не могли быть никем

иным, как частью переселившихся в Мидию саков тиграхауда. Логично предположить, что наиболее вероятной отправной точкой подобного переселения были территории, расположенные в западной части Средней Азии, к востоку от Каспия. Данные обстоятельства позволяют отождествить массагетов Геродота с *sakā tigraxaudā* ахеменидских надписей (Балахванцев 2014: 90), что уже не раз предлагалось в литературе (Литвинский 1972: 172; Ягодин 2011: 162).

В археологическом плане массагеты/саки тиграхауда соответствовали ранним сакам Присарыкамышской дельты Амударьи. Однако, вопреки встречающимся утверждениям (Ягодин 2011: 162), они уже в VIII–VII вв. до н. э. освоили также Арало-Каспийское междуморье. В пользу ранней даты обживания этой территории свидетельствует находка, являющаяся характерным признаком раннескифской культуры (Медведская 1992: 87), стремчовидных бронзовых удил возле святилища Кайнар 1 на Устюрте (Самашев и др. 2011: 24, рис. 21).

В докладе также отмечается, что проявляющаяся в последние годы тенденция поставить это тождество под сомнение основана либо на весьма спорном подходе к такому виду эпиграфических источников как царские надписи, исключая критическое отношение к последним (Немировский 2005: 221–223; Иванов 2015: 117), либо на не имеющих ничего общего с наукой попытках представить массагетов тюрками (Исмагил 2007: 109–110).

Литература

Балахванцев А. С. 2014. К вопросу о происхождении топонима Партава // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2. С. 87–91.

Иванов С. С. 2015. К вопросу об этнической идентификации древних кочевников Притяньшанья в сакский период // Зенько-Немчинова М. А., Иванов С. С. (ред.). Комплексный подход в изучении природы, общества и человека: ММНК, посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С. М. Абрамзона. Бишкек. С. 116–121.

Исмагил Р. 2007. «Саки тиграхауда» и проблема этнической атрибуции племен степной Евразии эпохи раннего железа // Бисембаев А. А. (ред.). ММНК «Кадырбаевские чтения-2007». Актобе. С. 108–112.

Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши Мира». М.

Медведская И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3. С. 86–107.

Немировский А. А. 2005. Массагеты Геродота и саки тиграхауда // Дандамаева М. М. (ред.). Эдубба вечна и постоянна: Материалы конф., посвящ. 90-летию И. М. Дьяконова. СПб. С. 217–223.

Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киязбек Г. 2011. Храм-святилище Кызылуийк. Астана.

Ягодин В. Н. 2011. Саки-тиграхауда — массагеты Арало-Каспия // Ажигали С. Е. (ред.). Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы; Актобе. С. 160–163.

HERODOTUS' MASSAGETAE AND THE SAKĀ TIGRAXAUDĀ OF THE ACHAEMENID INSCRIPTIONS: CORRELATION AND LOCALIZATION

Archil S. Balakhvantsev

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

Keywords: *Herodotus, Massagetae, Old Persian inscriptions, Sakā tigraxaudā, Orthocorybantians.*

Analysis of the information concerning the Massagetae of the 6th — 4th centuries BC, which is preserved by Greek and Latin authors, shows that the most justified is their localization north of the

Uzboy river, between the Caspian Sea and the Southern Aral Sea area. At the same time, the presence in Media of a tribe of the Orthocorybantians, whose name was a calque of the Old Persian *tigraxaudā* and meant “with pointed caps”, indicates that they could not be anyone else but part of the Sakā *tigraxaudā* who migrated to Media. It is logical to assume that the most plausible starting point for such a migration were the territories located in the western part of Central Asia, between the Caspian and the Aral seas. These circumstances make it possible to identify the Massagetae of Herodotus with the Sakā *tigraxaudā* of the Achaemenid inscriptions. It should be also noted that the tendency appearing in the recent years to put this identity in doubt is based on a very controversial approach to such a kind of epigraphic sources as the royal inscriptions, which excludes any critical attitude towards them.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА: МОГИЛЬНИК ШАХИДОН (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДВИЖНЫХ СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ)

Т. Г. Филимонова*, Н. Сайфуллоев*, Н. А. Дубова**, Р. М. Сатаев**, В. В. Куфтерин**,
Л. В. Сатаева***

* *Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан*; ** *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*; *** *Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-262-264

Ключевые слова: *Таджикистан, Бактрия, Тохаристан, подвижные скотоводы раннего средневековья, обряд захоронения, погребальный инвентарь, эквиды, палеоантропология, палеоэкология.*

Могильник Шахидон, выявленный в 2011 г., занимает лессовый холм, возвышающийся над аллювиальной долиной р. Сурхоб (38°31'45" в. д.; 69°50'10" с. ш.; в. 1420 м) (Юго-Восточный Таджикистан). В 2013–2015 гг. здесь было вскрыто 29 погребений, большая часть из которых разрушена или ограблена. Отмечается разнотипность погребальных сооружений: однокамерные катакомбные (10 могил), подбойные (13), ямные (2), двухкамерные катакомбно-ямные (2). В двух случаях тип могильной ямы определить не удалось. Не меньшим разнообразием отличаются положения скелетов: чаще всего погребенных укладывали на спину с согнутыми ногами, обращенными вверх коленями и со ступнями, упирившимися в дно могильной ямы (10 случаев). В одном случае умерший был положен на спину в вытянутом положении, еще в одном — на спину, но его голени были уложены «снаружи и вдоль» бедер так, что пятки находятся под тазом. Имеются захоронения на левом боку в скорченном положении (3). За исключением одного двойного, все захоронения — одиночные. В 21 погребении вместе с останками человека присутствовали костные остатки животных. Они представлены скелетами или «шкурами» лошадей и гибридов осла и лошади, скелетами или «шкурами» крупного и мелкого рогатого скота (далее КРС и МРС); отдельными костями МРС. Под «шкурой» понимается захоронение шкуры животного, снятой вместе с головой и дистальными отделами конечностей. Кроме того, в погребениях встречены кости землеройных животных (сурок и дикобраз). Остатки эквид выявлены в 16 погребениях (в 11 — лошадь, в 5 — гибриды).

Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел и копий, мечом, ножами, стрелами, бронзовыми зеркалами, бусами, серьгами, керамическими сосудами, монетами. Обычно в могилах присутствует поминальная пища — кости МРС и КРС. Микроскопическое изучение образцов грунта из заполнения ряда могил показало высокую

концентрацию в них кремневых образований растительного происхождения, что может свидетельствовать о том, что «шкуры», помещенные в эти погребения, были набиты травой. Другим объяснением феномена может быть использование травяной подстилки, на которую укладывали покойного.

Ритуал захоронений, резко отличный от зороастрийских традиций земледельческого населения раннесредневековой Бактрии-Тохаристана, однозначно указывает на принадлежность могильника к кругу «степных» культур. Разнотипность погребальных сооружений и положений погребенных является свидетельством включения групп, различающихся по культурным традициям в состав племен, двинувшихся на юг в конце раннего средневековья. Эти группы имели некоторые различия в обычаях, но в целом такие различия не выходили за рамки общей для них степной кочевой культуры.

Немаловажным в изучении этого могильника являются фиксируемые контакты между подвижными скотоводами и оседлыми земледельцами, что выражается в присутствии характерных гончарных керамических сосудов, а также в восприятии пришлым населением местных традиций, оставленных в наследство греками, например, ритуала снабжения покойного монетой Харона, положенной в рот (три случая).

Предварительные результаты исследования палеоантропологических материалов из Шахидона (скелетные останки 4 мужчин, 6 женщин, 2 детей и 1 плода, из которых метрические характеристики удалось получить на 1 мужском и 5 женских черепах), показывают, что серия характеризуется большими или средними диаметрами мезокранной мозговой коробки. Искусственная деформация отсутствует. Лоб среднеширокий. Лицо средневысокое, умеренно профилированное по горизонтали. Нос мезоринный, выступает слабо. Орбиты высокие абсолютно и относительно. Слабое выступание носовых костей при умеренной горизонтальной профилировке лица и высоких орбитах позволяет предположить, при общем европеоидном облике черепов, как наличие незначительной «монголоидной» примеси, так и присутствие антропологического компонента, связанного с «палеоевропеоидным» населением степей Евразии. Такое сочетание разных характеристик при их рассмотрении на индивидуальном уровне свидетельствует о «механическом смешении» нескольких компонентов.

В настоящее время могильник является единственным хорошо документированным свидетельством первичного проникновения подвижных скотоводов далеко вглубь земледельческих районов юга Средней Азии в VII–VIII вв.

**A NEW MONUMENT OF THE EARLY NOMADS IN THE SOUTH OF TAJIKISTAN:
THE SHAKHIDON BURIAL GROUND
(ON THE PROBLEM OF THE INTERACTIONS
BETWEEN MOBILE CATTLE BREEDERS AND FARMERS)**

Tatyana G. Filimonova*, **Nuretdin Sayfulloev***, **Nadezhda A. Dubova****, **Robert M. Sataev****,
Vladimir V. Kufterin**, **Liliya V. Sataeva*****

** A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; ** Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; *** Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia*

Keywords: *Tajikistan, Bactria, Toharistan, mobile cattle breeders, Early Medieval, burial rituals, funeral goods, equids, palaeoanthropology, palaeoecology.*

The Shakhidon burial ground of the 7th — 8th centuries AD, which was revealed in 2011, is said about in the paper. It is located in the valley of the Surkhob River. Among the excavated 29 graves, several types of burial structures stand out (one-chamber catacombs, podboys, pit-graves, two-chamber

catacomb-pits). In 10 cases the dead were laid on their backs with their knees bent and turned upward and with their feet resting on the floor of a grave pit; in three cases the dead were in a crouched position on the left side; in two cases the dead were laid on their backs, but their legs were placed differently. In 21 burials there were human remains along with bone remains of animals, including those of 16 equids. The animals are presented either with whole skeletons or with “skins” that were probably stuffed with grass (the skins were removed along with the heads and distal parts of the limbs). The dead could be laid on the grassy bedding. These rituals, which are sharply different from the traditions of the agricultural population of early medieval Bactria-Tokharistan, indicate that the burial ground belonged to a circle of the “steppe” cultures. The heterogeneity of the funerary structures, as well as the paleoanthropological data examined testify to a “mechanical mixing” of several components.

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЧОН-АЛАЕ

В. А. Кисель*, А. И. Торгоев**, А. Т. Жумабаев***

* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия; ** Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;

*** Независимый исследователь, Бишкек, Кыргызстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-264-265

Ключевые слова: Чон-Алай, саки, курганы, наконечники стрел, кинжал, керамика.

В 2018 г. археологическая экспедиция НАН Кыргызстана провела исследования в Чон-Алае. Особый интерес вызвали два кургана.

Курган 4 могильника Боз-Баш состоял из кольца диаметром 4,5 м, сложенного из валунов и «рваных» камней, и примыкавшей к нему квадратной каменной пристройки (1,9 м). Внутри кольца находилась овальная могильная яма (длиной около 2 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,6 м), ориентированная по оси СВ–ЮЗ. Погребение оказалось разграбленным. От покойного, лежавшего головой на ЮЗ, сохранилась только часть скелета. Возле кисти правой руки размещались четыре бронзовых трехлопастных наконечника стрел с двумя зажимными лапками.

Курган 4 могильника Кургак представлял собой полусферическую каменную постройку диаметром 2,15 м и высотой 1,7 м, окруженную кольцом диаметром около 4 м. Внутри постройки находилась овальная могильная яма — могила 1 (длина — 1,75 м, ширина — 1,2 м, глубина — 1,0 м), ориентированная по оси З–В. В заполнении были встречены перемещенные грабителями кости двух человек, клык кабарги и фрагменты станковой, покрытой красным ангобом чаши цилиндроконических очертаний без поддона и с вогнутым бортиком. Погребенные располагались один над другим, головой на З. Возле левого бедра нижнего покойного размещались три бронзовых трехлопастных наконечника стрел с тремя зажимными лапками с остатками древков и сухожильной обмотки, железный кинжал с ломаным (бабочковидным?) перекрестьем и антенным навершием и дуговидная шлифованная пластинка из камня. Снаружи к кольцу примыкала каменная выкладка, под которой находилась могильная яма — могила 2 (длина — 1,2 м, ширина — 0,5 м, глубина — 0,5 м). В могиле сохранились ключица и обломки ребра младенца, а также керамический лепной сосуд с резко отогнутым венчиком.

Сходные курганы Чон-Алая уже изучались экспедициями А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и Ю. Д. Баруздина. Исследованные объекты сопоставимы с памятниками актамского типа Ферганской долины. Постройка из могильника Кургак (курган 4) напоминает один из типов ферганских склепов — мугхона (Литвинский 1972: 179, 184–185; Заднепровский 1992: 92), восходящих к сооружениям Узбоя и Устюрта и связанных с культурами Южного Приаралья и Южного Урала (Баратов 1991; Таиров 2005: 53–54, 57).

Кинжал и наконечники стрел из погребения являются типичным набором кочевников IV–III вв. до н. э. (Алексеев 1991: 276, 279; Иванов 2007: 64–65, 69). Импортная чаша и местный сосуд не противоречат такой датировке. Однако каменная поделка, скорее всего, относится ко II–I вв. до н. э. (Давыдова 1996: табл. 6, 6; 39, 28; 73, 38). В целом курган следует датировать концом IV–III вв. до н. э.

Наконечники стрел из могильника Боз-Баш (кург. 4) указывают на VI–V вв. до н. э. (Иванов 2007: 67, 69).

Очевидно, памятники принадлежали кочевому населению Ферганской долины, периодически переселявшемуся в Чон-Алай на летние пастбища.

Литература

- Алексеев А. Ю. 1991. Этуд об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. С. 271–280.
- Баратов С. Р. 1991. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугхона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Давыдова А. В. 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.
- Заднепровский Ю. А. 1992. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 87–95 (Археология СССР).
- Иванов С. С. 2007. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. 2. С. 64–70.
- Литвинский Б. А. 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.
- Таиров А. Д. 2005. Кочевники Арало-Каспия и Хорезм в V–IV вв. до н. э. // Вестник Челябинского ГУ. Серия 10. 1 (5). С. 53–63.

WARRIORS' BURIALS OF SACAE TIMES IN CHON-ALAI

Vladimir A. Kisel^{*}, Asan I. Torgoev^{**}, Askat T. Zhumabaev^{***}

^{*} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;* ^{**} *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia;* ^{***} *Independent researcher, Bishkek, Kyrgyzstan*

Keywords: *Chon-Alai, Sacae, barrows, arrowheads, dagger, ceramics.*

In 2018, in Chon-Alai (Kyrgyzstan) two stone barrows with military equipment were investigated — no. 4 of the Boz-Bash burial ground and no. 4 of the Kurgak burial ground. The graves of both the barrows were located inside stone buildings surrounded by a stone ring. Both the burials had heavily been robbed. An iron dagger and three arrowheads were discovered in the Kurgak barrow, and only four arrowheads remained in the Boz-Bash barrow. The burial at Boz-Bash is dated to the 6th — 5th centuries BC, the burial at Kurgak — to the late 4th — 3rd centuries BC.

ON NEW IDENTIFICATION OF THE WARRIOR ON CLAPS FROM BURIAL 3 IN TILLYA TEPE

Katarzyna Maksymiuk, Patryk Skupniewicz

University of Natural Sciences and Humanities, Department of History and International Relations, Siedlce, Poland

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-265-267

Keywords: *Tillya Tepe, Central Asia, arms and armour, Alexander the Great, Enaree, Aršti.*

Among the objects excavated in 1978 at the site of Tillya Tepe (Northern Afghanistan) by the Soviet-Afghan archaeological expedition led by Victor I. Sarianidi, the twin golden clasps from

Burial 3 (Sarianidi 1985: 30–31, 236, ill. 81–84 [cat. no. 3, 1]) attract special and instant attention of any military historian or a researcher of ancient arms and armour. The central parts of two, golden, openwork rectangles, connected with two loops and hooks, are occupied by the depictions of identical armed personages in Hellenistic military garb (fig. 1). Their gear, in combination with the finds of actual military equipment, may serve as a source of reconstructing a panoply of the elite soldiers of Hellenistic Bactria or the polities following it. The position of the Tillya Tepe treasure in-between the cultures and the epochs has been sufficiently examined. The elements of Hellenistic, steppe, Parthian Iranian and even Chinese cultures are blending, both as direct imports and eclectic application of the motifs. This fascinating diffusion of the elements and the position of the character of the site in transition from Hellenism to the Kushan Empire, which might result in the motifs being caught in the process of transfer from one stylization to another, results with interpretation difficulties (Sarianidi 1980; Pugachenkova, Rempel 1991; Boardman 2003: 349; Litvinsky 2011; Francfort 2012; Olbrycht 2016). The identity of the personage on the Tillya Tepe clasps has quite rarely been studied. Scholars are usually satisfied with a generic term a «warrior». K. Abdullaev has convincingly identified the personage as Ares-Alexander; he has recognized an alleged similarity between the face of the discussed personages and the iconography of Alexander the Great (Абдуллаев 2016). Davis-Kimball has identified the personage as Enaree, the castrated priest of one of the epiphanies of Great Goddess (Davis-Kimball 2000).

Representations of enthroned and armed goddesses are quite common in the iconography related to the discussed clasps in terms of geography and time. The armed and enthroned goddess has been identified as the Iranian goddess Aršti on Kushan coins (Пугаченкова 1989: 104–105; Grenet 1987: 41–45; Shenkar 2014). The warrior depicted on the golden clasps from

Fig. 1. Golden clasps from burial 3 of the Tillya Tepe necropolis (after: Sarianidi 1985: ill. 83)

Tillya Tepe should be interpreted as a portrayal of Aršti, whose image was borrowed from the iconography of Athena, brought to Central Asia by its Greek-Macedonian overlords. The goddess is shown seated on the throne with griffin-shaped legs known already in Achaemenid times in the pose developed in the late Hellenistic period which is in line with the date of the entire site.

References

Абдуллаев К. 2016. Александр-Арес в Бактрии (К вопросу об идентификации образа воина из Тиллятепа) // ВДИ. № 3. С. 579–596.

Пугаченкова Г. А. 1989. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии // ВДИ. № 4. С. 96–105.

Boardman J. 2003. The Tillya Tepe Gold: a closer look. In: *Ancient West and East*. 2. P. 348–374.

Davis-Kimball J. 2000. Enarees and women of high status: Evidence of ritual at Tillya Tepe (Northern Afghanistan). In: Murphy E. M., Koryakov L., Yablonsky L. T. (eds.). *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Oxford. P. 223–231.

Francfort H. P. 2012. Tillya Tepe and its connections with the Eurasian Steppes // Aruz J., Valtz Fino E. (eds.). *Afghanistan: forging civilizations along the Silk Road*. New York. P. 88–101.

Grenet F. 1987. L'Athéna de Dil'berdžin // Grenet F. (ed.). *Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale préislamique*. Paris. P. 40–45.

Litvinsky B. A. 2011. ARMOR II. in *Eastern Iran, Encyclopædia Iranica*, online edition. [<http://www.iranicaonline.org/articles/armor-ii>, access 2019.02.15].

Olbrycht M. J. 2016. Archaeological Discoveries at Tillya-tepe and Parthia's Relations with Bactria. In: *Parthica*. 18. P. 9–29.

Pugachenkova G. A., Rempel L. I. 1991. Gold from Tillya-tepe // *Bulletin of the Asia Institute*. 5. P. 11–25.

Sarianidi V. I. 1980. The Treasure of Golden Hill. In: *AJA*. 84/2. P. 125–131.

Sarianidi V. I. 1985. *The golden hoard of Bactria: from the Tillya-tepe excavations in northern Afghanistan*. New York; Leningrad.

Shenkar M. 2014. *Intangible spirits and graven images: the iconography of deities in the pre-Islamic Iranian world*. Boston.

О НОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ВОИНА НА ЗАСТЕЖКАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 3 ТИЛЛЯ ТЕПЕ

К. Максимюк, П. Скупневич

Естественно-гуманитарный университет в Седльце, Факультет истории и международных отношений, Седльце, Польша

Ключевые слова: Тилля Тепе, Центральная Азия, вооружение и доспехи, Александр Великий, Энарей, Аршти.

Фигуры воина на золотых застёжках, найденных в захоронении 3 некрополя Тилля Тепе либо вообще не были идентифицированы, либо названы просто «воинами», либо истолкованы как Арес-Александр или Энарей. Однако этот персонаж должен быть интерпретирован как иранская богиня Аршти, чей образ был заимствован из иконографии Афины, появившейся в Центральной Азии вместе с греко-македонскими завоевателями. Она показана сидящей на известном уже в ахеменидское время троне с ножками в виде грифонов, в позе, получившей развитие в позднеэллинистический период.

ВНУТРИМОГИЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ МОГИЛЬНИКА ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ЧАУХУ-3 В СИНЬЦЗЯНЕ, КНР

Д. П. Шульга*, К. А. Дудукин**

* Сибирский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия; ** Международный центр ABIE, Хучжоу, КНР

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-268-269

Ключевые слова: Синьцзянь, гунно-сарматское время, внутримогильные конструкции.

Могильник Чауху-3 лежит на юго-западе ущелья Чаухугоу, на стыке каменистой пустыни Гоби и оазиса, расположенного примерно в 1 км от Чауху-1. Памятник находится на двух лесовых возвышенностях, причем первая, большая, имеет форму вытянутого овала длиной 200 и шириной 65 м, а вторая, меньшая, отстоит от первой на 65 м, имея длину 90 м и ширину — 65 м. В 1988 г. здесь было исследовано 20 могил.

На могильнике Чауху-3 обнаружено несколько каменных насыпей округлой, в одном случае прямоугольной формы, высота которых не превышает 1 м. В нескольких случаях вокруг кургана прослежено овальное каменное кольцо. Могильные ямы вырыты в лессе и, соответственно, им заполнены.

У восьми погребений сохранились внутримогильные конструкции. Речь идет о рамах из дерева в виде бревен или досок. Деревянные элементы рам иногда скреплены железными гвоздями, но в ряде случаев такой крепеж отсутствует.

Подпрямоугольный деревянный гроб (длина — 280 см, ширина — от 94 до 120 см, высота — около 85 см) зафиксирован лишь в погр. М7. Части гроба скреплены железными гвоздями.

Рамы нескольких разновидностей, имеющие сцепленные края, выявлены в семи случаях, причем у одних рам отсутствует дно, у других — перекрытия, у третьих — одна из стенок.

Характерная подпрямоугольная рама без дна (длина — 215 см, ширина — от 42 см до 60 см) встречена в погр. М3. Высота досок ее длинной стороны составляет 26 см при толщине 5 см. Высота поперечной доски возле головы умершего достигает 32 см, длина равняется 46 см. Поперечная доска у ног покойного имеет ширину 80 см и высоту 60 см. Элементы рамы соединены шипами. Для перекрытия использованы три массивные доски до 10 см толщины. Длина первой из них составляет 80 см, а ширина — 35 см. Она уложена поперек рамы, ближе к ногам усопшего. Две другие доски являются продольными, их длина достигает 156 см, а ширина — 30 см. Перекрытия дополняют две жерди, причем одна из них имеет длину 186 см и толщину — 8 см, а другая длину — 90 см и толщину — 6 см.

Подпрямоугольная рама без перекрытия найдена в погр. М8. Ее длина равняется 200 см, ширина и высота — 60 см, толщина досок — 5–8 см.

Рама без поперечных стенок (как у головы, так и у ног умершего) зафиксирована в погр. М4. Ее длина достигает 148 см, ширина — 42 см и высота — 42 см, толщина досок равняется 5 см.

Специфическая «сложенная» рама обнаружена в подбойном погр. М20. Дно ее образуют мелкие доски и бревна, на которых лежит скелет. Длина деревянной конструкции составляет 200 см, ширина — 80 см. Выход из погребальной камеры закрыт деревянной крышкой.

Рама-клеть, выполненная из жердей толщиной 10 см, выявлена в погр. М18. Она имеет длину 230 см и ширину — 102–114 см. Поверх клетки положены жерди толщиной около 5 см. Внутри ее на циновке, предположительно из бузины, лежал скелет.

Исследование гунно-сарматского проблематики Евразии является масштабной задачей ввиду обширных этно-культурных связей в тот период. Потому введение в научный оборот новых материалов по погребальному обряду этой эпохи, происходящих из сопредельных с Сибирью территорий, представляется весьма актуальным.

INTERNAL GRAVE CONSTRUCTIONS OF THE CHAUHU-3 BURIAL GROUND OF HUN-SARMATIAN TIMES IN XINJIANG, PRC

Daniil P. Shul'ga*, Konstantin A. Dudukin**

* *Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia*; ** *ABIE International Center, Huzhou, China*

Keywords: Xinjiang, Hun-Sarmatian times, internal grave constructions.

Monuments of the Hun-Sarmatian epoch in Siberia have been studied for a long time, and so materials of the same time from neighboring regions are needed to be compared for deeper research. In this regard, the Chauhu-3 burial ground on the territory of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC is significant. It is located in the southwest of the Chauhugou gorge, on two loess heights, being adjacent to the Chauhu-4 burial ground dated to the Early Scythian period. It should be noted that when internal grave constructions at Chauhu-3 were made, wooden elements were actively used: this particularity was not always characteristic for the inhabitants of arid Xinjiang. The bringing into scientific circulation of data concerning the funeral rites of the Chauhu-3 burial ground will provide additional information to study the Hunno-Sarmatian epoch of Eurasia on the one hand, and the Silk Road zone on the other. The present paper draws attention to such an important component of the archaeological culture as the internal grave construction.

ЗАКРЫТЫЙ САКРАЛЬНЫЙ ГУННСКИЙ КОМПЛЕКС МЕЧЕТНОЕ-2 НА ДОНБАССЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)

К. И. Красильников

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск, Украина

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-269-271

Ключевые слова: хунну/гунны, Донецкий кряж, котел, технология, форма, орнаментальность, местонахождение фрагментов, архитектурная конструкция, сакральность стойбища-зимника.

Движение хунну/гуннов в западном направлении прослежено по характерным для них котлам (Боковенко, Засецкая 1993; Засецкая 1994: рис. 24). География мест находений последних в системе сакрального комплекса пополнилась находкой на территории Донецкого кряжа (Донбасс, урочище Мечетное-2, бассейн р. Большая Каменка).

Частично реставрированное поле котла (рис. 1, 1) указывает на форму, размеры и орнаментацию изделия. Его диаметр составляет 27 см, высота — 35 см. Котел имеет П-образную ручку. Верхняя часть тулова изделия, его венчик и ручка оформлены короткими валиками. На тулове исполнены удлиненные, парно-параллельные валики, опущенные к его дну. Вероятно, они выполняли функцию ребер жесткости (Засецкая 1982: 55, 69; Менхен-Хельфен 2014: 153). Вместе с тем эта ребристость напоминает швы кузнечно-горновой сварки деталей котла. В изготовлении таких изделий гунны вряд ли освоили цельнолитые технологии (Демиденко 2014).

Верхняя часть котла орнаментирована «висячей» бахромой разной длины (от 1,4 до 3 см), нижние края которой дооформлены каплевидной зернью. «Бахромчатость» исполнена висящими прямо и наклонно под углом 40–45° «кометовидными» композициями (рис. 1, 1). По комплексу признаков котел из урочище Мечетное-2 соответствует аксубаевскому котлу из Республики Татарстан (Фахрутдинов 1999) (рис. 1, 2).

Известно, что котлы выполнены из сплавов, в которых доминируют оксиды меди (от 70 до 95 %). Значительно меньше в таких сплавах содержится олова и свинца (Менхен-Хельфен 2014: 153). Однако известны сплавы, которые на 99 % состоят из меди.

Медь, употребленная для изготовления рассматриваемого котла, могла быть местной. В Донецком крае выявлены местонахождения поверхностных и глубинных медепроявлений (Татаринов 2006).

Особого внимания заслуживает место обнаружения фрагментов рассматриваемого котла. Сообщается о том, что гуннские котлы нередко находят в пойменных зонах небольших рек, ручьев, закрытых водоемов — озер, даже в болотных топях, словом, они «привязаны» к воде и водоемам (Менхен-Хельфен 2014: 151–154). Найденные фрагменты на берегу ручья-реки Мечетная соответствуют изложенным выше ситуациям.

Урочище Мечетное-2 представляет собой пространство, на котором сосуществуют травообильная степь в пойме и лесистость над поймой реки. Это пространство окружено всхолмлениями края. В целом можно говорить о благоприятных условиях стойбища-«зимника». В весенний период, перед тем как покинуть зимние стойбища и переместиться на летние кочевья, кочевники, видимо, исполняли обряды, суть которых заключалась в «оставлении инвентаря» в местах, куда они намеревались вернуться на зимовку (Менхен-Хельфен 2014: 157–158). Фрагменты котла из урочище Мечетное-2 тому подтверждение.

Заслуживает внимания «умерщвление» котла, фрагменты которого находились на глубине 0,5 м, в 3–5 м от овальной архитектурной конструкции (5 × 9 м). Высота ее стен

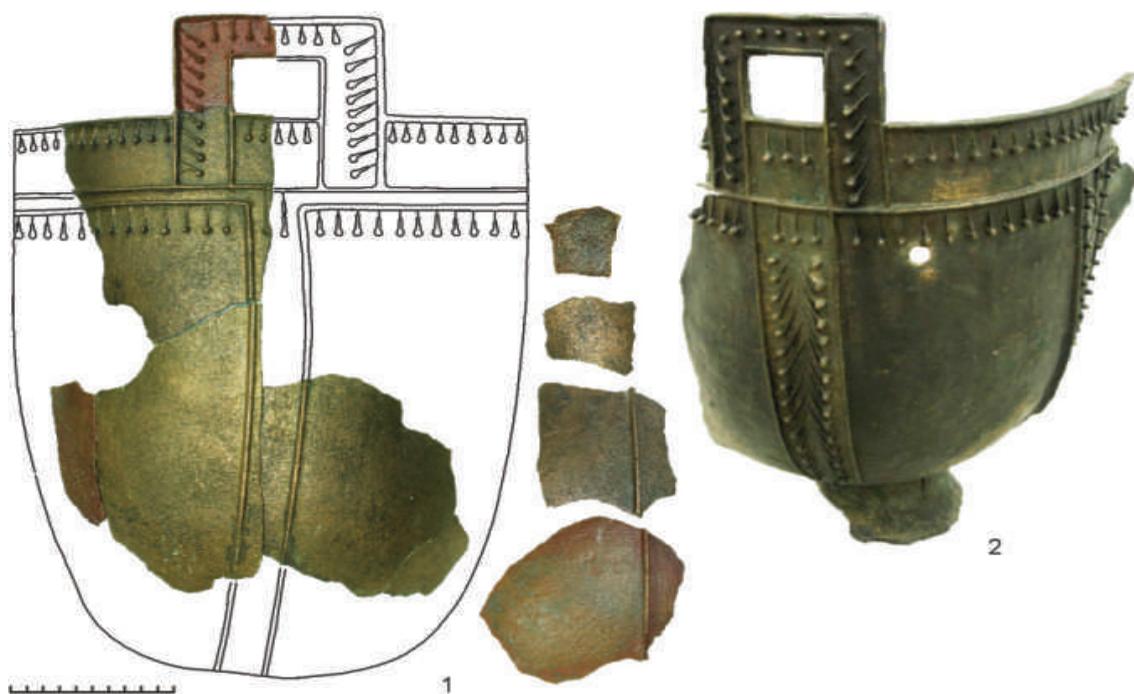

Рис. 1. 1 — котел из урочища Мечетное-2; 2 — аксубаевский котел (по: Фахрутдинов 1999)

достигает 0,5 м. Ширина конструкции колеблется от 0,8 до 1,5 м. Сооружение выполнено из 4–6 ярусов плит песчаника, уложенных с наклоном к центру стены.

У одной из стен расчищен тандыр, здесь же находилась вымостка из массивных плит. В золистом горизонте почвы встречаются обломки амфор, красноглиняных и сероглиняных лощеных кувшинов, что дополнительно указывает на сакральность комплекса. Однако окончательная интерпретация последнего, как и вопросы его хронологии, видимо, будут определены после расчистки упомянутой конструкции и примыкающего к ней пространства.

Исходя из форм имеющихся котлов и их орнаментации (Засецкая 1978: рис. 23, 24), полагаем, что рассматриваемый нами экземпляр является поздним гуннским изделием, аналогии которому прослеживаем на Среднем Урале и Верхнем Поволжье.

Свидетельством перемещения гуннов из Среднего Поволжья в степи Восточной Европы служит идентичность признаков аксубаевского котла из Республики Татарстан и аналогичного ему из урочища Мечетное-2 в Донецком кряже (рис. 1).

Литература

Боковенко Н. А., Засецкая И. П. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. № 3. С. 73–88.

Демиденко С. В. 2014. О позднесарматских бронзовых литых котлах // РА. № 1. С. 26–31.

Засецкая И. П. 1978. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. № 1. С. 54–69.

Засецкая И. П. 1982. Погребение у села Кызыл-Адыр Оренбургской области: К вопросу о гунно-хуннских связях // Микляев А. М. (ред.). Древние памятники культуры на территории СССР. Л. С. 54–77.

Засецкая И. П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.

Менхен-Хельфен О. 2014. История и культура гуннов / Пер. Л. А. Игоревского. СПб.

Татаринов С. И. 2006. Новые медные рудники // Бровендер Ю. М. (ред.). Проблеми гірничої археології. Матеріали III-го Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ. С. 37–40.

Фахрутдинов Р. Г. 1999. Очерки истории Высокогорного района Республики Татарстан. Казань.

A CLOSED SACRAL HUN COMPLEX OF THE MECHETNOE-2 IN THE DONBASS (A PRELIMINARY SURVEY)

Konstantin I. Krasilnikov

Lugansk Taras Shevchenko National University, Lugansk, Ukraine

Keywords: *Xiongnu/Huns, Donets Ridge, cauldron, technology, form, ornamentality, location of fragments, architectural design, sacredness of a winter camp.*

The fact of the presence of the Huns in the geographical space of the Donetsk Ridge is justified by finds of fragments of their cauldron of architectural construction, which had possibly a sacred purpose, as well as by fragments of imported ceramics of late antique and early medieval times, a tandoor and other artifacts that came from a horizon of the first terrace of the Mechetny stream in an ecological space favouring the systematic nature of a “winter camp”.

ШЕЛКОВЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА № 51 ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)¹

А. А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-272-275

Ключевые слова: Центральный Алтай, хуннское (сюннское) время, головной убор, шелк, комплексный анализ.

Головные уборы являются важными показателями культуры любого кочевого народа. Благодаря разным обстоятельствам серия таких вещей обнаружена в памятниках пазырыкской культуры Алтая скифо-сакского времени, что позволило исследователям сделать необходимые реконструкции и рассмотреть роль головного убора как в жизни отдельного человека, так и социумов разного уровня (см., например: Полосьмак 2001: 143–163). Находки головных уборов хунну (сюнну) пока немногочисленны, и они отличаются от пазырыкских изделий.

При раскопках памятника Яломан-II в Центральном Алтае исследована группа погребений, которые датируются II в. до н. э. — I в. н. э. и имеют свои специфические черты (Тишкин, Горбунов 2003). Одной из них является наличие многочисленных блях-нашивок на головных уборах. К сожалению, только в кург. № 51 сохранилась ткань от такой вещи (рис. 1). Но данный случай позволяет, опираясь на детальную фиксацию, предложить варианты реконструкции самого головного убора, а также восстановить комбинацию расположения на нем украшений. Важным обстоятельством стало комплексное изучение сохранившейся ткани. Оказалось, что изделие было сшито из шелкового полотна высокого качества. Прежде чем дать краткую характеристику сделанного заключения, необходимо в общем виде представить сам археологический объект и перечислить другие имеющиеся находки.

Курган № 51 немного выделялся размерами надмогильного сооружения на фоне малозаметного комплекса погребений западной группы памятника. Подробное описание результатов его раскопок уже опубликовано (Тишкин 2005; Tishkin 2011). Поэтому стоит упомянуть лишь основные характеристики. Каменно-земляная насыпь кургана имела диаметр 4,5 м и высоту 0,25 м. По ее периметру лежали крупные камни, которые, однако, не составляли хорошо оформленную кольцевую выкладку. В могильной яме последовательно зафиксированы захоронение лошади и каменный ящик с погребением человека. Прямоугольная погребальная камера имела длину 1,8 м, ширину 1 м, высоту около 0,5 м. В нее положили умершую женщину в возрасте 20–25 лет (рис. 1, 1, 2). Благодаря плотно подогнанной конструкции ящика сохранились отдельные вещи из органических материалов. Справа от погребенной стояли деревянное блюдо с мясной пищей, деревянная кружка, медный котел и каменная курильница (рис. 1, 2). На черепе находились бляхи-нашивки и часть головного убора из ткани (рис. 1, 2–4), а рядом — серьги из золота и скопление бус (рис. 1, 2). Местами отмечены тлен и фрагменты одежды. Там же зафиксированы отдельные бляхи-нашивки, аналогичные тем, что располагались *in situ* на головном уборе (рис. 1, 3–4). Органические остатки составляли несколько слоев, что свидетельствует о существовании нижней и верхней плечевой одежды. Сохранился кожаный пояс с бронзовой ажурной пряжкой в виде ящерицы, кусающей себя за хвост. Слева и справа у пояса умершей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

молодой женщины обнаружены железные кольца и зажим (скорее всего, от дополнительного приспособления). У пояса найдены медный колокольчик, фрагмент бронзового китайского зеркала, скопление каменных и стеклянных бусин. Металлические вещи, по всей видимости, лежали в расшитой сумочке (Тишкин 2005).

Часть головного убора сохранилась относительно хорошо (рис. 1, 4). Обнаруженная вещь представляла собой изделие в виде капора или чепчика (рис. 1, 6; реконструкция и

Рис. 1. Яломан-II, курган № 51: 1–2 — погребение в каменном ящике; 3 — бляхи-нашивки из цветного металла; 4 — фрагмент шелкового головного убора; 5 — фрагмент ткани; 6 — возможная реконструкция шапочки

рисунок А. Л. Кунгурова). Шапочка была украшена бляхами-нашивками. Она имела завязки, закреплявшие изделие на голове. Зафиксированные остатки позволили отнести шапочку к категории нижних головных уборов, которые были распространены у древнего кочевого населения Центральной Азии. Данный факт предполагает существование верхних головных уборов, вид которых мог быть разным: меховая или войлочная шапка, капюшон, шаль, платок, башлык и другое.

Исследование сохранившегося фрагмента ткани от шапочки было проведено в Отделе археологического наследия Института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва) ст. науч. сотрудником О. В. Орфинской. Все полученные результаты готовятся к публикации. Можно отметить лишь, что для изготовления нижнего головного убора использовалось двухцветное шелковое полотно, которое с большой долей вероятности можно отнести к группе китайских тканей цзинь, производившихся в небольшом объеме и часто использовавшихся для украшения и отделки одежды (Лубо-Лесниченко 1994: 130). Для создания ткани применялся специальный ткацкий станок с подножками. Рисунок же на ней создавали ручным способом. Горизонтальные и вертикальные полосы выделялись не только своим переплетением, но и цветом. Учитывая указанные факты и высокую плотность, более 100 нитей основы на 1 см (рис. 1, 5; фото выполнено О. В. Орфинской), можно сделать заключение, что нижний головной убор из кург. № 51 был сшит из дорогой и престижной китайской шелковой ткани с узором. Полученные результаты дают возможность отразить роль данной части одежды в системе жизнеобеспечения группы населения, проживавшей на Алтае в хуннское (сюннское) время, а также провести сравнительный анализ с материалами других кочевых культур Центральной Азии периода поздней древности.

Литература

Лубо-Лесниченко Е. И. 1994. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.

Полосьмак Н. В. 2001. Всадники Укока. Новосибирск.

Тишкин А. А. 2005. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Тишкин А. А. (отв. ред.) Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул. С. 195–201.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. 2003. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Новосибирск. С. 488–493.

Tishkin A. A. 2011. Characteristic burials of the xiongnu period at Ialoman-II in the Altai. In: Bemmann J. (ed.). Xiongnu archaeology. Vol. 5. Bonn. P. 539–558.

A SILK HEADDRESS OF THE XIONGNU PERIOD FROM THE BARROW NO. 51 OF THE YALOMAN-II SITE (CENTRAL ALTAI)

Aleksei A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

Keywords: *Central Altai, Xiongnu period, headdress, silk, complex analysis.*

During the excavations at the Yaloman-II site in Central Altai, under the direction of the author, the barrows dating back to the 2nd century BC — 1st century AD were investigated. One of their features is

the presence among the things put into them of numerous plaques for sewing on headdresses. But only in the barrow no. 51 a fabric piece from a cap has been preserved. This find made it possible, relying on detailed fixation, to suggest options for reconstructing the cap, as well as to restore a combination of the location of plaques on it. An important result is a comprehensive study of the uncovered fabric, which was carried out at the D. S. Likhachev Institute of Natural and Cultural Heritage (Moscow) by O. V. Orfinskaya. It has been established that for the manufacture of the cap in question a two-colour silk fabric of high quality from China was used. The information obtained makes it possible to reflect a role of the considered article of clothing in the life-support system of the population group living in the Altai in Xiongnu times, as well as to conduct a comparative analysis with materials of other Central Asian nomadic cultures of Late Antiquity.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AJA — American Journal of Archaeology. Boston; New York.
- GIS — Geographic Information System
- QI — Quaternary International.
- RAS — Russian Academy of Sciences
- ŠKZ — Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'bai-i Zardušt (ŠKZ). Bd. I–II. London, 1999 (Corpus Inscriptionum Iranicarum Pt. III: Pahlavi Inscriptions. Vol. 1: Royal Inscriptions, with Their Parthian and Greek Versions. Texts. I).
- AB — Археологические вести. СПб.
- АН — Академия наук
- АН АзССР — Академия наук Азербайджанской Советской Социалистической Республики.
- АПО — Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- БМАК — Бактрийско-маргианский археологический комплекс
- ВАС — Всероссийский археологический съезд
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВХНРЦ — Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И. Э. Грабаря. М.
- ГК — главная компонента
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГИС — геоинформационная система
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- ГосНИИР — Государственный научно-исследовательский институт реставрации. М.
- ГУ — государственный университет
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского (Российского) археологического общества. СПб.
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИА — Институт археологии РАН. М.
- ИАН — Известия Академии наук
- ИВР — Институт восточных рукописей РАН. СПб.
- ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИИЯЛ УФИЦ — Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
- ИК — инфракрасный
- ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН. М.
- ККАЭЭ — Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция. М.
- КНР — Китайская Народная республика
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МарАЭ — Маргианская археологическая экспедиция
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
Самарканд
- МК — министерство культуры
- ММНК — Материалы Международной научной конференции
- МНК — Международная научная конференция
- МПАЭ — Материалы Пенджикентской экспедиции. СПб.
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
- НА — научный архив
- НАН — Национальная академия наук
- НИИ — научно-исследовательский институт
- НОА — научно-отраслевой архив
- НЦ — научный центр
- РА — Российская археология. М.
- РАН — Российская академия наук
- РЖВХ — ранний железный век Хорезма
- РНФ — Российский научный фонд. М.
- РО — рукописный отдел
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований. М.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
- САЭ ИА РАН — Среднеазиатская археологическая экспедиция ИА РАН.
- СГСПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет
- СНИГУ — Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТАЭ — Тохаристанская археологическая экспедиция. Ташкент.
- ИИ АН РУз — Институт искусствознания АН Республики Узбекистан. Ташкент.
- ТД — тезисы докладов
- ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция. М.; Л.
- ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент
- Тр. — Труды
- УрО — Уральское отделение
- ФИАМ — филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана
- ФНИ ГАН — фундаментальные научные исследования государственных академий наук
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
Ашхабад; Л./СПб.
- UNESCO
(ЮНЕСКО) — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
(Организация Объединённых Наций по вопросам образования,
науки и культуры)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I

Проблемы хронологии и культурогенеза древних земледельческих обществ Евразии (неолит — ранний железный век)

<i>Л. Б. Кирчо</i> . В. М. Массон и ленинградская/санкт-петербургская школа изучения древностей Центральной Азии	7
<i>Н. В. Козырева</i> . Южная Месопотамия в период ранней урбанизации (3500–1500 гг. до н. э.)	10
<i>Ю. Е. Берёзкин</i> . Древний Южный Туркменистан в свете современного эволюционизма	12
<i>В. А. Алёкин</i> . О некоторых терминах, используемых в археологии южных областей Центральной Азии (неолит — ранний железный век)	14
<i>Л. Б. Кирчо</i> . Древние земледельцы Средней Азии: система расселения и структура домостроения в конце VII–III тыс. до н. э. (экологические и социально-экономические факторы)	16
<i>О. Лоллекова</i> . Особенности хозяйства развитого этапа джейтунской культуры	19
<i>И. Хайт</i> . Хронология и архитектура неолитических и раннеэнеолитических обществ Центральной Азии в свете новых данных из многослойного поселения Монджуклы-депе (Туркменистан)	20
<i>Д. М. Шульга, Н. Н. Скакун, Т. М. Бостанова</i> . Техничко-типологический анализ нуклеусов гиссарской культуры (по материалам неолитической стоянки Гуликандоз, Таджикистан)	23
<i>Aydogdy Kurbanov, Nikolaus Boroffka</i> . Multi-layer prehistoric site in south Turkmenistan — Dashly Depe	26
<i>Н. Ф. Соловьёва, Е. К. Блохин</i> . Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана	28
<i>А. К. Каспаров</i> . «Святылище» Илгынлы-депе. Рацион питания и хозяйство привилегированных обитателей поселения по остеологическим данным	30
<i>Anaick Samzun</i> . Chalcolithic ceramic and artefacts from the site of Mehrgarh (Period 3), Pakistan. Characteristics and comparisons with some sites from Southern Turkmenia	32
<i>В. А. Алёкин</i> . Дата запусения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана	32

<i>Б. Огют.</i> От Джейтуна до Анау: традиции и инновации в каменных орудиях. Новые данные из Монджуклы-депе, Туркменистан	35
<i>Р. Я. Шарифов.</i> Изучение древней истории Афганистана в трудах В. М. Массона	38
<i>Р. М. Сатаев, Н. А. Дубова, М. А. Мамедов.</i> Внутренняя хронология и периодизация Гонур-депе	40
<i>Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин.</i> Внутригрупповая вариация краниологических параметров серии Гонур-депе (Туркменистан, эпоха бронзы) и ее зависимость от социально-культурных характеристик	42
<i>А. И. Нечвалода.</i> Веддоидно-австралоидный антропологический компонент в структуре краниосерии эпохи бронзы Гонур-депе: краниология и антропологическая реконструкция	46
<i>С. П. Грушин, Н. А. Дубова, В. О. Сайберт.</i> Новые печати на Гонур-депе (Южный Туркменистан)	48
<i>Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин, Р. М. Сатаев, В. Г. Турик.</i> Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм	51
<i>Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, В. А. Агаханова.</i> К вопросу о камнеобработке в Древней Маргиане (по материалам Гонур-депе, Южный Туркменистан)	53
<i>В. А. Агаханова, А. М. Юминов, Я. К. Теркишева.</i> Минералы и горные породы, из которых изготовлены крупные каменные изделия Маргианы эпохи бронзы, и возможные места их добычи	55
<i>Gian Luca Vonora.</i> Lock-shaped stone hand-bags (pierre ansées) from Central and Middle Asia: typology, distribution and new findings	57
<i>А. В. Фрибус, Н. А. Дубова, М. Ы. Беглиев.</i> Первая находка полихромной росписи на Гонур-депе (Туркменистан)	59
<i>Л. В. Сатаева.</i> Культура земледелия в древнем Гонурском оазисе	61
<i>David M. P. Meier, Ali A. Vahdati.</i> Evidence for the interaction sphere of the Great Khorasan civilization during the Bronze Age in northern and eastern Iran	63
<i>Roberto Arciero.</i> Irrigating the desert: approaches to paleochannel reconstruction in the Murghab (Turkmenistan) during the Bronze Age	64
<i>Mehdi Mortazavi.</i> The fourth season of excavation at Tepe Dasht: problems and solutions	66
<i>Г. Р. Каримова.</i> Этнокультурные процессы — феномен Саразма	67
<i>С. Г. Бобомуллов, Н. М. Виноградова, Дж. Ломбардо.</i> Исследования могильника Фархор — памятника эпохи раннего и начала среднего бронзового века на юге Таджикистана	69
<i>Э. А. Мурадова.</i> К вопросу о хронологии культуры архаического Дахистана	73
<i>Marcin Wagner.</i> Yaz culture in the Serakhs Oasis in Turkmenistan	75
<i>Sorayya Elikaidhno, Katayoun Pelasaeidi, Mohammadamin Emami.</i> Ancient metalworking in Southern Kuhdasht County in Loristan: a study of smelting slag from Kharrehsee in the Iron Age	77

<i>Barbara Cerasetti</i> . Redefine the idea of ВМАС through the last innovative data of the Late Bronze Age Margiana	79
<i>Г. Э. Вересоцкая, А. Я. Мазина</i> . Исследование техники мозаичного декора конца III тыс. до н. э. из «царских» гробниц Гонур-депе	80
<i>А. А. Тишкин, Н. А. Дубова, Н. Н. Серёгин</i> . Рентгенофлюоресцентный анализ металлических зеркал из археологического комплекса Гонур-депе (Туркменистан)	83
<i>Ф. А. Раззоков</i> . Металлические «стержни» и их назначение (по данным археологических памятников Центральной Азии IV–II тыс. до н. э.)	86
<i>Я. В. Рафикова</i> . Парные неодновременные погребения Южного Урала и Средней Азии: сравнительная характеристика	88
<i>К. Пеласаеиди</i> . Культурные связи Ирана с сопредельными странами на примере терракотовых антропоморфных статуэток Гиляна в раннем железном веке (I тыс. до н. э.)	91
<i>М. Х. Исамиддинов</i> . Различия и сходства материальной культуры историко-культурных областей Средней Азии в эпоху раннего железного века	94
<i>Johanna Lhuillier, Shapulat Shajdullaev, Julio Bendezu Sarmiento, Odiljon Khamidov, Julie Bessenay</i> . New insights on the Early Iron Age in Bactria: the Kayrit Oasis	96
<i>Т. И. Ахундов</i> . Неолит Южного Кавказа	97
<i>Х. И. Алмамедов</i> . Формирование нового социально-культурного пространства — раннеземледельческой культуры Карабаха на Южном Кавказе в эпоху неолита	100
<i>Р. Б. Аразова</i> . Аликемектепе — памятник южнокавказской группы раннеземледельческой культуры Азербайджана	102
<i>В. Б. Бахшалиев</i> . Связи энеолитической культуры Нахичевани с ближневосточными странами	105
<i>Т. С. Гашимова</i> . Связи культуры среднего бронзового века Нахичевани с ближневосточными странами	108
<i>В. А. Трифионов</i> . Погребальные сооружения майкопской культуры в контексте связей Кавказа и Передней Азии в IV тыс. до н. э.	110
<i>Diana S. Gergova</i> . Sintians/Sindoi and their possible archaeological identification	112
<i>А. Ю. Скаков, М. Т. Кашуба</i> . Некоторые проблемы и перспективы археологического изучения Восточного Причерноморья эпохи раннего железа	113
<i>М. Ш. Путуридзе, Н. Р. Ахвледиани</i> . Междисциплинарное изучение памятников Колхиды II тыс. до н. э.: лингвистическо-археологический анализ	115
<i>Е. Г. Старкова</i> . К проблеме локально-хронологического деления развитого Триполья VII и CI	117
<i>Д. А. Кириченко, В. П. Гасанов</i> . Искусственно деформированный череп эпохи позднего неолита с территории Азербайджана	119
<i>Ф. К. Кулиева</i> . Связи гончарных изделий среднего энеолита Нахичевани с ближневосточными регионами	121
<i>И. Е. Пантюхина, Ю. Е. Вострецов</i> . Новые перспективы изучения эволюции земледелия и собирательства в Восточной Азии в свете метода анализа древнего крахмала	123

СЕКЦИЯ II

**Культура городов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока
в античности и раннем средневековье**

<i>Mariusz Mielczarek. Poles in the archaeology of Central Asia. History and present day</i>	127
<i>В. А. Гаибов, А. Б. Никитин. О раннем этапе распространения буддизма за пределы Индии</i>	128
<i>В. П. Никоноров. Македонская кавсия на индо-иранском пограничье</i>	130
<i>В. А. Дмитриев. К вопросу об изменении политического статуса Истахра во II в. до н. э.</i>	136
<i>А. В. Омельченко, Д. К. Мирзаахмедов. Бухарский оазис в эпоху античности (по материалам раскопок городища Пайкенд)</i>	138
<i>С. Б. Болелов. Культуры древних земледельцев на территории Южного Приаралья (модели формирования)</i>	141
<i>С. Р. Баратов. К проблеме истоков и хронологии урбанизированной культуры Хорезмского оазиса</i>	143
<i>Kristina Junker. Globalized pottery in Bactria? Was the local pottery production in Bactria highly influenced by Greek ceramics during the Hellenistic period?</i>	145
<i>Е. О. Стоянов. Александр Македонский, Стасанор Солийский и бактрийская геронтоктония: проблема историчности сюжета</i>	148
<i>Т. О. Двуреченская. Древнебактрийские фляги</i>	150
<i>О. В. Бельш. О новых открытиях на северной границе Бактрии</i>	151
<i>Н. Д. Двуреченская. Фортификация крепости Узундара</i>	153
<i>В. А. Завьялов. Бактрия-Тохаристан в кушано-сасанидский период (вторая половина III — конец IV вв. н. э.)</i>	156
<i>Р. Г. Мурадов. Эволюция градостроительной структуры Мерва в парфянский период</i>	158
<i>Marek J. Olbrycht. The Aparnoi in the Arsacid history</i>	161
<i>А. Н. Подушкин. Государство Кангюй в свете новых археологических, палеолингвистических и нумизматических данных</i>	165
<i>А. В. Донец, А. Н. Подушкин, Б. А. Раев. Городище Ушбастобе — новый центр железоплавильного производства в Южном Казахстане</i>	168
<i>А. А. Михеева. Погребальный обряд христиан в Центральной Азии домонгольского времени</i>	171
<i>А. А. Ержигитова, А. И. Торгоев. Хронология Борижарского могильника</i>	174
<i>Д. Абдуллоев. Погребальный обряд оседло-земледельческого населения Мавераннахра (VII — начало VIII в.)</i>	175
<i>St. John Simpson. Sasanian food and fibre industries at Merv</i>	178
<i>Najme Mahdi. Iconographical Developments and Distribution of the Iranian Deities in Central Asia during Arsacid and Sasanian eras</i>	180
<i>М. А. Мамедов. К вопросу о датировке Большой Кыз-калы в Мерве</i>	181

<i>В. А. Паришито</i> Новые данные о политических процессах конца кушано-сасанидского периода в Бактрии	183
<i>Л. М. Ведутова.</i> Новый буддийский храм на городище Ак-Бешим	186
<i>В. А. Кольченко.</i> Архитектурный тип Объекта IV городища Ак-Бешим: часовня с двором или зальная церковь?	188
<i>С. А. Ярыгин.</i> Знаки на кувшинах рубежа эр из Северного Казахстана	190
<i>Ш. Ф. Курбанов, П. Б. Лурье.</i> Новые данные по топографии раннесредневекового Пенджикента	193
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Кана и Сумхурам — два древних порта Южной Аравии	194
<i>А. В. Громов, А. А. Казарницкий.</i> Деформация головы в средневековом Согде как популяционный маркер	196
<i>Н. В. Семёнов.</i> Исследования цитадели Древнего Пенджикента: 2013–2018 гг.	197
<i>Ф. Ш. Аминов.</i> Домонгольский Пенджикент по археологическим данным	199
<i>Л. О. Смирнова.</i> Объект «Панчманор» на городище Калаи Кухна (Карон) в Дарвазе	201
<i>Adam Lech Kubik.</i> Decoratively cut narrow ridges of one type of Sasanian helmets as a marker of contacts between Iran, Central Asia and Eastern Europe	203

СЕКЦИЯ III

Искусство древнего населения Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока от неолита до раннего средневековья

<i>И. В. Палагута.</i> К проблеме методологии исследования памятников доисторического искусства	207
<i>Д. Г. Савинов.</i> «Дыхание восточных цивилизаций» в изобразительных памятниках окуневской культуры	209
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов.</i> Образ быка в искусстве эпохи бронзы Центральной Азии	212
<i>К. И. Ташибаева.</i> К проблеме датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии	213
<i>Э. В. Ртвеладзе, В. Р. Цилицкая.</i> Модель пальмирской стелы из собрания Государственного музея истории Узбекистана	215
<i>В. И. Распопова.</i> Атрибуты царской власти в согдийской живописи V–VIII вв.	218
<i>О. Н. Беляевская, Е. Л. Малачевская, А. А. Ясеновская.</i> Исследование фрагментов росписей древнего Эребуни из коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина	219
<i>А. В. Варёнов.</i> Хтонические хищники оленных камней Монголии и их китайские соответствия	221
<i>Д. П. Шульга.</i> Петроглифическая композиция из Западного Китая как источник для изучения древних поселений Евразии	223
<i>А. В. Евлевский.</i> Истоки тюркских средневековых скульптур-бюстов: уйгуро-кимакская версия и «кыпчакский стереотип»	225

- А. В. Савёлова, Е. М. Волкова, А. А. Мамонова.* Исследование некоторых материалов и технологии изготовления одежды из кожи и меха (Катандинский халат IV–III вв. до н. э.) 227
- К. Ш. Табалдиев, Т. К. Абдиев.* О предметах искусства и памятниках письменной традиции в средневековых городах Кыргызстана 228
- А. В. Лысенко, В. И. Мордвинцева.* Культурная принадлежность адептов горного святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) по результатам анализа вотивов — металлических украшений костюма 230

СЕКЦИЯ IV

Скотоводы евразийских степей, их контакты с населением земледельческих оазисов в бронзовом и железном веках

- Elise Luneau, Nona A. Avanesova.* Preliminary results of new archaeological surveys in the Nuratau Mountains, Uzbekistan 235
- Ю. Г. Кутимов, Э. Люно.* Признаки культурного взаимодействия в археологических материалах эпохи бронзы Таджикистана 237
- И. А. Аржанцева, Г. Х. Херке, А. Тажекеев.* Работы по проекту «Nomad state formation and urbanization: The early medieval town of Dzhanakent (Aral Sea region, Kazakhstan)» 239
- И. В. Бруяко, Е. П. Секерская.* Из онтологии евразийского номадизма — рождение смысла 241
- В. Я. Стеганцева.* Реповидные сосуды манычской катакомбной культуры как свидетельство связей с земледельческими культурами 243
- Ю. А. Черниенко.* По поводу некоторых оценок демографической ситуации и жизненных укладов населения сабакинской культуры 244
- С. К. Сакенов.* Реконструкция гончарной мастерской по материалам поселения Шагала II 247
- В. В. Варфоломеев.* Городские и культурно-хозяйственные центры Казахстана второй половины II тыс. до н. э. 249
- А. А. Файзуллин, Н. Л. Моргунова.* Ямная культура скотоводов Волго-Уральских степей: социологический аспект 251
- Е. В. Вдовченко.* Антропоморфные фаллические амулеты как свидетельство культурных контактов между номадами и оседлым населением IV–VII вв. н. э. 254
- Н. И. Шишлина, О. В. Орфинская, Н. Ю. Петрова, О. В. Кузнецова.* Шерстяные ткани бронзового века Южной Сибири 257
- С. В. Панкова, Е. В. Степанова, Л. С. Гавриленко.* Ворсовые ткани из пазырыкских курганов: особенности технологии и проблема происхождения 259
- А. С. Балахванцев.* Массажеты Геродота и саки тиграхауда ахеменидских надписей: соотношение и локализация 260
- Т. Г. Филимонова, Н. Сайфуллоев, Н. А. Дубова, Р. М. Сатаев, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева.* Новый памятник ранних кочевников на юге Таджикистана: могильник Шахидон (к проблеме взаимодействия подвижных скотоводов и земледельцев) 262

<i>В. А. Кисель, А. И. Торгоев, А. Т. Жумабаев.</i> Воинские погребения сакского времени в Чон-Алае	264
<i>Katarzyna Maksymiuk, Patryk Skupniewicz.</i> On new identification of the warrior on claps from burial 3 in Tillya Tere	265
<i>Д. П. Шульга, К. А. Дудукин.</i> Внутримогильные конструкции могильника гунно-сарматского времени Чауху-3 в Синьцзяне, КНР	268
<i>К. И. Красильников.</i> Закрытый сакральный гуннский комплекс Мечетное-2 на Донбассе (предварительный обзор)	269
<i>А. А. Тишкин.</i> Шелковый головной убор хуннуского времени из кургана № 51 памятника Яломан-II (Центральный Алтай)	272
Список сокращений	276

CONTENTS

SECTION I

Problems of chronology and cultural genesis of ancient sedentary societies of Eurasia (from the Neolithic period through the Early Iron Age)

<i>Lyubov' B. Kircho</i> . Vadim M. Masson and the Leningrad/St. Petersburg school of the study of Central Asian antiquities	7
<i>Nelli V. Kozyreva</i> . Southern Mesopotamia within the period of early urbanization (3500–1500 BC)	10
<i>Yurii E. Beryozkin</i> . Ancient Southern Turkmenistan in the light of modern evolutionism	12
<i>Vadim A. Alyokshin</i> . On certain terms used in the archaeology of the Central Asian southern regions (Neolithic — Early Iron Age)	14
<i>Lyubov' B. Kircho</i> . Ancient farmers of Central Asia: the settlement system and the structure of house building in the late 7 th –3 rd millennia BC (environmental and socio-economic factors)	16
<i>Ogulsona Lollekova</i> . Features of the developed stage economy of the Jeytun culture	19
<i>Ilia Heit</i> . The chronology and architecture of the Neolithic and Early Aeneolithic societies of Central Asia in the light of the multi-layer settlement of Monjukli Depe (Turkmenistan)	20
<i>Dmitrii M. Shulga, Natalia N. Skakun, Takhmina M. Bostanova</i> . Technical and typological analysis of the cores of the Gissar culture (based on the materials of the Neolithic site Gulikandoz, Tajikistan)	23
<i>Aydogdy Kurbanov, Nikolaus Boroffka</i> . Multi-layer prehistoric site in south Turkmenistan — Dashly Depe	26
<i>Natalia F. Solov'eva, Egor K. Blochin</i> . Fire in the life of the early farmers of Southern Turkmenistan	28
<i>Aleksei K. Kasparov</i> . The “sanctuary” of Ilgynly Depe. The diet and economy of privileged inhabitants of the settlement	30
<i>Anaïck Samzun</i> . Chalcolithic ceramic and artefacts from the site of Mehrgarh (Period 3), Pakistan. Characteristics and comparisons with some sites from Southern Turkmenia	32
<i>Vadim A. Alyokshin</i> . A date of desolation of the ancient agricultural center Altyn Depe in Southeastern Turkmenistan	32
<i>Birgül Ögüt</i> . From Jeytun to Anau: traditions and innovations in ground stones. New data from Monjukli Depe, Turkmenistan	35

<i>Rakhmonali Y. Sharifov</i> . The study of the ancient history of Afghanistan in the works by Vadim M. Masson	38
<i>Robert M. Sataev, Nadezhda A. Dubova, Muhamed A. Mamedov</i> . The internal chronology and periodization of Gonur Depe	40
<i>Nadezhda A. Dubova, Vladimir V. Kufterin</i> . Intra-group variation of craniological parameters of a Gonur Depe series (Turkmenistan, the Bronze Age) and its dependence on socio-cultural characteristics	42
<i>Aleksei I. Nechvaloda</i> . Weddoid-australoid anthropological component in the structure of the cranioseries of the Bronze Age from Gonur Depe: craniology and anthropological reconstruction	46
<i>Sergey P. Grushin, Nadezhda A. Dubova, Violetta O. Saibert</i> . New seals from Gonur Depe (South Turkmenistan)	48
<i>Nadezhda A. Dubova, Alexey V. Fribus, Sergey P. Grushin, Robert M. Sataev, Viktor G. Turik</i> . Large stone items from Margiana (Turkmenistan, Bronze Age): location and diversity of forms	51
<i>Natalia N. Skakun, Vera V. Terekhina, Vitaliya A. Agakhanova</i> . On the stone processing in ancient Margiana (based on the data from Gonur Depe, Southern Turkmenistan)	53
<i>Vitaliya A. Agakhanova, Anatoliy M. Yuminov, Yazgul K. Terkischeva</i> . Minerals and rocks from which large stone items were made in the Bronze Age Margiana and possible places of their mining	55
<i>Gian Luca Bonora</i> . Lock-shaped stone hand-bags (pierre ansées) from Central and Middle Asia: typology, distribution and new findings	57
<i>Alexei V. Fribus, Nadezhda A. Dubova, Muhametnazar Y. Begliev</i> . A first find of the polychromic painting at Gonur Depe (Turkmenistan)	59
<i>Liliya V. Sataeva</i> . Agriculture in the ancient Gonur oasis	61
<i>David M. P. Meier, Ali A. Vahdati</i> . Evidence for the interaction sphere of the Great Khorasan civilization during the Bronze Age in northern and eastern Iran	63
<i>Roberto Arciero</i> . Irrigating the desert: approaches to paleochannel reconstruction in the Murghab (Turkmenistan) during the Bronze Age	64
<i>Mehdi Mortazavi</i> . The fourth season of excavation at Tepe Dasht: problems and solutions	66
<i>Galina R. Karimova</i> . Ethnocultural processes — the phenomenon of Sarazm	67
<i>Saidmurod G. Bobomulloev, Natalia M. Vinogradova, Giovanni Lombardo</i> . Research of the Farkhor burial ground — a site of the Early and Early Middle Bronze Age in the South of Tajikistan	69
<i>Ejigyl' A. Muradova</i> . On the chronology of the culture of archaic Dahistan	73
<i>Marcin Wagner</i> . Yaz culture in the Serakhs Oasis in Turkmenistan	75
<i>Sorayya Elikaidelno, Katayoun Pelasaeidi, Mohammadamin Emami</i> . Ancient metalworking in Southern Kuhdasht County in Loristan: a study of smelting slag from Kharrehsee in the Iron Age	77
<i>Barbara Cerasetti</i> . Redefine the idea of BMAC through the last innovative data of the Late Bronze Age Margiana	79

<i>Galina E. Veresotskaya, Anna Ya. Mazina.</i> Research of the mosaic decoration technique of the late 3 rd millennium BC from the royal tombs of Gonur Depe	80
<i>Alexei A. Tishkin, Nadezhda A. Dubova, Nikolai N. Seryogin.</i> The X-ray fluorescence analysis of metal mirrors from the archaeological complex of Gonur Depe (Turkmenistan)	83
<i>Farhod A. Razzoqov.</i> Metal “rods” and their purpose (according to data from archaeological sites of Central Asia of the 4 th –2 nd millennia BC)	86
<i>Yanina V. Rafikova.</i> Paired non-simultaneous burials of the Southern Urals and Central Asia: comparative characteristics.	88
<i>Katayoun Pelasaeidi.</i> Cultural relations of Iran with neighboring countries by the example of terracotta anthropomorphic figurines of Gilan in the Early Iron Age (1 st millennium BC)	91
<i>Muhammad Kh. Isamiddinov.</i> Differences and similarities of the material culture of the historical and cultural regions of Central Asia in the Early Iron Age	94
<i>Johanna Lhuillier, Shapulat Shajdullaev, Julio Bendezu Sarmiento, Odiljon Khamidov, Julie Bessenay.</i> New insights on the Early Iron Age in Bactria: the Kayrit Oasis	96
<i>Tufan I. Akhundov.</i> The Neolithic of the Southern Caucasus	97
<i>Khagani I. Almamnadov.</i> The formation of a new socio-cultural area — the early agricultural culture of Karabakh of the Neolithic age in the Southern Caucasus	100
<i>Roza B. Arazova.</i> Alikemektepe — a site of the Southern Caucasian group of the early agricultural culture of Azerbaijan	102
<i>Veli B. Bakhshaliyev.</i> Relations of the Eneolithic culture of Nakhichevan with the Near Eastern lands	105
<i>Turan S. Hashimova.</i> Relations of the Middle Bronze Age culture of Nakhichevan with the Near Eastern lands	108
<i>Viktor A. Trifonov.</i> Burial structures of the Maikop culture in the context of the relations of the Caucasus and Western Asia in the 4 th millennium BC	110
<i>Diana S. Gergova.</i> Sintians/Sindoi and their possible archaeological identification	112
<i>Aleksandr Yu. Skakov, Maiya T. Kaubyba.</i> Some problems and prospects of the archaeological study of the Eastern Black Sea coast of the Early Iron Age	113
<i>Marina Puturidze, Nargiz Akhvlediani.</i> Interdisciplinary study of the Colchis monuments of the 2 nd millennium BC: linguistic-archaeological analysis	115
<i>Elena G. Starkova.</i> On the problems of local variants and relative chronology of the developed Tripolye BII and CI stages	117
<i>Dmitrii A. Kirichenko, Vusal P. Hasanov.</i> An artificially deformed skull of the Late Neolithic period from Azerbaijan	119
<i>Fizze K. Kulieva.</i> Relations middle chalcolithic age pottery of Nakhichevan with the Middle Eastern countries	121
<i>Irina E. Pantyukhina, Yuri E. Vostretsov.</i> New prospects for studying the evolution of agriculture and gathering in East Asia in the light of ancient starch analysis	123

SECTION II

The urban culture of Central Asia, the Near and Middle East in Antiquity and the Early Middle Ages

<i>Mariusz Mielczarek</i> . Poles in the archaeology of Central Asia. History and present day	127
<i>Vasif A. Gaibov, Aleksandr B. Nikitin</i> . On the Early Stage of the Spread of Buddhism beyond India	128
<i>Valerii P. Nikonorov</i> . The Macedonian <i>καυσία</i> in the Indo-Iranian borderlands	130
<i>Vladimir A. Dmitriev</i> . On the Issue of Change in the Political Status of Istahr in the 2 nd Century BC	136
<i>Andrei V. Omelchenko, Djamal K. Mirzaakhmedov</i> . Bukhara oasis in the antique period (from the excavations of the Paykand city-site)	138
<i>Sergei B. Bolelov</i> . The cultures of ancient farmers in the territory of the Southern Aral Sea area (models of the formation)	141
<i>Sergei R. Baratov</i> . On the problem of the origins and chronology of the urbanized culture of the Chorasmian oasis	143
<i>Kristina Junker</i> . Globalized pottery in Bactria? Was the local pottery production in Bactria highly influenced by Greek ceramics during the Hellenistic period?	145
<i>Evgeny O. Stoyanov</i> . Alexander the Great, Stasanor the Solian and the Bactrian gerontoktonia: the Problem of Historicity	148
<i>Taisiya O. Dvurechenskaya</i> . Ancient Bactrian flasks	150
<i>Oleg V. Bel'sh</i> . On the new discoveries on the northern border of Bactria	151
<i>Nigora D. Dvurechenskaya</i> . Fortifications of the fortress at Uzundara	153
<i>Vladimir A. Zav'yalov</i> . Bactria-Tokharistan in the Kushan-Sasanian period (second half of the 3 rd — late 4 th centuries AD)	156
<i>Ruslan G. Muradov</i> . The evolution of the city building structure of Merv in the Parthian period	158
<i>Marek J. Olbrycht</i> . The Aparnoi in the Arsacid history	161
<i>Alexander N. Podushkin</i> . The Kangyuy state in the light of new archaeological, paleolinguistic and numismatic data.	165
<i>Andrey V. Donets, Aleksandr N. Podushkin, Boris A. Raev</i> . The Ushbastobe settlement — a new center of iron-smelting production in Southern Kazakhstan	168
<i>Anna A. Mikheeva</i> . The funerary rites of the Christians of Central Asia in pre-Mongol times	171
<i>Aisulu A. Erjigitova, Asan I. Torgoev</i> . Chronology of the Borizhar burial ground	174
<i>Davron Abdulloev</i> . Funerary rites of the settled agricultural people of Transoxiana in the 7 th — early 8 th centuries	175
<i>St.-John Simpson</i> . Sasanian food and fibre industries at Merv	178
<i>Najme Mahdi</i> . Iconographical Developments and Distribution of the Iranian Deities in Central Asia during Arsacid and Sasanian eras	180
<i>Muhammed Mamedov</i> . On the dating of Big Kyz-kala in Merv	181

<i>Vikentii A. Parshuto</i> . New data about the political process of the late Kushano-Sasanian period in Bactria	183
<i>Lyubov' M. Vedutova</i> . A new Buddhist temple on the site of ancient settlement of Ak-Beshim	186
<i>Valerii A. Kol'chenko</i> . An architectural type of the object IV at the urban settlement of Ak-Beshim: a chapel with a courtyard or a hall church?	188
<i>Sergey A. Yarygin</i> . Signs on jars of the turn of the eras from Northern Kazakhstan	190
<i>Sharof F. Kurbanov, Pavel B. Lurje</i> . New data on topography of early medieval Panjakent	193
<i>Yuriy A. Vinogradov</i> . Two ancient ports of South Arabia (Kana and Sumhuram)	194
<i>Andrey V. Gromov, Alexey A. Kazarnitsky</i> . Types of artificial cranial deformations and biological affinities of the medieval Sogdian population	196
<i>Nikita V. Semenov</i> . The investigations of the citadel of ancient Panjikent in 2013–2018	197
<i>Firuz S. Aminov</i> . Pre-Mongol Penjikent in the light of archaeological data	199
<i>Larisa O. Smirnova</i> . The Structure of “Panjmanor” at Kala-i Kukhna (Karon) in Darwaz	201
<i>Adam Lech Kubik</i> . Decoratively cut narrow ridges of one type of Sasanian helmets as a marker of contacts between Iran, Central Asia and Eastern Europe	203

SECTION III

The art of ancient population of Central Asia, the Near and Middle East (from the Neolithic period through the Early Middle Ages)

<i>Il'ya V. Palaguta</i> . On the problem of the methodology of researching works of prehistoric art	207
<i>Dmitrii G. Savinov</i> . “A breath of the Eastern civilizations” in the monuments of art of the Okunev culture	209
<i>Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov</i> . The image of the bull in the art of the Bronze Age of Central Asia	212
<i>Kadicha I. Tashbaeva</i> . On the problem of dating the bi-triangular style in the rock art of Central Asia	213
<i>Edward V. Rtveldze, Violetta R. Tsilitsskaya</i> . A Palmyrene stele model from the collection of the State Museum of the History of Uzbekistan	215
<i>Valentina I. Raspopova</i> . Attributes of royal power in Sogdian painting of the 5 th –8 th centuries	218
<i>Olga N. Belyaevskaya, Elena L. Malachevskaya, Anastasia A. Yasenovskaya</i> . The investigation of ancient Erebuni mural painting fragments from the collection the Pushkin State Museum of Fine Arts	219
<i>Andrei V. Varenov</i> . Chthonic predators of Mongolian stag stones and their Chinese counterparts	221
<i>Daniil P. Shul'ga</i> . A petroglyphic composition from Western China as a source for studying the ancient settlements of Eurasia	223
<i>Alexander V. Yevglevsky</i> . The sources of Turkic medieval bust sculptures: the Uyguuro-Kimek version and the “Kipchak stereotype”	225

<i>Anastasia V. Savelova, Evgenia M. Volkova, Anna A. Mamonova.</i> The study of some materials and manufacturing technology of leather and fur clothes (the Katanda robe, 4 th –3 rd centuries BC)	227
<i>Kubatbek Sh. Tabaldiev, Taalaibek K. Abdiev.</i> On works of art and monuments of written tradition in the medieval cities of Kyrgyzstan	228
<i>Aleksandr V. Lysenko, Valentina I. Mordvintseva.</i> Cultural identity of the adepts of the mountain sanctuary Eklizi-Burun (South Crimea) accordingly to the analysis of votives — metal jewellery	230
SECTION IV	
The cattle-breeders of the Eurasian steppes, their contacts with the population of agricultural oases in the Bronze and Iron Ages	
<i>Elise Luneau, Nona A. Avanesova.</i> Preliminary results of new archaeological surveys in the Nuratau Mountains, Uzbekistan	235
<i>Yuri G. Kutimov, Elise Luneau.</i> Markers of cultural interaction in archaeological materials of the Bronze age of Tajikistan	237
<i>Irina A. Arzhantseva, Heinrich Heinz Haerke, Azilkhan Tazhekeev.</i> Project “Nomad state formation and urbanization: The early medieval town of Dzhankent (Aral Sea region, Kazakhstan)”	239
<i>Igor V. Bruyako, Elena P. Sekerskaya.</i> From the ontology of Eurasian nomadism — the birth of meaning	241
<i>Veronika Ya. Stegantseva.</i> The napiform vessels of the Manych catacomb culture as the evidence of relations with agricultural cultures	243
<i>Yuri A. Chernienko.</i> Apropos some assessments of the demographic situation and lifestyles of the population of the Sabatynovka culture	244
<i>Sergazy K. Sakenov.</i> A pottery workshop reconstruction based on the materials from the Shagalaly II settlement	247
<i>Viktor V. Varfolomeyev.</i> Urban and cultural-economic centers of Kazakhstan in the second half of the 2 nd millennium BC	249
<i>Ajrat A. Fayzullin, Nina L. Morgunova.</i> The pit-grave culture of cattle breeders of the Volga-Ural steppes: a sociological aspect	251
<i>Evgenii V. Vdovchenkov.</i> Anthropomorphic phallic amulets as evidence of cultural contacts between the nomads and the settled population in the 4 th –7 th centuries AD	254
<i>Natalia I. Shishlina, Olga V. Orfinskaya, Natalia Yu. Petrova, Olga V. Kuznetsova.</i> Woolen textiles of the Bronze Age of Southern Siberia	257
<i>Svetlana V. Pankova, Elena V. Stepanova, Ludmila S. Gavrilenko.</i> Pile textiles from the Pazyryk barrows: technology features and a problem of the origin	259
<i>Archil S. Balakhvantsev.</i> Herodotus’ Massagetae and the Sakā tigraxaudā of the Achaemenid inscriptions: correlation and localization	260

<i>Tatyana G. Filimonova, Nuretdin Sayfulloev, Nadezhda A. Dubova, Robert M. Sataev, Vladimir V. Kufterin, Liliya V. Sataeva. A new monument of the early nomads in the south of Tajikistan: the Shakhidon burial ground (on the problem of the interactions between mobile cattle breeders and farmers)</i>	262
<i>Vladimir A. Kisel', Asan I. Torgoev, Askat T. Zhumabaev. Warriors' burials of Sacae times in Chon-Alai</i>	264
<i>Katarzyna Maksymiuk, Patryk Skupniewicz. On new identification of the warrior on claps from burial 3 in Tillya Tepe</i>	265
<i>Daniil P. Shul'ga, Konstantin A. Dudukin. Internal grave constructions of the Chauhu-3 burial ground of Hun-Sarmatian times in Xinjiang, PRC</i>	268
<i>Konstantin I. Krasilnikov. A closed sacral Hun complex of the Mechetnoe-2 in the Donbass (A preliminary survey)</i>	269
<i>Aleksei A. Tishkin A silk headdress of the Xiongnu period from the barrow no. 51 of the Yaloman-II site (Central Altai)</i>	272
List of abbreviations	276

Научное издание

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции):**

*Материалы Международной конференции,
18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург*

**Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного
пространства (новые данные и концепции).**

*К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона*

Верстка Е. В. Новгородских
Дизайн обложки И. Н. Лицук

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 15.10.2019. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,8. Тираж 300 экз. Заказ 621.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в типографии ООО «Невская Типография».
197198, город Санкт-Петербург, Ропшинская улица,
дом 1/32, литер А, помещение 4Н, офис 9
тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru